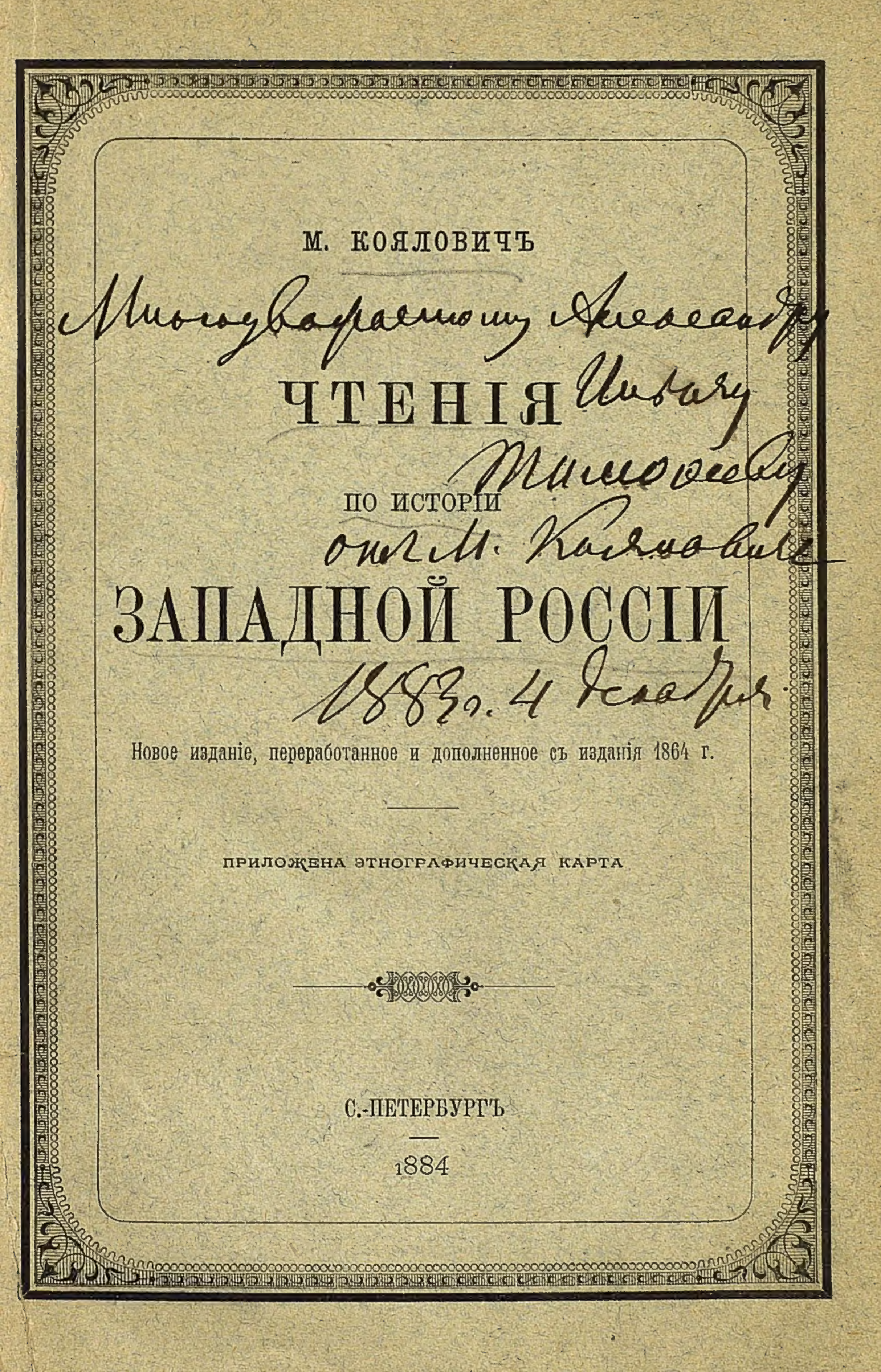

ДБ
20
К76
автограф
вкл. карта!

М. КОЯЛОВИЧЪ

Многоуважаемому Александру Ивановичу Тимофееву от М. Кояловича

ЧТЕНІЯ

ПО ИСТОРІИ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ

1883 г. 4 декабря

Новое изданіе, переработанное и дополненное съ изданія 1864 г.

ПРИЛОЖЕНА ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1884

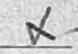
ЧТЕНІЯ

ПО ИСТОРІИ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ

ПРОФЕССОРА

М. КОЯЛОВИЧА

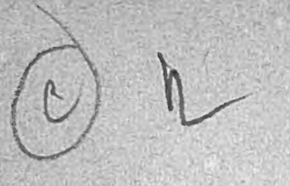
Новое изданіе, переработанное и дополненное съ изданія 1864 г.

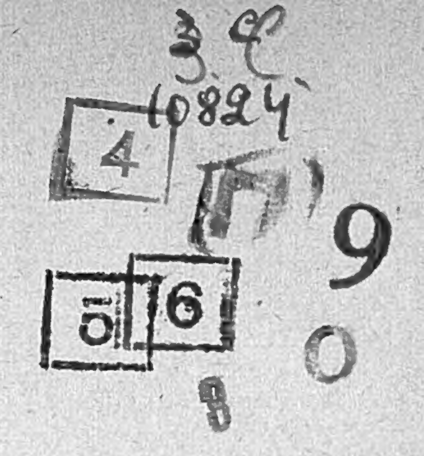
ПРИЛОЖЕНА ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1884

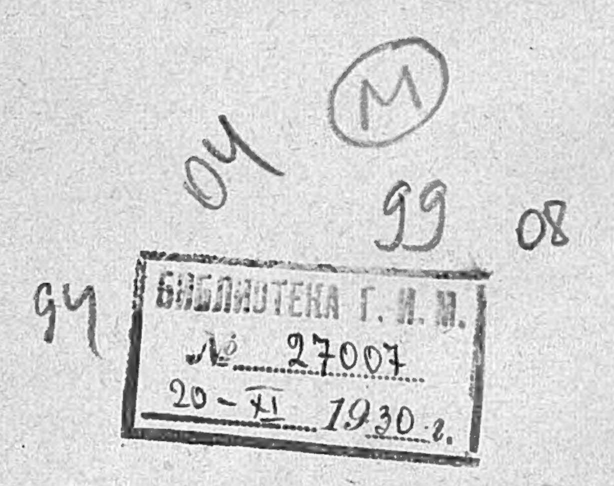

ОТЪ СОВѢТА С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ ПЕЧАТАТЬ позволяется 7 октября 1883 года.

И. Д. РЕКТОРА АКАДЕМІИ ОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОРЪ

Е. Ловягинъ.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемыя вниманію читателей чтенія по исторіи западной Россіи были изданы въ 1864 г. подъ заглавіемъ: Лекціи по исторіи западной Россіи. Я читалъ эти лекціи въ томъ же 1864 г. въ Петербургѣ, въ небольшомъ обществѣ лицъ высшаго круга, пожелавшихъ ознакомиться съ исторіей этой страны, въ которой тогда усмирялась польская смута и которая вызывала къ себѣ всеобщее русское вниманіе.

Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось и въ наукѣ и въ западно-русской жизни. Открыто и издано не мало новыхъ письменныхъ памятниковъ, въ чемъ и я принималъ участіе. Появилось не мало новыхъ научныхъ трудовъ, въ числѣ которыхъ тоже есть нѣкоторые мои труды и всегда особенно мнѣ дорогіе труды нѣкоторыхъ моихъ бывшихъ студентовъ. Я исправилъ и дополнилъ, насколько могъ при множествѣ другихъ занятій, мои лекціи перваго изданія по новымъ памятникамъ и согласно новымъ изслѣдованіямъ, какія признавалъ вѣрными. Нѣкоторыя

лекцій я почти вновь написалъ, особенно касающіяся XVIII столѣтія, такъ какъ самъ не мало работалъ надъ новыми памятниками этого времени.

Нѣкоторыя, болѣе важныя и болѣе доступныя изъ сочиненій, въ которыхъ подробно раскрываются тѣ или другіе предметы, кратко изложенные въ моихъ чтеніяхъ, я указываю въ началѣ каждаго изъ этихъ чтеній, кромѣ перваго, составляющаго введеніе въ исторію западной Россіи.

Въ теченіе двадцати лѣтъ, прошедшихъ со времени перваго изданія этихъ чтеній, много пронеслось также разныхъ новыхъ воззрѣній на дѣла западной Россіи, и много разныхъ направленій выразилось въ дѣятельности и русскихъ, и польскихъ, и нѣмецкихъ, и жидовскихъ людей той страны. Я не нашелъ возможнымъ принимать что либо важное изъ этихъ новыхъ наслоеній въ пониманіи западной Россіи, и всѣ существенные мои взгляды оставилъ, какъ они были въ первомъ изданіи этого моего труда. Я даже осмѣливаюсь думать, что освѣженіе этихъ взглядовъ въ сознаніи русскихъ людей, особенно западно-русскихъ, не излишне теперь. Скажу больше. Какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь, настоитъ вопіющая нужда знать западную Россію по-русски, понимать по-русски (что, какъ увидимъ, ближе всѣхъ другихъ воззрѣній къ истинѣ) и вводить въ это знаніе и пониманіе милліоны новыхъ нашихъ гражданъ западной Россіи, простыхъ малороссовъ, бѣлоруссовъ и литвиновъ, болѣе и болѣе вступающихъ

послѣ освобожденія крестьянъ въ область знаній и стремленій образованныхъ людей.

Все это, вѣроятно, и было причиною того, что давно уже, а особенно въ послѣднее время, я сталъ получать изъ западной Россіи настойчивыя приглашенія переиздать эти мои лекціи или чтенія.

Исполняю теперь это желаніе и прежде всего мой долгъ по отношенію къ западной Россіи, въ которой я родился и выросъ вблизи русскаго ея народа и въ которой у меня съ ранняго отрочества закладывались главнѣйшія основы всей послѣдующей моей дѣятельности.

Если въ этихъ чтеніяхъ русскіе люди вообще, а въ особенности молодые русскіе и литовскіе люди западной Россіи, выросшіе послѣ перваго изданія этого труда, найдутъ такія вещи, на которыя откликнется ихъ родное чувство, то это будетъ для меня однимъ изъ лучшихъ утѣшеній въ быстро приближающейся старости съ обычными ея спутниками—упадкомъ силъ и недугами.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

стр.	строка.	Напечатано.	Нужно.
23	10 сверху:	къ исторіи	въ исторіи
33	3 снизу:	Тамъ объединяется малороссійская рѣчь	Тамъ объединяется малороссійская и бѣлорусская рѣчь
49	10 снизу:	заслопена	заслонена
98	9 сверху:	правильпѣе	правильнѣе
244	4 снизу:	оставолось	оставалось
330	14 снизу:	1826	1829
336	14 снизу:	обезземенныхъ	обезземеленныхъ

ЧТЕНІЕ I.

Что нужно разумѣть подъ западной Россіей? Съ какой точки зрѣнія можно правильнѣе оцѣнивать прошедшее и настоящее западной Россіи? Связи западной Россіи съ восточной и общіе труды въ строеніи русскаго государства. Польское вліяніе на историческую жизнь западной Россіи и печальныя послѣдствія этого вліянія. Польское шляхетство. Сравненіе восточно-русской жизни и польской. Уясненіе задачъ нашихъ чтеній. Замѣчанія о литературѣ, объясняющей исторію западной Россіи,—литература польская, русская вообще, мѣстная западно-русская. Болѣе точное опредѣленіе задачъ этихъ чтеній.

Подъ именемъ западной Россіи нужно разумѣть Бѣлоруссію, западную Малороссію, или такъ называемую Украйну, и Литву въ собственномъ смыслѣ т. е. страну, населенную литовскимъ народомъ, словомъ, подъ именемъ западной Россіи нужно разумѣть всю ту страну, которая лежитъ на западъ отъ Днѣпра и юго-западъ отъ областей верхней Двины до границъ Пруссіи, далѣе Польши или такъ называемыхъ привислянскихъ губерній, и наконецъ до границъ австрійскаго государства. Если же имѣть въ виду, какою западная Россія была прежде и гдѣ еще живетъ такой же народъ, какъ въ Бѣлоруссіи или въ Украйнѣ или въ Литвѣ, то нужно

будетъ раздвинуть указанныя выше границы этой страны и на востокъ за Днѣпръ, гдѣ живетъ не мало бѣлоруссовъ и особенно малороссовъ, и на западъ въ предѣлы Пруссіи, гдѣ живетъ часть литвиновъ; далѣе нужно ихъ раздвинуть въ предѣлы Польши, почти до Вислы, гдѣ живутъ на сѣверѣ часть литвиновъ, въ серединѣ часть бѣлоруссовъ и на югѣ часть малороссовъ; наконецъ нужно передвинуть эти границы за восточную Галицію къ краковской области и за Угорье Венгріи, гдѣ живутъ тоже малороссы.

Всѣ эти области и всѣ эти племена, за исключеніемъ угорскихъ русскихъ, жившихъ съ древнихъ временъ особою жизнію, и за исключеніемъ большей части малороссовъ на восточной сторонѣ Днѣпра, составляющихъ позднѣйшія поселенія, всѣ эти области и племена съ незапамятныхъ временъ находились въ близкихъ взаимныхъ сношеніяхъ и раздѣляли одну, общую имъ историческую участь. Они вмѣстѣ (включая даже значительную часть Литвы) находились подъ властью русскихъ князей рода св. Владиміра, великаго князя кіевскаго, и жили общею русскою жизнію. Всѣ они потомъ, за немногими исключеніями, перешли подъ власть литовскихъ князей и тоже жили русскою жизнію, имѣли даже одинъ языкъ государственный и литературный, такъ называемый западно-русскій, на которомъ написано очень много грамотъ и книгъ, въ томъ числѣ и всѣ старые законы бывшаго литовскаго княжества. Вмѣстѣ всѣ эти области и племена подпали затѣмъ подъ власть Польши и одинаково пострадали отъ этой власти, — потеряли почти всѣ свои родные княжескіе и дворянскіе роды, сдѣлавшіеся поляками, потеряли большую часть

своихъ родныхъ горожанъ, то ополячившихся, то подавленныхъ жидами, пришедшими въ западную Россію вмѣстѣ съ поляками, и потерпѣли много другихъ золъ, которыя увидимъ послѣ. Наконецъ, всѣ эти области и племена, за исключеніемъ прусскихъ литвиновъ и австрійскихъ малороссовъ, возвратились подъ власть Россіи и при содѣйствіи ея людей вмѣстѣ возстановляютъ свои подорванныя силы и вознаграждаютъ понесенныя потери.

Называя всю эту страну западной Россіей, мы, очевидно, смотримъ на нее съ серединной части русскаго государства, населенной цѣльнымъ, плотнымъ русскимъ народомъ; а если оттуда смотрѣть на западъ, то даже въ простомъ, географическомъ смыслѣ, т. е. по положенію этихъ странъ, можно безъ большой погрѣшности назвать западной Россіей не только Бѣлоруссію, но и Украйну и Литву.

Смотрѣть оттуда на западную Россію, изъ средоточія русскаго государства, при оцѣнкѣ ея прошедшаго и настоящаго положенія, болѣе важно, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго разу.

Если отправляться въ западную Россію изъ русскаго средоточія, то прійдется неизбѣжно и самымъ нагляднымъ образомъ убѣдиться, что западная Россія несомнѣнно русская страна и связана съ восточною Россіей неразрывными узами, именно, прійдется чаще всего самымъ нечувствительнымъ образомъ переходить отъ великоруссовъ къ бѣлоруссамъ или малороссамъ; часто даже не легко будетъ замѣтить, что уже кончилось великорусское населеніе и началось бѣлорусское или малорусское, и во всякомъ случаѣ прійдется признать,

что все это—одинъ русскій народъ отъ дальняго востока внутри Россіи до отдаленнаго запада въ предѣлахъ Польши и Австріи. Даже переходя отъ бѣлоруссовъ къ литвинамъ прійдется увидѣть, что и эти два племени тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою и смѣшаны на большомъ пространствѣ даже по языку. Не говоримъ уже о родствѣ и близости между бѣлоруссами и малороссами.

Съ серединной частью Россіи, населенной цѣльнымъ русскимъ народомъ, дѣйствительно связываютъ сильныя и живыя связи и Украйну, и Бѣлоруссію, а за ними туда притягивается съ незапамятныхъ временъ и Литва. Туда ихъ неодолимо тянутъ и русская вѣра громаднаго большинства населенія западной Россіи, и русскій языкъ еще болѣе громаднаго числа ихъ, и русская торговля, болѣе насущная для всей этой страны, чѣмъ торговля ея съ западными сосѣдями.

Историческая народная тяга западной Россіи къ восточной сказывалась въ многочисленныхъ случаяхъ даже тогда, когда эта западная Россія находилась подъ чужою властью,—литовской, польской, и шла, повидимому, въ совершенно противоположную сторону. Участвовали западно-русскіе люди въ общерусскомъ государственномъ строеніи и въ первыя, самыя ужасныя времена общерусскаго бѣдствія,—татарскаго ига, поднимая вмѣстѣ съ другими упавшій духъ народа, и при началѣ московскаго единодержавія, находясь въ дружинѣ и совѣтѣ князей Іоанна Калиты и Симеона Гордаго. Подвизались они наряду съ другими русскими и въ труднѣйшія времена московской государственности, какъ напримѣръ, въ борьбѣ съ татарами, на поляхъ

куликовскихъ, или при первомъ движеніи русскихъ въ южное гнѣздо татаръ—Крымъ, при Іоаннѣ Грозномъ. Окружали они вмѣстѣ съ другими русскими престолъ Іоанна III на верху могущества стараго московскаго государства. Работали они много вмѣстѣ съ другими русскими и въ просвѣтительномъ движеніи Россіи при Алексѣѣ Михайловичѣ, Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, царевнѣ Софіи и при Петрѣ I, даже болѣе благотворно, чѣмъ чужіе, пришлые люди-нѣмцы. Нѣкоторые изъ западно-русскихъ и литовскихъ людей, трудившихся на пользу всей Россіи, оставили послѣ себя неувядаемую славу. Таковы: доблестный защитникъ Пскова, литовскій князь Довмонтъ съ многочисленной дружиной его; великіе русскіе святители—южноруссы: митрополитъ Кириллъ II, митрополитъ Петръ и по происхожденію митрополитъ Алексій — этотъ величайшій ратоборецъ за единство всей Руси, и восточной, и западной; знаменитый сподвижникъ Димитрія Донскаго въ Мамаевомъ побоищѣ, воевода Боброкъ-Волынецъ, а также литовскіе князья Димитрій и Андрей Ольгердовичи; даровитый и мужественный защитникъ Москвы въ Тахтамышево нашествіе литовскій князь Остей; скромный, но ученѣйшій труженникъ науки Епифаній Славинецкій—этотъ вѣрный хранитель лучшихъ началъ школьнаго ученія и завѣтовъ церкви среди страстей Никонова времени; святитель Димитрій ростовскій, Иннокентій иркутскій и многіе другіе, которыхъ отчасти увидимъ послѣ.

Можно сказать со всею справедливостію, что въ строеніи русскаго государства, русскаго языка и русской литературы трудились всѣ русскіе, и съ востока, и съ за-

пада. Отъ того это строеніе и вышло такимъ большимъ и такимъ крѣпкимъ.

Эту-то народную западно-русскую историческую жизнь, тѣсно связанную съ восточно-русскою жизнью, мы и будемъ изучать въ этихъ чтеніяхъ, именно: будемъ показывать, какова дѣйствительно была эта жизнь, какіе она дѣлала успѣхи въ своемъ развитіи и какія встрѣчала препятствія и несла потери на своемъ историческомъ пути.

Въ числѣ невзгодъ ея самымъ важнымъ было то несчастіе ея, что она еще до татарскаго нашествія, а особенно со времени этого бѣдствія, была отрываема отъ восточной Россіи, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше подпадала вліянію и власти чужихъ людей, особенно поляковъ, народа, хотя и родственнаго намъ русскимъ, но съ древнѣйшихъ временъ увлеченнаго бурнымъ потокомъ западно-европейской жизни, который и полякамъ надѣлалъ много зла,—портилъ ихъ для общей славянской жизни, тѣснилъ съ запада, съ ихъ родной земли на востокъ, на чужую, русскую и литовскую землю, — и черезъ поляковъ вносилъ и въ западную Россію великія бѣдствія,—возмущеніе мира совѣсти и вѣроисповѣдныя смуты, народную порчу, какъ мы уже показывали, всего верхняго и городскаго сословій и, наконецъ, страшное порабощеніе простого русскаго и литовскаго народа въ крѣпостномъ состояніи, которое отсюда распространилось даже на восточную Россію, хотя гораздо позже и въ несравненно болѣе мягкомъ видѣ, и отъ котораго уже въ наши времена освободилъ и восточную, и западную Россію, и самую Польшу русскій Царь-Освободитель и мученикъ Александръ II, совершивъ при этомъ

величайшее, нигдѣ въ мірѣ небывалое дѣло—освобожденіе крестьянъ съ землею.

Нѣтъ спора, что завоеванія польской вѣры и польской народности въ западной Россіи доставляли не мало своекорыстныхъ выгодъ многимъ изъ тѣхъ русскихъ и литвиновъ, которые отрывались отъ своего народа и дѣлались поляками. Между русскими и литовскими князьями и дворянами, дѣлавшимися латинянами и поляками, развивались нѣкоторыя науки, искусства, удобства жизни. Но общее благо страны отъ этого не только не увеличивалось, а напротивъ—больше и больше падало. Благоденствіе ополячившихся русскихъ и литвиновъ болѣе и болѣе безпощадно развивалось на счетъ угнетаемаго народа, для котораго всѣ блага польской жизни и сама Польша до такой степени становились чуждыми, что, когда нельзя было надѣяться на помощь восточной Россіи, онъ готовъ былъ отдаться подъ власть турокъ, и, дѣйствительно, не разъ отдавался имъ въ Украйнѣ.

Причиной такого печальнаго и бѣдственнаго для всѣхъ положенія западной Россіи подъ властью Польши было польское шляхетство.

Историческая и даже современная польская жизнь есть исключительно жизнь верхняго слоя поляковъ, — верхняго не въ томъ смыслѣ, въ какомъ жизнь всякаго народа есть прежде всего жизнь всего даровитаго, образованнаго, а въ смыслѣ самой дурной исключительности, — въ смыслѣ шляхетства. Все, что было подъ этимъ шляхетствомъ — народъ, не имѣло жизни, было мертво, не участвовало въ польской исторіи. Между польскимъ шляхетствомъ и польскимъ народомъ не-

рѣдко едва видны даже связи народности. Но все-таки въ самой Польшѣ, гдѣ дворяне и народъ поляки, эти связи были и есть, слѣдовательно есть впереди возможность для Польши исправить старые грѣхи и выработать какой нибудь новый порядокъ жизни, болѣе отвѣчающій требованіямъ исторіи. Стремленіе къ этому мы и замѣчаемъ у поляковъ, особенно въ привислянскихъ губерніяхъ. Польская шляхта старается тамъ сблизить съ собою своего бывшаго хлопа, освобожденнаго изъ хлопства Россіей. Къ сожалѣнію, польскій крестьянинъ, освобожденный Россіей, вводится въ кругъ старопольскихъ понятій, чаще всего враждебныхъ Россіи.

Въ западной Россіи въ массѣ народа нѣтъ ни этихъ народныхъ связей съ польскимъ шляхетствомъ, ни этой возможности выработать прочное объединеніе. Но чтобы яснѣе было видно, что это дѣйствительно такъ, мы очертимъ напередъ историческую жизнь восточно-русскую.

Въ восточной Россіи, не смотря на видимое разъединеніе верхнихъ и нижнихъ слоевъ народа и иногда очень рѣзкое различіе между тѣми и другими, особенно со временъ Петра I, существуетъ однако между этими слоями очень много связей, которыя объединяютъ ихъ и сливаютъ въ одинъ — русскій народъ. Есть у нихъ общія основы и такія стороны жизни, на которыхъ сходятся и объединяются всѣ русскіе люди, какого бы сословія они не были. Такъ объединяютъ ихъ религіозныя вѣрованія. Такъ народныя историческія преданія одинаково говорятъ русской душѣ, какъ высшей, такъ и низшей среды. Трудныя времена русской жизни сдви-

гаютъ въ одну семью всѣхъ русскихъ людей. Не говоримъ уже объ единствѣ языка.

Вслѣдствіе этихъ объединяющихъ связей въ русской жизни, не смотря ни на какія трудности, происходитъ постоянный обмѣнъ мыслей, чувствъ и желаній между верхними и нижними слоями. Кромѣ того люди верхнихъ слоевъ, вслѣдствіе превратностей жизни, нерѣдко переходятъ въ нижніе слои, не теряя способности и надежды сами или въ своихъ потомкахъ снова подняться. Точно также и люди низшихъ слоевъ, путемъ образованія, торговли, подвигаются вверхъ, не теряя началъ народныхъ, не переставая быть русскими.

Западно-русская жизнь не имѣетъ ни этого прочнаго восточно-русскаго объединенія верхнихъ и нижнихъ слоевъ народа, ни даже тѣхъ слабыхъ связей между верхними и низшими сословіями, какія можно замѣчать въ настоящей, дѣйствительной Польшѣ, гдѣ и паны и народъ — поляки. Въ западной Россіи, говоря вообще, существуетъ жестокое раздѣленіе между простымъ народомъ и верхнимъ польскимъ слоемъ,—раздѣленіе по народности, по вѣрѣ, раздѣленіе преданій и обычаевъ. Тамъ народъ стоитъ въ великомъ уединеніи.

Чтобы представить наглядно это уединеніе, приведемъ одинъ только, но поистинѣ поразительный примѣръ. Въ литовскомъ Новгородкѣ минской губерніи, въ странѣ бѣлорусскаго населенія, родился поэтъ, признанный великимъ поэтомъ — Мицкевичъ. Всѣ поэтическія натуры, особенно великія, имѣютъ общую имъ всѣмъ и самую обыкновенную между ними особенность — чуткость къ страданіямъ народа, къ больной сторонѣ народной жизни. Они издали ясно видятъ эту больную сторону, глубоко

ее чувствуютъ и гласятъ объ ней съ свойственною имъ силою. Мицкевичъ, увы, не видѣлъ, не понималъ, не чувствовалъ больной стороны западно-русской жизни, отъ которой оторвались бывшіе русскіе и литовскіе князья, вельможи, бояре и большинство мѣщанъ, не сталъ на сторонѣ закрѣпощеннаго, загнаннаго народа, а сдѣлался польскимъ шляхетскимъ поэтомъ.

Въ настоящее время поляки и въ западной Россіи стараются сблизиться съ тамошнимъ народомъ и привлечь его на свою сторону. Они объявляютъ, что уважаютъ и литовскую, и бѣлорусскую, и малорусскую народность, что желаютъ даже, чтобы эти народности развивались и создавали свою письменность, печатали книжки на своихъ нарѣчіяхъ. Но въ то же время они говорятъ, что польская народность исторически творится и должна твориться, подвигаясь на востокъ, т. е. что литвинъ, бѣлоруссъ, малороссъ, получая образованіе, долженъ дѣлаться полякомъ.

Если бы поляки при этомъ даже искренно говорили, что это пересозданіе литвина, бѣлорусса и малоросса въ поляка должно совершаться свободно, безъ принужденія, то и тогда всякій разумный литвинъ, бѣлоруссъ и малороссъ долженъ бы задуматься, не лучше ли въ такомъ случаѣ дѣлаться великоруссомъ, а не полякомъ, не лучше ли пристать къ сильному, чѣмъ къ слабому, не лучше ли сливаться съ могущественною, спокойною Россіей, чѣмъ съ слабою, вѣчно мятущейся Польшей? И такое соображеніе должно получить тѣмъ большую силу, что никто изъ малороссовъ, бѣлоруссовъ и литвиновъ, усвояя русское образованіе и языкъ, не дѣлается черезъ это врагомъ своего племени, изъ котораго вышелъ, а дѣ-

лаясь полякомъ, онъ непремѣнно дурно относится къ своему племени. Наконецъ дѣло въ томъ, что свободное пересозданіе въ поляковъ поляки неискренно предлагаютъ литвинамъ, бѣлоруссамъ и малороссамъ. О свободномъ пересозданіи ихъ въ поляковъ они говорятъ только въ Россіи, потому что иначе нельзя говорить и дѣлать, а тамъ, гдѣ они имѣютъ власть, они забываютъ о свободѣ. Въ Галиціи они немилосердно давятъ русскій народъ и самыми возмутительными насиліями пересоздаютъ его въ польскій народъ. Есть, впрочемъ, въ западной Россіи поляки, которые искренно, честно сближаются съ народомъ. Они сознаютъ, что всѣ мы—и великоруссы, и западноруссы, и поляки—отъ одного корня и рода славянскаго, далѣе, они сознаютъ, что предки неизмѣримо большаго числа нынѣшнихъ поляковъ западнорусскихъ были русскіе или литвины, что ихъ теперешнее положеніе среди русскаго или литовскаго народа неправильно, что они должны быть или чужими въ странѣ, или дѣлаться малороссами, бѣлоруссами, литвинами. Нѣкоторые изъ нихъ и дѣлаются то малороссами, то бѣлоруссами, то литвинами, говорятъ даже между собою на языкѣ своего мѣстнаго населенія, а иные даже желаютъ, чтобы латинская служба совершалась на русскомъ или литовскомъ языкѣ. Такіе люди могутъ быть искренними друзьями народа западной Россіи и приносить ему несомнѣнную пользу. Къ сожалѣнію, такихъ людей очень мало, и они не имѣютъ еще силы.

Такимъ образомъ историческая жизнь западной Россіи есть жизнь народа, до сихъ поръ крайне неправильная,—жизнь народа, уединеннаго, лишеннаго своего роднаго, надежнаго образованнаго сословія. Наша

задача показать, какъ сложилось такое положеніе, какъ народъ задерживалъ его, спасалъ себя отъ историческаго уединенія и какъ онъ отыскивалъ себѣ надежныхъ руководителей въ своей средѣ и въ восточной Россіи.

Посмотримъ теперь, какъ представляется эта западно-русская историческая жизнь въ тѣхъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ можно заимствовать свѣдѣнія о ней, напримѣръ: въ произведеніяхъ литературы польской, русской и мѣстной западно-русской.

О польской литературѣ въ нашемъ обществѣ ведутся споры. Одни думаютъ, что польская литература, какъ выраженіе польской цивилизаціи, великолѣпна и даже выше нашей; другіе утверждаютъ, что она никуда не годится. Наше мнѣніе объ ней между этими крайностями. Мы оцѣнимъ, впрочемъ, эту литературу только по отношенію къ западно-русской исторіи.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что польская литература, какъ и польская цивилизація, очень богата по внѣшности. Въ ней много книгъ, и въ числѣ ихъ не мало хорошо написанныхъ и хорошо изданныхъ. Нѣтъ сомнѣнія также, что въ ней очень разработаны многія частности жизни и нерѣдко разработаны прекрасно. Но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ нужно обнять цѣльнымъ взглядомъ жизнь, обнять большую совокупность фактовъ и понять дѣйствительный, жизненный ихъ смыслъ, тамъ польская литература, за немногими исключеніями, крайне несостоятельна. Во всѣхъ такихъ случаяхъ она представляетъ ту польскую односторонность, которую русскій народъ такъ жестоко охарактеризовалъ извѣстною своею поговоркою о полякахъ,—„безмозглый

полякъ"! Односторонность эта происходитъ, можетъ быть, не столько отъ склада польской головы, сколько отъ историческаго учрежденія польской жизни, — отъ того же шляхетства, о которомъ мы уже говорили. Это шляхетство, сосредоточивающее въ одномъ сословіи всѣ блага и права жизни, настраивало и даже теперь настраиваетъ польскаго человѣка не обращать вниманія и не знать, что̀ происходитъ подъ шляхетствомъ, — въ народѣ. Отсюда крайняя скудость въ польской литературѣ свѣдѣній даже о польскомъ народѣ. Представимъ ясное доказательство. Въ польской литературѣ поразительная скудость этнографическихъ свѣдѣній даже о самой Польшѣ. Мы только по старымъ извѣстіямъ и какъ бы по наслышкѣ знаемъ, что въ Польшѣ существуютъ разныя польскія племена — велико-польское, мало-польское, мазовецкое, но узнать отчетливо эти племена изъ польской литературы нѣтъ возможности. Не говорю уже о томъ, какъ мало можно узнать о племенахъ Польши не польскихъ, какъ напримѣръ малороссахъ люблинской губерніи или бѣлоруссахъ сѣдлецкой и литвинахъ сувалковской. Все это отъ той же шляхетской теоріи. По этой теоріи все равно, каково бы ни было хлопство, и если обращается на него вниманіе, то хлопство въ польскихъ понятіяхъ представляется безразличнымъ, польскимъ хлопствомъ. До чего доходитъ это безразличное представленіе польскаго хлопства, это можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Однажды намъ случилось пересматривать польскую библіотеку для юношества *). Въ этой книгѣ, подъ именемъ польскихъ нра-

*) Biblioteka dla młodzieży, Варшава 1860 г.

вовъ (подъ заглавіемъ—Ludwieyski), описываются, между прочимъ, обычаи народа Волыни, Подоліи, Бѣлоруссіи, какъ будто это въ самомъ дѣлѣ народъ польскій.

Этотъ крайній недостатокъ содержанія польской литературы повидимому естественнѣе всего долженъ былъ бы восполняться тѣми польскими писателями, которые принадлежатъ къ такъ называемой польской народной партіи. Этого естественнѣе бы ожидать, напримѣръ, отъ извѣстнаго и очень талантливаго польскаго писателя Лелевеля. Но что же мы находимъ? Лелевель дѣйствительно клеймитъ польскую аристократію за то, что она попирала всѣ права народа. Но гдѣ же народъ у Лелевеля? Онъ находитъ его въ той же польской шляхтѣ, собственно низшей шляхтѣ. Въ ней онъ видитъ выраженіе народа, жизненную его силу. Это натяжка для польской шляхты и не маловажная. Но мало этого. Если польская шляхта, хотя бы то лучшая часть ея, есть носительница польской народной жизни, то для западнорусскаго народа носитель жизни, цивилизаціи — каждый полякъ, хотя бы то и хлопъ. Такъ дѣйствительно смотритъ Лелевель. Онъ какъ бы намѣренно унижаетъ, уничтожаетъ въ Литвѣ и вообще въ западной Россіи всѣ древніе задатки самобытнаго развитія цивилизаціи. Это для того, чтобы показать, что западная Россія всѣмъ обязана Польшѣ. У него и вообще у польскихъ писателей западно-русская жизнь представляется грубою массою, которая должна быть обдѣлана по началамъ польской цивилизаціи. Само собою разумѣется, что изъ литературы, проникнутой такимъ взглядомъ, не много можно узнать западно-русскую жизнь.

Русская литература, конечно, не могла имѣть такого

грубаго понятія о западно-русской жизни. Русская литература, государственная, показываетъ, что Россія всегда знала западную Россію, какъ свою русскую землю, и напоминала объ этомъ Польшѣ. Въ этомъ отношеніи не истекало никакой давности насчетъ этой страны, и знаменитое выраженіе императрицы Екатерины II, выбитое на медали по случаю втораго раздѣла Польши: „отторженная возвратихъ“, есть вполнѣ естественное и законное, хотя и не полное, какъ увидимъ, обозначеніе вѣковаго процесса между Россіей и Польшей изъ-за западной Россіи. Въ этой государственной литературѣ понятіе о западной Россіи ясно. Когда развилась русская историческая литература, то и она стала смотрѣть на западную Россію, какъ смотрѣло на нее русское государство, т. е. стало раскрывать исторію западной Россіи также съ государственной стороны, говорить о древнихъ здѣсь княжествахъ, о государственныхъ попыткахъ возстановить единеніе западно-русскихъ областей съ восточной Россіей и т. п. дѣлахъ. Но и при этомъ правильномъ взглядѣ на внѣшнія дѣла западной Россіи, западно-русская жизнь въ ней представляется чаще всего въ археологическомъ видѣ, въ осколкахъ. Цѣльнаго, живого представленія западно-русской жизни и въ ней мало. Этому цѣльному, живому представленію западно-русской жизни мѣшали и до сихъ поръ мѣшаютъ между прочимъ слѣдующія обстоятельства. И въ восточной и въ западной Россіи до сихъ поръ плохо уяснены древнія русско-славянскія начала жизни и тѣ особенности, какія выработаны восточною и западною половинами русскаго народа, когда онѣ были въ разъединеніи. Отъ этого русскій человѣкъ часто ставитъ въ западной Россіи, какъ

основное начало русской жизни, то, что̀ есть не болѣе какъ восточно-русская или западно-русская особенность позднѣйшаго происхожденія.

Далѣе, чаще всего просто забывается, что одинъ и тотъ же народъ, но раздѣлившійся на двѣ половины и прожившій долго въ этомъ раздѣленіи, не можетъ не выработать различій, которыя должны быть встрѣчаемы снисходительно и жить себѣ, пока имъ судитъ жить исторія. Цѣльнаго живого представленія западно-русской жизни естественно ожидать отъ мѣстной, западно-русской литературы. Литература эта имѣетъ нѣсколько вѣтвей: мѣстную польскую, малороссійскую, бѣлорусскую; чисто литовской нѣтъ.

Было въ западной Россіи нѣкоторое время, что тамошніе образованные люди, усвоившіе польскую цивилизацію, пробовали самостоятельно взглянуть на свою страну. Это было во времена виленскаго университета, который страшно полячилъ западную Россію, такъ полячилъ ее, какъ не полячили ея никакія польскія неистовства во времена польскаго государства, но который, по естественному порядку вещей, развивалъ также въ немногихъ личностяхъ и противоположное направленіе. Вслѣдствіе этого, въ западной Россіи стала составляться небольшая партія польскихъ людей, которые приходили къ сознанію, что и сами они не поляки, а тѣмъ болѣе не польскій—народъ ихъ страны. Они задумали возстановить (въ наукѣ) самостоятельность западной Россіи. Основали они ее на слѣдующихъ началахъ. Они взяли старую идею политической независимости Литвы и полагали, что западная Россія можетъ выработать эту самостоятельность при той же польской цивилизаціи, но

свободно, естественно, безъ всякаго насильственнаго подавленія мѣстныхъ народныхъ особенностей. Такъ эта теорія высказывается довольно замѣтно въ трудахъ Даниловича, въ исторіи Литвы Нарбутта и въ сочиненіи Ярошевича „Картина Литвы". Теорія эта слишкомъ шатка. Политическая самостоятельность западной Россіи невозможна и ёще болѣе невозможна, если можно такъ выразиться, при польской цивилизаціи. Тогда эта самостоятельность кончилась бы тѣмъ же, чѣмъ кончалась прежде, напримѣръ, въ половинѣ XVI столѣтія, когда Литва сливалась съ Польшей. Слѣдовательно, эта теорія можетъ имѣть значеніе только какъ теорія злонамѣренная. Недаромъ ее высказываютъ и теперь нѣкоторые поляки западной Россіи.

Дѣйствительное, прочное изученіе западной Россіи могло начаться только на западно-русской, народной почвѣ. Началось оно въ болѣе жизненной части западной Россіи, въ Малороссіи, которая не разъ выносила на своихъ плечахъ все западно-русское дѣло и до сихъ поръ такъ богата силами. Здѣсь-то и началось серьезное изученіе западной Россіи. Помогло въ этомъ Малороссіи особенно слѣдующее обстоятельство. Значительная часть малороссійскаго племени находится, какъ мы уже знаемъ, на восточной сторонѣ Днѣпра. Подъ русскою властью оно могло сохранить всѣ свои силы; въ немъ развивались свободно передовые дѣятели изъ образованнаго сословія. Многіе изъ этихъ передовыхъ дѣятелей перешли на западную сторону Днѣпра и подняли народное дѣло противъ поляковъ. Они выставили богатыя народныя силы, богатыя народныя преданія, обратились къ исторіи и стали разсказывать великія

дѣла Малороссіи, особенно козацкія. Теорія козачества плѣнила многихъ изъ нихъ. Козачество дѣйствительно много сдѣлало, но много также имѣло крайнихъ притязаній политическихъ. Нѣкоторые малороссы забывали это, забывали также и то, что малороссійское козачество отжило свой вѣкъ, и стали запутываться въ разныхъ теоріяхъ о самобытности Малороссіи.

Теоріи ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, сами собою пали бы и посрамлены были бы малороссійскимъ же народомъ; но, къ сожалѣнію, имъ придали особенную важность, и такимъ образомъ создался призракъ такъ называемаго малороссійскаго сепаратизма, который усердно поддержали и раздули въ общественномъ мнѣніи поляки (для нихъ это очень выгодно) и который въ прахъ разсыпается при всякомъ прикосновеніи къ дѣйствительной народной жизни. Но нельзя не оплакивать, что ему дано искусственное значеніе и что онъ возведенъ даже на степень политической вины и опасности! Это спутываетъ и парализируетъ многихъ лучшихъ малороссійскихъ дѣятелей, которые просто только любятъ свою родину и желали бы содѣйствовать правильному ея развитію. Можно, впрочемъ, надѣяться, что Малороссія одолѣетъ эти затрудненія. Въ ней есть много бодрыхъ дѣятелей, въ ней есть ученыя средоточія— кіевская академія и два университета—кіевскій и харьковскій, которые могутъ развивать правильно лучшія силы для всей западной Россіи.

Въ преодолѣніи этихъ трудностей и вообще въ изученіи западно-русской жизни должна бы помочь Малороссіи Бѣлоруссія. Подозрительныхъ крайностей въ области соціальныхъ и политическихъ вопросовъ она не

можетъ имѣть. Она такъ бѣдна, что не можетъ допускать праздныхъ теорій, отвлеченныхъ мечтаній. Ей нужно рѣшать только насущные, существенно необходимые вопросы, да и бѣлорусское племя такъ близко къ великорусскому, что никакой сепаратизмъ не можетъ въ немъ имѣть силы. Къ сожалѣнію, слабость Бѣлоруссіи выразилась и въ ея литературныхъ дѣлахъ. Въ ней долгое время ничего не являлось. Только случайно или инстинктивно въ Бѣлоруссіи взялись за разработку памятниковъ древней западно-русской литературы. Путь этотъ оказывается однако самымъ счастливымъ. Имъ можно дойти до самаго вѣрнаго пониманія западно-русской жизни. Въ этихъ памятникахъ, въ этой древней западно-русской литературѣ, вездѣ и во всемъ—одно великое, объединяющее всѣхъ русскихъ слово—Русь и Русь. Эти памятники, эта литература почти все на такомъ языкѣ—западно-русскомъ, который былъ общимъ для всей западной Россіи и слился потомъ съ общерусскимъ литературнымъ языкомъ.

Такимъ путемъ лучше всего могутъ быть разработаны и общія, коренныя русскія начала, которыя во вѣки вѣчные будутъ соединять западную и восточную Россію, и тѣ западно-русскія особенности, которыя могутъ и должны себѣ жить свободно, сколько и какъ судитъ имъ исторія. На этотъ путь видимо становятся уже не только бѣлорусскіе, но и малороссійскіе люди,—на него вступаютъ и вообще люди русскіе.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ литературъ, какія мы здѣсь кратко очертили, можно теперь вообще почерпать не мало данныхъ для правильнаго изученія западно-русской жизни. Литература настоящаго времени не могла

не воспользоваться ими. Кромѣ того, самая жизнь, совершающіяся въ западной Россіи событія, сильно двигаютъ и литературу, и общественное мнѣніе къ уясненію западно-русскаго вопроса. Нельзя не замѣтить, что въ настоящее время самые разнообразные писатели и органы гласности сходятся во мнѣніяхъ объ этомъ вопросѣ. Они почти единодушно защищаютъ русскую государственность, народность и вѣру западно-русскаго народа, а прочіе русскіе люди, какъ извѣстно, сказались недавно, въ послѣднюю смуту, еще яснѣе и громче, чѣмъ литература. Передъ этимъ русскимъ голосомъ пріостановилось и призадумалось даже западно-европейское общественное мнѣніе, о которомъ также скажемъ нѣсколько словъ.

Западно-европейскому обществу, западно-европейской литературѣ очень трудно понимать западно-русскій вопросъ. Говоря это, мы устраняемъ политическія стремленія и польскіе подкупы, порождающіе неизмѣримую ложь. Беремъ чистую сторону западно-европейскаго мнѣнія и литературы. Западно-европейское общество легко понимаетъ и уясняетъ себѣ борьбу рѣзко различныхъ народностей, напримѣръ, нѣмцевъ съ датчанами, съ французами и т. п., но ему не такъ легко понять борьбу между русскими и поляками, борьбу въ одномъ и томъ же народѣ, особенно въ такомъ мало узнанномъ, какъ народъ славянскій. Впрочемъ, борьба между восточно-русскими и поляками еще довольно уяснена исторіей, но между восточно-русскими и поляками есть еще западно-руссы, отличные отъ поляковъ и имѣющіе особенности и по отношенію къ великоруссамъ. Легко ли иностранцу понять, что̀ это за народъ

въ серединѣ между великоруссами и поляками, куда онъ дѣйствительно тянетъ, особенно, когда поляки такъ усиленно затемняютъ глаза иностранцамъ? Впрочемъ, теперь уже проясняются и глаза западно-европейцевъ; есть уже тамъ сочиненія даже первоклассныхъ ученыхъ, въ которыхъ со всею научностью показывается, что западная Россія русская, а не польская страна. Но въ западной Европѣ даже тѣ, которые хорошо знаютъ западную Россію, не легко признаютъ законность народнаго западно-русскаго дѣла. Европѣ мѣшаетъ въ этомъ другое затрудненіе.

Извѣстно, что всякая система жизни, сильная, разработанная, располагаетъ своихъ послѣдователей дурно относиться къ другой системѣ. По этой причинѣ Европа, сильная, гордая своей цивилизаціей, не легко можетъ признать законною другую цивилизацію—русскую, сложившуюся по другимъ началамъ, особенно религіознымъ. Поляки прониклись западно-европейскою цивилизаціей. Они кажутся Европѣ законными дѣятелями въ грубой, по ихъ мнѣнію, варварской западной Россіи. Въ этомъ случаѣ они смотрятъ на западную Россію точь въ точь, какъ поляки съ своей шляхетской точки, т. е. какъ на грубый матеріалъ, который нужно обработать по своимъ началамъ.

Въ послѣднюю польскую смуту мы, русскіе, выставили, вслѣдъ за матеріальной, нашу патріотическую силу противъ этого непризнанія насъ и нашихъ правъ западною Европой. Но этого еще мало. Нужно еще выставить и знаніе. Нужно показать, каково дѣйствительно русское дѣло въ западной Россіи, показать и оправдать нашу цивилизацію, нужно работать знаніемъ, путемъ науки.

ЧТЕНІЕ II.

Этнографическія и статистическія свѣдѣнія о западной Россіи. Русскіе: малороссійское и бѣлорусское племя, положеніе страны. Бытовыя ихъ особенности. Племенная и историческая связь между ними. Физическія удобства и препятствія къ этому. Литовскій народъ. Его мѣстожительство, особенности, отношенія къ западно-русскому народу. Жидовское населеніе. Его мѣстожительство, отношенія къ народу западнорусскому, а также къ нѣмцамъ, полякамъ и къ восточной Россіи. Особенности жидовства, мѣшающія жидамъ дѣлаться русскими гражданами. Поляки, ихъ сословное положеніе, отношеніе къ народу. Общій взглядъ на положеніе западной Россіи *).

Настоящее чтеніе будетъ заключать въ себѣ этнографическія и статистическія свѣдѣнія о западной Россіи въ связи съ тѣми историческими данными, какія

*) Для нагляднаго обозрѣнія страны, называемой западной Россіей, могутъ служить слѣдующія изданія: Учебный атласъ по русской исторіи профессора Замысловскаго, изд. 1869 г; Атласъ западно-русскаго края по вѣроисповѣданіямъ, изданіе министерства внутр. дѣлъ 1863 г., — трудъ П. Н. Батюшкова и А. Ѳ. Риттиха; Карты старой Польши и этнографическая карта западной Россіи, приложенныя къ изданію Археограф. Коммиссіи, исполненному подъ моей редакціей,—Документы, объясняющіе исторію западной Россіи и ея отношенія къ Россіи и Польшѣ, изд. 1864 г; Этнографическая карта европейской Россіи, составленная А. Ѳ. Риттихомъ, изданіе географическаго общества

окажутся необходимыми для уясненія ихъ. Этнографическія и статистическія особенности страны не вырабатываются случайно, въ короткое время. Какой нибудь нравственный или физическій переворотъ можетъ сгладить нѣкоторыя черты народной жизни, увеличить или уменьшить числовыя данныя; но не можетъ измѣнить всей физіономіи страны и даже числовыхъ отношеній, выражающихъ существенныя проявленія жизни. Поэтому этнографическія и статистическія данныя могутъ многое уяснить къ исторіи страны, особенно такой, въ которой дѣла народа мало записывались, какова и есть западная Россія. Съ другой стороны, когда имѣется въ виду изложить исторію страны въ самомъ сжатомъ видѣ, то этнографическій и статистическій очеркъ ея можетъ служить какъ бы объяснительною, справочною таблицею, при которой не нужно будетъ потомъ входить въ объясненіе мелкихъ частностей. Эти соображенія и побудили меня предпослать изложенію исторіи западной Россіи этнографическій и статистическій очеркъ этой страны.

Населеніе западной Россіи, составляющей нынѣ девять западныхъ губерній, — ковенскую, виленскую и гродненскую, минскую, витебскую и могилевскую, кіевскую, подольскую и волынскую, простирается свыше 12.000,000.

Вся эта сумма распадается на слѣдующія числа по народностямъ:

1. Русскихъ малороссійскаго и бѣлорусскаго племени

1875 г.; Этнографическая карта славянскихъ народностей, составленная М. Ѳ. Мирковичемъ, изданіе славянскаго благотворительнаго общества 1874 г.

свыше 8.000,000—67%, а съ великоруссами, поселившимися въ этой странѣ въ разное время и составляющими около 300,000, будетъ около . 9.000,000 — около 70%

2. Литовскаго народа. . . 1.300,000 — 11%

3. Жидовъ болѣе . . . . 1.400,000 — около 12%

4. Поляковъ болѣе. . . . 700,000 — 6%

но въ дѣйствительности поляковъ гораздо меньше, едвали есть 600,000. Кромѣ этихъ народностей, есть еще мелкія этнографическія группы, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ западной Россіи, какъ напримѣръ: чехи волынской губерніи 7,000; латыши въ витебской губерніи, свыше 200,000; молдаване въ Малороссіи, слишкомъ 40,000; нѣмцы, разселенные въ разныхъ мѣстахъ, слишкомъ 100,000 и татары съ небольшимъ 7,000, или всѣхъ вмѣстѣ 3% *).

---

*) Эти числа выведены нами слѣдующимъ образомъ. Основой всѣхъ числовыхъ опредѣленій народонаселенія западной Россіи до сихъ поръ служатъ вѣроисповѣдные списки. Общій сводъ ихъ имѣется за 1870 г., приведенный въ «Статистическомъ Временникѣ Россійской Имперіи»—серія II, выпускъ десятый (изд. 1875 г.). Новѣйшія свѣдѣнія находятся въ памятныхъ книжкахъ западныхъ губерній. На основаніи этихъ-то данныхъ и нѣкоторыхъ другихъ, обязательно сообщенныхъ намъ въ центральномъ статистическомъ комитетѣ, мы и составили наши статистическія числа. Легче всего было вывести число нѣмцевъ и жидовъ; но надобно замѣтить, что число нѣмцевъ за время, отъ котораго имѣются извѣстія (сколько теперь нѣмцевъ, неизвѣстно) преувеличено, такъ какъ въ него попали и обрусѣвшіе нѣмцы, а число жидовъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ оказывалось, меньше дѣйствительнаго ихъ числа, до сихъ поръ недоступнаго точному опредѣленію. Далѣе, въ число малороссовъ и бѣлоруссовъ неизбѣжно попадаетъ много великоруссовъ православнаго вѣроисповѣданія, и одни только старообрядцы опредѣлены точнѣе. Раздѣ-

По этимъ цифрамъ можно видѣть, что населеніе западной Россіи — самое разнообразное, пестрое. Но по этимъ же цифрамъ сейчасъ можно замѣтить, кому въ западной Россіи принадлежитъ главное мѣсто въ этнографическомъ смыслѣ. Это—русскимъ и литвинамъ, составляющимъ вмѣстѣ свыше 10.000,000—80%. Они-то составляютъ этнографическую основу страны. Никакой этнографъ не назоветъ западной Россіи иначе, какъ страною малороссовъ, бѣлоруссовъ и литвиновъ.

Въ этомъ, этнографическомъ смыслѣ вся западная Россія распадается на три группы,—на Малороссію, Бѣлоруссію и Литву. Разсмотримъ прежде всего каждую изъ этихъ группъ.

Малороссійское племя занимаетъ въ западной Россіи кіевскую губернію, подольскую, волынскую, юго-восточную половину гродненской, входитъ около Припети въ минскую губернію и въ южную часть могилевской. На всемъ этомъ пространствѣ малороссовъ свыше 5.000,000. Кромѣ западной Россіи, малороссы живутъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ на восточной сторонѣ Днѣпра, именно, въ

леніе между малороссами и бѣлоруссами сдѣлано по ихъ мѣстожительству и довольно близко къ истинѣ. Въ меньшей степени это можно сказать о числѣ литвиновъ, въ мѣстахъ поселеній которыхъ хотя немного поляковъ, но ихъ трудно выдѣлить. Наконецъ, труднѣе всего опредѣлить дѣйствительное число поляковъ въ западной Россіи. Во всѣ счеты этого рода занесено болѣе или менѣе значительное число малороссовъ и бѣлоруссовъ латинскаго закона. Мы отняли самую малую часть такихъ, неправильно признаваемыхъ поляковъ, именно, только третью часть латинянъ-славянъ въ западной Россіи. При этомъ мы руководствовались главнымъ обрззомъ счисленіемъ по сословіямъ, какъ болѣе твердымъ основаніемъ.

черниговской, полтавской, курской, екатеринославской, харьковской, херсонской, а также въ люблинской и сѣдлецкой губерніи Польши, и въ Галиціи и угорской Руси въ Австріи. Всѣхъ малороссовъ насчитываютъ до 18 милліоновъ.

Малороссійское племя почти вездѣ живетъ на черноземной почвѣ, такъ что, можно сказать, черноземъ и малороссъ—это два слова, неразрывно между собой соединенныя. Это особенно рѣзко бросается въ глаза въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ малороссійское племя сходится съ бѣлорусскимъ. Гдѣ только выдался клочекъ черноземной почвы—тамъ малороссы, а гдѣ пески или болота—тамъ бѣлоруссы. Чтобы повернуть при вспашкѣ глыбу черноземной почвы, для этого недостаточно тощей литовской сохи или даже болѣе крѣпкой русской сохи. Для этого нуженъ плугъ, запряженный не меньше, какъ четырьмя волами. Но этотъ тяжелый трудъ обработки вознаграждается сторицею. Малороссійская благодатная почва приноситъ самые богатые плоды.

Такая почва, естественно, возбуждаетъ въ человѣкѣ увѣренность, спокойствіе. Эти свойства очень рѣзко замѣчаются въ малороссѣ, когда онъ занятъ своими работами. Кажется, для него не существуютъ никакія превратности, какъ будто все въ мірѣ проходитъ мимо него. Его не безпокоитъ нисколько и ужасный скрипъ колесъ его телѣги, на которой онъ тихо, медленно везетъ свой богатый хлѣбъ и думаетъ думу. Но подъ этимъ спокойствіемъ скрывается большой запасъ энергіи, которая способна вдругъ сказаться и надѣлать много добра или зла. Это обнаружилось на нашихъ глазахъ въ послѣднюю польскую смуту. Передъ этимъ возстаніемъ въ Малорос-

сіи даже люди, близко знакомые съ народомъ, не знали, что̀ онъ думаетъ дѣлать, что̀ онъ предприметъ, когда начнется польское возстаніе. Казалось, онъ былъ совершенно равнодушенъ къ тому, что затѣвали паны. Но какъ только появилась въ Малороссіи первая польская шайка, такъ немедленно бравые молодцы сѣли на коней, составились сами собою отряды и пошли забирать и доставлять въ Кіевъ мятежныхъ пановъ. Нѣчто подобное, хотя и весьма предосудительнымъ образомъ, сказалось и въ недавнихъ, такъ называемыхъ жидовскихъ погромахъ или жидотрепаніи.

Эти факты показываютъ, что въ малороссахъ не личная только энергія, но что вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ есть и народная, общественная сила. Сила эта, конечно, есть результатъ прежде всего нравственныхъ качествъ малороссовъ, но она вырабатывается также и независимо отъ нихъ. На сплошной, плодородной малороссійской почвѣ есть возможность поселиться въ одномъ мѣстѣ большому числу людей и прокормиться. Затѣмъ, открытая, малороссійская страна, въ древнія времена подверженная частымъ нападеніямъ, тоже побуждала малороссовъ селиться большими группами, а не разбрасываться по одиночкѣ. Поэтому въ Малороссіи почти вездѣ большія деревни, часто въ нѣсколько сотъ дворовъ. Всякая мысль, внесенная въ эти большія группы людей, быстро облетаетъ всѣхъ, обобщается, подвергается критикѣ, и если оказывается пригодною, то утверждается во всѣхъ и утверждается прочно. Поэтому, если малороссъ увѣрится, то разувѣрить его не легко. Послѣдняя особенность поразительно обнаружилась во время крымской войны въ 1855 году, въ бѣлоцерковскомъ народномъ

волненіи. Какіе-то недобрые люди пустили въ народѣ мысль, что всѣ должны бросать работы панамъ, собираться въ казачество и идти на войну въ Крымъ. Народъ заволновался, бросалъ панщину, сталъ собираться на войну и составлять отряды. Убѣжденія, вразумленія не дѣйствовали. Пришлось употребить военную силу. Начальство поставлено было здѣсь въ печальную необходимость отнестись къ народу сурово. Нужно было возстановить порядокъ и некогда было входить въ разборъ того, какія побужденія двигали здѣсь народомъ. А побужденія эти были великія, историческія побужденія! Въ этомъ случаѣ сказывалось не мелочное желаніе отдѣлаться отъ барщины, а историческій инстинктъ народа, его память о давней борьбѣ съ азіятскимъ міромъ и съ поляками, которыхъ онъ и тогда хорошо понималъ. Народъ рвался къ этой борьбѣ къ старому козачеству. Козачество это, дѣйствительно, сильно живетъ въ немъ и оживляетъ его. Оно сохранилось въ многочисленныхъ поэтическихъ преданіяхъ, пѣсняхъ.

Вотъ образчикъ малороссійской рѣчи,—отрывокъ малороссійской пѣсни, въ которой воспѣваются дѣла изъ временъ Хмѣльницкаго:

Не дивуйтеся, добрыи люде
Що на Вкраини повстало:
Ой за Дашевомъ пидъ Сорокою
Множество ляхивъ пропало.
Перебій-нисъ проситъ не много
Симъ-сотъ козакивъ зъ собою;
Рубае мечемъ голови съ плечей
А региту *) топитъ водою.

---

*) Т. е. регментъ, строевой польскій отрядъ.

Ой пійте, ляхи, води калюжи
Води калюжи, болотяныи,
А що пивали по тій Вкраини
Меди, да вина сытныи.
Зависли, ляшки, зависли
Якъ черна хмара на Висли.
Лядскую славу, загнавъ пидъ лаву,
Самъ бравый козакъ гуляе.
Нуте, козаки, ускоки
Заберемося въ боки!
Заженемъ ляшка, вражаго сына
Ажъ зе тый Дунай глибокій...

Бѣлорусское племя, составляющее въ западной Россіи населеніе до 3.300,000, а съ смоленскими и холмскими бѣлоруссами около 4.000,000 не имѣетъ тѣхъ богатыхъ особенностей, какими отличается малороссійское. Только къ западу отъ Минска, къ Вильнѣ и отчасти къ Гродну Бѣлоруссія представляетъ болѣе сухую и въ болѣе частыхъ и крупныхъ полосахъ довольно плодородную почву, особенно въ области Новгородка литовскаго. И народъ этой области выдѣляется большею бодростію силъ, даже его называютъ особымъ названіемъ черноруссовъ, какъ бы въ соотвѣтствіе большей его близости къ малоруссамъ, часть которыхъ — галицкорусскіе малороссы носятъ близко подходящее къ этому названіе червоноруссовъ (по всей вѣроятности, отъ темнокраснаго цвѣта озецъ). Очень можетъ быть, что въ числѣ предковъ черноруссовъ и были вольные или невольные насельники изъ Малороссіи. Во всякомъ случаѣ, въ старину это были болѣе смѣлые колонизаторы, дальше другихъ бѣлоруссовъ выдвинувшіеся въ литовскую страну и давшіе первую русскую основу для литовской государственности.

Совсѣмъ иныя особенности представляетъ Бѣлоруссія и ея населеніе къ востоку и югу отъ Минска.

Природа, кажется, собрала въ странѣ Бѣлоруссіи всѣ неудобныя для жизни человѣка условія, чтобы дать бытіе нѣсколькимъ громаднымъ рѣкамъ, благами которыхъ большею частію пользуется не бѣлорусское племя. Въ этой странѣ берутъ свое начало Днѣпръ, Двина, Припеть, Нѣманъ, Нарва. Пески, болота, низшаго сорта лѣсъ покрываютъ почти всю Бѣлоруссію. Въ такой странѣ народъ не можетъ отличаться богатыми физическими свойствами. Бѣлоруссы большею частію небольшого роста, хилы, вялы, блѣдны. Нерѣдко парни и дѣвицы раньше двадцати лѣтъ уже не имѣютъ ни кровинки въ лицѣ. Благосостояніе до освобожденія крестьянъ было имъ рѣдко знакомо. Большая часть ихъ ѣла хлѣбъ неочищенный, съ мякиною, какъ Богъ далъ, по бѣлорусскому выраженію. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ много песковъ, болотъ, лѣсовъ, бѣлоруссы живутъ, какъ будто на островахъ, между которыми иногда по нѣскольку мѣсяцевъ не бываетъ никакого сообщенія. Въ такихъ мѣстахъ бѣлоруссы часто принуждены заключать браки въ близкомъ родствѣ и доходятъ до безобразія и уродства. Вслѣдствіе такихъ особенностей страны, бѣлоруссы живутъ небольшими рѣдкими группами. Большія деревни у нихъ рѣдко попадаются. При своей разбросанности, бѣлоруссы не имѣютъ той общественной силы, какую мы видимъ въ малороссахъ. Исключеніе составляютъ, или, точнѣе сказать, прежде представляли ихъ группы и даже полосы населенія по рѣкамъ Двинѣ и Днѣпру. Такъ большую силу показали полочане не только въ древнія времена и въ госу-

дарственномъ строеніи, но и въ послѣдствіи, въ области общественной. Полоцкое вѣче и вообще полоцкая община была изъ числа самыхъ сильныхъ русскихъ вѣчей и общинъ даже въ торговой борьбѣ съ иноземными силами. Бодрость эту долго сохраняли полочане, а за ними витебщане и могилевцы также во времена наплыва къ нимъ жидовъ и особенно въ первыя времена наплыва проповѣдниковъ уніи. Въ этомъ подражалъ имъ еще позднѣе и Минскъ. Но кромѣ этихъ выдающихся явленій, у бѣлоруссовъ вообще мало общественной силы. Ихъ легко давили по частямъ. Они не скоро противопоставляли свою силу, да и то имъ нужно было возбужденіе со стороны. Это обнаружилось ясно во многихъ событіяхъ ихъ исторіи, напримѣръ, въ слѣдующихъ. Поляки у нихъ первыхъ ввели систему уволокъ (подворныхъ и затѣмъ семейныхъ участковъ земли), разрушившихъ бѣлорусскую общину, и не видно, чтобы бѣлоруссы боролись противъ этого великаго зла, какъ боролись малороссы. Обнаружились эти бѣлорусскія качества и въ послѣднюю польскую смуту. Во время моего путешествія по западной Россіи въ 1862 г. мнѣ не разъ приходилось слышать отъ бѣлоруссовъ, что еслибы имъ только слово сказали изъ Петербурга, то они бы въ мѣшкахъ доставили туда всѣхъ мятежныхъ пановъ. Но сами они мало дѣлали. Только въ Горы-Горкахъ, мѣстности, сохранившей больше народныхъ силъ, какъ и вообще въ могилевской губерніи, благодаря сосѣдству восточной Россіи, мятежъ былъ сразу подавленъ своими средствами. Сказалась еще народная сила, и сила очень древняя, на югѣ минской губерніи. Нѣкоторыя православныя шляхетскія околицы—потомки такъ называе-

мыхъ литовскихъ бояръ—сами подавили польскую смуту въ своей странѣ. Проявилась еще тогда народная сила около Динабурга, благодаря почину тамошнихъ старообрядцевъ. Отъ этой однако слабой дѣятельности по собственному почину бѣлоруссы способны переходить въ другую крайность, свойственную людямъ этого рода,—къ злоупотребленіямъ возбужденной силы. Такъ они въ иныхъ мѣстахъ жестоко поступали съ захваченными польскими мятежниками. Подобныя крайности бывали и въ старыя времена. Во времена казацкихъ войнъ въ Бѣлоруссіи особенно много составлялось такъ называемыхъ гайдамацкихъ загоновъ, — партизанскихъ козацкихъ шаекъ, которыя производили страшныя жестокости. Вообще бѣлоруссы нерѣшительны и въ то же время очень впечатлительны. Послѣднее качество ихъ не разъ сказывалось и въ прекрасныхъ явленіяхъ жизни. Въ первыя времена церковной уніи они больше другихъ показали величественную, нравственную силу православія въ своихъ братствахъ, во главѣ которыхъ долго стояло знаменитое виленское православное братство. У нихъ же въ послѣднія времена раньше и больше развились народныя училища.

Бѣлоруссы никогда не знали татарскаго ига. Это тоже отразилось въ нѣкоторыхъ чертахъ ихъ жизни, напримѣръ, въ поразительномъ довѣріи къ людямъ, въ значительно хорошей ихъ семейной жизни и въ маломъ числѣ у нихъ злодѣяній.

Загнанные въ болота и лѣса, бѣлоруссы въ этомъ самомъ нашли себѣ однако спасеніе не только отъ татаръ, но и отъ многихъ другихъ золъ. Они закрыты были и недоступны окружавшей ихъ цивилизаціи, и такъ какъ

эта цивилизація—польская, іезуитская была очень дурная цивилизація, то бѣлоруссы находили благо въ своихъ лѣсахъ и болотахъ, скрываясь отъ нея. Они дѣйствительно болѣе сохранили свой древній бытъ, чѣмъ малороссы. Самая рѣчь ихъ болѣе чиста, болѣе близка къ великорусскому языку, чѣмъ малороссійское нарѣчіе.

Вотъ образецъ бѣлорусской рѣчи, пѣсня женщины на чужбинѣ:

Въ ціомномъ лѣси, да трава зелена,
Гдзѣ я выйду—всіо чужая старана
А въ садочку саловейки поюць,
Въ ціомномъ лѣси зюзюльки куюць.
Соловейко, рудный брацикъ муй,
А зюзюлька, рудна сіострынка мнѣ:
Чи не были вы въ маей старанѣ?
Чи не чули навинушки обо мнѣ?
Чи не тужыць мая матка по мнѣ.
«Тужыць, плаче, убиваецься,
Што дзѣнь, ночь спадзѣваецься».
Еще бо я не радзилася,
Лиха доля прикацилася;
Еще бо я въ пѣлюшкахъ лежала,
Лиха доля за ноженьки дзѣржала,
Еще бо я коло лавки хадзила
Лиха доля за рученьки вадзила.

По этимъ образцамъ рѣчи малороссійской и бѣлорусской уже можно судить, что оба племени очень близки одно къ другому. Близость эта особенно ясна въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ малороссійское и бѣлорусское племена сходятся, какъ напримѣръ около Припети и у рѣки Нарвы. Тамъ объединяется малороссійская рѣчь, и — замѣчательное явленіе—отъ этого объединенія выходитъ рѣчь, чисто великорусская. Напримѣръ: по-малороссійски

тэпэръ, по-бѣлорусски цяперь. Малороссъ, дѣлая уступку бѣлоруссу, смягчаетъ свое *э*, а бѣлоруссъ уступаетъ свои *ц*, *я*, замѣняетъ ихъ буквами *т*, *е*, и выходитъ — теперь. Кромѣ того, исторія поставила оба эти племена въ одинаковыя условія жизни народной, по отношенію, напримѣръ, къ полякамъ. Поэтому обоимъ племенамъ необходимо обобщаться, мѣняться мыслями, за одно дѣйствовать и для этого имѣть постоянныя сношенія. Сношенія эти и облегчаются такими большими рѣками, какъ Днѣпръ и Припеть съ ея южными притоками. Но облегченіе это — больше по теченію этихъ рѣкъ, т. е. на большія разстоянія, чѣмъ въ поперечномъ направленіи, на близкихъ, но многихъ разстояніяхъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, на самомъ большемъ пространствѣ сосѣдства обоихъ племенъ природа жестоко отнеслась къ этой ихъ потребности и положила не маловажныя преграды между ними. Между этими племенами протекаетъ большая, судоходная рѣка Припеть. Повидимому, удобство къ объединенію. Но эта большая, судоходная рѣка окружена большею частью негодными лѣсами, сыпучими песками и огромными болотами, а у истоковъ ея, какъ страшный Церберъ, стережетъ колтунъ, царствующій здѣсь и поражающій страданіями населеніе на обширномъ пространствѣ *).

---

*) Человѣкъ, подвергающійся колтуну, чувствуетъ томленіе, ломоту, особенно страдаетъ головой. Это значитъ, колтунъ ищетъ себѣ выхода. Мало по малу волосы на головѣ слипаются, превращаются въ плотную массу, образуютъ родъ шапки, которая на многіе годы покрываетъ голову. Страданія прекращаются. Но сохрани Богъ раздражить чѣмъ эту массу на головѣ, осо-

Такимъ образомъ, природа немного помогаетъ сближенію бѣлорусскаго и малороссійскаго племени. А какъ важно это сближеніе, это не разъ можно будетъ видѣть изъ исторіи западной Россіи. Не разъ прійдется видѣть, что западно-русское народное дѣло потому и испытывало неудачи, что не легко было бѣлоруссамъ и малороссамъ стать рядомъ и дѣйствовать за одно.

Литовское племя не отдѣлено отъ этихъ двухъ племенъ какими либо природными преградами, но и оно значительно уединено, только по другимъ причинамъ. Литовское племя занимаетъ довольно удобную для жизни, большею частію плодородную страну—принѣманскую. Оно населяетъ ковенскую губернію, сѣверо-западную часть виленской. Небольшія группы его разбросаны въ сѣверной части гродненской. Кромѣ западной Россіи, литовское племя занимаетъ бо̀льшую часть сувалковской (сѣверную часть, слишкомъ 200,000) и восточную окраину Пруссіи (200,000). Въ западной Россіи, какъ сказано, литвиновъ 1.300,000. Народъ этотъ раздѣляется на два племени: собственно такъ называемыхъ литвиновъ, жи-

---

бенно пахучими вeществами. Тогда колтунъ искривитъ всего человѣка и замучитъ. Нужно дожидаться, пока онъ самъ мало по малу станетъ отдѣляться, приподыматься на головѣ. Когда онъ держится уже на немногихъ волосахъ, то знахари берутся снимать его и то часто приходится больному расплачиваться за это. Лучше, когда колтунъ самъ сойдетъ. Но и благополучно кончаясь, колтунъ оставляетъ чаще всего послѣ себя слѣды — изнуреніе организма, вялость. Колтунъ не разгаданъ въ медицинѣ. Но ясное дѣло, что его производятъ бѣлорусскія болота. Онъ вездѣ, гдѣ много болотъ. На пріѣзжихъ онъ не дѣйствуетъ явно,—но и они въ лѣтнее время чувствуютъ сильную боль въ головѣ.

вущихъ въ виленской и восточной части ковенской губерніи, и жмудиновъ, живущихъ на сѣверо-западъ отъ литвиновъ, въ ковенской губерніи, сувалковской и въ Пруссіи. Въ старину литовскій народъ занималъ большее пространство, чѣмъ теперь. Въ западной Россіи цѣлая вѣтвь его, такъ называемые ятвяги, жили въ юго-западной части гродненской губерніи и въ сѣдлецкой и сувалковской. Малороссійское племя въ XIII столѣтіи и польское въ то же время и въ XIV столѣтіи тѣснили литовскій народъ съ этой стороны и совершенно истребили ятвягское его племя. Литвины остались только въ принѣманской странѣ до балтійскаго моря. Но и здѣсь они не имѣли покоя. Ихъ жестоко давили рыцарскіе ордена: тевтонскій и меченосцы. Такимъ образомъ, съ разныхъ сторонъ сжимали литовскій народъ. Эти обстоятельства выработали въ литвинахъ ту особенность, что они обыкновенно упираются противъ всего, часто даже не сознавая, почему они это дѣлаютъ. Стоитъ утвердить ихъ въ какой-либо мысли и они защищаютъ ее упорно, не давая себѣ отчета, почему упираются, чего добиваются. Единственные сосѣди, съ которыми у литвиновъ всегда бывалъ ладъ, это бѣлорусское племя. Съ нимъ они живутъ рядомъ съ незапамятныхъ временъ и въ большой дружбѣ, которую и теперь можно видѣть. Тѣ и другіе почти одинаково одѣваются и часто мѣняются рѣчью. Въ старыя времена, какъ увидимъ, при этой дружбѣ они много дѣлали добра для всей западной Россіи. Къ сожалѣнію, однако, исторія выработала сильное разъединеніе между литовскимъ народомъ и русскими западной Россіи. Въ новѣйшее время, вотъ уже второй разъ мы видимъ странное, дикое явленіе. Литвины—поборники

своего родного, самые жаркіе въ свое время защитники западно-русской независимости отъ Польши—и въ 1831 году и въ 1863 году въ значительномъ числѣ стояли за польское дѣло противъ русскихъ. Это невѣроятное явленіе объясняется тѣмъ, что литвины принуждены были принять латинство, почти всѣ теперь латиняне, и находятся въ рукахъ латинскаго духовенства и поляковъ, которые всѣми силами вооружали ихъ, невидимо для насъ, противъ Россіи. Ничего рѣшительно хорошаго литвины не могли узнать о Россіи. До чего доходило это невѣдѣніе, можно судить потому, что когда въ послѣднюю польскую смуту наши войска вошли въ Жмудь, то оказалось, что тамъ и крестьянская воля не была объявлена народу. Или еще новый примѣръ. Когда въ 1869 году рѣшено было вводить русскій языкъ въ прибавочную часть латинскаго богослуженія, то случилось такъ, что требованіе это предъявлялось прежде всего въ литовскихъ приходахъ, гдѣ народъ ни слова не зналъ по русски и, главное, гдѣ онъ имѣлъ и сильно оберегалъ остатки своего литовскаго языка въ прибавочномъ латинскомъ богослуженіи. На насъ русскихъ лежитъ великая обязанность позаботиться о литвинахъ. Это былъ сторожевой полкъ русскій, защищавшій русскій народъ не малое время отъ прусскихъ и ливонскихъ рыцарей, а затѣмъ отъ поляковъ. Литовскій народъ и въ научномъ отношеніи заслуживаетъ особенной заботливости. Это единственный, болѣе сохранившійся остатокъ арійскаго доисторическаго племени, въ которомъ составляли одно всѣ народы европейскіе.

Вотъ образецъ литовской рѣчи.

Литовская пѣсня:

Пропалтасъ змойгусъ!	Пропащій человѣкъ я!
Куръ пасидѣсю?	Куда дѣнусь?
Касъ мана ашарасъ	Кто мои слезы
Чиіонъ нураминсъ?	Здѣсь осушитъ?
Ой ейсу, ашь ейсу	Охъ, пойду я, пойду
Ю гила гирели,	Въ глубокій лѣсъ;
Ю гила гирели,	Въ глубокій лѣсъ,
Расъ шисуусели.	Къ правой ясени;
Тей Діовасъ тейсингосъ	Тамъ справедливый Богъ
Манъ ишь кляуисъ;	Выслушаетъ меня,
Манаваргусъ,	И мои страданія,
Мана бедасъ	Мои бѣдствія
Нураминсъ.	Облегчитъ.

Дѣйствительно, литвину часто оставалось пойти въ глубокій лѣсъ, воскресить древній языческій миѳъ, представить въ сферѣ этого миѳа Бога, и ему повѣдать свои муки. Его жизнь, его рѣчь, его душа часто были непоняты даже нами русскими.

Всѣ эти племена—малороссійское, бѣлорусское и литовское — составляютъ простой, земледѣльческій классъ народа. Самое небольшое число ихъ принадлежитъ мѣщанству, еще меньшее число—въ духовенствѣ и наконецъ самое малое число — свѣтскихъ, образованныхъ людей.

Такая большая масса простыхъ людей (слишкомъ 10 милліоновъ людей) не можетъ не требовать для лучшихъ силъ своихъ выхода въ другія сословія, не можетъ не требовать, чтобы эти лучшіе ея люди составили родное, образованное сословіе и служили сознательнымъ выраженіемъ жизни своего народа. Самымъ естественнымъ, постепеннымъ и благодѣтельнымъ

выходомъ для этихъ лучшихъ силъ западно-русскихъ племенъ должно бы служить городское, ремесленное, торговое сословіе; но для западно-русскаго народа всѣ пункты на этомъ пути заняты жидами.

Жиды въ западной Россіи вездѣ населяютъ города, составляютъ городское сословіе, торговое. Всѣ попытки привлечь ихъ къ земледѣлію оказывались неудачными. Пробовали было строить деревни жидамъ въ херсонской губерніи, давали даже священныя названія этимъ деревнямъ, въ родѣ Сарепты, Виѳлеема и т. под., предоставляя, конечно, поселившимся евреямъ разныя преимущества. Черезъ годъ, два оказывалось, что если мѣстность дозволяла вести какой либо промыселъ, то еще оставалось въ деревнѣ нѣсколько жидовъ; но если нѣтъ, то деревня пустѣла и развѣ одинъ жидъ оставался въ ней какъ бы стражемъ, и то устроивъ корчму, т. е. постоялый дворъ. Въ позднѣйшія времена въ западной Россіи попадаются жиды, занимающіеся земледѣліемъ, но очень рѣдко, какъ земледѣльцы, а чаще всего, какъ землевладѣльцы, обработывающіе землю христіанскими руками.

Посмотримъ, въ какомъ отношеніи находится этотъ народъ къ мѣстному населенію.

Извѣстно, что этотъ народъ, потерявшій свою государственность и оторвавшійся отъ родной своей земли, вездѣ исторически развивалъ въ себѣ особенную способность къ торговымъ оборотамъ, и оборотамъ самымъ усиленнымъ, которые доставляютъ большіе барыши, но которые тяжело отзываются на тѣхъ, кто даетъ возможность получать такіе барыши. Въ странахъ развитыхъ, многонаселенныхъ эта жидовская особенность можетъ не

производить особенно дурныхъ послѣдствій, потому что уравновѣшивается и сдерживается другими мѣстными силами. Но въ странѣ малоразвитой и бѣдной, какова на половину западная Россія, усиленная торговля жидовъ тяжело ложится на страну. Зло это становится здѣсь особенно ощутительнымъ отъ огромнаго числа жидовъ. Ихъ, какъ мы уже сказали, 1.400,000. Сравнительно съ мѣстнымъ населеніемъ, такого числа жидовъ нѣтъ нигдѣ въ западной Европѣ. Самое бо̀льшее, напримѣръ въ Австріи, приходится: одинъ жидъ на 60 человѣкъ, а въ западной Россіи — 1 жидъ на 11 христіанъ, часто на 9 человѣкъ; въ городахъ же приходится по нѣскольку жидовъ на одного христіанина. Очевидное дѣло, что такое множество жидовъ тамъ заставляетъ ихъ еще болѣе усиливать торговое движеніе и тѣмъ тяжелѣе ложится на народъ. Они дѣйствительно заняли всѣ пункты, гдѣ только можетъ происходить что либо торговое. Пріѣзжаете вы въ городъ, вамъ нельзя ни остановиться, ни продать, ни купить, ни даже узнать что либо безъ жида. Выѣхали за городъ, ѣдете по дорогѣ, на постояломъ дворѣ жидъ; пріѣхали къ перевозу—жидъ управляетъ; смотрите: плыветъ барка или лодка, чѣмъ либо нагруженная, работаютъ мѣстные крестьяне, а жидъ торчитъ тутъ, какъ хозяинъ. Въ новѣйшія времена жидъ нерѣдко торчитъ и на поляхъ во время жатвы, даже на чисто крестьянскихъ поляхъ. Это значитъ—жидъ закупилъ жатву и наблюдаетъ за уборкой закупленнаго на корню хлѣба.

Съ кѣмъ же связаны жиды и насколько они могутъ быть гражданами русской земли? Наши русскіе жиды, за исключеніемъ небольшого числа ихъ, такъ называе-

мыхъ караимовъ, живущихъ въ Крыму и оттуда разселившихся и въ западную Россію, больше всего связаны съ германскими нѣмцами, отъ которыхъ они пришли въ Польшу и затѣмъ въ западную Россію и отъ которыхъ принесли сюда нѣмецкій языкъ, составляющій ихъ домашній языкъ. Затѣмъ наши русскіе жиды болѣе близки къ полякамъ, съ которыми живутъ столько вѣковъ вмѣстѣ и даже помѣнялись нѣкоторыми особенностями. Старинная жидовская одежда — старопольская одежда, а обычная грязь въ жилыхъ, непоказныхъ комнатахъ польскихъ семействъ — несомнѣнно жидовскаго происхожденія. Въ польскихъ смутахъ жиды нерѣдко явно выступали польскими патріотами, а тайно всегда составляли коммиссаріатское вѣдомство поляковъ во времена этихъ смутъ. Въ обычныхъ дѣлахъ въ западной Россіи они всегда заодно съ поляками угнетали русскаго человѣка и даже принимали участіе въ религіозныхъ угнетеніяхъ его. Въ новѣйшія времена жиды стремятся къ сближенію съ русскими, — усердно изучаютъ русскій языкъ, наполняютъ русскія учебныя заведенія, усердно вступаютъ въ русскія торговыя, промышленныя дѣла, подходятъ даже близко къ дѣламъ русскаго земледѣлія и овладѣваютъ значительнымъ уже количествомъ земли на правахъ владѣльческихъ или арендаторскихъ. Въ югозападной Россіи въ ихъ рукахъ уже вся хлѣбная торговля. Наконецъ, жиды на столько сблизились съ русскими, что изъ ихъ среды уже выходятъ пожертвованія, и иногда очень крупныя, на общерусскія благотворительныя учрежденія. Все это новѣйшее направленіе нашихъ жидовъ несомнѣнно крѣпнетъ и обѣщаетъ укрѣпляться больше и больше. Громадныя и разнооб-

разныя богатства Россіи способны надолго привязать къ ней нашихъ жидовъ, и перевѣшивать ихъ нѣмецкія и польскія особенности и наклонности. Въ этомъ отношеніи ихъ стремленіе къ разселенію по всей Россіи совершенно естественно и всегда будетъ настойчиво.

Но сдѣлаться дѣйствительными гражданами Россіи, слиться съ русскими, какъ сливаются съ ними русѣющіе нѣмцы, поляки и даже инородцы нехристіанскаго закона, наши русскіе жиды, за исключеніемъ отдѣльныхъ единицъ, не могутъ и, вѣроятно, никогда не сдѣлаются. Въ этомъ имъ мѣшаютъ слѣдующія причины, которыя одинаково даются и наукой и самой жизнью, и которыя составляютъ азбучныя вещи, обязательныя для всякаго.

Наши русскіе жиды не смѣшиваются съ нами русскими этнографически, т. е. кровнымъ родствомъ, и не могутъ смѣшиваться. Браки между нами и ими невозможны ни по нашему, ни по ихнему закону. Не помогли бы этому и гражданскіе браки, потому что они противны и русскому человѣку, а тѣмъ болѣе жидамъ. Недавно въ своихъ органахъ печати сами жиды заявили, что этнографическое смѣшеніе ихъ съ русскими невозможно и нежелательно имъ, потому что тогда они потеряли бы свою древнюю національную особенность и исчезли бы съ лица земли, какъ жиды... Что же это за національная особенность жидовъ, которой имъ нежелательно разрушать и которая мѣшаетъ имъ сливаться съ русскими?

Легко и прежде всего уловимая особенность національности нашихъ жидовъ — это указанная уже нами ихъ нѣмецкая рѣчь въ домашнемъ быту, и хотя они рѣдко на нее указываютъ и готовы даже отрекаться отъ

нея, но въ дѣйствительности эта рѣчь, особенно облеченная въ нѣкоторыя заимствованія изъ древняго еврейскаго языка и въ древнееврейскій алфавитъ, имѣетъ у нихъ громадное значеніе и очень цѣнится, потому что составляетъ въ своемъ родѣ условный языкъ и шифрованную грамоту, очень пригодные для тайнаго обмѣна мыслей. И это не случайная, мелочная потребность въ таинственности. Она вытекаетъ изъ цѣльной, законченной системы, такъ называемой талмудической, которая на большую половину есть политическая система, а не религіозная, и только по какому то недоразумѣнію подводится подъ разрядъ терпимыхъ ученій, а не подъ разрядъ вредныхъ, нетерпимыхъ, какъ крайнія секты раскольническія, какъ теорія іезуитская, соціалистическая.

Талмудическая система узаконяетъ оторванность жидовъ отъ всѣхъ другихъ народовъ, узаконяетъ господство надъ ними всякими способами до нарушенія правъ собственности и личности, и наконецъ узаконяетъ тайныя общества въ видѣ кагаловъ, которыя дѣйствительно и существуютъ при всѣхъ почти синагогахъ. При такой системѣ ученія, обязательной для всякаго жида и въ большей или меньшей степени изучаемой съ дѣтства всякимъ жидомъ, немыслимо дѣйствительное обрусѣніе жидовъ. Нѣкоторое изъятіе составляютъ упомянутые нами караимы, которые не принимаютъ талмуда, а держатся только Моисеева закона по пятикнижію св. писанія и дѣйствительно болѣе близки къ христіанамъ. Нѣкоторыя еще изъятія подготовляются самими талмудистами. Между ними давно уже работаетъ сознаніе, что талмудическое ученіе не можетъ держаться дольше, что оно давитъ хорошихъ людей, даетъ непомѣрную силу злымъ

людямъ и составляетъ главную причину ненависти христіанъ къ жидамъ и безъисходныхъ бѣдствій для тѣхъ и другихъ. Въ слѣдствіе такого сознанія между жидами, заграничными и даже нашими, давно уже обнаруживается стремленіе выработать новое ученіе и составить новыя общины, способныя охранить жидовство отъ окончательной порчи въ талмудическомъ ученіи и отъ постоянныхъ взрывовъ ненависти со стороны христіанъ. Образованіе такихъ новыхъ общинъ, если это дѣло искреннее, весьма желательно, между прочимъ, и потому, что разрушеніе талмудической системы несомнѣнно и безъ того происходитъ, но направляется въ очень дурную сторону. Изъ жидовства болѣе и болѣе выходитъ такихъ людей, которые не пристаютъ ни къ какому вѣроученію. Такіе люди, за немногими лишь исключеніями, дѣлаются самыми послѣдовательными раціоналистами и космополитами, и тѣмъ незамѣтнѣе и сильнѣе вносятъ разложеніе въ науку, литературу и нравы своихъ христіанскихъ сограждан. Въ западной Россіи довольно часто можно слышать въ этомъ родѣ жалобы отъ педагоговъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ много учениковъ изъ жидовства.

Изъ всего этого можно видѣть, надѣемся, съ достаточною ясностью и убѣдительностью, какъ тяжелы жиды для народа западной Россіи и какъ желательно, чтобы они поскорѣе поставлены были въ условія жизни, менѣе вредныя для этого народа.

Другою преградою лучшимъ народнымъ силамъ западной Россіи къ выходу изъ крестьянства служатъ поляки. Поляки западной Россіи принадлежатъ къ слѣдующимъ классамъ людей. На югозападной окраинѣ

гродненской губерніи живетъ съ небольшимъ 60,000 польскаго народа мазуровъ, между которыми впрочемъ разсѣяны малороссы и бѣлоруссы. Это единственная въ западной Россіи народная группа польская старыхъ временъ. Въ новѣйшія времена появляются польскія группы на Волыни и въ Подоліи. Онѣ большею частью несчастные бѣглецы изъ зависляпской Польши отъ гнета нѣмецкой колонизаціи и отъ беззащитности со стороны тамошнихъ польскихъ пановъ. Затѣмъ нѣсколько ближе къ русскому народу такъ называемыя околицы, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ западной Россіи и населенныя такъ называемою мелкою шляхтою. Шляхта эта въ однихъ мѣстахъ говоритъ по польски, въ другихъ—языкомъ мѣстнаго русскаго населенія, по мѣстамъ она даже православной вѣры. По образованію и состоянію околичная шляхта почти не отличается отъ крестьянъ, но вся она сознаетъ себя выше крестьянина, выше хлопа. Это остатокъ духа польскаго мелкаго шляхетства, или, лучше сказать, это остатокъ древняго литовскаго боярства, испорченнаго теоріей польскаго шляхетства.

Наконецъ, всѣ остальные поляки западной Россіи еще болѣе оторваны отъ западно-русской земли, хотя многіе изъ нихъ и владѣютъ большимъ ея количествомъ,—это помѣщики, чиновники и многочисленные панскіе прислужники, занимающіеся разными должностями лично при панахъ и въ управленіи имѣніями.

Подобно жидамъ и поляки въ западной Россіи крайне многочисленны въ сравненіи съ народомъ. Если число ихъ съ 700,000 уменьшить до 600,000, если ихъ даже 500,000 или наконецъ 400,000, то и тогда ихъ прійдется очень много на 10.000,000 простаго народа, особенно въ

такой чужой для нихъ странѣ, какъ западная Россія. Слѣдовательно, по самой своей многочисленности, поляки, подобно жидамъ, принуждены употреблять крайнія усилія, тяжелыя для народа, чтобы прожить, прокормиться. Конечно, и при этой многочисленности они могли бы быть полезны народу, если бы стояли съ нимъ за одно и трудились для общаго блага въ духѣ народныхъ началъ; но этому мѣшаетъ ихъ разноплеменность, а при этомъ еще и разновѣріе съ народомъ. Но еще больше чѣмъ эти причины, разъединяетъ ихъ съ народомъ извѣстная, часто упоминаемая нами, теорія шляхетства. Она побуждаетъ ихъ неизмѣримо возноситься надъ народомъ и давать ему это чувствовать въ жизни. Въ подтвержденіе этого не будемъ приводить много примѣровъ изъ древнихъ временъ. Укажемъ только на одинъ фактъ. Въ либеральнѣйшей польской республикѣ жизнь хлопа оцѣнивалась въ послѣднія времена въ 3 р. 25 коп. Можно было убить хлопа и заплатить 3 р. 25 к.; больше ничего; т. е. жизнь хлопа цѣнилась такъ низко, какъ нигдѣ не цѣнилась жизнь негра, обращеннаго въ рабочій скотъ, такъ низко, что собака часто стоила дороже. Не многимъ, впрочемъ, лучше стала жизнь хлопа, когда западная Россія поступила подъ власть Россіи. Крѣпостное право давало панамъ возможность угнетать хлопа не менѣе прежняго. Въ восточной Россіи, какъ ни тяжело было положеніе крѣпостнаго крестьянина, но все же онъ имѣлъ клочекъ земли, и что̀ она ему приносила, то было его. Въ витебской губерніи во многихъ мѣстахъ паны пошли гораздо дальше. Крестьянинъ также, какъ и въ восточной Россіи, обязанъ былъ обрабатывать и панскую землю и свою; но все, что̀ приносила ему его

земля, онъ нерѣдко цѣликомъ долженъ былъ отдавать пану, отъ котораго въ продолженіе зимы получалъ малыя доли для прокормленія своей семьи. Такимъ образомъ, затемнялось у крестьянина сознаніе, что участокъ земли, ему данный, принадлежитъ ему, сглаживалась принадлежность крестьянину его земли. Пану легко было уничтожить ее совсѣмъ, и дѣйствительно, если онъ находилъ выгоднымъ, то соединялъ землю крестьянскую съ своею, а крестьянина переводилъ во дворъ. Этимъ-то путемъ, напримѣръ, въ витебской губерніи намножилось до 10,000 безземельныхъ батраковъ, судьба которыхъ сильно озабочиваетъ до сихъ поръ правительство. Подобные случаи лишенія крестьянъ земли встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ западной Россіи. А что они—не случайное явленіе, а цѣлая система панская, для удостовѣренія въ этомъ стоитъ справиться съ положеніемъ крестьянства въ самой Польшѣ. Тамъ всѣхъ крестьянъ 3.000,000, т. е. больше половины народонаселенія, а между тѣмъ безземельныхъ крестьянъ было 1.130,000. Цифра ужасная, которой ничего подобнаго не было въ восточной Россіи.

Но если польскіе паны такъ жестоки къ своимъ крестьянамъ—полякамъ, то можно уже судить, каковы они были для русскаго или литовскаго хлопа. Разъединеніе между ними и народомъ такъ было велико, что если крестьянинъ пробирался къ нимъ, перешагнувъ чрезъ жидовъ, то терялъ все народное, отказывался отъ родныхъ, отъ имени; за то, если панъ какъ нибудь переходилъ къ народу, то не было хуже врага шляхетству.

Такимъ образомъ, лучшимъ силамъ западно-русскаго народа заперты и средніе пути—жидовствомъ, и пути

къ высшему сословію — панствомъ. Отсюда, надѣемся, ясно можно видѣть, какъ трудно положеніе западно-русскаго народа и всей его страны.

Запертый, сдавленный народъ не можетъ не желать себѣ простора. Самою важною для него, какъ увидимъ, поддержкою въ этомъ трудномъ положеніи было то оживленіе, какое онъ, по временамъ, получалъ отъ великорусскаго народа. Въ настоящее время это оживленіе подвинулось далеко. Русскихъ силъ пошло уже много въ западную Россію. Этимъ русскимъ, очевидно, предстоитъ выполнить тамъ великое, историческое назначеніе, хотя, конечно, тутъ не легко обойтись безъ ошибокъ. Извѣстно, что исторія ничего не вырабатываетъ чисто, гладко. Самое лучшее направленіе, развитіе самыхъ высокихъ идей сопровождается многими дурными явленіями, дурными дѣлами; но новое направленіе, новая идея все таки торжествуютъ. Можно надѣяться, что они восторжествуютъ и въ западной Россіи, и народъ западно-русскій, не смотря ни на что, пойдетъ по пути того же русскаго оживленія и развитія, по которому сталъ идти во время послѣдняго польскаго возстанія.

ЧТЕНІЕ III.

Исторія западной Россіи до татарскаго ига. Сосредоточеніе русско-славянской жизни у Днѣпра. Двѣ историческія задачи русскаго народа: на востокѣ — борьба съ азіатскимъ міромъ, на западѣ — отношеніе русскаго народа къ западнымъ славянамъ и нѣмцамъ. Громадныя трудности этихъ задачъ разъединяютъ обѣ половины русскаго народа. Попытки полоцкихъ и галицкихъ князей образовать государственные пункты въ Бѣлоруссіи и въ червонной Руси. Всеславичи полоцкіе. Паденіе полоцкаго княжества. Ростиславичи галицкіе. Прекращеніе ихъ рода. Князья при-припетскіе. Паденіе ихъ. Князья волынскіе. Объединеніе Волыни и Галиціи. Поддержка со стороны смоленскихъ князей. Татарское нашествіе разрушаетъ задатки новой волынско-галицкой и смоленской государственности *).

Историческая жизнь западной Россіи такъ заслонена, современными, большею частью неправильными воззрѣніями, перешедшими и въ науку, что намъ казалось

---

*) О древнихъ временахъ западной Россіи кромѣ большихъ курсовъ русской исторіи, какъ исторія Россіи— Карамзина, С. М. Соловьева, Д. И. Иловайскаго (полная исторія, а не учебникъ), можно читать,—для исторіи Бѣлоруссіи: Очеркъ исторіи сѣверозападнаго края Россіи соч. И. Д. Бѣляева, изданный въ Вильнѣ 1867 г; его-же разсказы изъ русской исторіи т. 4-й—Исторія Полоцка или сѣверозападной Руси, изд. 1872 г. Витебская старина (собраніе важнѣйшихъ памятниковъ съ образцами письма, грамотъ, подписей, печатей, рисунками и портретами архіереевъ)

невозможнымъ приступить къ изложенію этой исторіи прежде, чѣмъ будетъ очищенъ къ ней путь отъ этихъ современныхъ, большею частью неправильныхъ воззрѣній. Къ этой цѣли и направлены были два предшествовавшихъ чтенія.

Первое чтеніе привело насъ къ заключенію, что лучше всего смотрѣть на западно-русскую исторію съ точки зрѣнія русской, народной.

Во второмъ чтеніи показано, что̀ такое западно-русскій народъ? Мы видѣли, что онъ очень великъ, простирается до 10 милліоновъ слишкомъ и, хотя раздѣленъ на три племени—малороссійское, бѣлорусское и литовское, но два первыхъ племени родственны между собою и въ своей исторической жизни тѣсно были связаны съ третьимъ — литовскимъ. Весь этотъ народъ въ 10 милліоновъ, мы говорили, не можетъ не развиваться дальше; но мы видѣли, что онъ весь почти составляетъ простое, сельское сословіе и запертъ въ этомъ состояніи чуждыми элементами: жидовскимъ и польскимъ. Они затрудняютъ ему выдѣлять изъ себя лучшія силы въ другія сословія,—у него нѣтъ почти ни средняго, ни высшаго сословія, которыя бы представляли сознательно его жизнь и развивали ее по роднымъ его началамъ.

Теперь отъ всѣхъ этихъ современыхъ явленій, боль-

изд. А. Сапунова, т. 1, 1883 г; для исторіи югозападной Россіи: Княженіе Даніила галицкаго по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ, соч. Н. Дашкевича, изд. 1873 г.,—тутъ же есть извѣстія и о Литвѣ; Очеркъ исторіи великаго княжества литовскаго до половины XV вѣка, соч. В. Б. Антоновича, выпускъ 1, изд. 1878 г.

шею частью грустныхъ, порожденныхъ заблужденіями и страстями человѣческими и пораждающихъ до сихъ поръ заблужденія и страсти, обратимся къ древнимъ временамъ, къ тѣмъ временамъ, гдѣ люди и дѣла предстоятъ спокойно передъ судомъ исторіи и внушаютъ невольное спокойствіе и тому, кто хочетъ произнесть этотъ судъ. Мы увидимъ, что западно-русскій народъ, оставшійся къ нашему времени въ одномъ крестьянскомъ сословіи, имѣлъ прежде всѣ полныя силы для своего развитія и, со включеніемъ даже значительной части литовскаго народа, составлялъ одну цѣльную массу съ тѣмъ русскимъ народомъ, который на восточной сторонѣ Днѣпра сохранился до нашего времени и въ такомъ громадномъ числѣ, и въ полномъ богатствѣ силъ.

Потомъ, мы увидимъ, что историческія обстоятельства раздѣлили эту цѣльную массу русскаго народа на двѣ половины: восточную и западную. На западной сторонѣ русскіе пробовали образовать свои государственные центры, но неудачно. Они рѣшились соединиться съ литвинами и съ ними строили свою государственность. Работа пошла удачно и, казалось, прямо вела къ той цѣли, которую задала исторія западно-русскому народу,—къ сліянію опять съ восточно-русскою половиною. Но въ литвинахъ сильно было сознаніе своей независимости и мало средствъ для ея поддержанія. Не имѣя силъ защищать ее и отъ русскаго-московскаго государства, и отъ другихъ враговъ, они рѣшились соединить всю западную Россію съ Польшей. Этимъ они затормозили на долго естественное развитіе западно-русской жизни. Союзъ съ Польшей, начавшійся въ

1386 г., кое-какъ держался, пока не задумали скрѣпить его потѣснѣе, но едва задумали это дѣло въ 1569 году на люблинскомъ сеймѣ, едва рѣшились слить западную Россію съ Польшей, какъ сейчасъ же стали подготовляться элементы къ разложенію русско-польскаго государства. Разложеніе обнаружилось ясно въ половинѣ XVII столѣтія. Народъ призвалъ на помощь восточную Россію, и часть западной Руси присоединилась къ ней; но не могла присоединиться вся западная Россія, какъ желалъ западно-русскій народъ. Обнаружилось, что онъ жестоко поплатился за союзъ съ Польшей. Онъ потерялъ почти все высшее сословіе свое, почти все среднее, потерялъ почти свою вѣру. Оказалось у него слишкомъ много западно-русскихъ и литовскихъ людей, испорченныхъ Польшей и тянувшихъ къ ней назадъ. Борьба его затѣмъ съ Польшей была еще слабѣе, помощь Россіи нужна была еще сильнѣе. Она явилась при Екатеринѣ II, но тогда сильно заслонено было дѣйствительное народное стремленіе къ соединенію съ Россіей, а дипломатія, въ особенности Пруссіи и Австріи, даже совсѣмъ было закрыла его. Всѣ стали въ неправильное положеніе въ отношеніи къ раздѣламъ Польши, которой распаденіе на русскую и польскую часть было строго историческимъ и неминуемымъ. Положеніе это, выгодное Пруссіи, Австріи, оказалось не совсѣмъ безвыгоднымъ и полякамъ, но оно было весьма невыгодно Россіи и тѣмъ болѣе западнорусскому народу.

Вотъ важнѣйшіе моменты исторической жизни западной Россіи. Она представляетъ слѣдующіе важнѣйшіе періоды:

I. Раздѣленіе русскаго народа на двѣ половины и

попытки западной Россіи образовать свой государственный центръ.

II. Соединеніе западной Россіи съ Литвою.

III. Соединеніе литовскаго-западнорусскаго княжества съ Польшею, посредствомъ чисто-внѣшняго союза.

IV. Слитіе западной Россіи съ Польшей, и распаденіе русско-польскаго государства.

V. Неправильное позднѣйшее развитіе русско-польскаго вопроса.

Въ древнія историческія времена славяне жили у величественнаго Дуная, воспѣтаго въ пѣсняхъ у всѣхъ славянъ. Когда неизвѣстный врагъ потѣснилъ ихъ отсюда, они стали разселяться на западъ, на сѣверъ, на востокъ. Восточная вѣтвь ихъ, извѣстная потомъ подъ именемъ русскихъ славянъ, перешла къ другой прекрасной рѣкѣ—къ Днѣпру и разселилась по обѣимъ сторонамъ ея и дальше на сѣверъ до озеръ Чудскаго, Ильменя и Ладожскаго.

Прекрасный, поэтичный Днѣпръ и прекрасный, поэтичный пунктъ на немъ—Кіевъ служили символомъ объединенія всѣхъ славяно-русскихъ племенъ. Въ приднѣпровскихъ странахъ, казалось, могло надолго образоваться могущественное, цвѣтущее славянское государство съ богатою цивилизаціей. Этому благопріятствовали, кромѣ природныхъ дарованій славяно-русскихъ племенъ, физическія условія и сосѣдство. Струи Днѣпра, уносившія на себѣ русскія лодки въ черное море, естественно приводили русскихъ къ усвоенію греческой цивилизаціи по началамъ православнаго вѣроисповѣданія, столь сроднившагося съ славянскимъ духомъ. При

посредствѣ южныхъ славянскихъ племенъ, самыхъ близкихъ къ русскимъ и раньше насъ усвоившихъ эту цивилизацію, она могла переходить и къ русскимъ скоро и успѣшно, особенно потому, что могла переходить къ нимъ на родномъ ихъ языкѣ. Въ началѣ второй половины IX вѣка наши славянскіе первоучители св. Кириллъ и Меѳодій, составившіе нашу славянскую азбуку, перевели на славянскій языкъ съ греческаго священное писаніе и главнѣйшія богослужебныя книги.

Признаки быстраго развитія этой цивилизаціи и вообще быстраго развитія русской жизни мы дѣйствительно и видимъ въ Кіевѣ съ первыхъ временъ утвержденія здѣсь государственнаго пункта, а особенно послѣ того, какъ великій кіевскій князь и великій русскій человѣкъ св. Владиміръ принялъ (989 г.) православную вѣру. Торговля, просвѣщеніе и искусства здѣсь сильно процвѣтаютъ уже въ XI столѣтіи.

Но исторія только какъ бы намѣтила это счастливое направленіе русской славянской жизни, а дѣйствительно повернула дѣла совсѣмъ иначе.

И поэтичный Днѣпръ и величественный Кіевъ стали терять объединяющее значеніе и служили больше и больше разъединеніемъ этой русской жизни—на восточную и западную. Слѣдующія причины произвели это разъединеніе.

Къ востоку отъ Днѣпра, какъ извѣстно, тянется огромная равнина, едва прерываемая каспійскимъ моремъ и уральскимъ горнымъ хребтомъ и перекидывающаяся въ Азію. Въ тѣ древнія времена, о которыхъ мы говоримъ, это было безбрежное, волнующееся море, только волнующееся не богатыми нивами и сочными пажитями, какъ

теперь, а разными азіатскими народностями, которыя, какъ волны, вздымались на этомъ морѣ въ видѣ гунновъ, аваръ, печенѣговъ, половцевъ, — не говоримъ о другихъ, болѣе мирныхъ народахъ, и наконецъ—девятый, ужасный валъ — татары. Это море не имѣло крутыхъ береговъ у запада, ни большихъ горъ, ни другихъ преградъ. Волны его изъ глубины Азіи свободно прикатывались къ Днѣпру и разрушали все, что строили здѣсь русскіе славяне. Противъ этого моря нужно было устроить живой берегъ, стать русскою грудью противъ него, и русскою грудью защищать русскую землю. На этотъ великій подвигъ и пошли русскіе славяне.

Само собою разумѣется, что при этомъ имъ не всегда было удобно думать о развитіи мирныхъ, роскошныхъ благъ цивилизаціи: нужно было прежде всего спасать славянскую душу и славянское государственное тѣло отъ азіатства. Вотъ, почему историческая жизнь русскихъ восточной стороны Днѣпра долгое время отличалась суровостію, отсутствіемъ нѣжныхъ проявленій цивилизаціи. Впрочемъ, славянской душѣ здѣсь меньше было опасности, чѣмъ славянскому государственному тѣлу. Русская цивилизація была и въ тѣ древнія времена неизмѣримо выше азіатской. Славянская душа могла въ глубинѣ своей оставаться чистою. Азіатство было сильно только физическою силою. Противъ него нужно было больше защищать государственное русское тѣло.

По этому уже можно судить, какъ несправедливы западноевропейскія сужденія, особенно польскія, объ азіатствѣ русскихъ къ востоку отъ Днѣпра, о томъ что они пересоздались въ татаръ, потеряли свое славянство. Не говоримъ уже о томъ, что при этихъ сужденіяхъ не

оцѣненъ великій, историческій подвигъ русскихъ восточной стороны Днѣпра, задержавшихъ на своихъ плечахъ наплывъ азіатства и спасшихъ отъ него другія славянскія племена и, можетъ быть, даже всю западную Европу.

Въ этихъ сужденіяхъ еще та неправда, будто азіатство могло пересоздать русское славянство. Напротивъ, въ исторіи мы видимъ, что оно вездѣ уступаетъ русскому славянству, что русское славянство обладало изумительною силою претворять въ себя азіатскіе элементы. Одно можно сказать о русскихъ восточной стороны. Въ вѣковой борьбѣ съ азіатствомъ они иногда какъ бы забывали о славянствѣ въ другихъ земляхъ, и когда, восторжествовавъ надъ татарами, повернулись лицомъ къ западу, то очутились какъ бы въ недоумѣніи, гдѣ искать средствъ къ возстановленію и дальнѣйшему развитію своей цивилизаціи? И естественно было недоумѣвать. Прямо передъ ними на западѣ враждебная Польша заслонила собою другія славянскія народности и покрыла своею цивилизаціею даже русскую землю къ западу отъ Днѣпра. Русскимъ нельзя было возстановлять старыя связи съ другими славянами,—южными и западными, и въ единеніи съ ними возсоздавать и развивать просвѣщеніе, искусства, ремесла, а необходимо было кидаться по сторонамъ, то къ азовскому, то къ балтійскому морю, и брать ее изъ чужихъ рукъ. Вотъ очеркъ судьбы русскихъ на восточной сторонѣ Днѣпра.

Русскимъ на западной сторонѣ предстояла отчасти та же работа, что и на восточной. И ихъ съ юга давили азіатскія народности, особенно крымскіе татары, а съ сѣвера у балтійскаго прибрежья были чудскія и литовскія племена, съ которыми тоже нужно было вѣдаться, пока устрои-

лось мирное сожительство. Но этотъ трудъ былъ здѣсь еще сложнѣе,—за нимъ предстоялъ еще новый. На югѣ азіатцы отрѣзывали и западныхъ русскихъ, какъ и восточныхъ, отъ своихъ, родственныхъ славянскихъ племенъ, отъ которыхъ имъ тоже не легко было получать оживленіе славянской жизни, а на сѣверѣ изъ-за литовцевъ и латышей выглядывали рыцарскіе, нѣмецкіе ордена, которые грозили не только физическою, но и нравственною смертью. Наконецъ, прямо на западѣ грозили тою и другою бѣдой поляки, хотя свои, но усвоившіе латинскую цивилизацію, латинскую въ обширномъ смыслѣ — по началамъ римскаго права и латинской вѣры. Противъ всѣхъ этихъ враговъ западно-руссамъ нужно было защищать не только государственное свое тѣло, но и славянскую или литовскую свою душу. Задача была сложнѣе, труднѣе. Отъ того и рѣшена она была здѣсь болѣе неудачно: и государственность не могла прочно устроиться, и душа славянская сильно пострадала. Отъ того-то здѣсь русскими и литовцами остались только крестьяне, недоступные цивилизаціи, а на кого могла дѣйствовать она, тѣ почти всѣ пропали для русскаго и литовскаго народа, по крайней мѣрѣ, не легко предвидѣть, когда они опять къ нему возвратятся.

Вотъ обстоятельства, произведшія раздѣленіе одного цѣльнаго русскаго народа на двѣ половины—восточную и западную.

Раздѣленіе это, хотя сначала чисто внѣшнее и мимолетное, стало обнаруживаться очень рано. Первое обнаруженіе его относится ко второму десятилѣтію XI-го вѣка. Къ этому времени русская жизнь выставила двѣ личности, которыя прекрасно обозначили собою различіе

задачъ русскихъ на востокѣ и на западѣ отъ Днѣпра. Мы разумѣемъ братьевъ Мстислава и Ярослава 1-го. Мстиславъ — храбрый воитель, незнавшій покоя и дѣлъ мирной жизни, знавшій одну дружину и дѣлившій съ нею всѣ блага, набиравшій ее даже не изъ народа русскаго. Ярославъ — человѣкъ мира, устроитель земли, знакомый съ наукою, завязавшій связи почти со всѣми европейскими дворами. Эти-то два различныхъ человѣка въ первый разъ раздѣлили, въ сказанное время, между собою русскую землю: что̀ къ востоку отъ Днѣпра, то принадлежало Мстиславу, что̀ къ западу — Ярославу. Правда, въ самомъ скоромъ времени, послѣ смерти Мстислава (1032 г.), раздѣленіе это было уничтожено. Русская земля обѣихъ половинъ Днѣпра собралась подъ властью одного Ярослава. Но раздѣленіе было уже намѣчено и стало чаще и чаще обнаруживаться. Такъ, оно обнаруживалось не разъ въ борьбѣ черниговскихъ князей съ кіевскими. Въ концѣ XI столѣтія и въ началѣ XII, лучшій русскій человѣкъ, Владиміръ Мономахъ, много трудился для единенія и блага всей русской земли. Онъ прославился и необыкновенными побѣдами надъ кочевниками-половцами, и внутреннимъ устроеніемъ русской земли. Онъ призывалъ всѣхъ ставить благо русской земли выше личныхъ выгодъ и самъ подавалъ въ этомъ примѣръ. Особенно поразительно въ этомъ необыкновенномъ князѣ то, что онъ серьезно заботился о простыхъ, бѣдныхъ людяхъ, наблюдалъ самъ и завѣщалъ дѣтямъ наблюдать, чтобы княжескіе слуги не обижали вдовъ и сиротъ, не притѣсняли слабаго. Онъ даже въ законы того времени внесъ постановленія, ограждавшія наемныхъ людей отъ весьма легкаго тогда

обращенія ихъ въ рабство. Но послѣ Владиміра Мономаха единеніе русской земли все больше и больше разрушалось. Одни изъ его потомковъ переходили на восточную сторону Днѣпра и устроили сильное суздальское княжество; другіе болѣе и болѣе усиливались на западѣ отъ Днѣпра. Усиливались и затѣмъ слились княжества галицкое и волынское. Кіевъ падалъ и былъ до такой степени яблокомъ раздора между князьями, что въ 1169 г. онъ взятъ былъ войсками суздальскаго князя Андрея Боголюбскаго и почти обращенъ въ развалины. Съ тѣхъ поръ онъ уже никогда не могъ возстановить своего гражданскаго значенія, а сохранилъ за собою только религіозное значеніе *). Съ тѣхъ поръ восточно-русская жизнь пошла развиваться своимъ, особымъ путемъ. Западная Россія предоставлена была себѣ, сама должна была устрояться, особо, своими силами.

Попытки къ этой самостоятельной жизни она стала обнаруживать очень рано. Въ ней еще въ XI столѣтіи стали обозначаться два государственныхъ пункта—въ Бѣлоруссіи и въ червонной Руси или Галиціи. Замѣчательно, что въ обоихъ этихъ пунктахъ начинаютъ дѣйствовать двѣ княжескія линіи, осиротѣвшія и какъ бы бездомныя въ русской землѣ: въ Полоцкѣ Изяславичи—потомки рано умершаго старшаго сына Владимірова Изяслава, болѣе извѣстные подъ именемъ Всеславичей, и Ро-

---

*) Значеніе это рѣзко бросается въ глаза и теперь, особенно весною, когда вы видите, что туда собирается какъ бы весь славянскій міръ, и еще шире, весь православный, — когда вы видите различныя, отдѣльныя группы, но всѣ онѣ проникнуты однимъ русскимъ, православнымъ чувствомъ — благоговѣніемъ къ святынѣ кіевской.

стиславичи галицкіе—потомки также умершаго при жизни отца, старшаго сына Ярославова—Владиміра. Пунктъ бѣлорусскій сталъ раньше обозначаться, какъ и вообще Бѣлоруссія скорѣе обнаруживала развитіе всякаго новаго начала. Бѣлоруссы (названіе отъ бѣлой сермяги и бѣлыхъ барашковыхъ шапокъ) суть потомки древнихъ кривичей и дреговичей. Кривичи населяли, по нашей древней лѣтописи, пространство отъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ сближаются верховья Двины и Днѣпра въ нынѣшней смоленской губерніи—и внизъ по этимъ рѣкамъ на значительное пространство. Ими населенъ былъ весь треугольникъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ витебской, минской и могилевской, образуемый верховьями этихъ рѣкъ, и не малое пространство по обѣимъ сторонамъ его въ нынѣшнихъ губерніяхъ,—смоленской, витебской и псковской съ одной стороны, и смоленской и могилевской съ другой. Вверху этого треугольника съ незапамятныхъ временъ существуетъ кривичскій городъ Смоленскъ, затѣмъ по Двинѣ тоже съ древнѣйшихъ временъ—городъ Полоцкъ, а въ серединѣ между Двиной и Днѣпромъ городъ XI вѣка—Минскъ. На югозападѣ въ другомъ углу между Днѣпромъ и Припетью кривичи примыкали къ дреговичамъ, у которыхъ въ XI вѣкѣ былъ особенно извѣстенъ городъ Слуцкъ, а также ихъ же, вѣроятно, былъ еще болѣе древній городъ Туровъ. Кривичи и дреговичи, вѣроятно, не многимъ разнились и потому скоро слились въ одно племя бѣлоруссовъ. Теперь и у Припети такіе же бѣлоруссы, какъ у Двины и верхняго Днѣпра.

Нѣтъ сомнѣнія, что также съ древнѣйшихъ, незапамятныхъ временъ кривичи и дреговичи, т. е. бѣлоруссы распространялись на западъ въ предѣлы верхнихъ ли-

товцевъ и ятвяговъ. И въ литовской и въ ятвяжской странѣ есть не мало русскихъ названій рѣкъ,—названій, какъ извѣстно, самыхъ устойчивыхъ, самыхъ неподатливыхъ на перемѣны. Названія рѣкъ въ Литвѣ: Невѣжа или Невяжа, Святая, Рось—названія русскія. Самыя слова,—Вилія, Вильна, Виленка или Вилейка напоминаютъ русскія слова: вълна, волна, или велія, великая. Въ ятвяжской странѣ рѣки — Бобръ, Нарва носятъ названія славяно-русскія и имѣютъ соименныя рѣки въ восточной Россіи. Есть въ западно-русскихъ названіяхъ рѣкъ и мѣстностей даже прямыя указанія, что разселеніе бѣлоруссовъ въ верхне-литовскую и ятвяжскую страны шло изъ указанныхъ центровъ Бѣлоруссіи. Такъ, рѣка Дисна, тоже, что Десна, правая, впадающая въ Двину съ лѣвой стороны, мало того, что носитъ русское названіе, но могла получить такое названіе только отъ того, что была съ правой стороны у кривичей, разселявшихся на югозападъ отъ Двины выше впаденія въ нее Дисны. Точно также и изъ области дреговичей въ глубь ятвяжской земли ведетъ цѣлый рядъ названій славяно-русскихъ. Особенно важны въ этомъ отношеніи такія названія мѣстностей, въ корнѣ которыхъ есть слово—дорога, что̀ на пространствѣ такихъ болотистыхъ и лѣсистыхъ мѣстъ, какъ отъ верхней Припети и до полѣсья люблинской и сѣдлецкой губерній всегда много значило. Таковы названія: Дороги и даже Старыя Дороги у Слуцка, Доргужа у Пинска, Дорожки на Нарвѣ, Дорогичинъ (по польски Дрогичинъ) на Бугѣ и множество другихъ подобныхъ названій.

Бѣлорусское племя, съ главнымъ своимъ городомъ Полоцкомъ, повидимому, начало обособляться отъ дру-

гихъ русскихъ областей съ самаго начала своей государственности. И древнѣйшій полоцкій князь Рогволодъ неизвѣстнаго происхожденія, и князья этой страны Владимірова рода, начиная съ Изяслава Владиміровича, всѣ почти враждовали съ сосѣдними русскими князьями, вызывали противъ себя цѣлыя коалиціи ихъ, и такъ надоѣли имъ, что были не разъ заточаемы въ Кіевѣ, какъ Всеславъ—внукъ Изяслава и сынъ его Глѣбъ, а въ 1132 г. даже всѣ полоцкіе князья были забраны и заточены въ Царьградъ. Но и воротившись изъ этого заточенія, полоцкіе князья не образумились, а также враждовали и съ другими князьями, и между собою до того, что полоцкая область разбилась на множество малыхъ княжествъ и такъ ослабѣла, что въ первой четверти XIII столѣтія бо̀льшею частью подчинялась смоленскимъ князьямъ. Особенно надоѣдливъ былъ русскимъ князьямъ и долго былъ памятенъ упомянутый Всеславъ Брячиславичъ. Преданія окружили Всеслава баснословными особенностями. Его называли чародѣемъ, быстро переносящимся съ одного мѣста на другое, все знающимъ, способнымъ превращаться въ хищнаго звѣря—волка. Разгадывалась даже таинственность Всеслава: его считали рожденнымъ отъ волхвованія, имѣющимъ особенную силу въ язвѣ на челѣ и въ прикрывавшей ее повязкѣ. Очень вѣроятно, что у Всеслава просто былъ бѣлорусскій колтунъ.

Изъ-за чего же полоцкіе князья такъ враждовали съ другими князьями и вызывали въ нихъ такую вражду? Это ясно видно изъ дѣйствій главнѣйшихъ изъ этихъ князей—отца Всеславова Брячислава Изяславича, самого Всеслава и сына его Глѣба Всеславича. Они нападали

на чужія области, уводили оттуда плѣнныхъ, и заселяли ими свою страну. Есть мнѣніе, что стольный городъ Глѣба—Минскъ весь заселенъ былъ рабами. Очевидно, полоцкіе князья имѣли большую нужду въ людяхъ и забирали ихъ, гдѣ только могли. Но даже этимъ самымъ они въ дѣйствительности не отрывались отъ другихъ русскихъ, а напротивъ болѣе и болѣе сливались. Даже нужды своей православной церкви полоцкіе князья задумывали иногда удовлетворять посредствомъ грабежа. Такъ, однажды Всеславъ пограбилъ было даже новгородскую, софійскую церковь. Но рядомъ съ такими нечестивыми дѣлами развивались въ полоцкой странѣ и явленія, связывавшія ее съ остальной Россіей крѣпкими, достойными узами. Полоцкая земля вмѣстѣ со всею Россіей глубоко чтила русскихъ мучениковъ-князей Бориса и Глѣба. Въ полоцкой землѣ, и вообще въ бѣлорусской странѣ эти мученики даже больше помнились, чѣмъ въ другихъ областяхъ. Въ этой странѣ всегда было много и до сихъ поръ не мало сохранилось церквей въ память св. Бориса и Глѣба, а въ XII вѣкѣ въ Полоцкѣ просіяли великія подвижницы и просвѣтительницы изъ полоцкаго княжескаго рода, св. Параскевія и Ефросинія.

Самое раздробленіе на многія княжества и ослабленіе полоцкой земли повели къ важнымъ, полезнымъ послѣдствіямъ въ будущемъ. Бѣлоруссія сильно колонизировалась въ Литвѣ и сближалась съ ней. Въ началѣ второй половины XII в. мы видимъ, что одинъ изъ князей полоцкаго рода Володарь Глѣбовичъ, князь городецкій (близъ Слуцка), такъ сдружился съ литвинами, что имѣлъ ихъ въ своемъ войскѣ и даже войны велъ

литовскимъ способомъ, т. е. нападая ночью. Съ того же времени и почти до нашествія татаръ мы видимъ многочисленныя нападенія литовцевъ на псковскія, новгородскія и даже тверскія мѣстности. Забираться такъ далеко въ русскія области литвины могли не иначе, какъ черезъ Бѣлоруссію, слѣдовательно они здѣсь были уже свои люди, иначе не могли бы предпринимать черезъ нее такихъ смѣлыхъ походовъ въ глубь Россіи. Въ началѣ XIII вѣка мы и видимъ, что какой-то полоцкій князь Владиміръ не только спокоенъ со стороны Литвы, но имѣетъ по Двинѣ ниже Динабурга русскія колоніи, нерѣдко дѣйствовавшія за одно съ литвинами въ борьбѣ съ ливонскими нѣмцами и, что еще важнѣе, князь этотъ имѣетъ какую-то власть даже надъ отдаленнымъ населеніемъ Ливоніи. Такимъ образомъ, ко времени татарскаго разгрома мы видимъ въ Бѣлоруссіи два направленія: одно изъ нихъ притягиваетъ ее къ русскому востоку, къ Смоленску, другое тянетъ ее на западъ въ предѣлы Литвы и подготовляетъ къ соединенію съ Литвой.

Судьба червонной Руси и князей ея нѣсколько похожа на судьбу Бѣлоруссіи; но какъ всегда, такъ и въ то время дѣла въ малороссійской области развивались медленнѣе и прочнѣе. Родъ Ростиславичей сидѣлъ крѣпче въ своей землѣ. Противъ него также возставали князья кіевскіе; но не легко съ нимъ было бороться открыто. Это были большею частью очень даровитые князья, и нѣкоторые изъ нихъ задумывали широкіе планы дѣйствій. Въ концѣ XI вѣка особенно выдвинулся современникъ и, по тогдашнему мнѣнію, другъ Владиміра Мономаха Василько Ростиславичъ. Онъ задумывалъ заселить свою страну дунай-

скими болгарами, поразить поляковъ и оградить отъ нихъ русскую землю, и наконецъ, подобно Владиміру Мономаху идти мстить за русскую землю кочевникамъ половцамъ. Онъ одушевленъ былъ возвышенными чувствами и полагалъ, что его сосѣди—князь волынскій, Давидъ Игоревичъ, и князь кіевскій, Святополкъ Изяславичъ, будутъ радоваться его предпріятіямъ и дадутъ ему свои полки, а сами будутъ спокойно сидѣть дома и веселиться. Но не таковы были эти князья. Они видѣли, что въ то время, какъ ихъ съ востока давитъ силою своихъ доблестей Владиміръ Мономахъ, бывшій тогда переяславскимъ княземъ, съ запада будетъ ихъ давить тоже доблестный князь Василько. Особенно его боялся волынскій князь, Давидъ Игоревичъ. Онъ задумалъ и совершилъ съ согласія кіевскаго князя Святополка Изяславича страшное злодѣяніе,—коварно захватилъ и ослѣпилъ Василька Ростиславича.

Злодѣяніе это произвело великую смуту въ средѣ князей, но не разрушило галицкой государственности. Противъ преемника Василька, Владимірка, кіевскіе князья ходили открыто и также цѣлыми группами, но тоже безуспѣшно. Владимірко удержалъ и оставилъ преемникамъ свое княжество очень сильнымъ. Княжество это особенно устроилъ и усилилъ преемникъ Владимірка, Ярославъ Осмосмыслъ. Онъ увеличилъ благосостояніе страны; расширилъ свою власть къ люблинской странѣ. Мелкіе князья галицкіе сидѣли по Бугу, въ Брестьѣ, Дорогичинѣ, Брянскѣ. Могущество Ярослава Осмосмысла такъ воспѣто въ извѣстномъ, поэтическомъ произведеніи—Словѣ о полку Игоревѣ: „Ты, Ярославъ, подпираешь своими желѣзными полками карпатскія горы, запираешь

ворота Дуная, заграждаешь путь венгерскому королю, запираешь ворота къ Кіеву и далеко мечешь твои стрѣлы“.

Впрочемъ, это могущество Ярослава и вообще галицкихъ князей-Ростиславичей не было такъ грозно, какъ казалось поэту. Они сильно ослабляли себя отношеніями къ западнымъ сосѣдямъ, съ которыми то бились, то дружились и роднились, какъ напримѣръ, съ венгерскими и польскими королями. Дружба и родство вредили больше самыхъ битвъ. Они вносили сюда чужія начала жизни, производили рознь въ семьѣ княжеской, порождали преступныя связи, подорвавшія совершенно наслѣдственныя права князей. Этимъ путемъ и изгибъ родъ Ростиславичей. Паденіе его сопровождалось и разслабленіемъ всѣхъ галицкихъ верхнихъ силъ. Заразившись тѣми же чужими началами жизни, галичане развили у себя сильное боярство, которое забирало въ свои руки власть. Такимъ образомъ, и галицкая государственность склонялась къ паденію подобно бѣлорусской. Но ей явилась поддержка, которая на долго протянула ея существованіе. Поддержка пришла изъ сосѣдней—волынской области.

Образованіе волынскаго княжества имѣетъ самую тѣсную связь съ историческимъ значеніемъ при-припетской страны. Кіевскіе князья хорошо понимали значеніе этой страны. Еще Владиміръ посадилъ старшаго своего сына Святополка въ Туровѣ. Послѣ него почти каждый кіевскій князь разсаживалъ своихъ сыновей или ближайшихъ родственниковъ по Припети. Въ XII столѣтіи образовалась цѣлая система княжествъ по Припети и дальше до Нѣмана, у Гродна — крайняго тогда

западнаго предѣла русской государственной земли. Князья сидѣли въ Чернобылѣ, Туровѣ, Давыдъ-городкѣ, Пинскѣ, послѣ въ Слонимѣ, Волковыйскѣ, Гроднѣ, гдѣ до сихъ поръ сохраняются дорогіе остатки памятника русской вѣры здѣсь съ XII в., остатки церкви св. Бориса и Глѣба на Коложѣ. Этимъ путемъ кіевскіе князья держали какъ бы ключъ къ Бѣлоруссіи и червонной Руси, могли производить вліяніе на ту и другую. Эта умная теорія ослаблялась значительно тѣмъ, что кіевскіе князья часто мѣнялись. Съ ними вмѣстѣ мѣнялись и припетскіе князья, или же упрямились и еще болѣе разрушали эту опору Кіева. Когда же Кіевъ потерялъ государственное значеніе, то пало совсѣмъ и значеніе при-припетской страны.

Съ ослабленіемъ Кіева и при-припетской страны, волынское княжество естественно стало усиливаться. Къ концу XII вѣка здѣсь выдвинулась линія Мономаховичей черезъ Мстислава Изяславича. Когда упалъ родъ галицкихъ князей, галичане призвали волынскаго князя Романа Мстиславича, и волынское княжество слилось съ галицкимъ. Первымъ послѣдствіемъ этого сліянія была борьба Романа противъ литовскаго племени ятвяговъ, которые послѣ этого сліянія входили, какъ бы угломъ, въ новое, галицко-волынское княжество. Тогда-то составилась извѣстная поговорка: Романе, Романе, дурно живеши, Литвой ореши! Романъ тѣснилъ ятвяговъ, занимавшихся почти исключительно звѣроловствомъ, и заставлялъ ихъ обращаться къ земледѣлію. Вмѣстѣ съ этой борьбой съ ятвягами, сила галицкая увеличивалась въ нынѣшней люблинской области и завязывалась борьба галицкихъ князей съ польскими, мазовецкими князьями,

Въ самомъ началѣ XIII столѣтія Романъ галицкій и палъ въ битвѣ во время этой борьбы.

Жестокія внутреннія и внѣшнія смуты поднялись въ галицкомъ княжествѣ послѣ смерти Романа, и оно находилось въ большой опасности. Но оно было еще надолго поддержано слѣдующимъ образомъ.

Въ то время какъ подлѣ припетской страны образовалось волынское княжество, слившееся съ галицкимъ, ближайшая къ волынскимъ князьямъ княжеская вѣтвь Мономахова рода — Ростиславичи утвердились на Днѣпровской водной системѣ, въ Смоленскѣ. Они, какъ мы знаемъ, достигли господства надъ Бѣлоруссіей. Они же откликались и на нужды галицкихъ князей. Ростиславичи летѣли къ нимъ на помощь. Такъ Мстиславъ Удалой защищалъ права малолѣтняго князя Даніила галицкаго. Защищалъ онъ его безъ надлежащаго такта, но важна была эта связь смоленскихъ князей съ галицкими. Этимъ путемъ границы обоихъ княжествъ смоленско-бѣлорусскаго и волынско-галицкаго могли бы сдвинуться, и могъ бы вырабатываться для всей западной Россіи одинъ русскій государственный пунктъ.

Но... нахлынулъ ужасный девятый валъ—татары— и снесъ все, что строили русскіе князья, и на востокѣ, и на западѣ отъ Днѣпра. Вездѣ нужно было какъ бы совершенно вновь строить русскую государственность. Самое медленное и прочное созиданіе происходило въ восточной части Россіи, сосредоточившей въ XIV в. свою государственность въ Москвѣ. Но за подобное же строеніе взялись тоже въ западной Россіи, одновременно и въ Галиціи, и въ Бѣлоруссіи.

ЧТЕНІЕ IV.

Очеркъ состоянія западной Россіи послѣ татарскаго ига. Возстановленіе государственности въ галицко-волынскомъ княжествѣ Даніиломъ Романовичемъ. Сближеніе его съ западомъ. Необходимость подчиниться Батыю. Новое сближеніе съ западомъ. Слава Даніила. Татары разрушаютъ могущество галицко-волынскаго княжества. Политическая теорія татаръ. Разореніе галицко-волынскихъ крѣпостей. Война съ союзниками галицкихъ князей и требованіе галицкаго войска. Быстрое ослабленіе галицко-волынскаго княжества. Раздробленіе его. Подчиненіе одной части его Польшѣ, соединеніе остальной съ литовскимъ княжествомъ. Очеркъ исторіи литовскаго княжества. Причины быстраго возстановленія литовскаго княжества. Верхняя Литва. Быстрое сближеніе ея съ Русью. Нижняя Литва или Жмудь. Обстоятельства, вызвавшія ее на поприще исторической дѣятельности. Тевтонскій и ливонскій ордена. Ихъ поселеніе по сосѣдству съ Литвой. Исторія этихъ орденовъ. Принципы ихъ исторической дѣятельности, религіозный и національный. Давленіе на нижнюю Литву. Движеніе этой послѣдней на юго-востокъ въ русскія области. Образованіе литовско-русскаго государства. Замѣчательнѣйшіе князья литовскіе до Гедимина. Ихъ политика. Лучшій исходъ изъ труднаго положенія. Сближеніе съ русскими *).

Мы видѣли, что полоцкій государственный пунктъ потерялъ значеніе еще до татарскаго нашествія. Смоленскій пунктъ, имѣвшій значеніе поддерживавшей силы

---

*) Кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій гг. Дашкевича и Антоновича, можно читать объ этихъ временахъ: Приложеніе къ пятому выпуску памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ

и для Бѣлоруссіи и для галицко-волынскаго княжества и, повидимому, обѣщавшій стать общимъ средоточіемъ для всей западной Россіи, съ татарскимъ нашествіемъ также утратилъ это значеніе. Но не утратило его галицко-волынское княжество. Оно и взялось теперь создавать государственность западной Россіи. Татарское нашествіе поразило и его. Но малороссійская земля и малороссійское племя могли вынести многое и долго. Въ Малороссіи ничто не теряетъ жизни скоро, ничто не погибаетъ быстро. Галицко-волынское княжество просуществовало послѣ татарскаго нашествія еще цѣлое столѣтіе, еще цѣлое столѣтіе собирало около себя западно-русскія силы. Этимъ столѣтнимъ существованіемъ оно особенно было обязано необыкновенному западно-русскому человѣку, Даніилу Романовичу, галицко-волынскому князю.

Даніилъ зналъ, что татарская гроза, разразившаяся въ 1236 г. надъ восточною Россіей, приближается и къ западной Россіи и собирается поразить также и ее. Онъ рѣшился принять противъ нея мѣры. Онъ утвердилъ свою власть въ Кіевѣ, и поручилъ защищать его отъ татаръ храбрѣйшему своему воеводѣ, знаменитому Димитрію, поразившему своею доблестью даже татаръ, а самъ отправился въ Венгрію убѣждать короля Белу соединиться съ нимъ для противодѣйствія татарамъ. Но покамѣстъ онъ убѣждалъ несговорчиваго союзника, татары въ 1240 г. нахлынули на западную Россію, пре-

---

имперіи, издававшихся по Высочайшему повелѣнію П. Н. Батюшковымъ. Вильна (изслѣдованіе о виленскихъ и вообще литовскихъ древностяхъ) профессора В. Г. Васильевскаго, изд. 1872 г.

вратили въ груду развалинъ славный Кіевъ, двинулись на Волынь, въ Галицію, также разрушая города и нерѣдко истребляя все населеніе ихъ. По наставленію взятаго въ плѣнъ и обласканнаго Батыемъ Димитрія, татары затѣмъ пошли дальше, обогнули карпатскія горы, разорили Венгрію, далѣе южныя славянскія государства и по южной окраинѣ нынѣшней Россіи возвратились въ восточную Россію.

Даніилъ, запрятавшійся во время этого разгрома въ западныя области Польши, возвратившись въ опустошенное свое государство, долженъ былъ заняться прежде всего удовлетвореніемъ насущной потребности, — возсозданіемъ разрушеннаго. Нужно было прежде всего собрать разбѣжавшійся народъ и обстроиться. О политическихъ дѣлахъ некогда было и думать. Но раньше или позже необходимо было опредѣлить свое политическое положеніе. Въ то время въ европейскомъ мірѣ съ прибавкой значительной части Азіи было двое владыкъ: на востокѣ татарскій ханъ, на западѣ—римскій папа, посылавшій хану даже замѣчаніе за разореніе его вѣрныхъ дѣтей—поляковъ, моравовъ, венгровъ. Даніилу нужно было выбрать одного изъ этихъ двухъ владыкъ. Татарскій ханъ внушалъ ему естественное отвращеніе. Онъ обратился на западъ и здѣсь сталъ искать силы. Между нимъ и папою происходили совѣщанія о войнѣ противъ татаръ, о вѣнчаніи Даніила королевскимъ вѣнцомъ отъ папы и вмѣстѣ объ уніи церквей. Совѣщанія эти на первый разъ не повели къ соглашенію, безъ сомнѣнія, потому особенно, что унія церквей показалась слишкомъ странною духовенству и народу галицко-волынскому. Очень вѣроятно также, что Даніилъ видѣлъ несостоя-

тельность папской помощи. Но покуда происходили эти совѣщанія съ папою, татарская сила, какъ догадываются, по наущенію самого папы, предъявила къ Даніилу свои права на его подчиненіе. „Дай Галичъ", прислалъ сказать Даніилу Батый. Дай Галичъ, т. е. дай въ управленіе татарамъ самый западный пунктъ государства Даніила, пунктъ, который бы передъ лицомъ всей Европы служилъ позорнымъ свидѣтельствомъ Даніиловой покорности татарамъ. Понятное дѣло, какъ это должно было поразить образованнаго, могущественнаго, извѣстнаго западу Даніила. „Не дамъ Галича", сказалъ Даніилъ, но въ то же время, безъ сомнѣнія, подумалъ: „я не имѣю также помощи и отъ запада. Поэтому — пойду и поклонюсь Батыю".

Съ великою болью въ душѣ отправился Даніилъ къ Батыю. Можно было ожидать себѣ всякаго худа, даже смерти, но едва ли не хуже смерти было для Даніила поклониться варвару-азіатцу. Помолившись дома и въ Кіевѣ и приготовившись къ смерти, Даніилъ перешелъ за Днѣпръ и направился черезъ степи къ Батыю. Азіатцу понравилась такая покорность могущественнѣйшаго русскаго князя. „Дурно, что̀ до сихъ поръ не пріѣзжалъ, но хорошо, что хоть теперь пріѣхалъ; пьешь ли нашъ напитокъ кумысъ?" сказалъ Даніилу Батый. „Не пилъ, но если велишь, буду пить."—„Пей, теперь ты нашъ— татаринъ". Можно себѣ представить, какъ горька была Даніилу такая честь, какъ мучительно было для него все это вниманіе варвара! Но въ практической жизни этотъ позорный почетъ принесъ Даніилу великую пользу.

Когда онъ возвратился назадъ и разнеслись слухи о вниманіи къ нему Батыя, то всѣ сосѣди наперерывъ

стали искать его дружбы: король польскій и тотъ же венгерскій король Бела, который прежде не желалъ быть союзникомъ Даніила. Даніилъ былъ страшенъ имъ въ союзѣ съ татарами, такъ живо еще памятными! Это вниманіе къ Даніилу западныхъ сосѣдей увлекло его снова, и еще больше прежняго, къ сближенію съ западомъ. Начались снова совѣщанія съ папою, и наконецъ Даніилъ дѣйствительно коронованъ былъ королевскимъ вѣнцомъ отъ папы. Впрочемъ, Даніилъ, какъ не думалъ пользоваться союзомъ съ татарами противъ запада Европы, такъ опять увидѣлъ, что нельзя полагаться и на помощь запада противъ татаръ. Ему стало извѣстно, что въ западной Европѣ никто не слушаетъ папскаго призыва идти въ крестовый походъ противъ татаръ. Можетъ быть, ему извѣстно было даже и то, что папа призывалъ ливонскій орденъ и другихъ государей воевать Россію. Независимость свою Даніилъ старался теперь создать собственными средствами. Съ этою цѣлью онъ усердно строилъ крѣпости въ своемъ государствѣ на случай борьбы съ татарами, которую скоро и началъ. Пользуясь бездарностью ближайшаго татарскаго правителя Куремсы, онъ нѣсколько разъ поражалъ татарскіе отряды, врывавшіеся въ его княжество. Успѣхъ въ этомъ дѣлѣ еще болѣе возвеличилъ Даніила и могущество его достигло, по видимому, высшей степени. То военными дѣлами, то мирными договорами и родственными связями онъ далеко распространилъ свою власть и вліяніе на Литву, до Волковыйска, Слонима и Новгородка, которыми владѣлъ, подъ верховною властью литовскаго князя Миндовга, сынъ Даніила Романъ. Вліянію Даніила подчинялась даже отдаленная Жмудь. На

польскихъ князей Даніилъ такъ вліялъ, что они сами признавали его главой всѣхъ въ союзныхъ походахъ съ нимъ. Даніилъ началъ оказывать прямое воздѣйствіе и на болѣе дальній западъ,—помогалъ съ своимъ войскомъ венгерскому королю въ его борьбѣ съ австрійцами, и сильно поражалъ вниманіе западно-европейцевъ, какъ собою, такъ и стройностью и вооруженіемъ своего войска.

Но на дѣлѣ оказалось снова, что ничтожны и западная слава Даніила, и западныя связи его, и даже собственныя усилія создать и защитить самостоятельность своего государства. На мѣсто бездарнаго Куремсы явился даровитый и энергическій татарскій вождь Бурундай, и потребовалъ у Даніила уже не одного города, а сталъ требовать срытія одного города, т. е. крѣпости, за другимъ. Требованіе предъявлено такъ неожиданно и съ такою готовностью поддержать его силою, что необходимо было подчиниться. Братъ и вѣрный другъ Даніила, Василько, князь волынскій, сталъ исполнять это жестокое требованіе, сдавать татарамъ для разоренія одинъ городъ за другимъ. Уцѣлѣлъ одинъ видный городъ, любимый городъ Даніила и его резиденція — Холмъ, благодаря хитрости Василька и догадливости храбраго гарнизона.

Политика татарская пошла дальше. Уничтоживъ мѣстныя средства Даніила, татары рѣшились уничтожить еще и ту силу его, какую онъ имѣлъ въ союзникахъ-сосѣдяхъ. „Ты нашъ другъ, объявили ему татары, пойдемъ съ твоими войсками наказывать нашего врага, венгерскаго короля“. Даніилъ посылалъ свои войска воевать союзныхъ венгровъ. Затѣмъ: „ты нашъ другъ, пойдемъ

воевать нашего врага литовскаго князя", также союзника Даніила. Даніилъ долженъ былъ рвать собственными руками и этотъ союзъ. Тоже дѣлалось и по отношенію къ Польшѣ. Даніилъ не могъ долго пережить такихъ страданій. Въ 1264 году онъ умеръ, а за нимъ вскорѣ и его братъ и вѣрный другъ, Василько.

Этимъ способомъ галицко-волынское княжество, если выразиться по просту, было совершенно замаяно и легко уже могло распасться. Этому помогли и внутреннія неустройства его. Послѣ смерти Даніила и Василька, галицко-волынское княжество раздѣлилось на слѣдующія части: Львовъ и окружавшія его области достались старшему сыну Даніила, Льву; белзскій округъ другому сыну Шварну; одна часть волынскаго княжества съ г. Владиміромъ-Волынскимъ была во владѣніи наслѣдниковъ Василька, другая —луцкая область — во владѣніи третьяго сына Даніила, Мстислава.

Въ первой половинѣ XIV столѣтія родъ галицкихъ князей сталъ быстро вымирать, и около сорокового года XIV столѣтія не осталось ни одного изъ нихъ. Юго-западная часть этого обширнаго княжества, область галицкая завоевана была въ 1340 году польскимъ королемъ Казиміромъ; область белзская досталась мазовецкимъ князьямъ; вся остальная часть—волынская перешла по наслѣдству къ литовскимъ князьямъ черезъ Любарта, сына Гедиминова, породнившагося съ Владиміро-волынскимъ княжескимъ родомъ. Такимъ образомъ, будущность западной Россіи сдана на руки чужимъ и главнымъ образомъ литвинамъ.

Мы видѣли, что еще задолго до татарскаго нашествія литвины сближались съ бѣлоруссами и проходили въ

восточную Россію черезъ ихъ страну, какъ свои люди. Позднѣйшія западно-русскія лѣтописи относятъ къ этимъ временамъ и основаніе литовской государственности въ Новгородкѣ литовскомъ и даже въ Полоцкѣ. Современная наука показываетъ, что эти извѣстія, невѣрныя во многихъ частностяхъ, не лишены однако основанія и требуютъ тѣмъ большаго вниманія, что въ нашихъ русскихъ лѣтописяхъ несомнѣненъ пропускъ многихъ извѣстій и даже именъ князей бѣлорусскихъ. Но и въ этихъ лѣтописяхъ есть указаніе на то, что литовская государственность возникла до татарскаго нашествія. Еще до татарскаго нашествія, именно, въ 1235 году пріобрѣлъ большую силу литовскій князь Миндовгъ, столицей котораго въ началѣ татарскаго ига былъ Новгородокъ литовскій, гдѣ, вѣроятно, княжилъ въ еще болѣе раннее время и отецъ Миндовга Рынгольдъ.

Татарское нашествіе, поразившее русскихъ въ южной половинѣ западной Россіи, придвинуло новыя массы ихъ къ литовскимъ предѣламъ и явно вызывало Литву двинуться на юго-востокъ и утвердить свою власть надъ этими русскими, представлявшими теперь легкую добычу и даже расположенными признать надъ собою литовскую власть, чтобы имѣть въ ней защиту отъ татаръ. Объединеніе между этими новыми силами—литовскими и русскими и устройство ими новой западно-русской государственности подвигалось очень быстро и легко. Литвины **верхней** Литвы, давніе сосѣди русскихъ, особенно облегчали это дѣло. Но въ XIII столѣтіи стали придвигаться къ западно-русскимъ поселеніямъ еще новыя литовскія силы, уже болѣе чистыя, менѣе знакомыя русскимъ, — силы нижней Литвы или Жмуди. Этотъ

новый наплывъ Литвы вызванъ былъ не только татарскимъ разгромомъ Россіи, вызывавшимъ хищниковъ, но и новымъ бѣдствіемъ самихъ литвиновъ, — поселеніемъ у балтійскаго прибрежья духовно-рыцарскихъ, нѣмецкихъ орденовъ — ливонскаго и прусскаго или меченосцевъ и крестоносцевъ (названія отъ меча и креста, бывшихъ гербами этихъ орденовъ, нашиваемыми на плащахъ).

Ливонскій орденъ основался въ 1202 г., прусскій въ 1227 г. Въ 1237 г. оба ордена заключили между собою союзъ и стали дѣйствовать противъ Литвы за одно съ двухъ сторонъ. Значеніе ихъ въ исторической судьбѣ литовскаго народа и всей западной Россіи очень велико. Мы должны нѣсколько остановиться на исторіи этихъ орденовъ и присмотрѣться къ основнымъ ихъ принципамъ.

Извѣстно, что они силою меча обращали въ христіанство чудскія и литовскія племена. Употребленіе силы для цѣлей вѣры встрѣчается и въ исторіи другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, кромѣ латинскаго, но встрѣчается какъ рѣдкое, случайное явленіе, не вытекающее изъ началъ вѣры и отъ того большею частію безразсудное, нелѣпое, неупорядоченное. О латинскихъ духовно-рыцарскихъ орденахъ этого никакъ нельзя сказать. У нихъ употребленіе матеріальной силы для цѣлей вѣры было строгою, выработанною системою. Оно дѣйствительно и вытекало строго, логично изъ началъ латинства. Только латинство можетъ производить это смѣшеніе духовныхъ и земныхъ интересовъ, небесныхъ и земныхъ цѣлей. Оно выражаетъ такое смѣшеніе въ лицѣ папы—духовнаго и мірского владыки, выражаетъ его въ

іезуитствѣ, въ конкордатахъ. Оно выразило его и въ духовно-рыцарскихъ орденахъ, явившихся, какъ извѣстно, во времена крестовыхъ походовъ, когда вся Европа шла на востокъ съ мечемъ и крестомъ подъ предводительствомъ папы. Въ эти-то времена и подъ вліяніемъ этихъ идей образовались оба сказанные нами ордена. Ливонскій орденъ или Меченосцевъ учрежденъ собственно для Ливоніи. Но онъ не имѣлъ такого большого значенія, какъ прусскій или тевтонскій орденъ, вышедшій съ востока.

Въ XII столѣтіи этотъ послѣдній орденъ образовался въ Іерусалимѣ собственно для защиты и призрѣнія пилигримовъ, отправлявшихся на востокъ. Когда дѣла крестоносцевъ стали плохи на востокѣ, онъ переселился въ Италію. Добрыми свойствами своихъ членовъ и дѣлами милосердія онъ пріобрѣлъ особенное расположеніе папы и германскихъ императоровъ. Мало по малу въ пользу этого ордена стали давать имѣнія въ разныхъ странахъ Европы. Нѣсколько такихъ имѣній дано было ему въ Германіи по сосѣдству съ Польшею, и за тѣмъ въ самой Польшѣ, въ сѣверо-западной ея части. Въ 1227 г. неразумнѣйшій полякъ, мазовецкій князь Конрадъ, владѣнія котораго часто опустошали сосѣдственные пруссы, призвалъ этотъ орденъ къ поселенію въ Пруссіи вопреки дальновиднымъ предостереженіямъ друзей. Прусскій орденъ, какъ мы уже сказали, вскорѣ соединился съ ливонскимъ, и оба стали энергично вести пропаганду въ прибалтійскихъ языческихъ странахъ. Рыцари изъ всей Европы стали стремиться въ эти страны и вступали въ оба ордена.

Понятны причины, вызывавшія это религіозное дви-

женіе противъ чудскихъ и литовскихъ племенъ. Эти племена въ то время были единственными язычниками въ Европѣ. При сильномъ религіозномъ оживленіи Европы во времена крестовыхъ походовъ, они не могли не обратить на себя вниманія и не вызвать противъ себя религіозной пропаганды. Впрочемъ, кромѣ чисто-религіозныхъ причинъ, пропаганда эта вызвана была и поддержана также и мірскими побужденіями. Извѣстно, что по балтійскому прибережью давно велась торговля, особенно между нѣмецкими городами и Новгородомъ и Псковомъ. Нѣмцы не могли не замѣтить, какія удобныя мѣста для поселенія находятся на этомъ прибережьи, занятыя грубыми язычниками. Религіозное оживленіе подало имъ прекрасный поводъ утвердить здѣсь свое торговое и національное господство. Оттого мы видимъ, что въ оба ордена больше всего вступали нѣмцы, да и самъ орденъ крестоносцевъ учрежденъ былъ въ Палестинѣ собственно для нѣмцевъ. Такимъ образомъ, религіозная латинская пропаганда слилась въ одно съ нѣмецкою національною, и обѣ стали утверждать свое господство у балтійскаго прибережья и легли страшною тягостью на жившихъ здѣсь чудскихъ и литовскихъ племенахъ, а черезъ нихъ и на западной Россіи.

Западной Россіи пришлось искупать теперь свой старый историческій грѣхъ. Нѣсколько вѣковъ русскій народъ жилъ вблизи литвиновъ, латышей не просвѣтилъ ихъ своею православною цивилизаціею и дождался, что это дѣло взяли въ свои руки латинянe-нѣмцы. Впрочемъ, это грѣхъ невольный и едва ли могъ быть исправленъ заблаговременно. Медленное

ознакомленіе прибалтійскихъ язычниковъ съ православною русскою цивилизаціею происходило не отъ неподвижности православія, въ которой его многіе обвиняютъ, а отъ того, что православіе, чуждаясь, по основнымъ своимъ принципамъ, насилія, по необходимости распространяется тихо, медленно, незамѣтно. Все несчастіе русскаго народа въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, заключается въ томъ, что рядомъ съ нимъ живутъ сосѣди, не разборчивые на средства, развивающіе свою жизнь быстро и выхватывающіе у него его медленную работу. Это же несчастіе подарило намъ исторію и прусскихъ и ливонскихъ рыцарей.

Литвины, вдругъ встревоженные такими жестокими сосѣдями, вступили съ ними въ борьбу на жизнь-на смерть, защищая отъ нихъ и свою языческую вѣру, и свою литовскую національность, и наконецъ свою государственность. Но силы орденовъ были неистощимы, освѣжались и усиливались новыми выходцами изъ западной Европы. Притомъ на ихъ сторонѣ было превосходство вооруженія и военнаго искусства. Литвинамъ пришлось по необходимости подаваться мало по малу назадъ и надвигаться на свой, верхне-литовскій и затѣмъ западно-русскій народъ. Это вынужденное движеніе литвиновъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ еще болѣе ускорило образованіе литовско-русскаго государства и народное объединеніе литвиновъ и русскихъ.

Первыми и болѣе видными строителями литовско-русской государственности были слѣдующіе литовскіе князья:

Упомянутый уже нами Миндовгъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ, какъ сильный литовскій князь, въ 1235 г. и

во время своего княженія до 1263 г. далеко распространившій свою власть въ предѣлахъ Бѣлоруссіи. Власть его изъ Новгородка простиралась и на сѣверо-востокъ по Двинѣ на полоцкую область, и на юго-западъ на страну Припети-Пинскъ, Туровъ. Захватывала она даже и смоленскую область. Такимъ образомъ, уже Миндовгъ кромѣ чистой Литвы владѣлъ всѣмъ тѣмъ пространствомъ Бѣлоруссіи, какое ограничивается рѣками: Двиной, Днѣпромъ и Припетью. Все это пространство быстро вошло въ составъ новаго литовско-русскаго государства.

Далѣе. Послѣ двадцатилѣтнихъ смутъ, вызванныхъ послѣ смерти Миндовга и выдвигавшихъ то совершенно обрусѣвшихъ литовскихъ князей, какъ сынъ Миндовга Войшелкъ, или княжившій въ Полоцкѣ князь литовскій Товтивилъ, то ревностныхъ язычниковъ, какимъ былъ литовскій князь Тройденъ, выступилъ на историческое поприще новый литовскій княжескій родъ, давшій цѣлый рядъ доблестныхъ литовско-русскихъ государей. Первыми изъ нихъ были два брата, княжившіе преемственно: Витенъ, мужественно отражавшій западныхъ враговъ литовскаго государства—ливонскихъ и прусскихъ рыцарей и поляковъ, и знаменитый устроитель литовскаго государства Гедиминъ (съ 1315 по 1340 г.), который со всею ясностію понялъ значеніе русскихъ силъ въ его государствѣ и умно пользовался ими для борьбы съ внѣшними врагами и для внутренняго благоустройства. Въ его княженіе границы литовскаго государства значительно были раздвинуты на сѣверъ за Двину и на юго-западъ за Припеть.

Всѣ эти князья, взявшіе въ свои руки судьбу западной Россіи, стали въ положеніе, довольно сходное съ по-

ложеніемъ галицко-волынскихъ князей. Подобно имъ, они должны были защищать свою самобытность то отъ татаръ, то отъ западно-европейцевъ. Борьба съ татарами у нихъ, впрочемъ, была очень счастлива; они почти всегда поражали татарскія полчища и никогда не знали надъ собой татарской власти, что очень помогало имъ распространять свою власть надъ западно-русскими областями. Но что касается до борьбы съ западно-европейскими силами, то она имѣла далеко не столь благопріятные результаты. Литовскіе князья, подобно галицко-волынскимъ, приходили въ этомъ случаѣ къ мысли вступить въ сдѣлку съ западной Европою, помириться съ ней на латинствѣ. Такъ Миндовгъ, ревностный и могущественный двигатель литовскаго язычества, принужденъ былъ почти одновременно съ Даніиломъ галицкимъ дружиться съ папою. Въ 1255 г. онъ принялъ латинство и королевскій вѣнецъ. Подобнымъ путемъ думалъ идти и Гедиминъ; но онъ не съ рыцарями устроялъ сдѣлки, какъ Миндовгъ, а обращался къ самимъ папамъ, открывалъ передъ ними Литву для латинства, т. е. литовскіе князья рѣшались допускать латинство въ своемъ государствѣ съ тѣмъ, чтобы избавиться отъ нападеній рыцарей и уничтожить самую причину существованія ихъ подлѣ себя. На дѣлѣ однако выходило, что этимъ путемъ литвины попадали подъ бо̀льшую еще власть рыцарей. Миндовгу, напримѣръ, приходилось признать ихъ наслѣдниками его княжества. То есть: усвоеніе латинской цивилизаціи грозило и государственною гибелью Литвѣ. Въ этомъ отчаянномъ положеніи, литовскіе князья рвали всѣ узы, соединявшія ихъ съ западомъ, отвергали латинство, какъ это сдѣлалъ тотъ же Миндовгъ, и пыта-

лись оживить и поставить выше всего языческій-литовскій элементъ. Но и этимъ путемъ Литва немного выигрывала. Рыцари накидывались на нее съ удвоенною силою, а между тѣмъ невольно закрадывалось сознаніе, что литовское язычество не можетъ служить основою литовской исторической жизни. Со всѣхъ сторонъ чувствовалось христіанское вліяніе, которое поражало и уничижало литовское язычество. Изъ этихъ жестокихъ затрудненій литвинамъ былъ одинъ благополучный выходъ,—незамѣтное, легкое и безопасное тогда для ихъ государственности сближеніе и слитіе съ западно-руссами. Къ этому выходу и направилась ихъ исторія, какъ увидимъ въ слѣдующій разъ.

ЧТЕНІЕ V.

Очеркъ внутренняго языческаго быта Литвы. Литовская миѳологія. Литовскія божества. Капища. Языческая литовская іерархія. Кривэ-кривейте, кривейты, вайделоты и вайделотки. Литовскіе праздники. Важное значеніе вайделотовъ. Трудность разрушить выработанную литовскую систему религіозную фанатическими мѣрами. Благопріятное отношеніе въ этомъ случаѣ къ литвинамъ русскихъ. Причины, содѣйствовавшія сближенію литвиновъ съ русскими: характеръ православія, готовность русскихъ подчиниться литовской государственности, историческая близость къ литвинамъ бѣлоруссовъ, политическія побужденія литовскихъ князей удаляться изъ Жмуди на юговостокъ къ западной Россіи. Ясные и полные слѣды русскаго склада жизни въ Литвѣ. Политическія послѣдствія этого—русское направленіе литовской исторіи. Древніе признаки этого—обрусѣніе древнѣйшихъ литовскихъ княжескихъ родовъ. Ольгердъ—представитель русскаго направленія въ политической жизни литовскаго княжества. Увеличеніе его владѣній въ западной Малороссіи и вліянія на востокѣ отъ Днѣпра. Сила русскаго элемента въ Литвѣ при немъ. Признаки раздѣленія между русскою и жмудскою Литвою. Внѣшнія трудности и внутреннія смуты въ Литвѣ послѣ смерти Ольгерда. Ягайло, Кейстутъ, Витовтъ. Обстоятельства, побудившія Ягайлу искать себѣ союзниковъ на сторонѣ *).

Мы видѣли, что литовское княжество, сдѣлавшееся государственнымъ центромъ всей западной Россіи, очутилось среди неодолимыхъ затрудненій. Въ немъ обна-

*) О литовской миѳологіи болѣе подробный сводъ свѣдѣній въ XIV главѣ втораго тома Исторіи Россіи Д. И. Иловайскаго, а

ружилось естественное желаніе сохранить свою литовскую самобытность и развиваться по ея началамъ; но это было невозможно: литовскій языческій бытъ долженъ былъ погибнуть и пересоздаться въ христіанскій. Но на этомъ послѣднемъ пути Литва была между явною смертію, со стороны рыцарей, которые грозили гибелью не только религіозной, но и народной и государственной жизни литовскаго княжества, и между жизнію со стороны русскихъ, жизнію, которая тоже походила на смерть, если не для государственности, то для литовскаго язычества и въ нѣкоторой степени для литовской народности. Мы видѣли, что литовскіе князья подъ вліяніемъ этихъ трудностей колебались въ своей политикѣ. То въ нихъ пробуждалась ревность къ своему родному язычеству, то они склонялись на сторону западно-европейской латинской цивилизаціи, то сближались съ русскими и роднились съ ними жизнію и душою. Но колебанія не могли быть постоянны и долговременны. Нужно было идти по какому либо одному направленію. Какое либо одно направленіе должно было взять верхъ. Какое же направленіе взяло верхъ? Куда направилась литовская исторія?

въ примѣчаніи къ этой главѣ (22) указаны важнѣйшіе источники по этому предмету, иностранные и русскіе. О быстромъ обрусѣніи Литвы есть тщательное собраніе извѣстій,—это сочиненіе И. Борическаго: Православіе и русская народность въ Литвѣ, изд. 1851 г. Древніе вещественные памятники и образцы книжныхъ памятниковъ можно видѣть въ «Памятникахъ русской старины западнаго края имперіи, изд. 1864—74 г. 6 выпусковъ. О соединеніи Литвы съ Польшей есть особое сочиненіе. Ягелло—Яковъ—Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшей. Изслѣдованіе М. Смирнова. Одесса. 1868 г.

Чтобы видѣть это направленіе и оцѣнить сразу его прочность, для этого нужно присмотрѣться къ внутреннему быту языческой Литвы и опредѣлить, какому вліянію его особенности легче всего могли подчиниться. Съ этою цѣлію, мы и обращаемся теперь къ изслѣдованію внутренняго быта Литвы и главнымъ образомъ языческой литовской религіи, отъ которой больше всего и зависѣло рѣшеніе вопроса о будущей судьбѣ литовскаго княжества.

Литовская миѳологія носитъ на себѣ явные слѣды глубокой древности и усиленной работы фантазіи, т. е. слѣды древности и уединенности литовскаго народа. Она совмѣщаетъ въ себѣ и высшія, отвлеченныя понятія древнѣйшихъ религій, и выработанную, законченную внѣшность греко-римскаго язычества.

Литвины, какъ и славяне, имѣли понятіе о верховномъ существѣ, которое все создало и всѣмъ управляетъ. Это верховное существо у разныхъ литовскихъ племенъ называлось разными именами, напримѣръ: Прамжимасъ, Прокоримосъ—предопредѣленіе, судьба, Вышайтосъ—отецъ боговъ. Но этому верховному существу у литовцевъ не было выработано, какъ и у славянъ Сварогу, общественнаго богослуженія. Оно по ихъ понятіямъ жило на небесахъ, въ великолѣпномъ дворцѣ, изъ котораго наблюдало и управляло всѣмъ міромъ, но больше всего наслаждалось покоемъ.

Съ понятіемъ о такомъ существѣ неразрывно связывалась вѣра въ загробную жизнь, и смерть человѣка естественно обставлялась особенно торжественными обрядностями. Литвины вѣрили, что за гробомъ они будутъ наслаждаться лучшими благами этой жизни, будутъ

имѣть всѣ любимыя ими вещи и — верхъ блаженства ихъ—будутъ господствовать надъ нѣмцами (вѣрованіе позднѣйшее, выработавшееся подъ вліяніемъ бѣдствій отъ нѣмцевъ). Вслѣдствіе такого вѣрованія у литвиновъ, при погребеніи умершаго, сжигались вмѣстѣ съ его тѣломъ лучшіе, любимые предметы, драгоцѣнности, лучшая лошадь и даже не рѣдко лучшій слуга. Люди бѣдные, не имѣвшіе что̀ переносить съ собою за предѣлы гроба, утѣшали себя тѣмъ, что за то на томъ свѣтѣ имъ легче будетъ взойти на священную гору, за которою находилось блаженное жилище.

Кромѣ верховнаго, невидимаго существа, литвины признавали безчисленное множество боговъ и богинь, которымъ собственно они служили. Болѣе видными и, если такъ выразиться, популярными изъ литовскихъ боговъ были:

Перкунасъ—богъ неба и земли, громовержецъ, самый популярный литовскій богъ, совершенно тожественный съ русскимъ Перуномъ.

Поклусъ—богъ ада, и

Атримпосъ—богъ воды.

Кромѣ этихъ боговъ, были неисчислимые боги, частные, посредствомъ которыхъ обожались всѣ важнѣйшіе предметы планетные, атмосѳерическія явленія, произведенія воды и земли, даже страсти. Литвинъ язычникъ не могъ шагу сдѣлать, чтобы не наткнуться на какого нибудь своего бога и не выразить ему такъ или иначе своего служенія.

Главное мѣсто языческаго богослуженія у литвиновъ было такъ называемое Ромновэ, что̀ значитъ мѣсто покоя, благочестія. Ромновэ въ древнѣйшія времена на-

ходилось въ Пруссіи, а когда тамъ поселились рыцари и разрушили его, оно перенесено было въ Жмудь къ Нѣману. Когда же и сюда стали проникать нѣмцы, Ромновэ стало подвигаться вверхъ по Нѣману и въ послѣднее время находилось въ Вильнѣ, при впаденіи въ Вилію Вилейки, гдѣ въ настоящее время стоитъ латинскій каѳедральный соборъ, въ колокольнѣ котораго и теперь показываютъ кирпичи изъ языческаго литовскаго Ромновэ. Ромновэ устроялось въ рощѣ у большаго дерева, обыкновенно дуба. Подъ этимъ дубомъ ставили три идола: Перкуна въ видѣ крѣпкаго мущины съ кремнемъ въ рукѣ; по одну сторону его ставили Поклуса въ видѣ безобразнаго старика, держащаго черепы: человѣческій и животныхъ, а по другую — Атримпоса въ видѣ юноши, держащаго чашку съ водой, прикрытой снопомъ; въ чашкѣ находилась змѣя. Змѣи также помѣщались и сберегались въ пнѣ священнаго дуба. Впереди Перкуна устроялся алтарь, на которомъ горѣлъ неугасаемый священный огонь—Зничь, для поддержанія котораго кругомъ всего священнаго мѣста клались кучками дрова въ числѣ 12, приготовляемыя обыкновенно на цѣлый годъ и изъ дубоваго дерева. По обѣимъ сторонамъ располагались дома жрецовъ. Все наконецъ священное мѣсто окружалось стѣною, деревянною или каменною, надъ воротами которой, у главнаго входа, устроялась башня, гдѣ жилъ главный жрецъ. По областямъ и въ домахъ были меньшія священныя мѣста и меньшіе боги.

Для служенія богамъ у литвиновъ была цѣлая іерархія жрецовъ и жрицъ. Главный жрецъ назывался кривэкривейте, т. е. жрецъ жрецовъ. Онъ избирался съ со-

блюденіемъ большой таинственности низшими жрецами, былъ безженный и рѣдко кому изъ простыхъ смертныхъ удавалось его видѣть. Онъ жилъ въ сказанной нами башнѣ, наблюдалъ теченіе звѣздъ, опредѣлялъ времена года, которыя литвины считали по луннымъ мѣсяцамъ и обыкновеннымъ недѣлямъ, и праздничнымъ днемъ у нихъ была пятница; далѣе — главный жрецъ занимался изреченіемъ воли боговъ, судебныхъ приговоровъ и въ особенно важныхъ случаяхъ жертвоприношеніемъ. Костюмъ его отличался отъ обыкновеннаго бѣлымъ поясомъ, опоясаннымъ семь разъ семь, т. е. 49 разъ, и колпакомъ, похожимъ на сахарную голову. Послѣ кривэ-кривейты были кривейты—жрецы, также безженные и также избираемые. Они находились при кривэ-кривейтѣ, а также управляли религіозными дѣлами и судомъ по округамъ, областямъ Литвы. Ниже кривейтъ были вайделоты. Они также находились при кривэ-кривейтѣ, за тѣмъ при кривейтахъ и отдѣльно, въ малыхъ пунктахъ Литвы. Занимались они объясненіемъ народу вѣры, учили нравственности, судили дѣла, разносили повелѣнія кривэ-кривейты, собирали свѣдѣнія и доставляли ихъ ему. Вайделоты были женаты и избирали какъ кривэ-кривейту, такъ и кривейтъ. Это былъ самый многочисленный и самый сильный классъ литовскихъ жрецовъ. Они могли поднять на то или другое дѣло вдругъ весь народъ. Замѣчаютъ, что войны, которыя объявлялъ черезъ нихъ главный жрецъ, отличались необыкновенною стойкостію и жестокостію.

Какъ между божествами были богини, такъ и въ жреческомъ сословіи были женщины, такъ называемыя вайделотки. Это были дѣвицы, которыя жестоко наказыва-

лись, именно, смертью (сожженіемъ или утопленіемъ въ мѣшкѣ съ камнями, съ кошкою и ядовитою змѣей) за нарушеніе цѣломудрія. Обязанностію ихъ было поддержаніе неугасимаго огня на жертвенникѣ Знича. Если по небрежности вайделотки огонь погасалъ, то виновная сожигалась, а огонь возжигался, добытый изъ кремня, который держалъ въ рукѣ Перкунасъ.

Литовскіе праздники довольно похожи на древніе славянскіе. Весенній праздникъ—Сутинкау въ первыхъ дняхъ апрѣля или концѣ марта, т. е. въ началѣ перваго литовскаго мѣсяца. Праздновалась встрѣча весны. Дѣвицы съ первыми лучами солнца выбѣгали на улицу, пробѣгали съ пѣснями и хлопаніемъ въ ладоши до конца деревни и такимъ же порядкомъ возвращались назадъ и заходили въ домы, въ которыхъ молодые люди устрояли имъ пиршество. Праздникъ Расса, т. е. росы, совершенно похожій на древне-русскій—Купалы. Затѣмъ праздники начала и конца жнива.

Праздникъ дѣдовъ,—осенью, поминовеніе усопшихъ.

Наконецъ праздникъ Коляды—въ честь верховнаго бога, праздникъ, совершенно сходный съ древне-русскимъ праздникомъ Коляды и выражавшій ту же мысль,—крайній предѣлъ мрака, холода и начало свѣта, теплоты.—

Изъ этого краткаго очерка языческаго литовскаго міра можно уже видѣть, что это была полная, строго выработанная система, которой нельзя было разрушить рѣшительными, фанатическими дѣйствіями безъ того, чтобы не вызвать со стороны ея послѣдователей отчаяннаго сопротивленія. Это и оправдалось на дѣлѣ въ борьбѣ литвиновъ и рыцарей, въ борьбѣ, которая полна самыхъ

неистовыхъ жестокостей и благодаря которой цѣлыя области превращались въ пустыни.

Гораздо легче можно было разрушить эту систему вѣрованій и обычаевъ непритязательнымъ, незамѣтнымъ, медленнымъ вліяніемъ на нее. Такое именно вліяніе производили на Литву русскіе западной Россіи. Русское православіе не допускало мѣръ, крутыхъ, фанатичныхъ. Православные русскіе жили себѣ между Литвой безъ притязанія уничтожить ея вѣрованія, и безъ раздраженія пересоздавали ее въ христіанскую. Литвины тѣмъ легче поддавались этому вліянію, что оно не грозило гибелью ихъ государственности, напротивъ русскіе сами поддавались ихъ государственности. Это обстоятельство особенно могло дѣйствовать на литовскихъ князей, которые въ сближеніи съ русскими видѣли залогъ собственнаго могущества и находили пищу для своего честолюбія. Мало того: къ этому сближенію побуждала ихъ самая языческая Литва-Жмудь.

Мы видѣли, что власть кривэ-кривейты была очень велика. Онъ былъ и духовный, и мірской верховный судья. Онъ имѣлъ вѣрныя средства дѣйствовать на весь народъ и направлять его по своей волѣ. Это былъ своего рода папа, какъ нѣкоторые писатели и замѣчаютъ это сходство. Его власть была тяжела для великаго литовскаго князя. Этому князю гораздо свободнѣе было жить вдали отъ кривэ-кривейты, поближе къ западнорусскому народу. Конечно, князья въ тѣ времена еще не отрывались отъ Жмуди—народа; напротивъ они были съ нею за одно и двигали съ собою на юго-востокъ въ западную Россію цѣлыя группы жмудиновъ. Жмудины—чистые языческіе литвины, сталкиваясь съ русскими,

могли чувствовать свое рѣзкое отличіе и заводить борьбу. Но борьба уничтожалась, благодаря посредству верхней Литвы и русскихъ бѣлорусскаго племени. Оба эти племена—верхне-литовское и бѣлорусское, съ незапамятныхъ временъ жили въ сосѣдствѣ и объединялись. Нѣкоторые полагаютъ, что древнее названіе бѣлоруссовъ кривичи—произошло отъ того, что они вмѣстѣ съ литвинами подчинены были одному верховному жрецу, литовскому кривэ-кривейтѣ. Само собою разумѣется, что литвины въ свою очередь также легко могли подчиняться христіанству, когда оно распространялось между кривичами. Благодаря этому сближенію верхне-литвиновъ и бѣлоруссовъ, борьба между чистою Литвою и западною Русью дѣлалась невозможною. Жмудинъ сталкивался съ Русью черезъ верхнюю Литву, въ которой среди своихъ же литвиновъ примыкалъ къ русскому складу жизни и сроднялся съ нимъ.

Все это, безъ сомнѣнія, много содѣйствовало тому, что бытъ Литвы болѣе и болѣе складывался по русскимъ началамъ и порядкамъ жизни. Лѣтописцы прусскаго и ливонскаго орденовъ замѣтили, что при Витенѣ и Гедиминѣ сила литовская возросла отъ русскихъ и вести съ ними войну стало труднѣе. Русскіе давали эту силу литовскимъ князьямъ не только своимъ числомъ и своею доблестію, но и тѣмъ, что передавали литвинамъ свое военное искусство, научили строить и защищать крѣпости. Нѣкоторые изъ русскихъ достигали тогда же виднаго положенія,—бывали посланниками и правителями областей. Особенно прославился при Гедиминѣ Давидъ—правитель важнѣйшаго литовскаго пункта на юго-западѣ — Гродны, человѣкъ русскій. Своими по-

бѣдоносными дѣлами онъ живо напоминаетъ Довмонта псковскаго и даже Александра Невскаго. Онъ поражалъ нѣмцевъ не только въ самой Литвѣ, но даже въ псковской области, по просьбѣ псковичей, и въ самомъ источникѣ нѣмецкаго зла для Литвы — въ Бранденбургіи. Страшенъ онъ былъ также и полякамъ. Въ слѣдующемъ XIV столѣтіи подобную славу пріобрѣлъ русскій князь на Волыни, Ѳеодоръ Острожскій. Русская жизнь на столько привлекала литвиновъ, что многіе изъ нихъ, особенно въ княжескомъ родѣ и среди вельможъ, не только усвояли русскій языкъ, но и православную вѣру. Даже при Миндовгѣ еще сынъ его Войшелкъ не только принялъ православіе, но и монашество. Большая часть сыновей Гедимина были православными и нѣкоторые изъ нихъ переходили даже на службу къ московскому князю.

Особенно явно и рѣшительно слѣдовалъ русскому направленію преемникъ Гедимина Ольгердъ (1340—1377). Подъ его власть перешли кіевская и волынская области. Онъ подвинулъ свои владѣнія далеко и за Днѣпръ. Они примыкали къ Можайску и даже къ Коломнѣ. Подъ его покровительствомъ были Новгородъ, Псковъ, Тверь. Онъ два раза женатъ былъ на русскихъ княжнахъ—витебской Маріи и тверской Іуліаніи, и передъ смертію принялъ православное крещеніе и даже схиму. При немъ русскій языкъ сталъ языкомъ высшаго литовскаго сословія и даже языкомъ государственнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ литовскомъ княжествѣ признаны были для русскаго населенія древніе русскіе законы,— русская Правда и уставъ св. Владиміра. Русское православное пересозданіе Литвы вызвало при Ольгердѣ

однажды взрывъ потухавшаго литовскаго язычества. Языческіе жрецы, смущенные этимъ пересозданіемъ и какъ бы ставя Ольгерду запросъ — язычникъ онъ или христіанинъ, убѣдили выдать имъ на мученіе и замучили въ Вильнѣ, на горѣ, гдѣ нынѣ Троицкій монастырь, троихъ придворныхъ—ревностныхъ православныхъ: Антонія, Іоанна и Евстафія, мощи которыхъ почиваютъ въ Вильнѣ же, въ св. Духовомъ монастырѣ.

Совсѣмъ иной характеръ имѣлъ другой взрывъ виленскаго литовскаго язычества,—взрывъ противъ латинскихъ проповѣдниковъ христіанства—францисканцевъ, которыхъ утвердилъ въ Вильнѣ и поддерживалъ вельможа Ольгерда Гаштольдъ. Это было возстаніе не жрецовъ, а литовскаго народа Вильны противъ нелюбимаго имъ латинства. Безпощадно замучены 14 францисканцевъ и разрушено ихъ жилище.

Русское направленіе литовской жизни произвело даже какъ бы отдѣленіе русской части литовскаго княжества отъ коренной Литвы—Жмуди. Въ этой послѣдней при Ольгердѣ установилось особое управленіе. Княжилъ въ ней братъ Ольгерда и другъ, Кейстутъ, извѣстный особенною любовію и ревностію къ языческому складу литовской жизни.

Такимъ образомъ, литовское княжество какъ бы распадалось на чисто литовскую часть и русскую, и послѣдняя, втягиваясь болѣе и болѣе въ жизнь и дѣла восточной Россіи, готовилась и политически слиться съ нею. Самъ Ольгердъ указывалъ ей эту цѣль, хотя съ своей точки зрѣнія. Онъ не разъ дѣлалъ покушеніе овладѣть всею Россіей. Но легче и проще могло случиться наоборотъ,—восточная Россія могла овладѣть

западной Россіей. Это и провидѣлъ великій русскій святитель митрополитъ Алексій, призывавшій всѣхъ русскихъ стоять за одно съ Москвой. Этому вскорѣ стали благопріятствовать и политическія обстоятельства. Московское государство на столько окрѣпло и выдвинулось въ глазахъ всѣхъ русскихъ, что могло собрать громадныя русскія силы, вступило въ борьбу съ татарами и разгромило ихъ на куликовскомъ полѣ. Въ первый разъ былъ смытъ позоръ татарскаго ига и уничтожена важнѣйшая причина раздѣленія Россіи на восточную и западную.

Между тѣмъ, внутри Литвы послѣ смерти Ольгерда начались раздоры между жмудскими князьями Кейстутомъ и сыномъ его Витовтомъ съ одной стороны, и преемникомъ Ольгерда, сыномъ его Ягайлой, съ другой. Отъ Ягайлы, любимаго сына русской княгини Іуліаніи, выросшаго подъ сильнымъ русскимъ вліяніемъ и крещеннаго въ православіе можно было ожидать еще болѣе русскаго направленія, чѣмъ направленіе Ольгерда. Но онъ пошелъ совершенно инымъ путемъ. Враждуя съ Кейстутомъ и Витовтомъ, онъ обратился къ злѣйшимъ ихъ врагамъ—рыцарямъ.

Наказанный за это Кейстутомъ лишеніемъ великокняжескаго стола, онъ хитростію возвратилъ престолъ, взялъ въ плѣнъ Кейстута и погубилъ его. Спасся однако сынъ Кейстута, Витовтъ, геніальный человѣкъ своего времени, съ которымъ бороться Ягайлѣ приходилось еще труднѣе. Такой недальновидный человѣкъ, какъ Ягайло, вооружившій притомъ противъ себя и нѣкоторыхъ своихъ родныхъ братьевъ и русскій народъ своимъ союзомъ съ ханомъ Мамаемъ во время куликов-

ской войны, не могъ придумать собственныхъ средствъ, чтобы выйдти изъ затрудненія, а по первому случайному вызову бросился искать новаго союзника противъ Витовта въ средѣ ближайшихъ враговъ Жмуди, и нашелъ его въ польскомъ государствѣ, въ которомъ была въ это время молодая королевна Ядвига, и ей пріискивали выгоднаго жениха. Благодаря этому случаю, Литва и Польша соединились внѣшнимъ образомъ въ одно государство (1386 г.).

ЧТЕНІЕ VI.

Раздѣленіе славянскихъ народовъ на двѣ вѣтви—восточную и западную. Границы, ихъ раздѣляющія. Задачи исторической жизни западныхъ славянъ. Цивилизація Моравіи и Болгаріи въ IX вѣкѣ. Наплывъ мадьяръ и ихъ значеніе въ исторіи западныхъ славянъ. Историческая задача Чехіи и Польши. Географія и этнографія Польши. Исторія образованія польскаго государства. Лехиты. Родъ Пястовъ. Мечиславъ I. Болеславъ Великій. Ослабленіе польской государственности. Раздѣленіе Польши на удѣлы. Усиленіе шляхты и ослабленіе польской государственности на западѣ, въ области великопольскаго племени. Владиславъ Локетекъ. Сосредоточеніе польскихъ силъ въ области малопольскаго племени. Казиміръ Великій. Подчиненіе латино-германскимъ началамъ. Забвеніе народныхъ началъ. Движеніе польскаго народа въ русскія земли. Жестокія смуты послѣ Казиміра. Историческія связи Польши съ Литвою *).

Въ настоящій разъ я разскажу въ самомъ краткомъ видѣ исторію Польши до соединенія ея съ Литвою въ концѣ XIV в. (1386 г.), т. е. до того времени, на ко-

---

*) На первой картѣ въ атласѣ профессора Замысловскаго показаны древнія славянскія поселенія и въ предисловіи къ атласу въ краткомъ видѣ помѣщены поясненія; а современное разселеніе славянскихъ народовъ показано на картѣ М. Ѳ. Мирковича. Древняя исторія западныхъ и южныхъ славянъ, а также Польши кратко изложена въ сочиненіяхъ А. О. Гильфердинга,—полное собраніе сочиненій его изд. 1868 г. 2 т. и 1874 г. 3 т.

торомъ мы остановились въ разсказѣ исторіи западной Россіи. Будемъ излагать исторію Польши въ связи съ исторіею другихъ сосѣднихъ народовъ, въ особенности другихъ славянскихъ племенъ, и начнемъ съ очень древняго времени.

Въ то время, какъ одна вѣтвь славянъ, потѣсненная какимъ-то врагомъ, направилась отъ Дуная къ сѣверо-востоку,—къ Днѣпру и образовала русское государство, въ то время, или правильнѣе сказать, гораздо раньше этого времени, другія вѣтви славянскаго народа двигались вверхъ по Дунаю, по обѣимъ его сторонамъ, къ истокамъ Одры или Одера, Лабы или Эльбы, Вислы и дальше по этимъ рѣкамъ къ самому балтійскому морю. Между этими западными славянскими племенами и восточными (русскими) вѣтвями были слѣдующія, раздѣлявшія ихъ, границы: на югѣ валахи и печенѣги, затѣмъ карпатскія горы, дальше волынскія и люблинскія болота и лѣса, лежащіе по сторонамъ западнаго Буга; тутъ же начиналась дальше живая граница: извѣстные намъ ятвяги, и дальше наконецъ—тоже извѣстные намъ литвины.

Мы видѣли историческія задачи русскихъ славянъ. Видѣли, между прочимъ, что задачей западной Россіи была защита своей самобытной жизни и государственности отъ западной Европы. Тѣмъ болѣе эта задача предстояла западнымъ славянамъ по ту сторону карпатскихъ горъ и Вислы. Имъ въ особенности предстояла

Исторія Польши по частямъ изложена въ разныхъ томахъ исторіи Россіи С. М. Соловьева. Есть старое изданіе на русскомъ языкѣ исторіи Польши—Исторія польскаго государства С. Бантке 2 тома, 1830 г.

задача защищать свою государственность и народность отъ сосѣдняго латино-германскаго міра. Успѣшное разрѣшеніе этой задачи зависѣло отъ того, на сколько западные славяне съумѣютъ собрать свои силы и на сколько они съумѣютъ сохранить связь съ восточными своими вѣтвями, не смотря ни на какія границы, раздѣлявшія ихъ.

Очень рано западные славяне сознали потребность въ собранности своихъ силъ,—потребность въ государственныхъ пунктахъ, какъ первомъ условіи сказанной нами защиты и вообще развитія жизни во всѣхъ отношеніяхъ. Еще прежде, чѣмъ образовалось государство у нашихъ славянъ, мы видимъ государственные пункты у западныхъ славянъ въ Моравіи и Болгаріи. Въ IX столѣтіи оба эти пункта усвояютъ великое просвѣтительное начало — восточное вѣроисповѣданіе на родномъ славянскомъ языкѣ. Событіе это имѣло міровое значеніе въ судьбѣ славянъ. Цивилизація по началамъ восточнаго вѣроисповѣданія лучше всего могла обезпечить ихъ борьбу съ латино-германскимъ міромъ и ихъ самобытное развитіе. Это великое значеніе трудовъ нашихъ славянскихъ апостоловъ, моравскихъ проповѣдниковъ св. Кирилла и Меѳодія, въ настоящее время довольно уже уяснено и доказано въ наукѣ славянской исторіи. Его глубоко и невольно сознаютъ всѣ западные славяне, не смотря на латинство большей части изъ нихъ. Его хорошо понимали они и во времена самихъ этихъ проповѣдниковъ. Восточное вѣроисповѣданіе необыкновенно быстро распространилось не только между болгарами и моравами, но и между другими западными славянами. Такъ на сѣверо-западѣ отъ моравовъ оно распространи-

лось между чехами. Въ концѣ IX и въ началѣ X вѣка оно распространялось и въ странѣ, сдѣлавшейся извѣстною потомъ подъ именемъ Польши.

Извѣстно, что латино-германскій міръ сильно возсталъ противъ распространенія восточнаго вѣроисповѣданія между западными славянами и подавлялъ его всѣми мѣрами. Обыкновенно думаютъ, что онъ самъ, своими средствами, и подавилъ его у нихъ. Но мы думаемъ, что латино-германскій міръ едва ли успѣлъ бы въ этомъ такъ скоро, если бы ему не помогло слѣдующее, постороннее и неожиданное обстоятельство, на которое, сколько намъ извѣстно, мало обращаютъ вниманія, между тѣмъ какъ оно имѣло въ этомъ случаѣ рѣшительное значеніе.

Въ X столѣтіи съ востока чрезъ карпатскія горы перекинулись родичи гуннскаго племени, угры или мадьяры, венгерцы, основали свое государство между карпатскими горами, Дунаемъ и почти до адріатическаго моря. Венгерцы разорвали собою западныхъ славянъ на двѣ половины, южную и сѣверную или по отношенію къ намъ, западную, разобщили ихъ и сильно ослабили этихъ послѣднихъ для борьбы съ латино-германскимъ міромъ. Но они еще болѣе разобщили и ослабили ихъ нравственно. Съ тѣхъ поръ для западныхъ славянъ пропалъ востокъ, какъ вѣроисповѣданіе, порвана живая связь съ южными и восточными славянами; латинство у нихъ заняло мѣсто восточнаго вѣроисповѣданія, а съ латинствомъ чрезъ іерархію быстро стали проникать и нѣмецкіе люди, и нѣмецкіе порядки жизни. Борьба западныхъ славянъ съ латино-германскимъ міромъ стала вдвойнѣ труднѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ труднѣе стало и развитіе ихъ народное и государствен-

ное. Моравія пала въ то же самое время, какъ пришли венгры. Судьба западныхъ славянъ передана въ руки Чехіи и рядомъ съ нею въ руки Польши.

Вотъ историческое значеніе и призваніе Польши. Изъ этого уже можно видѣть, до какой степени преувеличено мнѣніе поляковъ, такъ часто и громко заявляемое ими въ заграничной печати, что они, поляки, призваны быть цивилизаторами всего славянства, что они прежде были этими цивилизаторами и будутъ ими, когда добьются политической самостоятельности. Мы видимъ, что такое значеніе они могли имѣть только между западными славянами, между Одрой или по-нѣмецки Одеромъ и Лабой или по-нѣмецки Эльбой, гдѣ многочисленныя славянскія племена, отъ Карпатъ до балтійскаго моря, съ IX вѣка стали болѣе и болѣе изнемогать въ борьбѣ съ нѣмцами и крайне нуждались въ родственной славянской помощи. Для южныхъ и восточныхъ славянъ поляки не могли имѣть значенія съ тѣхъ поръ, какъ оторваны отъ нихъ венграми и латинствомъ. Да и между западными славянами это цивилизующее значеніе, т. е. прежде всего сохраненіе отъ латино-германскаго міра, они должны были дѣлить съ чехами. Посмотримъ теперь, какъ Польша выполнила свое назначеніе.

Страна, въ которой образовалось польское государство, занимала пространство водныхъ системъ Вислы и Одры отъ карпатскихъ горъ до балтійскаго моря. На западѣ границы ея заходили за Одру, а на востокѣ упирались въ Галицію, холмскую Русь, ятвяжскую страну и Жмудь.

Слѣдующія главныя племена населяли древнюю Польшу:

1) Поляне или точнѣе великополяне *) между Одрой и Вислой, въ нынѣшней Познани и въ западной части плоцкой и варшавской губерній.

2) Малополяне, у карпатскихъ горъ, въ нынѣшней краковской области, или западной Галиціи и въ южной части радомской губерніи.

3) Мазовшане, въ странѣ серединной Вислы въ восточной части губерній варшавской, плоцкой и въ сѣверо-западной части холмской области **).

Всѣ польскія племена, какъ и вообще славянскія племена, жили въ древности особо, разрозненно и управлялись по первобытнымъ славянскимъ началамъ—общиннымъ. По свидѣтельству польскихъ писателей, будто бы еще въ V столѣтіи стали собирать въ одно цѣлое разрозненныя группы и образовывать одно государство въ великой Польшѣ—ляхи или лехиты, откуда названіе полякъ, потомокъ ляха, и Польша—владѣніе ляховъ. Кто такіе были эти ляхи, объ этомъ нѣтъ точныхъ извѣстій. По смыслу разсказа нашего лѣтописца Нестора, нужно бы думать, что это было собирательное имя великополянъ и мазовшанъ. Онъ говоритъ, что у Вислы

---

*) Не надобно смѣшивать ихъ съ полянами кіевскими. Поляки это дѣлаютъ совершенно произвольно, потому только, что тѣ и другіе назывались полянами. Два различныя и отдаленныя другъ отъ друга племена сѣли на открытыхъ мѣстахъ, *поляхъ*, и оба назвались полянами безъ всякаго отношенія къ племенной близости.

**) До сихъ поръ сохранилось различіе языка у этихъ трехъ племенъ. Малопольское нарѣчіе — это нарѣчіе, давшее начало нынѣшнему литературному польскому языку; мазовецкое нарѣчіе отличается богатствомъ звуковъ: *ц, с;* великопольское—особенностью гласныхъ буквъ напримѣръ, вмѣсто był—beło.

сѣли ляхи, а другіе ляхи сидѣли на поляхъ и назывались полянами, иные же мазовшанами. По мнѣнію нѣкоторыхъ польскихъ писателей ляхи—это не только особое племя, но и позднѣе пришедшее въ страну Польши, покорившее себѣ другія польскія племена и образовавшее въ нихъ польское государство. Несомнѣнно, что слово ляхъ съ незапамятныхъ временъ всегда имѣло особое значеніе, означало человѣка высшаго сословія. У малороссовъ, напримѣръ, оно прилагалось почти всегда къ высшему польскому сословію—шляхтѣ. Въ такомъ же смыслѣ употребляется слово полякъ нерѣдко даже и польскими крестьянами. Крестьяне западной Галиціи или краковской области, сами—чистые поляки, нерѣдко говорятъ, что они—австрійскіе подданные, а паны—поляки. Этотъ странный способъ отличать польскаго крестьянина отъ поляка—пана, совершенно невозможный, напримѣръ, въ Россіи между народомъ и его высшими классами, ясно показываетъ давнюю и рѣзкую раздѣльность между простымъ польскимъ народомъ и польскою шляхтою.

Рѣзкая отдѣльность въ Польшѣ верхняго слоя отъ нижняго давала возможность первому изъ нихъ очень быстро и широко развиваться. Всѣ блага и интересы сосредоточивались въ небольшомъ кругу людей. Народъ оставлялся безъ вниманія и притомъ народъ кроткій, какъ и всѣ славянскіе народы. Легко было господствовать надъ нимъ и двигать его силы для своихъ цѣлей. Оттого польская исторія представляетъ намъ такое разнообразіе богатыхъ образцовъ геройства и негодности, живо напоминающихъ древнія республики съ ихъ героями и ихъ рабами. Оттого, польская

государственность созрѣла и развилась быстро, но непрочно.

До половины IX столѣтія исторія Польши мало извѣстна. Въ это время княжилъ въ ней баснословный родъ Попеля, изъ котораго послѣдній, отличавшійся жестокостію, былъ будто-бы съѣденъ мышами, которыя преслѣдовали его всюду, куда ни бѣгалъ онъ отъ нихъ и отъ которыхъ не могъ спастись даже на башнѣ. Болѣе достовѣрною становится исторія Польши съ половины IX столѣтія, когда вступилъ на польскій престолъ родъ Пястовъ. Собственно извѣстенъ сынъ Пяста—Земовитъ, который княжилъ съ 860 по 891 г. Но и послѣ этого польское государство въ теченіи ста лѣтъ не обнаруживаетъ опредѣленнаго направленія. Направленіе его дѣлается яснымъ съ 962 года, съ Мечислава I-го (до 992 г.). Мечиславъ сближается съ Чехіей, женится на чешской княжнѣ Дубровкѣ и принимаетъ въ 965 году христіанство, — христіанство латинское, но повидимому проникнутое народнымъ элементомъ. Его крестилъ епископъ Боговидъ, природный чехъ.

Можно было думать, что польская жизнь приметъ направленіе народное и что Польша въ союзѣ съ Чехіею сильно будетъ ратовать противъ Германіи. На дѣлѣ однако вышло иначе. Іерархія утвердилась въ Польшѣ не народная, а нѣмецкая; чрезъ нее усиливалось и нѣмецкое вліяніе. Мечиславъ сталъ хлопотать о королевскомъ вѣнцѣ у папы. Германскій императоръ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы утвердить свое вліяніе на Польшу: онъ разрушилъ затѣю Мечислава быть королемъ. Мечиславъ счелъ нужнымъ задобрить

Оттона I, и послѣ смерти Дубровки женился на нѣмецкой княжнѣ Одѣ. Но и отъ этого не получилъ пользы. Королевскаго вѣнца ему и теперь не дали. Мало того, Мечиславъ, какъ владѣтель земель за Одрой, которыя нѣмецкій императоръ считалъ своими, долженъ былъ признать себя вассаломъ его.

По смерти Мечислава зависимость Польши отъ западной Европы сдѣлалась еще сильнѣе: Польша подчинена особому покровительству папы. Въ довершеніе всего, дѣти Мечислава отъ первой жены Дубровки изгнаны, управленіе Польшей осталось въ рукахъ нѣмки Оды и ея дѣтей. Словомъ, пропало славянское оживленіе Польши, выработанное связью съ Чехіею, и уступило мѣсто латино-германскому.

Къ счастію Польши между изгнанными дѣтьми Мечислава былъ необыкновенный человѣкъ своего времени, Болеславъ I, Великій или Храбрый (993—1025 г.), который вырвалъ ее изъ рукъ латино-нѣмецкихъ и поднялъ народное ея значеніе. Болеславъ I заставилъ уважать себя императора Оттона III, уничтожилъ зависимость своей іерархіи отъ нѣмецкой и упрочилъ свою самостоятельность тѣмъ, что наконецъ добился королевской короны и короновался ею въ 1000 году. Польское государство достигло при немъ большого могущества. Болеславъ завоевалъ часть Моравіи, смирилъ волновавшихся поморянъ и пруссовъ, имѣлъ вліяніе и на русскія дѣла,—воевалъ съ Владиміромъ, Ярославомъ и въ послѣднюю войну отнялъ у Россіи, на короткое время, такъ называемую червенскую область.

Но даже въ дѣятельности такого великаго польскаго человѣка, какъ Болеславъ Великій, мы видимъ уже совер-

шенно ясно напрасное раздвоеніе,—уклоненіе отъ прямой задачи защищать славянство на западѣ и стремленіе къ юго-востоку, въ предѣлы моравскіе и русскіе. Преемники его шли дальше и, болѣе и болѣе уступая нѣмцамъ ближайшихъ къ себѣ славянъ за Одрой, сильнѣе и сильнѣе надвигались на ненуждавшихся въ нихъ русскихъ славянъ.

Послѣ Болеслава I-го Польша опять впадаетъ въ неопредѣленное положеніе, которое большею частію, въ теченіе слишкомъ столѣтія, было для нея несчастливо. Къ трудностямъ борьбы съ сосѣдями нѣмцами, пруссами, чехами, русскими, неразъ прибавлялись внутреннія смуты. Подъ вліяніемъ, вѣроятно, этой политической неопредѣленности, томившей народныя силы и затягивавшей ихъ дальше и дальше въ складъ западно-европейской жизни, Польша однажды попыталась было возсоздать старый бытъ, свергнуть латинство и возвратиться къ язычеству. Это было въ XI вѣкѣ при Болеславѣ II или Смѣломъ (1058—1081 гг.), который даже убилъ краковскаго епископа Станислава. Но уже было поздно и странно вспоминать языческія времена. Латинство снова было возстановлено, самъ Болеславъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ изъ Польши. Сынъ его, Владиславъ Кривоустый еще ревностнѣе поддерживалъ латинство и даже заботился о распространеніи его между сосѣдними пруссами. Онъ видѣлъ въ немъ лучшее для своего государства объединяющее средство. Но въ тоже время рядомъ съ этою мѣрою, объединяющею Польшу, Владиславъ Кривоустый допустилъ другую, которая на полтора столѣтія ввергла Польщу въ крайнее разслабленіе. Онъ раздѣлилъ ее между своими сыновьями.

Съ этого времени (1139 до 1305 г.) Польша представляла еще болѣе печальную картину, чѣмъ Россія того времени, картину раздробленія и внутреннихъ смутъ. Въ ней образовалось безчисленное множество мелкихъ княжествъ, которыя номинально подчинялись королю польскому и отчаянно воевали какъ съ нимъ, такъ и между собою.

Среди этихъ смутъ между князьями и при слабости королевской власти, верхній слой польской шляхты получалъ особенное значеніе, которое мало по малу сдѣлалось какъ бы естественнымъ, законнымъ. Оно и узаконено было на ленчицкомъ сеймѣ въ 1180 г. при Казимірѣ II Справедливомъ, который образовалъ около себя совѣтъ, послужившій началомъ польскаго сената. Въ тоже время положено было первое начало и такъ называемой избирательной формѣ правленія—отмѣненіемъ постановленія, чтобы престолъ польскій былъ наслѣдуемъ по праву первородства.

Одновременно съ внутреннимъ разслабленіемъ, Польша ослабѣвала и извнѣ. Мазовецкое племя, болѣе выдававшееся своими особенностями, выработало себѣ свою государственность съ слабою тѣнью подчиненности польскому королю, и сохраняло эту самостоятельность даже до начала XIV столѣтія. Пропала для Польши въ эти времена (XII в.), и уже совершенно, Силезія. Такія же потери понесены были поляками и ниже между Лабой и Одрой, гдѣ на славянской землѣ основалось бранденбургское княжество. Въ XIII столѣтіи, кромѣ Силезіи и Бранденбургіи, нѣмцы, какъ мы знаемъ, по призыву самихъ поляковъ, поселились еще и въ Пруссіи, т. е. на востокъ отъ Бранденбургіи черезъ небольшой промежу-

токъ польскихъ поморскихъ владѣній, которыя естественно должны были исторически изсохнуть, будучи сдавлены съ обѣихъ сторонъ нѣмецкими силами. Въ это время Польша была такъ безсильна, что ее подчинили себѣ и управляли ею чешскіе короли.

Изъ этого безсильнаго и безпомощнаго состоянія вывелъ Польшу человѣкъ, очень похожій на нашего Іоанна III, котораго тоже можно назвать собирателемъ польской земли, это — Владиславъ IV Локетекъ (1305—1335). Онъ подчинилъ себѣ большую часть удѣльныхъ князей, давалъ удачный отпоръ окружающимъ врагамъ; но и онъ долженъ былъ сознать безсиліе Польши и созналъ даже поразительно. Онъ увидѣлъ, что силы Польши, до сихъ поръ сосредоточивавшіяся въ великой Польшѣ, упали здѣсь отъ сосѣдства съ нѣмцами, что необходимо собрать и оживить ихъ въ другомъ пунктѣ, на новомъ мѣстѣ. Онъ подвинулся дальше отъ нѣмцевъ и ближе къ славянамъ-чехамъ и русскимъ, перенесъ столицу изъ Гнѣзна (въ великой Польшѣ) въ Краковъ (въ малопольской области) и короновался здѣсь королевскимъ вѣнцомъ въ 1319 году.

За этимъ безсиліемъ обнаружилось и другое. Не имѣя достаточной опоры ни въ своей власти, ни въ высшей шляхтѣ, Владиславъ Локетекъ, на хенцинскомъ сеймѣ 1331 г., призвалъ къ участію въ управленіи и низшую шляхту. Такимъ образомъ, къ концу смутнаго періода польской жизни вся шляхта выдвинулась, получила политическія права. Выражало ли это полноту польской жизни и самобытности, это видно изъ вышеизложеннаго, а еще яснѣе сейчасъ увидимъ.

Дѣло Владислава Локетека вѣрно, логично, поддер-

жалъ знаменитый его сынъ, Казиміръ Великій (1335—1370). Онъ заставилъ мазовецкихъ князей признать свою власть, удачно воспользовался слабостью галицко-волынскаго княжества и, какъ мы уже говорили, присоединилъ къ себѣ значительную часть его (1340 г.), но въ тоже время онъ подтвердилъ нѣмцамъ уступку Силезіи и даже части Поморья. Этотъ фактъ показываетъ знакомую намъ, давнюю податливость Польши передъ латино-германскимъ міромъ, даже со стороны лучшихъ польскихъ государей. Это обнаружилось при Казимірѣ еще яснѣе во внутреннихъ дѣлахъ Польши.

Какъ ни старалась Польша имѣть свою народную іерархію, но это ей не удавалось. Іерархія ея въ большинствѣ была иностранною, проникнута была совершенно латино-германскими началами и вносила ихъ многочисленными путями въ польское общество, т. е. въ польскую шляхту. Къ усвоенію иноземныхъ началъ, понятій, обычаевъ, даже одежды, польская шляхта побуждаема была также своимъ рыцарскимъ устройствомъ. Иноземные рыцари часто поступали въ число польскихъ рыцарей. Иноземное рыцарское искусство было слишкомъ заманчиво и слишкомъ необходимо. Иноземное вліяніе произвело переворотъ и въ низшихъ слояхъ польскаго населенія. Иноземныя заимствованія, обычаи, обстановка требовали болѣе разнообразной и роскошной жизни, нежели какая была у поляковъ прежде. Явилась ощутительная потребность въ развитіи жизни городской, промышленной. Должно было выработаться городское сословіе, промышленное, торговое.

Но какъ допустить образоваться такому сословію изъ мѣстныхъ элементовъ? Городское сословіе, обыкновенно,

скоро превращается въ среднее сословіе, занимаетъ по правамъ середину между высшимъ сословіемъ и народомъ. Но это рѣшительно противорѣчило началамъ польскаго шляхетства, которое могло допустить подлѣ себя, т. е. подъ собою, безправное хлопство, а не рядомъ съ собою что либо среднее, что̀ сглаживало бы на себѣ различіе между шляхетствомъ и хлопствомъ.

Изъ этого опаснаго затрудненія Польша стала выходить такимъ образомъ, что допустила образованіе у себя городского сословія не изъ мѣстныхъ элементовъ, а изъ иностранныхъ. Города ея съ замѣчательною быстротою колонизировались нѣмцами. Казиміръ особенно благопріятствовалъ этому наплыву иноземнаго элемента въ Польшу и усилилъ его еще тѣмъ, что покровительствовалъ колонизаціи жидовъ, къ которымъ очень былъ расположенъ.

Тѣ и другіе, т. е. нѣмцы и жиды, какъ совершенно чужія народности, внесли съ собою въ Польшу новые порядки и требовали себѣ особаго управленія, сообразнаго ихъ жизни. На жидовъ, по тогдашнимъ понятіямъ, могли мало обращать вниманія, могли и не давать имъ особенныхъ правъ. Но нельзя было такъ поступать съ нѣмцами, тѣмъ болѣе, что это были люди очень честные, трудолюбивые, полезные и поселялись обыкновенно по приглашенію поляковъ. Необходимо было признать ихъ обычаи, ихъ правила управленія. Въ тѣ времена лучшимъ образцомъ городского управленія считалось магдебургское право. Его польскіе короли и утверждали для своихъ городовъ. Такимъ образомъ, рядомъ съ польскими обычаями и законами стояли обычаи и законы иноземные. Какъ велико отсюда выходило смѣшеніе,

можно судить по тому, что іерархія имѣла свое законодательство — римское каноническое право, шляхта свои права и обычаи, получившіе силу въ разныя времена, города свое — магдебургское право, наконецъ народъ управлялся по старымъ обычаямъ, которые тоже въ разныхъ мѣстахъ были различны и тѣмъ легче могли уступать иноземнымъ вліяніямъ. Забвеніе своего родного, своихъ родныхъ правъ и обычаевъ дѣйствительно было при Казимірѣ очень велико, сознано было Казиміромъ, и побудило его озаботиться приведеніемъ ихъ въ извѣстность и единство. Съ этою цѣлью въ 1347 г. на вислицкомъ сеймѣ составленъ былъ такъ называемый вислицкій статутъ, въ которомъ, между прочимъ, утверждены разныя права шляхты и положено законодательное начало польскому хлопству.

Послѣдствія всего этого развитія польской жизни немедленно обнаружились послѣ смерти Казиміра (1370). Казиміръ не имѣлъ потомства. Польскій престолъ перешелъ во власть венгерскаго короля Людовика, сына Елисаветы, сестры Казиміра. Людовикъ занятъ былъ венгерскими дѣлами и управлялъ Польшею черезъ своихъ намѣстниковъ. При такомъ управленіи Польша не замедлила представить ужасающую картину смутъ. Нельзя читать равнодушно лѣтописныхъ разсказовъ объ этихъ смутахъ. Въ то время какъ будто каждый полякъ поставилъ себѣ непремѣнною задачею съ кѣмъ нибудь побиться, и если мирился съ кѣмъ, то развѣ для того, чтобы въ союзѣ съ однимъ побиться съ кѣмъ либо другимъ. Цѣлыя области въ это время превращались въ пустыни и никакъ не возможно отыскать цѣли, для которой все это дѣлалось. Разнузданные польскіе шлях-

тичи не затруднялись грабить даже костелы. Такъ, по свидѣтельству польскаго писателя Длугоша, они ограбили ченстоховскій монастырь и унесли и затѣмъ разбили русскую чудотворную икону Божіей Матери, вынесенную сперва изъ холмской области въ Галицію, затѣмъ изъ Галиціи, къ крайнему огорченію православныхъ, въ Польшу и отданную въ этотъ латинскій монастырь. Долгое время поляки не принимали никакихъ мѣръ противъ такъ широко разлившагося зла. Ихъ не отрезвляла даже серьезная, естественная забота о будущемъ Польши. Король вдали и король, не имѣвшій сыновей, а только двухъ дочерей! Только въ 1377 году подумали поляки на кошицкомъ сеймѣ объ этой будущности и признали наслѣдницей польскаго престола старшую дочь Людовика. Но и на этомъ сеймѣ шляхта не забыла себя и, какъ бы въ благодарность за признаніе династіи Людовика, получила увеличеніе своихъ правъ разными преимуществами. Смуты, однако, по прежнему продолжались. Въ 1382 г. умеръ Людовикъ. Польскій престолъ оказался не занятымъ. Необходимо было подумать объ этомъ и подумать серьезно, потому что встрѣтилось новое, очень важное затрудненіе. Старшая дочь Людовика, Анна, которую поляки признали наслѣдницей польскаго престола, вышла замужъ за Сигизмунда бранденбургскаго, сына императора Карла IV. Карлъ умеръ и Сигизмундъ избранъ былъ императоромъ. Полякамъ приходилось быть данниками нѣмецкаго императора. Этого они никакъ не желали и признали наслѣдницей польскаго престола вторую дочь Людовика, Ядвигу, но и тутъ встрѣтилось затрудненіе. Ядвига еще въ дѣтствѣ была обручена

австрійскому князю Вильгельму. Полякамъ приходилось опять стать подъ нѣмецкую власть, чего они, конечно, не желали. Порѣшили на томъ, чтобы считать Ядвигу свободною отъ жениховъ и самимъ избрать ей жениха. Въ качествѣ жениха выступилъ было свой ближайшій человѣкъ, даже изъ той же пястовой династіи, мазовецкій князь Земовитъ; но поляки отказали ему подъ предлогомъ, что не желаютъ стѣснять Ядвиги, которая тогда еще не пріѣхала въ Польшу. На самомъ дѣлѣ они отказали ему потому, что не желали имѣть на престолѣ своего князя, который хорошо ихъ зналъ и притомъ могъ бы опереться на свои династическія права.

Женихъ для Ядвиги, который не могъ не понравиться полякамъ, неожиданно явился изъ Литвы. Мы знаемъ, что литовскому князю Ягайлѣ очень нуженъ былъ новый союзникъ, который бы облегчилъ ему выходъ изъ внѣшнихъ и внутреннихъ затрудненій. Такого союзника онъ увидѣлъ теперь въ Польшѣ и рѣшился добиваться руки Ядвиги. Ягайло началъ съ того, что напомнилъ о себѣ Польшѣ опустошительнымъ набѣгомъ въ ея области. Затѣмъ онъ отправилъ посольство съ предложеніемъ себя въ женихи Ядвигѣ. Поляки не могли не обрадоваться такому счастливому предложенію. Посредствомъ брака Ягайлы на Ядвигѣ и соединенія Литвы и Польши они избавлялись отъ опасностей сосѣдства Литвы и пріобрѣтали въ ней силы для трудной борьбы противъ нѣмцевъ, одинаково враждебныхъ и Польшѣ, и Литвѣ. Вспомнились, конечно, при этомъ и тѣ прежнія связи, которыя подготовляли этотъ союзъ. Мы говорили, что Польша въ началѣ XIV сто-

лѣтія придвинулась къ западной Россіи и что Казиміръ завладѣлъ частію галицко-волынскаго княжества. Этимъ путемъ Польша столкнулась съ Литвою и должна была опредѣлить свои отношенія къ ней. При Гедиминѣ отношенія эти уладились легко. Казиміръ женился на дочери Гедимина Альдонѣ. При Ольгердѣ, который держался рѣшительно русскаго направленія, нельзя было Польшѣ быть въ прежней дружбѣ съ Литвою. Въ это время между ними часто бывали враждебныя столкновенія. Но и тогда вражда ослаблялась слѣдующими обстоятельствами. Польша, т. е. ея часть, которая называлась польскимъ королевствомъ, именно, малопольская и великопольская область, тогда мало примыкала къ литовскому княжеству и касалась его только на самомъ югѣ, на Волыни, а сѣвернѣе—ихъ раздѣляло мазовецкое княжество, князья котораго давно уже близки были и къ русскимъ, и къ литвинамъ, роднясь съ обѣими династіями. Одинъ изъ мазовецкихъ князей Болеславъ — сынъ галицкой княжны Маріи принялъ было даже православіе, за отверженіе котораго поплатился жизнію. Казиміръ, которому подчинялся мазовецкій князь—родственникъ Ольгердовъ, могъ кое-какъ ладить и съ этимъ послѣднимъ.

Наконецъ собственно Ольгердъ, какъ литовско-русскій князь, былъ еще дальше отъ Польши. Ближе къ ней былъ литовско-жмудскій князь Кейстутъ, котораго владѣнія отъ Жмуди простирались на югъ за Брестъ-литовскій. На него-то и обратилъ было особенное вниманіе Казиміръ. Онъ сносился съ нимъ, велъ переговоры о томъ, чтобы Кейстутъ принялъ латинство и короновался королевскимъ вѣнцомъ. Хлопоты эти кончи-

лись ничѣмъ и не могли кончиться иначе, не смотря на противоположныя увѣренія польскихъ писателей, потому что Кейстутъ былъ неизмѣнно преданъ Ольгерду, и никакія внушенія не могли поколебать дружбы между двумя братьями-друзьями. Но какъ бы то ни было, а очень вѣроятно, что всѣ эти сношенія Польши съ Литвою прежняго времени имѣли важное значеніе и въ глазахъ Ягайлы, и въ глазахъ поляковъ при заключеніи теперь брачнаго и политическаго союза между ними. Впрочемъ, когда поляки и Литва обсылались по этому поводу послами и совершенно уже улаживали дѣло, встрѣтилось вдругъ сильное затрудненіе. Ядвига, пріѣхавшая уже тогда въ Польшу, когда узнала объ этихъ переговорахъ, всѣми силами стала отбиваться отъ брака съ Ягайлою. Причиною этого была ея любовь къ Вильгельму, который пріѣхалъ въ Краковъ и съ которымъ Ядвига тайно устрояла свиданія, и еще—крайняя невзрачность Ягайлы, которому было уже за тридцать лѣтъ и который былъ очень звѣровиденъ (волосатъ), такъ что ради успокоенія Ядвиги поляки посылали особаго посла для осмотра его. Посолъ привезъ извѣстіе, что Ягайло какъ есть—человѣкъ. Между тѣмъ Вильгельма выжили изъ Кракова и при содѣйствіи духовной власти преодолѣли упорство Ядвиги. Въ 1386 г. Ягайло прибылъ въ Краковъ, принялъ латинское крещеніе, женился на Ядвигѣ, короновался польскимъ королевскимъ вѣнцомъ. Литовское княжество соединилось съ польскимъ королевствомъ. Какъ принято было въ Литвѣ это соединеніе, въ чемъ оно состояло и какъ развивалось съ теченіемъ времени, это мы увидимъ изъ слѣдующаго чтенія.

ЧТЕНІЕ VII.

Положеніе литовскаго княжества во время соединенія его съ Польшей. Условія соединенія Литвы съ Польшей. Литовско-русскія стремленія къ независимости отъ Польши. Мѣры противъ нихъ. Нарушеніе условій союза. Скиргайло, Витовтъ. Борьба и примиреніе Витовта съ Ягайлой. Новыя возстанія въ литовскомъ княжествѣ. Грюнвальденская битва. Городельскій сеймъ (1413 г.). Разъединеніе литвиновъ и русскихъ, возвышеніе литовскаго элемента и униженіе русскаго. Послѣднія времена правленія Витовта. Свидригайло, Сигизмундъ. Оживленіе и объединеніе литовскаго и русскаго элементовъ при Казимірѣ. Борьба литовскаго княжества съ Польшей за независимость и въ особенности за Волынь и Подолію. Опасность разрыва союза Литвы съ Польшей. Литовское княжество при Александрѣ. Борьба между литовскимъ и московскимъ государствомъ. Скрѣпленіе союза Литвы съ Польшей въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтія *).

Въ исторіи соединенія литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ дѣйствовали слишкомъ разнооб-

*) Кромѣ указаннаго сочиненія г. Смирнова о временахъ Ягайлы, исторія литовскаго княжества кратко излагается въ I главѣ тоже указаннаго изслѣдованія профессора В. Г. Васильевскаго.

Времена Казиміра Ягайловича и его сыновей: Александра и Сигизмунда I, изслѣдованы по актамъ въ соч. г. Карпова — Исторія борьбы московскаго государства съ литовско-польскимъ; напечатано въ чтеніяхъ моск. общества исторіи и древностей за 1866 г. кн. III и IV; есть и отдѣльные оттиски.

разные мотивы. Необходимо здѣсь иногда обращать вниманіе на самыя повидимому не важныя обстоятельства. При изученіи этого разнообразія обстоятельствъ, мы, какъ положили въ началѣ, такъ и теперь будемъ показывать, какое отношеніе имѣли излагаемыя нами событія къ началамъ и стремленіямъ западно-русскаго народа.

Во время соединенія литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ, положеніе Литвы по управленію было слѣдующее:

Ягайло былъ великимъ литовскимъ княземъ съ верховною властію надъ всѣми областями, входившими въ составъ литовскаго княжества. Но подъ его верховною властью было много удѣльныхъ князей, управлявшихъ своими областями съ большею или меньшею самостоятельностью. Такъ намъ уже извѣстно, что подлѣ Ягайлы стоялъ Витовтъ, почти совершенно отъ него независѣвшій. Ему принадлежала, по наслѣдству отъ Кейстута, значительно уже отдѣлившаяся отъ русской Литвы, Жмудь, т. е. западная часть нынѣшней ковенской губ., сѣверная часть сувалковской и восточная часть Пруссіи, затѣмъ часть верхней Литвы, середина сувалковской губерніи, югъ виленской, наконецъ почти вся нынѣшняя гродненская губернія. Во время примиренія Витовта съ Ягайлой, еще до соединенія Литвы съ Польшей (1384), Витовтъ получилъ вмѣсто Жмуди часть Волыни отъ Припети за Луцкъ. Это вѣроятно сдѣлано было съ цѣлію отдалить Витовта отъ рыцарей, съ которыми онъ могъ вступать въ сношенія противъ Ягайлы. Кромѣ этого крупнаго, почти совершенно независимаго удѣльнаго князя, были еще слѣдующіе князья:

Скиргайло, родной братъ Ягайлы, управлявшій сказанною выше Жмудью.

Андрей, тоже родной братъ Ягайлы, князь полоцкій.

Свидригайло, тоже родной братъ Ягайлы, бывшій сперва княземъ полоцкимъ, потомъ жилъ въ удѣлѣ матери своей Іуліяніи, Витебскѣ.

Святославъ Ивановичъ, князь смоленскій, Рюрикова рода, подручный литовскому князю.

Корибутъ, братъ Ягайлы, князь сѣверскій.

Владиміръ, братъ Ягайлы, князь волынскій.

Ѳеодоръ Коріятовичъ, двоюродный братъ Ягайлы (отъ Коріята сына Гедиминова), князь подольскій.

Почти всѣ эти князья участвовали въ совѣщаніяхъ о соединеніи Литвы съ Польшей. Совѣщаній было нѣсколько: въ Кревѣ, въ Вильнѣ и особенно важное въ Волковыйскѣ (нынѣшній уѣздный городъ гродненской губерніи). На этомъ совѣщаніи (1386 г.), на которомъ были и представители Польши, постановлены слѣдующія условія соединенія Литвы съ Польшей:

Въ той и другой будетъ общій верховный государь— Ягайло. Будутъ общія дипломатическія сношенія по дѣламъ, касающимся обоихъ государствъ, и общая защита противъ всякаго врага. Но внутреннее управленіе обоихъ государствъ будетъ совершенно отдѣльно. Каждое будетъ имѣть своихъ должностныхъ лицъ, особые финансы, особыя войска.

Всѣ эти условія были очень выгодны для удѣльныхъ князей литовскаго княжества. Князья надѣялись быть болѣе независимыми, когда Ягайло будетъ занятъ польскими дѣлами и долженъ будетъ жить тамъ часто. Въ случаѣ же войны съ внѣшними врагами, они будутъ

пользоваться польскою помощью. Послѣднее соображеніе, при которомъ прежде всего имѣлись въ виду рыцари, безъ всякаго сомнѣнія, больше всего побуждало литовскихъ князей сдѣлать слѣдующую уступку въ пользу Польши. Они согласились, чтобы Литва въ собственномъ смыслѣ, т. е. литовскій языческій народъ обращенъ былъ въ латинство. Этою уступкою они надѣялись, какъ и прежніе литовскіе князья, уничтожить самую причину существованія прусскаго рыцарскаго ордена. Рыцари поселились здѣсь для обращенія литовскихъ язычниковъ въ латинство. Литва, соединяясь съ Польшею, соглашалась на тоже дѣло, сама рѣшалась обратить ихъ въ латинство. Рыцарямъ послѣ этого не зачѣмъ было существовать и можно было разсчитывать на уничтоженіе ихъ папою. Можно думать, что съ этою именно цѣлію многіе литовскіе князья, бывшіе уже христіанами восточнаго вѣроисповѣданія, согласились принять латинство.

Наконецъ послѣдняя уступка, очень чувствительная для удѣльныхъ князей литовско-русскихъ областей, это— обязательство заплатить за Ядвигу 200 тысячъ червонцевъ *). Когда Ядвига обручена была Вильгельму, то родители обрученныхъ сдѣлали между собою такой договоръ: если Ядвига выйдетъ замужъ за Вильгельма, то домъ Вильгельма дастъ новой четѣ эти двѣсти тысячъ червонцевъ, а если не выйдетъ, то семья Ядвиги обязана заплатить эти деньги Вильгельму. Теперь договоръ нарушался со стороны Ядвиги. Ягайло взялся уплатить ихъ изъ доходовъ съ русскихъ областей. Мы увидимъ,

*) Можно, впрочемъ, думать, что оно дано самимъ Ягайлой, безъ согласія остальныхъ князей.

какъ это условіе получило въ послѣдствіи очень важное политическое значеніе.

Изъ Волковыйска литовскіе князья и знатнѣйшіе сановники отправились въ томъ же 1386 г. въ Люблинъ, гдѣ поляки собрались на сеймъ и избрали Ягайлу польскимъ королемъ. Оттуда всѣ двинулись въ Краковъ. Ягайло и многіе князья и бояре литовскіе приняли латинское крещеніе. Ягайло женился на Ядвигѣ и былъ коронованъ польскимъ королевскимъ вѣнцомъ.

Русское историческое развитіе литовскаго княжества принесено было такимъ образомъ въ жертву союзу съ латинскою Польшей и всѣ приносили эту жертву, казалось, легко, охотно. Но неужели ни въ комъ не пробудится сознаніе,—сознаніе старое, историческое, т. е. русское, православное? Неужели никто изъ литовскихъ князей не пойметъ, что этотъ союзъ заключаетъ въ себѣ много зла и принесетъ гибельныя послѣдствія? Неужели никто не выступитъ съ протестомъ?

Протестъ явился со стороны восточной части литовскаго княжества. Его высказалъ родной братъ Ягайлы, православный литовскій князь Андрей полоцкій. Онъ возсталъ противъ союза Литвы съ Польшей и къ нему присоединился смоленскій князь Святославъ Ивановичъ. Оба они собрали войско и стали покорять своей власти Бѣлоруссію. Но это возстаніе ведено было крайне безтактно. Андрей, еще ничего не сдѣлавъ, сейчасъ же объявилъ себя великимъ княземъ литовскимъ, чѣмъ естественно вооружилъ противъ себя не одного Ягайла, но и другихъ литовскихъ князей. Затѣмъ Андрей,—русскій и православный человѣкъ, выступившій на защиту русскаго и православнаго начала, вступилъ въ союзъ

съ ливонскимъ орденомъ, врагомъ того и другаго народа. Наконецъ, послѣдняя и крайняя безтактность. Не умѣя овладѣть крѣпостями Бѣлоруссіи, занятыми людьми, преданными Ягайлѣ, Андрей и Святославъ вымѣщали свои неудачи надъ несчастными мирными жителями,— разоряли и истязывали ихъ самымъ жестокимъ образомъ. Впрочемъ, правда ли это, трудно судить, потому что объ этихъ жестокостяхъ свидѣтельствуютъ источники, проникнутые расположенностію къ Польшѣ или къ Ягайлѣ. Какъ бы то впрочемъ ни было, но вѣрно, что возстаніе было неудачно. Противъ Андрея двинулись литовскіе князья съ своимъ и польскимъ войскомъ. Андрей и Святославъ были разбиты на голову, и оба попались въ плѣнъ побѣдителямъ.

Послѣ этой побѣды брачная чета и многочисленные поѣзжане двинулись въ Вильну. Понятно, что теперь всѣ одушевлены были особенною ревностію къ сохраненію союза съ Польшей и къ выполненію его условій. Они ревностно занялись въ Вильнѣ крещеніемъ языческой Литвы. Латинскіе патеры начали проповѣдь язычникамъ; но такъ какъ она была непонятна литвинамъ, которыхъ языка не знали проповѣдники, то объяснялъ проповѣдь и самъ проповѣдывалъ Ягайло. Слушавшіе проповѣдь затѣмъ приведены были къ Виліи, разставлены по кучкамъ, крещены съ названіемъ каждой кучки особымъ общимъ именемъ. Для привлеченія народа къ крещенію и для отличія крещенныхъ отъ некрещенныхъ привезены были изъ Польши новыя, бѣлыя сермяги, которыя раздавались крещеннымъ. Очень вѣроятно, что при этомъ иные крестились два раза, чтобы получить двѣ сермяги.

Крестили въ это время собственно литвиновъ-язычниковъ. Русскихъ православныхъ не трогали. Но такъ какъ Ягайло и поляки сильно были теперь раздражены противъ русскихъ за полоцкое возстаніе, то Ягайло употребилъ противъ нихъ одну очень тяжелую и позорную мѣру. Въ грамотѣ, данной новому виленскому латинскому епископу, онъ приказываетъ, чтобы литвины не заключали браковъ съ русскими, а если такіе браки заключены уже или будутъ впредь заключаемы, не смотря на запрещеніе, то ихъ не расторгать, но лицо русской вѣры должно принять латинство, къ чему принуждать такихъ людей даже сѣченіемъ розгами. Это первое явное и, какъ видимъ, даже позорное раздѣленіе между Литвой и Русью, развитіе котораго увидимъ послѣ.

Можно поэтому уже судить, что латинство получило въ литовскомъ княжествѣ сразу большую силу, а вмѣстѣ съ нимъ и поляки, потому что латинское духовенство въ Литвѣ сначала по необходимости состояло большею частью изъ поляковъ. Полякамъ черезъ это открылся большой доступъ къ вліянію на дѣла литовскія. Это было нарушеніемъ условій союза Литвы съ Польшей и не могло не оскорблять литовскихъ удѣльныхъ князей, которыхъ разсчеты на самостоятельность сильно разрушались.

Витовтъ, какъ естественно было ожидать, первый обнаружилъ это неудовольствіе. Онъ еще до возвращенія Ягайлы изъ Польши, съ брачныхъ и коронаціонныхъ торжествъ, сталъ стѣснять дѣйствія присланнаго въ Литву латинскаго проповѣдника Іеронима, который жаловался на него такимъ образомъ: „Витовтъ желаетъ, чтобы у Бога было меньше людей, чѣмъ у него". Ви-

товтъ не хотѣлъ сопровождать Іеронима съ отрядомъ войска и убѣждалъ не трогать жмудиновъ.

Неудовольствіе Витовта было усилено въ то же время и чисто гражданскими дѣлами. Возстаніе въ Бѣлоруссіи ясно показывало, что въ литовскомъ княжествѣ необходима ближайшая власть, что не довольно наблюдать за ними издали или пріѣзжая по временамъ, какъ принужденъ былъ теперь дѣлать Ягайло. Нуженъ былъ постоянный правитель Литвы. Ягайло въ 1387 году назначилъ такимъ правителемъ своего любимаго брата Скиргайлу, въ качествѣ своего намѣстника. Затѣмъ вскорѣ возвелъ его и въ званіе великаго князя литовскаго и еще вскорѣ — въ званіе великаго князя литовскаго и кіевскаго (все въ одномъ и томъ же 1387 г.).

Это была очень важная мѣра со стороны Ягайлы, — мѣра, которая не могла не вывести изъ терпѣнія литовскихъ удѣльныхъ князей, особенно Витовта. Ягайлу они признали великимъ княземъ и сохранили за нимъ эту власть, когда онъ сдѣлался польскимъ королемъ, но Скиргайлу они не избирали (хотя церемонія перваго избранія и сдѣлана была Ягайлой) и не признавали княземъ. Онъ становился надъ ними помимо ихъ воли и согласія, становился по волѣ Ягайлы. Къ довершенію раздраженія, Скиргайлу окружали польскіе совѣтники: слѣдовательно опять сдѣлано нарушеніе условій союза Литвы съ Польшей.

Витовтъ сталъ серьезно думать о своемъ положеніи. Надѣяться на объединеніе вдругъ всѣхъ силъ литовскихъ ему было трудно. Онѣ были очень разъединены. Большая часть удѣльныхъ князей были родные братья Ягайлы. Онъ, Витовтъ, одинъ представитель рода Кей-

стута *), представитель старой Литвы, значительно уже разъединенной съ русскою частью литовскаго княжества. Витовту необходимо было искать свюзниковъ на сторонѣ. Въ двѣ стороны ему можно было обратиться за этими союзниками: на востокъ къ московскому князю, или на западъ къ старымъ знакомцамъ рыцарямъ. Случай доставилъ Витовту возможность войти въ близкія сношенія съ Димитріемъ Донскимъ. Сынъ этого послѣдняго Василій, возвращаясь отъ хана, ѣхалъ черезъ Молдавію и Волынь и заѣхалъ къ Витовту въ Луцкъ. Здѣсь онъ познакомился съ его дочерью Софіей; она ему понравилась и была обручена. Къ Димитрію отправлено было посольство. Въ немъ были и поляки, которые и передали потомъ Ягайлѣ самыя дурныя извѣстія о дружбѣ Витовта съ московскимъ княземъ. Между Витовтомъ и Ягайлой происходили непріятныя объясненія. Старая вражда между ними возобновлялась. Скиргайло сильно раздувалъ ее. Догадываются, что Ягайло, боясь сношеній Витовта съ Москвой, назначилъ ему пребываніе вмѣсто Луцка въ Кревѣ, поближе къ Вильнѣ и слѣдовательно поближе къ наблюденію Скиргайлы. Это вывело Витовта изъ терпѣнія и заставило броситься въ противоположную сторону отъ Москвы, къ рыцарямъ. Онъ бѣжалъ къ мазовецкому князю, съ которымъ былъ въ родствѣ, а оттуда въ Пруссію къ рыцарямъ (1390 г.).

Для прусскихъ рыцарей такой оборотъ дѣлъ былъ истинною находкой. Для нихъ союзъ Литвы съ Польшей былъ величайшимъ бѣдствіемъ, невыносимымъ

---

*) Братъ его Сигизмундъ былъ еще очень молодъ, дѣти его еще моложе.

зломъ. Объ немъ они по всей Европѣ распускали самыя дурныя извѣстія. Они разглашали, что обращеніе къ христіанству языческой Литвы не болѣе, какъ театральное представленіе, что напротивъ литовское язычество поглощаетъ христіанскую Польшу, что теперь на сѣверѣ Европы пропадаетъ дѣло латинства, потому что, благодаря обманчивому обращенію Литвы черезъ Польшу, истинные ревнители латинства не станутъ стремиться въ Пруссію, вступать въ орденъ.

Извѣстія и сужденія рыцарей заключали въ себѣ много неправды и злонамѣренности; но была въ нихъ и доля правды. Правда была въ томъ, что тогдашняя Польша, небольшая пространствомъ и истощенная долговременными смутами, казалась слишкомъ слабою передъ громаднымъ литовскимъ княжествомъ того времени и могла поддаваться его вліянію. Еще болѣе правды въ томъ, что обращеніе Литвы въ латинство было далеко неполное и неуспѣшное. Особенно справедливо это было по отношенію къ Жмуди, которой даже не смѣли тронуть въ то время. Мало этого: въ то время, какъ Ягайло крестилъ въ Вильнѣ языческую Литву, Жмудь воскрешала у себя свое язычество съ особенною торжественностью. Случилось тогда, что жмудины побили одинъ отрядъ прусскихъ рыцарей и взяли въ плѣнъ, между прочими, важнаго рыцарскаго сановника, командора. Они рѣшились принести его въ жертву своимъ богамъ и сожгли живого, со всѣмъ вооруженіемъ, на конѣ, у своего святилища.

Самъ Витовтъ невольно долженъ былъ признать силу обвиненій рыцарей и доказать своимъ поступкомъ необходимость ихъ существованія. Онъ долженъ былъ

уступить въ залогъ рыцарямъ эту самую Жмудь, подъ условіемъ ихъ денежной и военной помощи въ предстоящей борьбѣ съ Ягайлой. Рыцари двинули свои войска. Витовтъ, между тѣмъ, пустилъ свою пропаганду въ эту самую, уже запроданную имъ Жмудь, собралъ оттуда преданныхъ ему людей и вмѣстѣ съ рыцарями вступилъ въ Литву, по направленію къ Гродну и затѣмъ къ Вильнѣ.

Ягайло въ это время шелъ тоже съ войсками изъ Польши и прежде всего началъ покорять своей власти юго-западную область Витовта, — Дорогичинъ, Брянскъ и другіе города. Здѣсь онъ сильно былъ задержанъ. Успѣху его жестоко мѣшали русскіе, которые вездѣ измѣняли Ягайлѣ. Какъ велико было ихъ нерасположеніе къ нему изъ-за союза съ Польшей, можно судить потому, что когда рыцари и Витовтъ подступили къ Вильнѣ, то одинъ русскій монахъ задумалъ было поджечь виленскую крѣпость, чтобы она и Вильна преданы были въ руки злѣйшихъ враговъ русскаго народа и православія — рыцарей. Впрочемъ, невѣрность русскихъ гораздо болѣе затрудняла походъ Ягайлы на югѣ Литвы, нежели сколько помогала рыцарямъ въ самой Литвѣ. Здѣсь было не мало еще преданныхъ Ягайлѣ людей, особенно поляковъ — военныхъ, которые удачно отражали нападенія рыцарей. Такимъ образомъ, обѣ стороны испытывали неудачи, утомлялись, не видѣли конца борьбѣ. Ясно было только то, что страна разоряется и выгода будетъ не на сторонѣ Ягайлы или Витовта, а на сторонѣ рыцарей.

Эти, безъ сомнѣнія, соображенія побудили Ягайлу войти въ тайныя сношенія съ Витовтомъ и отозвать

его отъ рыцарей обѣщаніемъ исполнить всѣ его желанія. Витовтъ дѣйствительно бѣжалъ отъ рыцарей, примирился съ Ягайлой и сдѣланъ былъ великимъ литовскимъ и жмудскимъ княземъ. Скиргайло лишенъ былъ званія литовскаго князя и переведенъ въ Кіевъ съ титуломъ однако великаго русскаго князя (1392 г.).

Витовтъ повидимому сталъ теперь очень высоко, достигъ своихъ цѣлей. Но это высокое и видимое могущественное положеніе было имъ куплено очень дорого и сильно ослабило его значеніе на востокѣ западной Россіи. Принимая званіе великаго литовскаго и жмудскаго князя, онъ долженъ былъ отказаться отъ всей почти Малороссіи и остальную часть литовскаго княжества тѣснѣе привязать къ Польшѣ. Онъ далъ обязательство быть въ неразрывномъ союзѣ съ Ягайлой и, что̀ собственно важно, въ неразрывномъ союзѣ съ Польшей. Востокъ западной Россіи сталъ отшатываться отъ него и заявлялъ это возстаніями почти во всѣхъ русскихъ областяхъ. Послѣ 1393 г. мы видимъ, что въ этихъ областяхъ поднимается бунтъ за бунтомъ. Такъ извѣстны: бунтъ Глѣба смоленскаго (сына Святославова), бунтъ Корибута сѣверскаго, Владиміра волынскаго, Өеодора подольскаго и особенно обезпокоивавшій Ягайлу бунтъ Свидригайлы. Насколько можно судить по скуднымъ извѣстіямъ объ этихъ бунтахъ, главнѣйшею ихъ причиною было оживленіе преданій о великомъ князѣ кіевскомъ и въ то же время болѣе и болѣе настойчивыя усилія Польши привязать Малороссію къ себѣ. Нелюбимый, разгульный кіевскій князь и жалкій ленникъ Польши Скиргайло давалъ благовидные предлоги къ бунтамъ и такимъ образомъ затемнялись дѣйствитель-

ныя ихъ причины. Но Витовту онѣ были очень ясны. Онъ вмѣшивался въ дѣла юго-востока западной Россіи, усмирялъ бунты даже въ союзѣ съ Ягайлой, даже возстановлялъ падавшую власть кіевскаго князя Скиргайлы; но въ дѣйствительности онъ возстановлялъ свою власть въ Малороссіи, привлекалъ къ себѣ русскихъ. Это вскорѣ и обнаружилось. Въ 1396 г. послѣ смерти Скиргайлы Витовтъ, уже не спрашивая никого, самъ занялъ Малороссію, а черезъ два года еще яснѣе обнаружилъ, къ чему онъ стремится.

Мы говорили, что Ягайло обязался выплатить изъ русскихъ доходовъ долгъ за Ядвигу въ пользу Вильгельма. Ядвига, сохранявшая къ Вильгельму старую привязанность, естественно хлопотала, чтобы эти деньги были выплачены. Въ 1398 г. она напомнила объ этомъ Витовту, какъ великому князю, управлявшему и русскими областями Литвы, съ которыхъ должны были быть собраны эти деньги. Витовтъ немедленно собралъ въ Луцкъ русскихъ людей и съ негодованіемъ объявилъ имъ объ этомъ унизительномъ требованіи, сказавъ при этомъ: „мы не рабы Польши, предки наши никому не платили дани. Мы люди свободные и нашею кровію пріобрѣли нашу землю". Все это передано было въ Польшу. Старыя подозрѣнія и антипатіи ожили. Ягайлѣ приходилось бояться снова рѣшительныхъ мѣръ со стороны Витовта.

Витовтъ въ самомъ дѣлѣ болѣе и болѣе развертывалъ свои широкіе планы, обѣщавшіе напомнить литовскому княжеству славныя времена Ольгерда. Не въ одной Малороссіи онъ возстановилъ свою власть, а сталъ распространять ее и на восточной сторонѣ Днѣпра,—

покорилъ смоленскую область и смѣло вліялъ на Псковъ и Новгородъ, закрѣпилъ свою власть въ сѣверской области и воевалъ рязанское княжество. Рядомъ съ этимъ онъ задумалъ сдѣлать для русскихъ и своего княжества и восточной Россіи великое добро сломать—могущество повелителя юго-восточныхъ татаръ—крымскихъ Эдигея, и въ 1399 г. пошелъ съ войсками къ татарскимъ владѣніямъ. Но здѣсь счастіе измѣнило ему. На берегахъ Ворсклы онъ былъ на голову разбитъ татарами,—за то потерпѣлъ пораженіе, замѣчаетъ одинъ западно-русскій лѣтописецъ (Авраамка—еще неизданный), что отступилъ отъ православной вѣры.

Трудно судить, насколько это обстоятельство было причиной этого пораженія Витовта, но несомнѣнно, что латинство Витовта сильно вліяло на дальнѣйшія его дѣла. Въ то время, какъ Витовтъ, пользуясь недальновиднымъ потворствомъ своего зятя московскаго князя Василія Дмитріевича забирался дальше и дальше внутрь Россіи и завоевывалъ себѣ вниманіе русскихъ, его опередилъ въ русскихъ стремленіяхъ другой литовскій князь, родной братъ Ягайлы Свидригайло, православный и болѣе его обрусѣвшій литвинъ. Свидригайло волновалъ русское населеніе противъ Витовта сначала на востокѣ Бѣлоруссіи въ витебской области, затѣмъ въ сѣверской странѣ, наконецъ, потѣсненный и отсюда, направился съ громадною дружиной въ Москву и настолько успѣлъ раскрыть глаза Василію Дмитріевичу касательно Витовта и расположить къ себѣ, что получилъ богатое временное обезпеченіе въ московскомъ государствѣ и признанъ былъ великимъ княземъ литовскимъ. Витовту пришлось воевать даже съ своимъ

податливымъ московскимъ зятемъ, утверждать снова свою власть на востокѣ и юго-западѣ литовскаго княжества и чаще и чаще обращать свое вниманіе на западъ,—на Литву, на Польшу и на Ягайлу, тѣмъ болѣе, что и на западѣ назрѣвало рѣшеніе задачи, не менѣе достойное великихъ замышленій, чѣмъ на востокѣ.

На этомъ западѣ,—на другомъ концѣ литовскаго государства было тоже гнѣздо, не менѣе надоѣдливое западнымъ славянамъ и литвинамъ, чѣмъ крымское татарское гнѣздо русскимъ восточной и западной Россіи. Это—нѣмецкое гнѣздо прусскихъ рыцарей, отъ хищничества которыхъ изнемогала и Жмудь, всегда близкая сердцу Витовта, и таяли славянскія силы и даже сознаніе поморской польской области, сдавленной, какъ мы знаемъ, съ обѣихъ сторонъ нѣмцами—прусскимъ орденомъ и Бранденбургіей, къ великому огорченію поляковъ и Ягайлы. Такимъ образомъ, сила вещей неодолимо склоняла вниманіе и Витовта и Ягайлы другъ къ другу и къ дѣламъ рыцарей и тѣмъ сильнѣе, что прусское нѣмецкое гнѣздо успѣло произвесть поразительное разложеніе въ славянскомъ мірѣ и птенцы этого гнѣзда позволяли себѣ невѣроятно смѣлыя дѣла. Они не только привлекли на свою сторону поморскихъ, мелкихъ князей, но и чешскаго короля. Даже русскій и православный Свидригайло вошелъ съ ними въ тайное соглашеніе и для этого бѣжалъ изъ московскаго государства. Не говоримъ уже о германскомъ императорѣ Сигизмундѣ, владѣтельномъ князѣ бранденбургскомъ, и о венгерскомъ королѣ, стоявшихъ на сторонѣ рыцарей. Ободренные всѣми этими обстоятельствами рыцари явно глумились надъ своими противниками, нападали на польскія области и однажды

задумали было похитить Витовта въ глубинѣ литовскаго княжества. Для этого ихъ отрядъ забрался было въ Волковыйскъ, гдѣ рыцари надѣялись найти и захватить Витовта.

Явная и позорная бѣда, повидимому, заставила не только Витовта, но и Ягайлу стать выше всѣхъ личныхъ счетовъ. Становились выше племенныхъ счетовъ и народы ихъ государствъ—русскіе, поляки, литвины. Пошли на эту борьбу съ нѣмцами полочане, витебщане и смольняне, которыхъ (т. е. послѣднихъ) велъ доблестный смоленскій князь Юрій Святославичъ и которымъ принадлежитъ первая слава въ этой битвѣ. Пошли волыняне подъ начальствомъ еще болѣе извѣстнаго борца за Русь, князя Ѳеодора Острожскаго. Пошли подоляне подъ начальствомъ Ѳеодора Коріятовича. Прибыли въ предѣлы Польши и Литвы лучшіе тогдашніе славянскіе ратоборцы, такъ называвшіеся въ послѣдствіи гусситы, подъ начальствомъ Сокола, а въ послѣдствіи, говорятъ, прибылъ и знаменитый Жишко. Послѣ немаловременныхъ сборовъ и колебаній, естественныхъ передъ рѣшеніемъ великой задачи и усиленныхъ извѣстною нерѣшительностію Ягайлы, славянскія и нѣмецкія силы сошлись 1410 г. у Грюнвальдена. Эта битва была какъ бы воспроизведеніемъ нашей знаменитой куликовской битвы, и дѣйствительно, на нее она походила не только объединеніемъ громадныхъ и разнородныхъ силъ и важностію исторической задачи, но даже и ходомъ своимъ. Началась она также, какъ и куликовская битва, неудачей для славянскихъ и литовскихъ силъ. Рыцари налегли прежде всего на литовскіе полки и подавили ихъ. Стали подаваться и польскіе отряды. Даже жизнь

Ягайлы была уже въ опасности. Казалось уже многимъ, что все погибло. Но устояли и выдержали всѣ нѣмецкіе удары русскіе полки, особенно доблестные смольняне съ своимъ княземъ Юріемъ, дали возможность оправиться литвинамъ и полякамъ, и спасли все дѣло. Рыцари понесли страшное пораженіе, отъ котораго сами уже никогда не могли оправиться, и оправились только уже ихъ преобразившіеся потомки—пруссаки при благодушномъ вниманіи своихъ враговъ: поляковъ, а потомъ русскихъ. Прусскіе рыцари могли быть тогда совершенно уничтожены; но Ягайло не умѣлъ воспользоваться побѣдой и обнаружилъ еще такую ея сторону, которая заставила и Витовта отказаться отъ продолженія войны и возвратиться назадъ со всѣми своими силами. Витовтъ понялъ, что за пораженіемъ рыцарей должно послѣдовать его собственное пораженіе. Дѣйствительно, поляки прекрасно воспользовались, по отношенію къ Витовту, ослабленіемъ рыцарей и очень искусно нанесли ударъ тому сочувствію, какое пріобрѣлъ Витовтъ между русскими.

Послѣ пораженія рыцарей, поляки стали сильно думать о томъ, какъ бы окончательно привязать литовское княжество къ Польшѣ. Благовидный предлогъ къ этой заботливости они находили въ томъ, что оба государя Ягайло и Витовтъ были уже не молоды и у обоихъ при томъ не было наслѣдниковъ *). Вмѣстѣ съ тѣмъ, поляки озабочивались, какъ бы сильнѣе привлечь къ себѣ весь высшій классъ литовскаго княжества. Говорятъ, что германскій императоръ Сигизмундъ присовѣ-

*) Сыновья Витовта, находившіеся въ Пруссіи, были отравлены.

товалъ Ягайлѣ слѣдующее средство, — дать знатнѣйшимъ литовцамъ польскіе гербы, соединенные съ разными преимуществами, и этимъ какъ бы породнить литовцевъ съ поляками.

Для этихъ цѣлей, въ 1413 году созванъ былъ общій сеймъ для литовцевъ и поляковъ въ Городлѣ *).

На этомъ сеймѣ составленъ прославленный поляками городельскій актъ соединенія Литвы съ Польшей. Сущность этого акта заключалась въ слѣдующемъ:

Литва и Польша соединяются въ одно государство, одинъ народъ, одно тѣло.

Послѣ смерти Витовта, Литва признаетъ государемъ Ягайлу и его дѣтей, послѣ смерти Ягайлы поляки избираютъ Витовта.

Литва получаетъ сеймы и должности, подобныя польскимъ.

Литовское дворянство, по выбору Витовта, удостоивается польскихъ гербовъ, приписываясь къ польскимъ родовымъ гербамъ. Но гербами и разными преимуществами могутъ пользоваться только лица латинскаго вѣроисповѣданія. Схизматики и прочіе невѣрные (et alii infideles) не могутъ ихъ имѣть и не могутъ занимать никакихъ высшихъ должностей.

Этимъ актомъ Витовтъ и латинская Литва крѣпко привязаны къ Польшѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ жестоко оторваны отъ русскихъ западной Россіи. Городельскій актъ закрѣпилъ и усилилъ то раздѣленіе между Литвой и Русью, которое прежде само собою наклонялось въ пользу Россіи, а теперь произведено насильственно въ пользу

*) На Бугѣ, въ люблинской губерніи, не далеко отъ Владиміра Волынскаго.

Польши. Но литвины латиняне поставлены въ положеніе господъ, русскіе православные—въ положеніе рабовъ. Каковы бы ни были добрыя отношенія между тѣми и другими и какъ бы часто ни разрушалось на практикѣ это раздѣленіе между ними, но трудно было не возникнуть враждѣ. Трудно было господамъ не давать чувствовать рабамъ свое господство и трудно было рабамъ не возмущаться этимъ господствомъ. За городельскимъ актомъ немедленно послѣдовали два событія, въ которыхъ высказалось господство въ Литвѣ польской силы и пораженіе русской самобытности. Усилена проповѣдь латинства по всей Жмуди и уничтожена зависимость западно-русской церкви отъ восточно-русскаго митрополита. Поднялись даже толки о введеніи въ западной Россіи церковной уніи, чему содѣйствовалъ и Витовтъ, но, безъ сомнѣнія, не по любви къ латинству, а изъ желанія возстановить посредствомъ уніи гражданскія права русскихъ западной Россіи. Словомъ, всему литовскому княжеству сдѣланъ сильный вызовъ къ отступничеству отъ его религіозныхъ и гражданскихъ началъ въ пользу латино-польской цивилизаціи и жизни. Городельскій актъ какъ бы уничтожалъ всѣ мечты, всѣ заботы Витовта о самобытности, независимости литовскаго княжества, и былъ величайшею со стороны Польши неблагодарностію къ самому Витовту и особенно къ русскимъ за ихъ доблестное участіе въ грюнвальденской битвѣ, и величайшимъ непониманіемъ ея славянскаго значенія. Не получили никакого новаго славянскаго оживленія ни славянскіе жители Силезіи, ни польскіе поморяне, не говоря уже объ остаткахъ другихъ западныхъ славянъ у Одры и Лабы, а оскорблены и унижены свои люди —

русскіе литовскаго княжества и самъ Витовтъ. Держась этого акта, Витовту уже невозможно было затѣвать что либо крупное. Онъ могъ только заняться внутреннимъ благоустройствомъ своей страны. Такъ онъ и сдѣлалъ, при чемъ высказалъ поразительную измѣнчивость или, лучше сказать, совершенное безразличіе къ національностямъ. Въ немъ сказалось какъ будто отупѣніе тѣхъ высокихъ инстинктовъ, стремленій, которыми такъ полна была эта великая душа.

Но Витовтъ не палъ окончательно. Его спасло отъ давленія польской цивилизаціи то же, что спасало отъ нея въ свое время Даніила галицкаго, — татары. Они выдвинули снова величіе Витовта и возстановили связь его съ русскимъ востокомъ.

Въ концѣ XIV столѣтія татарскій міръ сталъ распатываться и раздѣляться на двѣ половины, восточную и южную. Южная часть стала придвигаться къ литовскому княжеству и давала чувствовать свое сосѣдство. Витовтъ, хотя и потерпѣлъ отъ нихъ пораженіе, но не переставалъ отражать ихъ набѣги, и имѣлъ такое сильное вліяніе на южное средоточіе татарской силы — въ Крыму, что даже часто назначалъ туда хановъ. Нѣкоторые изъ татарскихъ хановъ, какъ Тохтамышъ, жили въ Литвѣ, находя здѣсь убѣжище и помощь противъ своихъ враговъ. Благодаря этимъ удачнымъ дѣламъ, значеніе Витовта на востокѣ поднялось снова. Оно сдѣлалось вскорѣ очень важнымъ и для запада, которому въ XV столѣтіи турки чаще и чаще грозили опасностію по мѣрѣ того, какъ разрушали византійскую имперію. На западѣ въ это время сильно занимала мысль о возобновленіи крестовыхъ походовъ, о всеобщемъ по-

ходѣ противъ турокъ. Императоръ Сигизмундъ желалъ для этого соединить силы польскія, литовскія и восточно-русскія. Витовтъ естественно долженъ былъ при этомъ играть важнѣйшую роль. У него и рѣшились государи съѣхаться для совѣщанія. Въ 1429 г. въ Луцкѣ составился этотъ съѣздъ. Сюда собрались: Ягайло, императоръ Сигизмундъ со множествомъ нѣмецкихъ князей, московскій князь Василій Васильевичъ тоже со многими удѣльными князьями, боярами, даже съ митрополитомъ Фотіемъ, король датскій, папскій легатъ, гроссмейстеръ прусскій, воевода валахскій. Такое значеніе Витовта для запада Европы естественно повело къ тому, что стали, между прочимъ, думать о томъ, чтобы его вѣнчать королевскимъ вѣнцомъ. Эту мысль подалъ германскій императоръ, имѣвшій при этомъ, конечно, намѣреніе разорвать союзъ Литвы съ Польшей. Само собою разумѣется, что поляки пришли въ изумленіе, когда узнали объ этомъ предположеніи, и повели интриги, чтобы его разрушить. Витовтъ однако былъ увѣренъ, что корона ему достанется и запросилъ нѣкоторыхъ гостей на свою коронацію въ Вильну, гдѣ (1430) съ нетерпѣніемъ ожидалъ короны. Корона дѣйствительно шла къ нему, но не могла дойти. Ее задержали поляки. Между тѣмъ Витовтъ, тогда уже очень старый, сильно сталъ занемогать, чему много содѣйствовали празднества и попойки въ Луцкѣ и въ Вильнѣ, и въ скоромъ времени умеръ, не дождавшись короны, и заплативъ такимъ образомъ совершенно напрасно дань поклоненія западу.

Такъ кончилъ жизнь этотъ великій литовскій человѣкъ, сдѣлавшій, конечно, много крупныхъ ошибокъ, но

неоспоримо во всю жизнь не покидавшій мысли о независимости, о величіи литовскаго княжества. Онъ не упрочилъ этой независимости и этого величія. Но замѣчательно, что поляки и Ягайло, повидимому, имѣвшіе возможность разрушить теперь дѣло Витовта, невольно должны были признать его и послѣ его смерти. Витовтъ дѣйствовалъ на нихъ и послѣ своей смерти. Они не только не рѣшались назначить теперь для управленія Литвой намѣстника, но согласились допустить даже свободное избраніе литовскаго князя, т. е. покорились старому литовскому обычаю, по которому если умиралъ князь безъ потомства, то новый князь избирался другими князьями и знатнѣйшими сановниками. Въ 1430 г. созванъ былъ сеймъ въ Вильнѣ. Предложены были разные кандидаты: братъ Витовта Сигизмундъ, Александръ Владиміровичь кіевскій, Сигизмундъ Корибутовичь, Свидригайло братъ Ягайлы. Избранъ Свидригайло. Говорятъ, что Ягайло сильно настаивалъ на этомъ избраніи. Мы не сомнѣваемся, что такъ было бы сдѣлано и безъ него. Въ этомъ избраніи приняла участіе русская литовсвая партія, которую не могли задавить никакія враждебныя постановленія и обстоятельства. Она при этомъ случаѣ выдвинула своего человѣка, русскаго, православнаго, т. е. Свидригайлу, который дѣйствительно и доказалъ свою вѣрность ей съ перваго дня своего вступленія на литовскій престолъ. Онъ торжественнымъ образомъ короновался литовскимъ княжескимъ вѣнцомъ, вышелъ къ народу въ атрибутахъ княжескихъ и съ ключами отъ сокровищъ Витовта, чтобы показать, что всѣ они переходятъ къ нему. Полякамъ, бывшимъ здѣсь, все это сильно не нравилось. Но Свидригайло не обра-

щалъ на нихъ вниманія. Онъ не обращалъ вниманія и на увѣщанія Ягайлы. Напротивъ смѣло и ясно говорилъ, что союзъ Литвы съ Польшей вреденъ, что онъ— Свидригайло не подчиненъ ни Польшѣ, ни Ягайлѣ, а— князь литовскій волею божіей и по наслѣдству отъ предковъ. Доходило дѣло у него до крупной брани съ Ягайлой, особенно во время пировъ. Однажды Свидригайло среди ссоры даже подергалъ, говорятъ, Ягайлу за бороду.

Поляки пришли въ ужасъ отъ подобныхъ дѣлъ и распустили молву, что Ягайло въ плѣну у Свидригайлы и въ опасности. Росписаны были объ этомъ письма въ другія государства и въ особенности къ папѣ. Папа отвѣтилъ съ такою же щедростію. Написалъ множество грамотъ въ Польшу и Литву: цѣлью всѣхъ ихъ было спасеніе Ягайлы и возстановленіе его власти. Ягайло на дѣлѣ былъ безопасенъ, и помимо всякихъ буллъ возстановилъ миръ съ братомъ, съ которымъ вообще былъ очень близокъ и друженъ. Но миръ Свидригайлы съ поляками не могъ быть возстановленъ. Напротивъ, раздоръ Литвы съ Польшей разгорался больше и больше. Свидригайло, какъ человѣкъ вѣрный русскимъ, поднялъ теперь русское дѣло, потребовалъ, чтобы поляки не вмѣшивались въ дѣла Волыни и Подоліи, потому что это русскія области, частію завоеваны Ольгердомъ, частію перешли къ литовскимъ князьямъ черезъ родство Любарта Гедиминовича съ галицко-волынскими князьями и должны принадлежать литовскому княжеству. Поляки настаивали на томъ, что эти области имъ принадлежатъ. Свидригайло сталъ силою выгонять поляковъ изъ крѣпостей Украйны. Поляки съ своей стороны обратились къ силѣ.

Въ 1431 году начались военныя дѣйствія между Литвой и Польшей изъ-за Волыни и Подоліи. Русскіе въ этой войнѣ съ неистовствомъ истребляли въ помянутыхъ областяхъ латинство. Въ этой войнѣ принималъ большое и грозное для поляковъ участіе извѣстный намъ защитникъ Волыни, князь Өеодоръ Острожскій. Онъ, безъ сомнѣнія, глубоко чувствовалъ неблагодарность Ягайлы къ русскимъ за грюнвальденскую побѣду и потому бросилъ Ягайлу, съ которымъ дѣйствовалъ тогда за одно и ратовалъ теперь за Свадригайлу. Нерѣдко поляки въ этой войнѣ больше боялись князя Острожскаго, чѣмъ Свидригайлы. Но война была нерѣшительная и кончилась нерѣшительно, потому что оба брата, Свидригайло и Ягайло, часто входили между собою въ мирныя сдѣлки. Поляки однако видѣли, что перевѣсъ остается на сторонѣ Свидригайлы и пылали къ нему страшною ненавистію. Ненависть эта, безъ сомнѣнія, много поддерживалась личнымъ, строго-русскимъ и православнымъ направленіемъ Свидригайлы. При немъ, казалось, воскресла во всей полнотѣ древняя, литовско-русская жизнь. Его окружали русскіе и православные люди. Его жена была особенно предана православію и усердно исполняла православные обряды. Поляки-латиняне, сдѣлавшіе столько уже внутреннихъ завоеваній въ литовскомъ княжествѣ, не могли вынести такого поворота дѣлъ. Они рѣшились составить заговоръ противъ Свидригайлы. Говорятъ, Ягайло, извѣстный своимъ вѣроломствомъ, зналъ о немъ и далъ на него свое согласіе. Во главѣ заговора сталъ съ поляками братъ Витовта, Сигизмундъ, какъ вождь латино-литовской партіи. Онъ напалъ на дворецъ Свидригайлы въ Ошмянахъ. Но Свидригайло заблаговре-

менно былъ извѣщенъ объ опасности, бѣжалъ въ восточно-русскія области и сталъ собирать войска противъ враговъ, входилъ въ сношенія съ русскими князьями, въ особенности съ московскимъ княземъ. Однако онъ не могъ уже возвратить себѣ велико-княжескаго литовскаго стола. Нельзя сказать, чтобы Свидригайло имѣлъ недостатокъ въ литовско-русской поддержкѣ; но онъ не умѣлъ ею воспользоваться и самъ ослаблялъ ее своею дружбою съ рыцарями. Человѣкъ буйный, не трезвый—Свидригайло любилъ дружить съ людьми разгульными. Рыцари поняли эту слабость Свидригайлы и обворожили его шумными пирами, попойками. Люди дѣльные отшатывались отъ Свидригайлы и не поддержали, его, когда онъ лишился власти. Свидригайло однако долгое еще время не сходилъ со сцены и часто давалъ о себѣ знать. Онъ утвердился въ Кіевѣ и въ Луцкѣ, имѣлъ свои отряды войска, съ которыми ходилъ то противъ татаръ, то противъ Сигизмунда. Въ критическія времена онъ удалялся то къ татарамъ, то въ Молдавію.

Врагъ Свидригайлы, Сигизмундъ вступилъ на литовскій престолъ (1432 г.) безъ большихъ затрудненій. Его выдвинули и поддержали—латинская литовская партія, поляки и во главѣ ихъ Ягайло. Послѣдній, впрочемъ, недолго могъ его поддерживать. Ягайло вскорѣ, именно, черезъ два года (1434 г.), умеръ. На польскій престолъ вступилъ сынъ его Владиславъ варнскій. Свидригайло вступилъ съ нимъ въ сношенія и сталъ безпокоить Сигизмунда; но попытки его и теперь не удались. Сигизмундъ оставался на литовскомъ престолѣ.

Само собою разумѣется, что княженіе Сигизмунда отличалось совершенно противоположнымъ направленіемъ

въ сравненіи съ Свидригайловымъ. Русскіе и православные люди были удалены и подвергнуты опалѣ. Латинство стало впереди повсюду. Торжеству его особенно много помогало личное настроеніе Сигизмунда. Онъ былъ до крайности мнителенъ, суевѣренъ, занимался гаданіями, окружалъ себя ханжами, гадальщиками. Латинскіе ксендзы воспользовались этимъ настроеніемъ Сигизмунда, какъ нельзя лучше. Они убѣдили его принять самыя суровыя мѣры противъ иновѣрцевъ въ литовскомъ княжествѣ. Въ 1436 г., имъ удалось устроить и ввести въ Литву инквизицію, которая такимъ образомъ здѣсь впервые получила свое начало и опередила западно-европейскую инквизицію слишкомъ на тридцать лѣтъ. Литовской инквизиціи поручены были всѣ дѣла по преступленіямъ противъ латинскаго правовѣрія и дано право наказывать иновѣрцевъ. Православные первые подверглись гоненіямъ. Даже запрещали имъ строить и починять церкви. Впрочемъ, нужно сказать, что была и особенная причина, вызвавшая литовскую инквизицію—это чешскіе гусситы, которые подкапывали латинство въ Польшѣ и которыхъ вліяніе было особенно ощутительно въ литовскомъ княжествѣ. Гусситы, такъ называемые по имени ихъ великаго учителя и мученика, Гусса, сожженнаго въ 1414 г. по приказанію папы, на константскомъ соборѣ, требовали возстановленія пріобщенія всѣхъ подъ двумя видами и ратовали противъ другихъ злоупотребленій латинской церкви. Они и въ Чехіи сносились съ восточною церковью, и въ западной Россіи сильно сближались съ православными и распространяли свое ученіе среди латинянъ. Они были въ Минскѣ, въ Витебскѣ, заходили даже въ Псковъ.

Фанатическія жестокости Сигизмунда вскорѣ однако вооружили противъ него и собственную его партію. Подозрительный, суевѣрный, онъ видѣлъ вездѣ опасность, измѣну, сталъ преслѣдовать, казнить окружавшихъ его вельможъ и довѣрялся болѣе и болѣе коварнымъ, ничтожнымъ людямъ, которыхъ выбиралъ изъ низшей своей челяди. У литвиновъ составилось убѣжденіе, что Сигизмундъ намѣренъ истребить все верхнее сословіе. Они рѣшились воспользоваться урокомъ Сигизмунда, даннымъ при сверженіи Свидригайлы, и составили противъ него заговоръ. Исполнителемъ воли заговорщиковъ былъ Александръ Чарторыйскій (русскій князь). Въ 1440 г. онъ отправился въ мѣстопребываніе Сигизмунда въ Троки съ отрядомъ войска, скрытаго въ повозкахъ. Чарторыйскій вошелъ во дворецъ. Сигизмундъ въ это время слушалъ обѣдню изъ залы, двери которой были заперты. Чарторыйскій очутился въ затрудненіи, какъ пробраться къ Сигизмунду. Въ это время онъ увидѣлъ, что по двору ходитъ любимая Сигизмундомъ медвѣдица. Это навело Чарторыйскаго на счастливую для него мысль. Медвѣдица имѣла обычай, возвратившись съ прогулки, царапать лапой двери и ей отворяли ихъ. Чарторыйскій сталъ подражать ей. Двери отворились. Чарторыйскій напалъ на Сигизмунда и поразилъ его при содѣйствіи своего сообщника Скобейки, который былъ родомъ кіевлянинъ.

Когда разнеслась вѣсть о смерти Сигизмунда, составились два плана на счетъ новаго князя. Въ Польшѣ, какъ намъ уже извѣстно, былъ въ то время на престолѣ сынъ Ягайлы, Владиславъ. За годъ до смерти Сигизмунда, т. е. въ 1439 г. онъ былъ кромѣ того еще

избранъ въ короли венгерцами. Занимая два престола, онъ не могъ заняться еще управленіемъ Литвы; но ни онъ, ни тѣмъ менѣе поляки не хотѣли отказаться отъ власти надъ Литвой. Придумали воспользоваться давнимъ примѣромъ Ягайлы и рѣшились назначить въ Литву намѣстника. Избрали для этого малолѣтняго брата Владислава, Казиміра, и пользуясь его малолѣтствомъ, задумали назначить при немъ совѣтъ изъ поляковъ.

Въ Литвѣ, между тѣмъ, подготовлялось совершенно противоположное дѣло. Представители Литвы собрались на сеймъ, занялись избраніемъ великаго князя, помимо поляковъ, совершенно независимо отъ нихъ. Предложены были, какъ послѣ смерти Витовта, разные кандидаты. Вдругъ въ Литвѣ узнали, что поляки приготовили уже намѣстника литовскому княжеству, да еще съ польскимъ совѣтомъ при немъ. Раздались клики сильнаго негодованія на Польшу, и принято рѣшеніе не допускать этого злоупотребленія союзомъ съ ней. Въ это время на сеймѣ высказана мысль, что лучше всего избрать того же Казиміра, но не какъ намѣстника, а какъ самостоятельнаго, независимаго отъ Польши князя. Мысль эта встрѣтила одобреніе. Казиміръ былъ избранъ. Депутаты отправились за нимъ въ Польшу, и можно сказать, похитили его изъ рукъ поляковъ, выманивъ Казиміра будто на охоту. Новый князь возведенъ былъ въ Вильнѣ на великокняжескій столъ со всею торжественностью. Его окружилъ совѣтъ изъ людей литовскаго княжества, во главѣ которыхъ стоялъ умнѣйшій человѣкъ своего времени, Гаштольдъ. Молодой князь съ любовію сталъ изучать свою родину, русскій и ли-

товскій языки, съ которыми, безъ сомнѣнія, знакомъ былъ и до того времени. О союзѣ съ Польшей, а тѣмъ болѣе о подчиненіи ей литовскаго княжества, не было и помину. Напротивъ, Казиміръ, при самомъ вступленіи на литовскій престолъ, клялся не унижать, не уменьшать ни въ чемъ литовскаго княжества, ни въ должностяхъ, ни въ людяхъ, ни въ земляхъ, а поддерживать ихъ достоинство и возвратить Литвѣ, какъ Богъ поможетъ, все когда либо отнятое отъ нея.

По всему видно, что теперь во всемъ за одно дѣйствовали въ литовскомъ княжествѣ оба народа, литовскій и русскій. Они, видно, поняли пагубныя послѣдствія для нихъ обоихъ отъ раздѣленія, и рѣшились стоять за одно. Даже Владиславъ польско-венгерскій призналъ это объединеніе литвиновъ и русскихъ и, воспользовавшись мнимо существовавшею тогда флорентійскою уніей, издалъ грамоту, уравнивавшую православныхъ литовскаго княжества съ латинянами. Этимъ онъ, безъ сомнѣнія, пользовался также для того, чтобы напомнить литовскому княжеству свою власть. И то, и другое было совершенно напрасно. Литовское княжество само собою шло путемъ объединенія внутреннихъ своихъ силъ и развитія большей и большей самостоятельности.

Въ 1445 году встрѣтился однако совершенно случайный камень претыканія на этомъ пути. Владиславъ погибъ въ борьбѣ съ турками. На его мѣсто поляки избрали Казиміра. Вопросъ о союзѣ литовскаго княжества съ Польшей необходимо долженъ былъ возобновиться и занимать умы. Онъ разрѣшался во все долговременное

царствованіе Казиміра. Его поднимали почти каждый годъ на многочисленныхъ сеймахъ того времени.

На всѣхъ этихъ сеймахъ рѣшались два вопроса: общій вопросъ о соединеніи Литвы съ Польшей и частный о Волыни и Подоліи. Представители литовскаго княжества требовали, чтобы изъ всѣхъ грамотъ о союзѣ Литвы съ Польшей были исключены выраженія: оба государства составляютъ одинъ народъ, одно тѣло, оба государства сливаются въ одно. Они доказывали, что эти выраженія внесены незаконно, что такого союза съ Польшей никогда не было, что Литва никогда не была и не будетъ въ порабощеніи у Польши, а можетъ быть только въ равноправномъ, братскомъ союзѣ, какъ отдѣльное государство во всей его цѣлости. Поэтому Волынь и Подолія, какъ древнія и постоянныя владѣнія литовскаго княжества, должны принадлежать ему, и поляки не должны тамъ занимать должностей. Вопросъ о Волыни и Подоліи былъ яблокомъ раздора на каждомъ сеймѣ. Казиміръ явно стоялъ на сторонѣ представителей Литвы и давалъ имъ возможность фактически вытѣснять изъ этихъ областей поляковъ и утверждаться самимъ. Поляки задумали предложить спорное дѣло на судъ третейскій и избрать судьями германскаго императора, или папу. Литовцы съ ироніей отвѣчали на это: не хотите ли еще обратиться къ суду крымскаго хана? Поляки прибѣгли къ новому средству. Они потребовали, чтобы Казиміръ присягнулъ на соблюденіе всѣхъ ихъ правъ, слѣдовательно и на соблюденіе древнихъ актовъ союза Литвы съ Польшей. Затѣмъ, обезпечивая еще больше свои права и свою силу, они потребовали, чтобы сеймъ раздѣлялся на двѣ

половины: на сенатъ и избу посольскую (сенаторы были въ большей зависимости и подъ бо̀льшимъ вліяніемъ короля, чѣмъ простые послы). Наконецъ, они потребовали, чтобы при королѣ были изъ сенаторовъ отвѣтственные совѣтники, чтобы литвины удалены были отъ Казиміра и чтобы литовскимъ княжествомъ управлялъ намѣстникъ. Это происходило въ 1456 г. Литва страшно взволновалась, начались приготовленія къ войнѣ, составлялись серьезныя совѣщанія объ избраніи новаго литовскаго князя. Между тѣмъ, поляки, недовольные упорствомъ Казиміра принять ихъ требованія, волновались противъ него въ свою очередь и тоже поговаривали объ избраніи новаго короля. Казиміръ находился среди двухъ огней. Ему не было выхода изъ затрудненій и недоразумѣній между литовскимъ княжествомъ и Польшей, которыя и не были разрѣшены до самаго конца царствованія Казиміра, умершаго въ 1492 г.

Но нельзя сказать, чтобы онъ не искалъ этого выхода, хотя эти поиски еще болѣе ухудшали его положеніе и судьбу литовско-польскаго союза. Казиміръ подобно своимъ предшественникамъ и многимъ изъ своихъ преемниковъ игралъ, если такъ выразиться, въ двѣ руки. Одною онъ старался привлечь къ себѣ русскихъ восточной Россіи. Такъ онъ привлекалъ къ себѣ разлагавшійся Новгородъ, манилъ своей помощью братьевъ Іоанна III во время ихъ ссоры, подкапывался подъ Іоанна III въ своихъ сношеніяхъ съ ханомъ Ахматомъ. Но въ тоже время другой рукой разрушалъ первѣйшую основу западно-русской жизни—православіе. Онъ покровительствовалъ навязанному западной Россіи митрополиту

Григорію, ученику Исидора, принявшаго флорентійскую унію, и къ концу жизни далъ волю латинскому духовенству возмущать совѣсть русскихъ западной Россіи и даже злоупотреблять благочестіемъ болѣзненнаго его сына, королевича Казиміра, котораго это духовенство сдѣлало фанатическимъ ненавистникомъ русскихъ православныхъ.

И все это дѣлалось въ такое время, когда на московскомъ престолѣ сидѣлъ даровитый, быстро возроставшій въ могуществѣ московскій князь Іоаннъ III. Могущество это, какъ всякое могущество, немедленно стало обнаруживать обыкновенное свое свойство, силу притяженія. Къ нему стали мало по малу стремиться русскія силы литовскаго княжества. Восточная область литовскаго княжества, такъ называемая область князей, т. е. сѣверская, болѣе и болѣе переходила подъ власть Іоанна III. Начались недоразумѣнія, а затѣмъ и военныя столкновенія между московскимъ княземъ и литовскимъ, особенно послѣ смерти Казиміра. Въ литовскомъ княжествѣ и въ эти трудныя времена не бросали мысли о самостоятельности его, и Литва и Польша даже имѣли особыхъ государей, сыновей Казиміра: Александра въ Литвѣ, и Альбрехта въ Польшѣ. Но двуличная политика Казиміра пустила уже глубокіе корни. Ей послѣдовали и теперь,—задумали заразъ ладить и съ русскими вообще, и съ поляками. Въ этихъ, конечно, видахъ Александръ породнился съ Іоанномъ III, женившись на его дочери Еленѣ, и далъ у себя главное значеніе русскому князю Михаилу Глинскому; оживились тогда и русскіе вообще, особенно благодаря покровитель-

ству Елены. Но въ то же время Литва думала ладить съ Польшей, и тѣмъ болѣе хлопотала объ этомъ, что родство Александра съ Іоанномъ не только не укрѣпило между ними мира, а еще болѣе усилило вражду. Нужда въ военной помощи заставляла литовцевъ поневолѣ вспоминать о союзѣ съ Польшей. Въ 1499 году они сами завели объ этомъ сношенія съ поляками и постановили обновить союзъ Литвы съ Польшей, умѣривъ, какъ они выражались, древнія условія его. Между тѣмъ умеръ Альбрехтъ, польскій король. Александръ избранъ польскимъ королемъ. Его заботы, благожеланія подданнымъ еще болѣе раздвоились. Ему нужно было мирить интересы Литвы и Польши. Къ этому побуждали и трудности войны съ Іоанномъ, въ особенности сильно развитый въ Александрѣ деспотизмъ, въ которомъ укоряютъ его литовцы. Вступивъ на польскій престолъ (1501 г.), онъ сейчасъ же снова поднялъ вопросъ о соединеніи Литвы съ Польшей. Для этого присланы были въ Польшу депутаты отъ Литвы съ полномочіемъ заключить унію, но безъ униженія литовскаго княжества. Поляки составили свой проектъ уніи такого содержанія:

Литва и Польша соединяются въ одно государство. Отнынѣ всегда долженъ быть у нихъ одинъ государь. У обоихъ должны быть общіе сеймы по общимъ дѣламъ, т. е. одинъ сеймъ изъ поляковъ и литвиновъ. Такіе сеймы должны бывать поочередно, разъ въ Польшѣ, другой разъ въ Литвѣ. Литвѣ оставляются только титулъ, государственные чины, частные сеймы и другія особенности внутренняго управленія. Литовскіе депутаты отказывались подписать такую унію. Александръ заста-

вилъ ихъ подписаться и, мало того, заставилъ гарантировать, что такой договоръ будетъ принятъ и подписанъ всѣми литовскими чинами. Литовскіе чины однако не подписали этого акта во все царствованіе Александра. Тѣмъ не менѣе новый ударъ литовской независимости былъ нанесенъ, и ударъ жестокій, а между тѣмъ со стороны московскаго государства громче и громче дѣлались заявленія, что западная или литовская Русь — отчина московскихъ государей.

ЧТЕНІЕ VIII.

Состояніе литовскаго княжества въ началѣ XVI столѣтія. Разладъ между литвинами и русскими западной Россіи. Новыя попытки къ возстановленію литовской независимости. Сигизмундъ-Августъ литовскимъ княземъ. Литовское протестантство. Видимое объединеніе литвиновъ и русскихъ. Сигизмундъ-Августъ польскимъ королемъ. Латинопольскія вліянія на него. Внутренній разладъ въ литовскомъ княжествѣ. Война съ московскимъ княземъ. Заботы о соединеніи литовскаго княжества съ Польшей. Долговременныя приготовленія. Люблинскій сеймъ 1569 г. Споры между литвинами и поляками. Удаленіе съ сейма литвиновъ. Присоединеніе къ Польшѣ Подлѣсья, Волыни и кіевской области. Неудачныя попытки литвиновъ разрушить это дѣло. Недостатокъ единодушія между литвинами и русскими. Послѣднія попытки литвиновъ спасти тѣнь литовской независимости. Актъ люблинской уніи *).

Мы остановились на томъ фактѣ, что въ 1501 г. опять скрѣплено было соединеніе литовскаго княжества съ

*) О люблинской уніи я написалъ на основаніи тогдашняго дневника люблинскаго сейма небольшое изслѣдованіе подъ заглавіемъ: Люблинская унія, изд. 1863 г., а въ 1869 г. я издалъ по порученію Археографич. коммиссіи дневникъ люблинскаго сейма по двумъ редакціямъ, съ переводомъ на русскій языкъ. Въ предисловіи разсказана кратко исторія этого сейма. О волненіяхъ религіозныхъ и гражданскихъ за времена Сигизмунда I и Сигизмунда-Августа можно читать новѣйшее сочиненіе П. Жуковича: Кардиналъ Гозій и польская церковь его времени, изд. 1882 г.

польскимъ королевствомъ. Фактъ этотъ нужно признать самымъ неестественнымъ во всей исторической жизни литовскаго княжества. Не даромъ для него понадобились принужденіе, насиліе. Чтобы видѣть ясно его неестественность, довольно вспомнить, что тогда въ литовскомъ княжествѣ господствовала русская партія, и однако при ней совершилось скрѣпленіе союза Литвы съ Польшей; даже Глинскій подписанъ па этомъ актѣ. Но въ исторіи, собственно говоря, нѣтъ нелѣпостей. Все имѣетъ свою причину, свой смыслъ. Податливость Литвы передъ Польшей, ея безсиліе отстоять свою независимость происходили главнымъ образомъ отъ разъединенія между Литвою въ собственномъ смыслѣ и западною Русью, разъединенія, которое имѣло большое вліяніе какъ на сказанное сейчасъ сближеніе литовскаго княжества съ Польшей, такъ и на послѣдующія событія.

Мы говорили, что при Александрѣ занималъ первое мѣсто русскій князь Михаилъ Глинскій. Подобно всѣмъ первымъ сановникамъ, онъ стоялъ впереди не одинъ, а съ цѣлою русской партіей, которая поддерживала его и сама находила въ немъ поддержку. Литвины естественно были недовольны такимъ значеніемъ русскихъ, были съ ними не въ ладу; отъ того-то больше всего Александру и удалось насильно провести дѣло о соединеніи литовскаго княжества съ Польшей.

Раздоръ между литвинами и русскими еще больше усилился, когда Александръ вступилъ на польскій престолъ. Занятый дѣлами Польши, онъ долженъ былъ по неволѣ отвлекать свое вниманіе отъ литовскаго княжества; а между тѣмъ оно теперь требовало еще бòльшаго

вниманія, чѣмъ прежде, потому что мирныя отношенія его къ московскому княжеству были очень натянуты и постоянно прерывались военными столкновеніями. Эти обстоятельства побудили Александра дать Глинскому еще бо̀льшее значеніе. Глинскій на дѣлѣ былъ настоящимъ намѣстникомъ Литвы, хотя и не имѣлъ этого титула. По прежнимъ временамъ, мы уже можемъ догадываться, какъ такой порядокъ вещей былъ ненавистенъ литвинамъ-латинянамъ. Глинскій между тѣмъ былъ очень неостороженъ, давалъ чувствовать вездѣ свою власть и этимъ еще больше разжигалъ страсти. Когда въ 1506 г. умеръ Александръ, то литвины сильно боялись, чтобы Глинскій не вступилъ на литовскій престолъ, и поторопились немедленно избрать литовскимъ княземъ брата Александрова, Сигизмунда, обыкновенно называемаго первымъ или старымъ Сигизмундомъ, не сносясь при этомъ вовсе съ поляками, которые, благодаря такому поступку литвиновъ, очутились въ необходимости избрать королемъ себѣ того же Сигизмунда, иначе имъ пришлось бы разстаться съ Литвой.

Очень вѣроятно, что литвины преувеличили опасность отъ Глинскаго, воспользовались ею для того, чтобы получить себѣ особаго князя. Государственный разсчетъ ихъ оказался невѣрнымъ; но они вѣрно достигли своей цѣли по отношенію къ Глинскому. Они привязали къ себѣ Сигизмунда и крайне унизили Глинскаго. Новый государь показалъ къ нему холодность и окружилъ себя новыми людьми. Но Глинскій былъ не такой человѣкъ, чтобы помириться съ новымъ своимъ положеніемъ. Онъ убилъ главнаго своего врага Забжезинскаго, удалился въ восточныя области литовскаго кня-

жества и сталъ покорять ихъ своей власти; затѣмъ онъ предался подъ власть московскаго князя Василія Іоанновича и тянулъ теперь за собою и другихъ русскихъ. За нимъ пошли многіе русскіе князья: Мстиславскіе, Друцкіе и другіе. Возгорѣлась вновь жестокая и продолжительная война между московскимъ княземъ и литовско-польскимъ королемъ. Въ эту войну Смоленскъ перешелъ подъ власть Москвы и съ тѣхъ поръ всегда оставался за ней, за исключеніемъ промежутка отъ конца смутнаго времени до малороссійской войны. Отнята была отъ литовскаго княжества и вся сѣверская область. Кромѣ того, почти все литовское княжество разорено было въ эту войну. Русскіе подходили къ Вильнѣ, были они даже въ Гроднѣ.

Къ затрудненіямъ войны съ московскимъ государствомъ присоединились новыя. Крымскіе татары чаще и чаще производили опустошительные набѣги на южную часть литовскаго княжества. Пруссія, бывшая тогда уже въ нѣкоторой зависимости отъ Польши, тоже стала волноваться.

Сигизмунду I приходилось обратить всѣ силы и время на военныя дѣла. Въ немъ не было недостатка въ личной храбрости, которая находила себѣ не малую опору въ его громадной физической силѣ. Сигизмундъ разгибалъ подковы. Но онъ не любилъ войны и болѣе полагался на умныя мѣры, на которыя очень былъ способенъ, при своемъ замѣчательномъ умѣ и практичности. Сигизмундъ счелъ за лучшее нравственно опереться на силы литовскія и побудить ихъ самихъ устроить свои дѣла и облегчить его труды. Литвины-латиняне поэтому еще больше выдвинулись и еще больше отдѣ-

лились отъ русскихъ своего княжества. Имъ помогалъ и въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ Сигизмундъ. Конечно, въ восточной части Литвы, т. е. въ чисто русской части литовскаго княжества, онъ не могъ позволить себѣ жестокихъ мѣръ по отношенію къ русскимъ, потому что это значило бы сейчасъ же отшатнуть ихъ отъ Литвы и побудить присоединиться къ московскому государству. Но чтобы понять настоящую мысль Сигизмунда I въ отношеніи къ русскимъ, для этого лучше всего взглянуть на его образъ дѣйствій въ такомъ русскомъ уголкѣ литовско-польскаго государства, за который нельзя было бояться, что онъ отпадетъ отъ него, именно, нужно взглянуть на Галицію. Тамъ, при Сигизмундѣ I, обыкновенно называемомъ справедливымъ, положеніе русскихъ православныхъ очень походило на положеніе христіанъ въ турецкой имперіи. Тамъ они не имѣли права свидѣтельствовать въ судѣ противъ поляка-латинянина; на нихъ наложена была поголовная подать за схизму. Въ тѣхъ, напримѣръ, случаяхъ, когда православные вмѣстѣ съ латинянами составляли цеховое братство, первые, при особенныхъ торжественностяхъ братскихъ, обязаны были идти къ костелу, но не имѣли права входить въ самый костелъ, а должны были стоять въ оградѣ и за это платить опредѣленный взносъ. Наконецъ, съ нихъ сплошь да рядомъ брали десятину въ пользу латинскаго прихода, латинскаго ксендза. Само собою разумѣется, что подобныя же неправды совершались и въ литовскомъ княжествѣ, хотя и не узаконялись. Мы имѣемъ одинъ крупный фактъ, доказывающій сильное развитіе въ то время латинскаго фанатизма и въ литовскомъ княжествѣ. Въ 1522 году Сигизмундъ сдѣлалъ великимъ

литовскимъ гетманомъ—главнокомандующимъ—русскаго православнаго князя Константина Ивановича Острожскаго (отца извѣстнаго князя Острожскаго, о которомъ будемъ говорить послѣ). Съ этимъ званіемъ естественно соединялось право присутствовать въ сенатѣ. Литвины-латиняне сильно вооружались противъ этого назначенія и стали доказывать, что схизматикъ не имѣетъ права засѣдать въ сенатѣ. Замѣтимъ, что они вооружались противъ героя того времени, противъ человѣка, который вѣрно служилъ литовскому княжеству, страдалъ десять лѣтъ въ плѣну въ Москвѣ и затѣмъ одержалъ надъ войсками московскаго князя блистательную побѣду. Самъ Сигизмундъ I вступился за князя и насилу убѣдилъ латинянъ принять его въ сенатъ въ видѣ исключенія.

Приближаясь къ старости, Сигизмундъ особеннымъ образомъ доказалъ свою расположенность къ литовцамъ. Въ 1529 году онъ назначилъ имъ особаго правителя, малолѣтняго своего сына Сигизмунда Августа, и не въ качествѣ намѣстника, а съ полнымъ именемъ великаго литовскаго князя, позволилъ даже возвести его на литовскій престолъ со всѣми церемоніями, что̀ литовцы и выполнили съ необыкновенною торжественностію.

Такимъ образомъ, литовцамъ опять улыбнулась мысль о независимости ихъ княжества отъ Польши, объ его самостоятельности. Дряхлость Сигизмунда стараго и малолѣтство Сигизмунда молодого давали возможность осуществлять съ успѣхомъ эту мысль. Что жъ? Воспользовались ли литовцы этимъ счастливымъ поворотомъ обстоятельствъ? Мы знаемъ, они были въ большомъ разладѣ съ русскими. Съумѣютъ ли они уничтожить

этотъ разладъ и соединить всѣ силы литовскаго княжества для достиженія этой цѣли?

Внутри литовскаго княжества въ тѣ времена происходилъ такой переворотъ, который, казалось, способенъ былъ уничтожить всѣ затрудненія къ возстановленію литовской независимости и могъ даже сблизить по старому литовцевъ и русскихъ западной Россіи. Мы разумѣемъ протестантское движеніе въ этой странѣ.

Въ Польшѣ и Литвѣ протестантство сдѣлалось извѣстнымъ въ самыя первыя времена его появленія въ западной Европѣ,—въ то самое время, какъ проповѣдывали Лютеръ и особенно Кальвинъ; сдѣлалось извѣстнымъ не по слухамъ только, а черезъ близкое ознакомленіе съ нимъ польскихъ и литовскихъ людей. Въ литовско-польскомъ государствѣ давно уже существовалъ обычай, что знатные люди, особенно молодые, отправлялись въ западную Европу для образованія, научнаго и политическаго. Всѣ страны, всѣ академіи, университеты наполнены были польскими и литовскими аристократами, которые часто проводили тамъ не мало времени и вполнѣ ознакомливались съ западно-европейскою наукою и жизнью. Приведу примѣръ, впрочемъ изъ позднѣйшаго нѣсколько времени. Янъ Замойскій, знаменитый канцлеръ и гетманъ при Баторіѣ, былъ въ юности въ нѣсколькихъ университетахъ и даже нѣкоторое время стоялъ во главѣ падуанскаго университета—былъ его ректоромъ. Благодаря этимъ многочисленнымъ поѣздкамъ заграницу, протестантство быстро стало извѣстнымъ въ Польшѣ и Литвѣ. Въ домахъ аристократическихъ шли разговоры о паденіи папы, обобщались и пріобрѣтали послѣдователей новаго ученія. Распростра-

нялось между литовскими аристократами болѣе кальвинское ученіе, какъ болѣе богатое внѣшними формами и разными привиллегіями.

Независимо отъ аристократовъ, протестантство подходило къ литовскому княжеству и другимъ путемъ. Извѣстно, что протестантство и выработано, и особенно поддерживалось нѣмецкимъ народомъ. Извѣстно намъ также, что часть нѣмецкаго народа — прусскій рыцарскій орденъ—придвинулся къ самой Литвѣ. Подвигаясь къ сѣверу по нѣмецкимъ странамъ, протестантство проникло въ Пруссію и къ двадцатымъ годамъ XVI ст. получило такую силу, что самъ магистръ ордена бросилъ рыцарскіе монашескіе знаки и латинство, принялъ протестантство и женился. Сосѣднее литовско-польское государство должно было теперь сильнѣе почувствовать вліяніе протестантства. Для него здѣсь были уже готовые пути и не чрезъ одну аристократію. Намъ извѣстно, что въ Польшѣ города населены были колонистами-нѣмцами. Не мало проникло нѣмцевъ и въ главнѣйшіе западные города литовскаго княжества, особенно въ Вильну. Между ними-то прежде всего и начало распространяться протестантство. У нихъ находили пріютъ и поддержку протестантскіе проповѣдники. Впрочемъ, сразу же явились и проповѣдники—природные литвины. Такъ, рядомъ съ нѣмцемъ Винклеромъ, мы видимъ въ числѣ самыхъ первыхъ протестантскихъ проповѣдниковъ природнаго литвина Кульву.

Этотъ двойной приливъ протестантства черезъ аристократію и городское сословіе, очевидно, очень легко могъ объединиться и дѣйствовать тѣмъ сильнѣе. Особенно рѣшительно и явно выступилъ на это дѣло родъ

литовскихъ князей Радивиловъ и во главѣ его Николай Радивилъ, называемый Чернымъ. Онъ устроилъ протестантское богослуженіе у себя сначала въ загородномъ домѣ подлѣ Вильны, а потомъ перевелъ протестантскія собранія въ самый городъ Вильну, гдѣ они происходили открыто, торжественно.

Такому быстрому успѣху протестантства не мало содѣйствовало родство Радивила съ литовскимъ княземъ Сигизмундомъ Августомъ. Сигизмундъ Августъ познакомился съ сестрою Радивила, Варварой, вдовой литвина Гаштольда. Говорятъ, эта женщина отличалась необыкновенною красотою, умомъ и необыкновенными добродѣтелями. Сигизмундъ-Августъ отдался ей всею душой и послѣ смерти своей жены Елисаветы австрійской женился на Варварѣ, не обращая вниманія на препятствія къ подобному браку со стороны поляковъ. Протестанты воспользовались этимъ обстоятельствомъ. Они больше и больше получали силы и даже стали пріобрѣтать юридическія права.

Впрочемъ, и независимо отъ этой поддержки, протестантство пріобрѣтало силу въ литовскомъ княжествѣ. Оно находило себѣ здѣсь жизненную почву, даже несравненно жизненнѣе, чѣмъ въ Польшѣ. Намъ извѣстно, что Литва была обращена въ латинство путемъ насилій; извѣстно также, что и въ гражданскихъ дѣлахъ она страдала отъ Польши, рарушавшей ея независимость. Свобода религіозная и національная здѣсь могли вызывать особенную жажду и сливаться въ одно нераздѣльное требованіе. По этому-то силу протестантскаго вліянія немедленно ощутила на себѣ вся латинская часть литовскаго княжества, въ особенности Жмудь. Здѣсь

изъ нѣсколькихъ сотъ латинскихъ приходовъ оказалось только шесть, не измѣнившихъ латинству. Немногимъ лучше было и въ другихъ областяхъ, гдѣ только существовало латинство. Монастыри быстро пустѣли, ксендзы въ попыхахъ спѣшили жениться. Соблазнъ новаго ученія такъ былъ великъ, что протестантство принялъ и женился нареченный латинскій кіевскій епископъ Пацъ, и, что̀ всего несноснѣе было для латинскихъ епископовъ, онъ, не смотря на свое отступничество, хотѣлъ занимать въ сенатѣ епископское мѣсто между латинскими прелатами. Въ литовскомъ сенатѣ, черезъ какихъ нибудь двадцать лѣтъ послѣ того, какъ не хотѣли принимать въ засѣданіе православнаго Острожскаго, почти всѣ сенаторы были не латиняне. Только два сенатора были латинскаго вѣроисповѣданія—виленскій епископъ, да жмудскій.

Что касается православныхъ, то протестантство не было для нихъ особенно опаснымъ. Протестанты утверждали, что стремятся возстановить образецъ древней вселенской церкви. Православные хранили у себя этотъ образецъ и не нуждались въ возобновленіи его. Изъ самой Польши, даже изъ среды латинскаго духовенства раздавались тогда голоса, что въ православной церкви вѣрнѣе сохранилась истина Христова. Такъ, это проповѣдывалъ латинскій каноникъ Орѣховскій—русскій по матери. Это высказывалъ даже одинъ латинскій епископъ, именно хелминскій епископъ Дрогоіевскій. Извѣстно наконецъ, что знаменитый тогдашній польскій мыслитель Модржевскій настойчиво предлагалъ устроить въ Польшѣ народную церковь съ богослуженіемъ на польскомъ языкѣ, и въ своемъ проектѣ объ этомъ указывалъ

на православную церковь. Съ другой стороны, протестанты ратовали противъ латинства. Православные такъ много страдали отъ него, что не могли не сочувствовать въ этомъ протестантамъ; но больше всего православные сочувствовали научному религiозному оживленiю между протестантами и явно стали сами идти теперь этимъ же путемъ.

Такимъ образомъ, между литвинами и православными снова возстановлялось единенiе. Тѣ и другiе могли дѣйствовать за одно, особенно по вопросу о независимости отъ Польши, одинаково желанной какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ. Дѣйствительно понятiя объ этой независимости теперь были очень развиты въ литовскомъ княжествѣ и казалось, теперь не могло быть и помину о скрѣпленiи союза протестантской и православной Литвы съ латинскою Польшей

На дѣлѣ однако оказалось иначе. Надъ литовскимъ княжествомъ какъ будто носился злой духъ и подстерегалъ малѣйшiя проявленiя его самобытности для того, чтобы поразить ихъ въ самомъ началѣ. На этотъ разъ онъ поразилъ ихъ окончательно. Литва, вмѣсто независимости, пошла къ слитiю съ Польшей.

Въ 1548 году умеръ Сигизмундъ 1. Литовскiй князь Сигизмундъ Августъ вступилъ на польскiй престолъ. Какъ бывало въ прежнiя времена, такъ и теперь вниманiе и заботливость литовскаго князя, избраннаго польскимъ королемъ, о благѣ подданныхъ, необходимо должны были раздвоиться. Но Литва отъ этого не могла теперь выиграть, какъ не разъ выигрывала прежде. Въ 1551 г. порвалась связь, сильнѣе всего соединявшая Сигизмунда Августа съ Литвою,—умерла любимая его

жена литвинка Варвара, вскорѣ послѣ того, какъ Сигизмундъ только что преодолѣлъ съ замѣчательною твердостію всѣ трудности и короновалъ ее польскимъ королевскимъ вѣнцомъ. Онъ женился въ третій разъ на нѣмецкой принцессѣ Екатеринѣ, но ладу между ними не было; Екатерина уѣхала изъ Польши. Сигизмундъ задумалъ развестись съ ней. Этого нельзя было сдѣлать безъ папы. Сигизмундъ долженъ былъ отдаться въ руки латинянъ.

Польскіе латиняне давно уже били тревогу противъ еретиковъ. Они дали знать папѣ о крайней опасности латинства въ литовско-польскомъ государствѣ. Папа сталъ присылать въ Польшу нунціевъ, которые мало по малу забирали Сигизмунда въ свои руки и вооружали его противъ еретиковъ и противъ Литвы, въ которой ересь имѣла главное свое гнѣздо. Литовскіе протестанты какъ бы сами позаботились сдѣлать внушенія латинской партіи болѣе убѣдительными. При всей первоначальной заманчивости и видимой пригодности для тогдашней Литвы, протестантство вскорѣ оказалось здѣсь весьма непригоднымъ вѣроисповѣданіемъ.

Опираясь слишкомъ исключительно на разумномъ началѣ и чуждаясь внѣшнихъ формъ религіозности, протестантство можетъ держаться прочно только у тѣхъ народовъ, которые отличаются большимъ преобладаніемъ и развитіемъ силы ума. Коль скоро дается въ дѣлѣ вѣры великое значеніе личному разумѣнію, личному мнѣнію, то эти разумѣнія и мнѣнія тогда только не будутъ смѣняться одни другими, когда есть большая сила холоднаго ума, сдерживающая ихъ отъ быстрой смѣны и крайностей. Такою преимущественною

силою отличаются народы германской расы; но этого нельзя сказать о славянахъ. Въ нихъ очень богато чувство и очень велико требованіе полноты, жизненности истины, которая бы говорила не только уму, но и сердцу. Отъ того протестантство никогда не могло утвердиться прочно въ славянскихъ странахъ. Протестантскія личныя разумѣнія, личныя мнѣнія, при воспріимчивости славянъ, слишкомъ быстро смѣнялись у нихъ одни другими. Смѣна еще болѣе усиливалась отъ того внутренняго томленія, какое испытывала славянская душа отъ холодности протестантства и которое побуждало славянина принимать новое мнѣніе, новое ученіе, въ надеждѣ оживить имъ томящуюся душу.

Все это было причиною, что протестантство не могло прочно утвердиться въ литовскомъ княжествѣ не только между русскими, но даже и между литвинами, которые сохраняли многія древнія славянскія особенности и у которыхъ тогда весь верхній слой пересоздался въ славянскій. Въ самое короткое время въ Литвѣ наплодилось безчисленное множество протестантскихъ сектъ (до 80-ти); нѣкоторыя изъ нихъ доходили до послѣднихъ крайностей, напримѣръ, до социніанства, т. е. до отрицанія троичности лицъ въ Богѣ и самаго искупленія, и всѣ спорили одна съ другой неистово и производили страшную смуту въ литовскомъ княжествѣ.

Между тѣмъ времена были вовсе не таковы, чтобы можно было спорить, враждовать и волноваться безопасно. Обстоятельства требовали большой собранности и единенія силъ всего литовскаго княжества. Ему стала грозить великая внѣшняя опасность. Московскій царь Іоаннъ IV началъ войну съ Ливоніей. Часть Ливоніи отда-

лась Литвѣ. Іоаннъ началъ войну съ Литвой и въ 1563 г. овладѣлъ Полоцкомъ, и нельзя было не ждать великаго зла отъ этихъ завоеваній не только литвинамъ, но и бѣлоруссамъ. Правда, простой народъ Бѣлоруссіи сочувствовалъ завоеваніямъ православнаго и притомъ не любившаго жидовъ русскаго царя. Были и въ средѣ образованныхъ бѣлоруссовъ замышленія соединить литовское княжество съ московскимъ царствомъ и даже происходили тайныя сношенія, какъ видно изъ дѣла виленскаго воеводича Глѣбовича, разбиравшагося на люблинскомъ сеймѣ 1569 г. Но неистовства Іоанна IV и бѣгство отъ него въ Литву многихъ русскихъ, особенно такого виднаго и даровитаго человѣка, какъ князь Андрей Курбскій, разрушали въ русской средѣ литовскаго княжества всякія надежды на восточную Россію. Въ послѣдствіи сами поляки говорили, что къ окончательному соединенію съ Польшей пригналъ Литву Іоаннъ IV. При такихъ обстоятельствахъ литвинамъ поневолѣ приходилось вспомнить о помощи польской, о сближеніи съ Польшей, т. е. приходилось дать еще бо̀льшую силу польской латинской партіи на погибель литовской независимости.

Наконецъ, кромѣ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, о сближеніи Литвы съ Польшей сталъ сильно хлопотать Сигизмундъ Августъ просто, какъ государь. Онъ остался послѣднимъ, единственнымъ потомкомъ Ягайлы. Не было у него ни родственниковъ близкихъ, ни дѣтей. Его мать, королева Бона, безнравственнѣйшая италіанка, намѣренно развратила его, сдѣлала неспособнымъ къ семейной жизни, чтобы самой управлять государствомъ. Одинокій, болѣзненный Сигизмундъ Августъ началъ серьезно думать о будущности своихъ, плохо соединен-

ныхъ государствъ. Начались хлопоты о скрѣпленіи союза между ними. Но обѣ стороны, литовская и польская, и во главѣ ихъ Сигизмундъ Августъ, очень хорошо знали, что сдѣлать теперь это дѣло не легко, что его нужно вести осторожно, медленно. Хлопоты тянулись почти десять лѣтъ.

Слѣдующія приготовительныя мѣры приняты были для скрѣпленія союза Литвы съ Польшей, или лучше, для слитія ихъ въ одно государство. Низшее литовское дворянство не имѣло политической равноправности съ своей аристократіей въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, какъ имѣла ее польская шляхта. Само собою очевидно, что эта равноправность, т. е. польское шляхетство, была заманчива для литовскаго низшаго дворянства. Сигизмундъ далъ ему эту равноправность, уравнялъ его съ аристократіею. Этимъ способомъ онъ пріобрѣталъ большое число голосовъ, расположенныхъ къ Польшѣ и способныхъ согласиться на слитіе Литвы съ Польшей. Но по всему видно, что ни Сигизмундъ, ни поляки не разсчитывали на прочность этой поддержки. Они, безъ сомнѣнія, понимали, что когда будетъ поднятъ вопросъ объ уничтоженіи самобытности литовскаго княжества, то всѣ могутъ забыть личныя выгоды и раздоры и слиться въ одну противодѣйствующую массу для спасенія родины. Словомъ, на добровольное согласіе представителей литовскаго княжества они плохо разсчитывали.

Сигизмундъ облегчилъ и эту трудность. Литовское княжество было наслѣдственнымъ его государствомъ. Онъ понялъ свою наслѣдственность такъ, что можетъ свободно располагать ею, и въ 1563 г. подарилъ ее Польшѣ. Послѣ этого согласіе Литвы на слитіе съ Польшей

оказывалось не нужнымъ. Полякамъ можно было силою присоединить къ себѣ литовское княжество. Но ни поляки, ни Сигизмундъ не рѣшились на такое логическое дѣло, не рѣшились, безъ сомнѣнія, потому, что предвидѣли непремѣнное свое пораженіе. Поэтому, они задумали добиться согласія самихъ литвиновъ, задумали обмануть и ихъ, и потомство призракомъ добровольнаго слитія литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ.

Рѣшено было обѣимъ сторонамъ съѣхаться на общій сеймъ и обсудить окончательно вопросъ о гражданской уніи. Съѣхались въ 1569 г. въ Люблинѣ. Сеймъ начался 10 января, день, который поляки уже не разъ старались праздновать рѣзнею русскихъ, высказывая этимъ, какъ нельзя вѣрнѣе, главный смыслъ соединенія Литвы съ Польшей.

Съ первыхъ дней сейма обнаружилось непримиримое разногласіе между поляками и литвинами въ понятіяхъ объ уніи ихъ государствъ. Литвины желали заключить союзъ съ Польшею братскій, основанный на добрыхъ чувствахъ и сознаніи его необходимости, безъ малѣйшаго нарушенія литовской самобытности. Поляки на это отвѣчали, что такой союзъ они могутъ заключить не только съ самымъ отдаленнымъ, но и съ самымъ варварскимъ народомъ, и требовали, чтобы приведены были въ исполненіе старые акты касательно соединенія Литвы съ Польшей,—актъ городельскій и александровъ, то есть, они требовали полнаго уничтоженія литовской самобытности, превращенія литовскаго княжества въ польскую провинцію. Литвины назвали старые акты куделями, неимѣвшими никогда силы, и отказались давать

согласіе на свое порабощеніе. Поляки оскорбились упорствомъ литвиновъ, заговорили о войнѣ, требовали, чтобы король привелъ въ исполненіе старые договоры, заставилъ литвиновъ своею властію принять ихъ. Литовскіе представители увидѣли, что имъ нечего дѣлать въ Люблинѣ и въ недѣлю православія (1569) самовольно разъѣхались по домамъ.

Поляки сильно поражены были этимъ рѣшительнымъ шагомъ литвиновъ, но умнѣйшіе изъ нихъ ободрились и придумали такую мѣру, которая обратила во вредъ литвинамъ ихъ удаленіе съ сейма. Поляки рѣшились въ отсутствіе литвиновъ присоединить къ Польшѣ южнорусскія области: Подлѣсье, Волынь, Кіевъ. Король издалъ универсалы о присоединеніи этихъ областей къ Польшѣ и потребовалъ прибытія на сеймъ ихъ представителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было удалиться изъ этихъ областей всѣмъ чиновникамъ, природнымъ литвинамъ, чтобы они не волновали мѣстныхъ жителей. Кромѣ того, депутатами на сеймъ отъ этихъ областей должны были явиться не выборные, а государственные чиновники, которымъ объявлено, что если они не согласятся присягнуть на унію съ Польшей, то будутъ лишены своихъ должностей и имѣній. Съ этими несчастными депутатами Подлѣсья, Волыни и Кіева разыгрывались самыя недостойныя сцены.

Литовцы пришли въ ужасъ, когда узнали объ этой новой польской ловушкѣ. Они немедленно собрались у себя въ Литвѣ на совѣщаніе и отправили на сеймъ посольство. Литовское посольство высказало на сеймѣ изумленіе литовцевъ, что Польша безъ нихъ присоединяетъ къ себѣ области, всегда принадлежавшія Литвѣ,

что она разрываетъ литовское княжество по частямъ, обрѣзываетъ у Литвы крылья, что если устроять соединеніе обоихъ государствъ, то лучше соединить съ Польшей все литовское княжество. Чтобы устроить такое дѣло, литовцы предложили уничтожить указы насчетъ южно-русскихъ областей и отсрочить сеймъ; литвины затѣмъ обдумаютъ польскій планъ уніи и на новомъ сеймѣ покончатъ дѣло. Литвины при этомъ разсчитывали, что поляки уже соскучились такъ долго тянуть сеймъ, рады будутъ отложить его, а въ это время можно будетъ сблизиться съ русскими, вооружить ихъ противъ поляковъ и затормозить унію на новомъ сеймѣ. Поляки дѣйствительно поколебались, а русскіе значительно ободрились и стали уклоняться отъ присяги на вѣрность Польшѣ. Но не удался этотъ маневръ литвинамъ. Поляки, пообдумавъ планъ литвиновъ, ясно увидѣли его опасность, рѣшились не прерывать сейма, и приступили настойчиво къ русскимъ, чтобы присягали на соединеніе ихъ областей съ Польшей.

Весь вопросъ объ уніи зависѣлъ теперь отъ русскихъ литовскаго княжества,—отъ того, насколько они будутъ тверды. Твердости этой въ нихъ не оказалось. Они поддались полякамъ и присягнули имъ. Слѣдующія обстоятельства довели ихъ до этого порабощенія. Мы уже знаемъ, какъ неистовства Іоанна IV губили русское дѣло въ Бѣлоруссіи. Вліяли они, безъ сомнѣнія, и на малороссійскія области литовскаго княжества, особенно потому, что тамъ, именно на Волыни, въ Ковлѣ имѣлъ жительство знаменитый бѣглецъ изъ Россіи и даже находилъ возможнымъ передъ лицомъ всей западной Россіи совершать ужасную измѣну — собирать войска и

вести ихъ противъ родной страны — восточной Россіи, когда имѣлъ полную возможность устраниться отъ этого и воевать съ крымскими татарами. Такой поразительно дурной примѣръ, безъ сомнѣнія, сильно дѣйствовалъ на южноруссовъ. Но у нихъ кромѣ того была и другая причина, заставлявшая подаваться на сторону поляковъ. Это—сейчасъ упомянутая борьба съ крымскими татарами. Они теперь постоянно подвергались нападенію отъ татаръ и очень нуждались въ польской помощи, которая скорѣе могла прійти къ нимъ, чѣмъ помощь изъ Литвы. Съ другой стороны, вслѣдствіе тѣхъ же татарскихъ опустошеній и отчасти вслѣдствіе недавняго изгнанія литвиновъ, въ малороссійскихъ областяхъ гораздо меньше было вельможъ, чѣмъ въ Литвѣ, то есть меньше было опасностей отъ нихъ малороссійской шляхтѣ и меньше было также и поддержки ей въ борьбѣ съ Польшей. Самостоятельныхъ малороссійскихъ вельможъ мы видимъ очень немного на люблинскомъ сеймѣ. Эти вельможи, слабые числомъ, были слабы и сочувствіемъ къ чистымъ литвинамъ. Теперь оказалось, что протестантство далеко не возстановило единенія между Литвою и Русью литовскаго княжества. Та и другая были чужды другъ другу. Мало того, русскихъ могло даже удивлять, почему литвины враждуютъ противъ Польши. Эти литвины—протестанты по духу, по жизни были тѣ же поляки. Тѣ и другіе обнаруживали явное сходство и единство общей, западно-европейской цивилизаціи, и подлѣ нихъ русскіе представители одинаково чувствовали себя чужими, уединенными. Сигизмундъ потребовалъ отъ нихъ присяги Польшѣ; они призадумались, помялись, и присягнули.

Литвины дѣйствительно оказались безъ крыльевъ и должны были по неволѣ соглашаться на унію. Нѣсколько времени они еще боролись противъ Польши въ послѣдней агоніи, отстаивали то печать литовскую, то чины. Наконецъ, видя неудачу во всемъ, они рѣшились на послѣдній шагъ. Не уступая ни въ чемъ собственно полякамъ, литовцы отдали все свое дѣло на судъ и волю своего послѣдняго государя, передъ которымъ одинъ изъ ихъ представителей, жмудскій староста Юрій Котковичъ (Хоткевичъ) излилъ всю горечь и все отчаяніе Литвы, теряющей свою самобытность, причемъ всѣ литовцы пали на колѣна и умоляли Сигизмунда не губить этого государства порабощеніемъ его Польшѣ. Сигизмундъ однако рѣшилъ дѣло не въ ихъ пользу и приказалъ имъ принять унію и присягать Польшѣ. Присяга совершена 1 іюля 1569 г.

Можно по этому судить, какого свойства этотъ юридическій актъ уніи, на который такъ часто ссылаются поляки, прославляя его какъ актъ добровольнаго, братскаго согласія Литвы на слитіе съ Польшей. Литовцы хотѣли основать унію на нравственныхъ принципахъ и къ этимъ нравственнымъ принципамъ взывали, обращаясь къ Сигизмунду. Принципы эти были попраны. Согласіе дано невольное.

ЧТЕНІЕ IX.

Послѣдствія люблинской уніи. Очеркъ состоянія литовскаго княжества отъ перваго соединенія его съ Польшей до люблинской уніи. Отдѣльность Литвы отъ Польши и нарушенія этой отдѣльности. Сеймъ литовскій и его особенности. Государственные чины литовскіе и раздѣленіе литовскаго княжества по управленію, суду. Состояніе городовъ литовскаго княжества. Положеніе крестьянъ. Наплывъ поляковъ во время пребыванія короля въ Литвѣ и особенно во времена военныя. Литовскій статутъ, какъ выраженіе жизни литовскаго княжества. Переворотъ, произведенный люблинской уніей. Король, сеймы, дворянство. Литовская аристократія и литовское шляхетство. Городское сословіе, — жиды. Хлопство по теоріи польской. Значеніе въ этомъ случаѣ національнаго и религіознаго различія. Въ чью пользу должна была склоняться внутренняя борьба между началами литовскаго княжества и польскими? Обстоятельства, неблагопріятныя для литовскаго княжества. Важнѣйшіе двигатели успѣха польскаго дѣла въ литовскомъ княжествѣ — іезуиты. Очеркъ теоріи іезуитства и ея происхожденіе. Очеркъ организаціи іезуитскаго ордена. *).

Не даромъ представители литовскаго княжества падали на люблинскомъ сеймѣ передъ Сигизмундомъ Августомъ

---

*) О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи изслѣдованіе Н. Иванишева, Кіевъ 1863 г. Состояніе крестьянъ въ литовскомъ княжествѣ, особенно послѣ люблинской уніи, изложено въ обстоятельномъ предисловіи къ Южно-русскому Архиву, часть 6, т. 1, изд. Кіевск. Арх. ком. 1876 г. Состояніе городовъ—въ томъ же изданіи часть 5, т. 1 изд. 1869 г. О Магде-

на колѣни и съ плачемъ умоляли его не сливать литовскаго государства съ Польшей. Они довольно ясно предвидѣли гибельныя послѣдствія этого слитія, которыя дѣйствительно были очень велики и очень разнообразны. Чтобы видѣть ихъ яснѣе, мы должны ознакомиться съ внутреннимъ состояніемъ литовскаго княжества до люблинской уніи.

Въ одномъ изъ предшествовавшихъ чтеній мы дѣлали очеркъ внутренняго состоянія Литвы до перваго соединенія ея съ Польшей при Ягайлѣ. Тогда мы видѣли, что государственный и общественный бытъ литовскаго княжества сложился по началамъ русской жизни. Послѣ перваго соединенія съ Польшей, литовское княжество находилось въ слѣдующемъ положеніи. Соединеніе Литвы съ Польшей до люблинской уніи, какъ мы уже знаемъ, было не болѣе какъ политическій союзъ двухъ государствъ, объединявшихся общими внѣшними интересами и однимъ государемъ. Это было, какъ выражаются, unio personalis, личное соединеніе, которое, впрочемъ, какъ мы тоже видѣли, часто нарушалось. Литовское княжество имѣло часто не только отдѣльнаго правителя, но и правителя самостоятельнаго, независимаго великаго князя литовскаго.

Далѣе, во все это время, отъ 1386 до 1569 года, литовское княжество строго отдѣлялось отъ Польши своими границами. Наряжались часто особыя коммиссіи,

---

бургскомъ правѣ соч. Владимірскаго-Буданова—Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ, изд. 1868 г. Литовскіе статуты всѣхъ трехъ редакцій—1529, 1566 и 1588 изданы во Временникѣ московскаго общества исторіи и древностей т.т. XVIII, XXIII и XIX. Въ послѣднемъ томѣ предисловіе И. Д. Бѣляева.

которыя опредѣляли и провѣряли границы между обоими государствами. Это производилось потому, что ни дѣла, ни люди польскіе и литовскіе не должны были смѣшиваться. Поляки не имѣли права занимать въ Литвѣ государственныхъ должностей, не могли даже, какъ частные люди, владѣть въ литовскомъ княжествѣ землей. Польша называлась чужою страною, поляки иностранцами. Ѣхать въ Польшу называлось ѣхать за границу.

Поляки, съ самаго перваго времени союза съ ними литовцевъ, употребляли разныя мѣры и пользовались разнообразными случаями, чтобы разрушить эту рѣзкую отдѣльность отъ ихъ страны литовскаго княжества. Намъ извѣстно, что на городельскомъ сеймѣ 1413 г. латинской литовской знати даны были гербы польскихъ родовъ, соединенные съ разными декораціями и обычаями польской жизни. Тогда же предоставлено было Литвѣ право имѣть свои сеймы, по образцу польскихъ сеймовъ. Впрочемъ, литовскіе сеймы во все это время до самой люблинской уніи, никогда не походили на польскіе. Они состояли собственно изъ литовскихъ сенаторовъ, литовской знати. Литовское низшее дворянство, боярство, не участвовало въ нихъ. Даже когда ему предоставлено было это право, оно рѣдко бывало на сеймахъ и никогда не имѣло на нихъ значенія *). На городельскомъ же сеймѣ, въ Литвѣ введены нѣкоторыя должности по образцу Польши. Впослѣдствіи, въ разныя времена, число ихъ увеличено новыми польскими

*) На люблинскомъ сеймѣ это прямо говорили послы Подлѣсья.

должностями. Мы перечислимъ всѣ эти важнѣйшія должности.

Маршалъ придворный, управлявшій княжескимъ дворомъ и занимавшійся также отчасти управленіемъ столицы. Маршалъ сеймовый, президентъ сейма. Маршалъ сеймиковый, президентъ областного сейма. Маршаламъ принадлежала въ значительной степени и власть судная въ кругѣ ихъ вѣдѣнія.

Великій гетманъ литовскій, главнокомандующій литовскими войсками. У него были помощники, называвшіеся малыми или польными, иногда пограничными гетманами. Канцлеръ литовскій, скрѣплявшій подписью и печатью всякіе акты, права, привиллегіи, указы. Подскарбій—министръ финансовъ. Воеводы, управлявшіе областями, въ родѣ генералъ-губернаторовъ. Все литовское княжество, раздѣлялось на слѣдующія воеводства: 1) виленское, 2) трокское, 3) княжество жмудское, 4) воеводство новогрудское, 5) минское, 6) полоцкое, 7) витебское, 8) мстиславское, 9) смоленское, 10) кіевское, 11) подольское, 12) брацлавское (южная часть волынск. губ. и сѣвер. подольской), 13) волынское (сѣверо-западн. часть волынск. губ.), 14) брестское. Каждое воеводство раздѣлялось на уѣзды, которые иногда назывались „землями“.

Въ каждомъ воеводствѣ, особенно въ пограничныхъ, были крѣпости, которыми управляли кастеляны,—коменданты. Въ менѣе важныхъ крѣпостяхъ эти коменданты назывались по старинному старостами. Въ крѣпостяхъ, гродахъ, производился также судъ по важнѣйшимъ преступленіямъ, который производили кастеляны, или старосты. Старосты, впрочемъ, бывали и безъ этой судной

власти. Такъ назывались еще заслуженныя лица, которымъ жаловались государственныя имѣнія или давались въ управленіе королевскія имѣнія.

Всѣ эти перемѣны не могли не производить вліянія на древній строй литовско-русской жизни; но это было вліяніе медленное, болѣе или менѣе естественное и, главное, оно отражалось больше на высшемъ литовско-русскомъ сословіи, касаясь мало или даже вовсе не касаясь низшихъ сословій—городскаго и сельскаго.

Городская жизнь въ литовскомъ княжествѣ была также мало развита, какъ и въ древней Польшѣ. Но въ Литвѣ она подвергалась меньшему наплыву иноземныхъ элементовъ, чѣмъ въ Польшѣ, и давала гораздо большую возможность развитію въ городахъ мѣстнымъ силамъ. Въ литовскомъ княжествѣ гораздо больше и дольше сохранялась патріархальность нравовъ. Не было нужды въ сильномъ развитіи городовъ и не было въ нихъ привлекательности для иностранцевъ. Кромѣ того, строго оберегая свои границы, литовцы сдерживали и переселенія къ нимъ иноземцевъ. Нѣмцевъ и жидовъ въ литовскихъ городахъ было очень мало даже передъ самою люблинскою уніей. Но русскихъ изъ восточной Россіи въ тѣ времена всегда было много въ литовскихъ городахъ, даже въ Вильнѣ. Въ XV, напримѣръ, столѣтіи, въ ихъ рукахъ была здѣсь главнѣйшая торговля. Еще большее значеніе имѣлъ Кіевъ для Украйны и Волыни даже послѣ того, какъ возвращенъ былъ подъ власть Россіи. Даже въ XVIII столѣтіи злѣйшіе уніатскіе фанатики западной Малороссіи, даже Волыни принуждены были чаще обращаться въ заграничный для нихъ и ненавистный Кіевъ за разными покупками, чѣмъ въ родную и лю-

безную имъ Варшаву. Восточно-русская сила брала верхъ надъ польскою въ самой важной сторонѣ жизни,—обыденныхъ нуждахъ. Но что̀ всего важнѣе, въ литовскомъ княжествѣ не было тѣхъ политическихъ причинъ, которыя въ Польшѣ такъ сильно содѣйствовали поселенію въ городахъ иноземцевъ и стѣсненію мѣстныхъ городскихъ жителей. При отсутствіи польской теоріи шляхетства, литовцы не видѣли ничего дурного въ томъ, чтобы у нихъ образовалось и укрѣплялось свое, мѣстное городское сословіе, среднее между дворянствомъ и народомъ. Благодаря этому, литовскіе города до люблинской уніи были очень сильны туземнымъ городскимъ населеніемъ. Они, подобно польскимъ городамъ, стали также усвоять себѣ магдебургское право, по которому управленіе городомъ было въ рукахъ самихъ гражданъ и сосредоточивалось въ ратушѣ, гдѣ засѣдали бургомистръ, лавники. Но нѣмецкое право не измѣняло народнаго характера литовскихъ городовъ. Въ нихъ преобладало вездѣ русское населеніе. Въ грамотахъ горожане раздѣляются на русскую и латинскую сторону, а въ грамотахъ городамъ восточной части литовскаго княжества часто вовсе не упоминаются „латиняне“.

Въ литовскомъ княжествѣ, какъ и въ русскихъ княжествахъ восточной Россіи, не было польскаго крѣпостного состоянія или хлопства, т. е. такого сословія людей, которыхъ не знало государство ни по повинностямъ, ни даже по суду, а отдавало въ полную волю дворянства. Въ такомъ положеніи въ Литвѣ, какъ и въ восточно-русскихъ областяхъ, были только рабы, холопы. Всѣ же остальные простые люди или такъ называемые крестьяне были гражданами государства, несли госу-

дарственныя повинности и судились по государственнымъ законамъ. Литовская помѣстная система, требовавшая, чтобы всѣ, даже самые знатные, отбывали государственную службу сообразно земельному имуществу, естественно привязывала къ землѣ и къ владѣльцамъ ея значительную часть простого населенія, которое постоянно жило на своихъ мѣстахъ, особенно въ Бѣлоруссіи, гдѣ не могло быть особенно заманчивыхъ переселеній и гдѣ раньше, чѣмъ въ Украйнѣ, утвердилась литовская власть. Этимъ путемъ образовался классъ крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ и къ лицу, классъ такъ называемыхъ отчичей, дѣдичей. Но и этотъ классъ крестьянъ былъ связанъ съ владѣльцами повинностями, а не лично (сводить съ земли и продавать нельзя было), и притомъ кромѣ отчичей и дѣдичей было здѣсь не мало свободныхъ крестьянъ, такъ называемыхъ слободичей, повольниковъ. Можно сказать, что почти вся Украйна состояла изъ такихъ слободичей, повольниковъ, которые кромѣ того усвояли себѣ званіе козаковъ. Нѣтъ однако спора, что отчичи и дѣдичи составляли ту именно ступень, по которой прошло въ западную Россію польское хлопство. Еще задолго до люблинской уніи, именно въ концѣ XV столѣтія (1492 года), при Казимірѣ, въ то самое время, когда въ первомъ судебникѣ московскаго государства объявлялось: судъ всѣмъ общій и равный, въ литовское княжество прорвалось одно изъ началъ польскаго хлопства,—чтобы на судѣ дѣло крестьянина вѣдалъ его землевладѣлецъ.

Гораздо большее вліяніе, чѣмъ всѣ государственныя заимствованія, производили въ литовскомъ княжествѣ польскіе люди, вторгавшіеся въ него подъ разными пред-

логами. Когда случалось, что отдѣльный литовскій князь дѣлался и польскимъ королемъ, то, по естественному порядку вещей, онъ часто пребывалъ не только въ Польшѣ, но и въ литовскомъ княжествѣ. Многіе изъ такихъ государей даже чаще жили въ литовскомъ княжествѣ, чѣмъ въ Польшѣ. Литва привлекала ихъ своими прекрасными мѣстами для охоты, а нѣкоторые короли и потому еще чаще въ ней жили, что любили ее, какъ свою родину. При нихъ здѣсь бывали и польскіе сенаторы, чиновники. Болѣе близкіе изъ нихъ къ королю, болѣе любимые имъ, естественно получали въ Литвѣ большое значеніе, иногда даже временно занимали литовскія должности, какъ напримѣръ, старостъ королевскихъ имѣній, кастеляновъ. При этомъ многіе поляки сближались съ литовцами и частнымъ образомъ, роднились и получали частныя поземельныя владѣнія. Этимъ путемъ особенно часто стали поселяться поляки у западной литовской границы по сосѣдству съ Польшей, гдѣ большею частію пребывали польскіе короли, когда пріѣзжали въ Литву. Но еще большій наплывъ поляковъ литовское княжество испытывало во времена военныя, когда по условіямъ союза между обоими государствами военныя силы ихъ должны были соединяться. Тогда Литва бывала запружена поляками. Весь народъ чувствовалъ тогда на себѣ ихъ тягость. Жители литовскаго княжества сильно были недовольны этимъ и старались выжить поляковъ. Иногда они рѣшались одни вести войну или даже заключать невыгодный миръ, чтобы только избавиться отъ польскихъ войскъ. Что же касается до частныхъ поселеній поляковъ, то не разъ литовцы выживали ихъ очень энергично. Въ памятникахъ сохра-

нилось нѣсколько настойчивыхъ требованій, чтобы ляхи не селились въ литовскомъ княжествѣ, при чемъ они уклонялись отъ государственныхъ обязанностей и по отношенію къ Литвѣ, и по отношенію къ Польшѣ.

Довольно вѣрнымъ выраженіемъ тогдашней жизни литовскаго княжества служитъ литовскій статутъ, т. е. два первыя его изданія, сдѣланныя до люблинской уніи, изданія 1529 и 1566 гг. Въ законодательствѣ этомъ, въ которомъ сначала (въ 1 статутѣ) уравнивались по суду только два сословія, — высшее сословіе и духовенство, равный судъ постепенно распространялся на низшее дворянство и горожанъ, старавшихся однако охранять и свои особыя права, — магдебургскія, гдѣ они были. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ статутахъ болѣе и болѣе выдвигаются права на выборный судъ и на свободное распоряженіе имуществами, надъ которыми тяготѣло ленное право литовскихъ государей.

При такомъ направленіи литовскихъ статутовъ, соотвѣтствовавшемъ тогдашнему стремленію литовцевъ къ независимости, мало могло быть рѣчи объ огражденіи правъ низшихъ сословій. Тѣмъ не менѣе въ литовскихъ статутахъ мы находимъ не мало постановленій въ этомъ отношеніи, свидѣтельствующихъ о существованіи въ Литвѣ старыхъ русскихъ началъ жизни и даже явно напоминающихъ нашу древнюю русскую Правду. Статуты даютъ право не только отчичу, но даже невольнику спасаться отъ неволи или закрѣпощенія и находить свободу въ городахъ; ограничиваютъ право отыскиванія бѣглаго отчича только десятью годами (въ Польшѣ тогда уже не было никакого для этого срока); ограждаютъ, подобно русской Правдѣ редакціи Владиміра

Мономаха, отъ обращенія наймита въ раба, и — драгоцѣнная особенность — узаконяютъ копный судъ, составлявшій точную копію такъ называемаго извода (разслѣдованія преступленія по живымъ слѣдамъ) русской Правды. И этотъ остатокъ древней русской старины былъ такъ силенъ и явно полезенъ, что онъ прошелъ даже въ позднѣйшія, польскія редакціи литовскаго статута, и заявлялъ свою жизнь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи даже въ началѣ XVIII вѣка! Наконецъ, еще яснѣе и несомнѣннѣе свидѣтельствуетъ о русской силѣ въ литовскомъ княжествѣ то, что оба статута и даже третій писаны на русскомъ языкѣ и узаконяютъ употребленіе въ судахъ русскаго языка.

Весь этотъ отдѣльный строй литовскаго княжества сталъ подвергаться разрушенію со времени люблинской уніи или слитія литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ. Литовское княжество было теперь совершенно открыто полякамъ и польскому вліянію.

Сеймы сдѣлались общими и постоянно бывали въ Польшѣ. Представители Литвы смѣшивались съ представителями Польши. Сила и большинство голосовъ, какъ сейчасъ увидимъ, непремѣнно должны были оказываться на сторонѣ польской, по всѣмъ вопросамъ, живо затрогивавшимъ различные интересы обоихъ народовъ.

Составъ чиновъ при королѣ тоже смѣшивался. Оставались особые литовскіе титулы чиновные; но это не значило, что они должны были даваться только литвинамъ. На нихъ имѣли теперь совершенно равное право и поляки. Этимъ путемъ должности литовскія мало по малу переходили въ руки поляковъ. Король и сеймы,

вслѣдствіе этого, подпадали бо̀льшему и бо̀льшему вліянію польскому. Въ этомъ отношеніи смѣшеніе всего литовскаго съ польскимъ вырабатывалось самымъ нечувствительнымъ и быстрымъ образомъ, потому что въ верхней средѣ литовской давно уже закладывалось начало польской жизни путемъ латинства и даже протестантства. Литовская аристократія сохраняла изъ литовской жизни только воспоминанія и притязанія на власть, будучи на дѣлѣ совершенно польскою.

Нѣсколько больше сохранялось низшее литовское дворянство. По люблинскому акту въ него имѣли меньшій доступъ польскіе люди путемъ оффиціальнымъ. Низшіе чиновники должны были быть изъ мѣстныхъ жителей. Полякамъ дѣлались доступными мѣста эти не иначе, какъ если они поселялись въ литовскомъ княжествѣ, какъ частные люди, сживались съ туземцами. Тогда уже они выдвигались на чиновную лѣстницу. Но этотъ медленный процессъ ополяченія значительно ускорялся дарованіемъ литовскому дворянству польскаго шляхетства. Желая сдѣлаться польскою шляхтою, литовское дворянство сближалось съ польскою шляхтою, училось у нея новымъ своимъ правамъ, при чемъ естественно попадавшіе въ нее польскіе шляхтичи получали особенное значеніе руководителей. Само собою разумѣется, что это руководство должно было парализировать народныя стремленія литовской шляхты. Оно портило ее безвозвратно, дѣлало притязательною, раздражительною и еще болѣе безсильною передъ своею аристократіей, для уравненія съ которой ей не доставало ни преданій польской шляхты, ни даже матеріальной обезпеченности послѣдней.

Городское сословіе испытало еще бо̀льшую силу поль-

скаго вліянія. Туземное, родное мѣщанство съ твердыми правами было не мыслимо по польскимъ понятіямъ. Большинство городовъ было собственностію аристократіи, которая чѣмъ больше полячилась, тѣмъ больше превращала мѣщанъ въ хлоповъ. Города же большіе, королевскіе, государственные подвергались стѣсненіемъ своихъ правъ, наполнялись нѣмцами, особенно жидами. Туземное мѣщанство осуждено было на историческое вымираніе. Въ литовскомъ княжествѣ, подобно какъ въ Польшѣ, приготовлялась бездна между шляхетствомъ и хлопствомъ, между полноправностію и безправностію. Мѣщанство своимъ паденіемъ должно было открыть эту бездну.

Съ ослабленіемъ туземнаго мѣщанства неизбѣжно ухудшалось положеніе крестьянъ литовскаго княжества. Имъ запирался единственный выходъ изъ земледѣльческаго сословія въ другія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на нихъ налегло историческое, строго выработанное польское хлопство. Никакія права крестьянства, никакіе обычаи не могли имѣть значенія по польскимъ понятіямъ. Хлопъ— безусловный рабъ пана. Чѣмъ больше набиралось въ литовскомъ княжествѣ поляковъ, чѣмъ больше полячилось литовское дворянство, тѣмъ больше эти понятія вкоренялись и тѣмъ тяжелѣе становилось положеніе крестьянина въ литовскомъ княжествѣ. Тяжесть эта особенно увеличивалась отъ того, что господами становились иноплеменники, или свои, отрекавшіеся отъ своего родного. Паны были поляки, хлопъ—русскій или литвинъ. Все русское и литовское дѣлалось низкимъ, позорнымъ. Вырабатывалось національное хлопство и прибавлялось къ обыкновенному хлопству. Мало того, паны,

по отношенію къ русскимъ хлопамъ, были другой вѣры. Латинство становилось въ западной Россіи панскою вѣрою, православіе и унія—хлопскою.

Такимъ образомъ, польскіе люди, польское вліяніе со времени люблинской уніи захватывали западную Россію со всѣхъ сторонъ. Но такъ какъ захватывали они большею частію очень отличныхъ отъ нихъ людей и очень отличныя начала жизни, то неизбѣжно должна была возникнуть борьба между пришлыми и туземными людьми, между пришлыми и туземными элементами. Намъ уже отчасти понятны обстоятельства, очень неблагопріятныя для западной Россіи въ этой неизбѣжной борьбѣ. Мы знаемъ, что страна постоянно была въ опасности отъ прусскихъ рыцарей, которые грозили ей конечнымъ истребленіемъ и ея народности, и ея вѣры, и ея государственности. Необходимость выставить противъ этой опасности сильную государственность и благопріятно сложившіяся обстоятельства для развитія ея на востокѣ, въ областяхъ русскихъ, увлекли литовское княжество на широкій путь государственнаго развитія; но на этомъ пути оно встрѣтило новую опасность—со стороны московскаго княжества, которое чаще и чаще обнаруживало намѣреніе отнять у Литвы русскія области. Среди этой двойной борьбы, литовское княжество постоянно находилось въ политическомъ отчаяніи, которое, какъ очевидно, отнимало у него бодрость для борьбы третьей—съ Польшей, борьбы съ друзьями, объявлявшими на каждомъ шагу любовь и на каждомъ шагу устроявшими гибель всему туземному въ западной Россіи. Борьба эта была незамѣтна, но очень трудна. Многочисленнѣйшее польское шляхетство выступало тутъ противъ

гораздо меньшаго по числу западно-русскаго дворянства, и при томъ обманчиво увлеченнаго призрачными благами польской шляхетской свободы. Само собою разумѣется, что успѣхъ въ такой неравной борьбѣ не легко могъ достаться западной Россіи. Мы ничего не говоримъ здѣсь о превосходствѣ польской цивилизаціи передъ западно-русскою, потому что, если отбросить то, что̀ принесла Польшѣ реформація черезъ протестантовъ, то разница въ этомъ случаѣ между Польшей и западной Россіей, для того времени, окажется совершенно ничтожною.

Не смотря однако на всѣ преимущества Польши въ предстоящей борьбѣ съ нею западной Россіи, очень вѣроятно и даже едва ли можно въ томъ сомнѣваться, борьба между ними тянулась бы очень долго, очень нерѣшительно, и по всей вѣроятности до нашихъ дней Польша не успѣла бы достигнуть въ западной Россіи явнаго перевѣса надъ мѣстными силами, если бы посторонняя сила не приняла участія въ сказанной борьбѣ. Этою постороннею, измѣнившею всю дальнѣйшую исторію западной Россіи, силою было іезуитство.

Чтобы видѣть великое значеніе іезуитства въ исторіи западной Россіи, необходимо ознакомиться съ этимъ загадочнымъ латинскимъ учрежденіемъ. Іезуитство представляютъ обыкновенно случайнымъ, временнымъ явленіемъ въ латинской церкви. Мы думаемъ, что такое мнѣніе крайне ошибочно. Іезуитство составляетъ самое логическое, неизбѣжное развитіе латинской системы вѣры. Оно вытекаетъ изъ того же смѣшенія небеснаго съ земнымъ для цѣлей вѣры, о которомъ мы уже говорили, излагая исторію прусскаго и ливонскаго орденовъ.

Допустивъ разъ, что для достиженія цѣлей вѣры необходимо употреблять не только духовныя, но и мірскія, земныя средства и силы, допустивъ разъ этотъ принципъ въ главенствѣ папы, духовнаго и мірскаго владыки, латинство по неволѣ принуждено развивать его, принуждено расширять теорію мірской поддержки вѣры. Такимъ образомъ въ латинствѣ являлись, какъ совершенно естественное и неизбѣжное развитіе основной теоріи, употребленіе оружія при распространеніи вѣры, крестовые походы для защиты интересовъ папы. Отсюда далѣе выработалась мысль, что могутъ быть въ латинствѣ постоянныя матеріальныя силы, постоянное насиліе, чѣмъ и были духовно-рыцарскіе ордена и инквизиція. Но что дѣлать, если нельзя имѣть открытой земной силы для поддержанія латинства, если нельзя ни предпринять крестовыхъ походовъ, ни имѣть духовно-рыцарскихъ орденовъ, ни инквизиціи? Что дѣлать, если земная власть папы падаетъ? Усвоеніе правила, что можно смѣшивать небесныя и земныя средства для цѣлей вѣры, привычка пользоваться земными средствами въ дѣлѣ вѣры, ведутъ неизбѣжно къ тому, чтобы вмѣсто открытой мірской силы, употреблять тайныя мірскія средства, т. е. козни, коварство, обманъ. Отсюда правило, выработанное латинствомъ, что цѣль оправдываетъ средства, что для святого дѣла все позволительно. Отсюда-же вышло іезуитство. Все позволительно для цѣлей вѣры—правило это развито іезуитствомъ въ стройную, широкую теорію. Теорія эта развита въ то именно время, когда протестантство расшатало папство и лишило его возможности имѣть открытую силу для своей защиты. Благочестивая страна латинская, Испанія, ис-

пробовавшая всѣ средства насилія въ дѣлѣ вѣры — и кровопролитное обращеніе къ латинству американскихъ язычниковъ, и терзанія инквизиціи, произвела также и іезуитство. Ему далъ начало благочестивый раненый испанскій воинъ, Игнатій Лойола. Папа послѣ нѣкотораго колебанія утвердилъ орденъ іезуитовъ.

Изъ этого очерка происхожденія іезуитства, надѣемся, можно видѣть, что іезуитство не есть случайное или временное въ латинствѣ явленіе. Напротивъ, чѣмъ больше слабѣетъ и падаетъ латинство, тѣмъ больше должно развиваться іезуитство, потому что въ такомъ случаѣ тѣмъ настоятельнѣе нужда въ тайныхъ, хитрыхъ средствахъ для поддержанія латинства, тѣмъ бо́льшая нужда въ развитіи теоріи, что все позволительно для цѣлей вѣры. Іезуитство есть самое долговѣчное учрежденіе въ латинствѣ и способно жить при всѣхъ запрещеніяхъ его. Нѣтъ такой земной силы, нѣтъ такихъ началъ жизни, къ которымъ бы оно не примкнуло и не старалось обратить ихъ въ свою пользу. Нужно ли поразить общество необыкновенными дѣлами самоотверженія, іезуиты выставятъ изъ среды себя подвижниковъ, мучениковъ. Нужно ли во что бы то ни стало уничтожить вредныхъ имъ людей, они не задумаются ни передъ какимъ преступленіемъ, если его можно совершить тайно. Пустите ихъ въ какую угодно страну, они съумѣютъ дѣйствовать. Преобладаетъ ли въ странѣ государственная сила, іезуиты являются проповѣдниками монархизма, абсолютизма, втираются въ правительственную сферу, забираютъ въ свои руки дѣла. Преобладаетъ ли въ народѣ сила общественная, іезуиты проповѣдуютъ свободу, равноправность, основываютъ обще-

ства, изданія, пріобрѣтаютъ себѣ сильную партію и точно также утверждаютъ свое господство. Развивается ли крайнее направленіе силъ общественныхъ или личныхъ, подготовляется ли революція: іезуиты подаютъ руку демагогамъ, тайнымъ обществамъ. Послѣдняя, повидимому, невѣроятная сдѣлка іезуитовъ съ революціонерами находитъ себѣ неоспоримое подтвержденіе въ послѣднемъ польскомъ возстаніи. Ученики Мадзини и Лойолы дѣйствовали здѣсь рѣшительно за одно и вмѣстѣ. Многочисленныя судебныя слѣдствія открывали этотъ поразительный союзъ іезуитскаго латинства и революціи.

Къ этимъ широкимъ и многообразнымъ дѣламъ принаровлена была организація іезуитскаго ордена. Главный начальникъ іезуитовъ генералъ, живущій въ Римѣ. Онъ избирался іезуитами на всю жизнь, имѣлъ безусловную власть, нерѣдко даже соперничалъ съ папою. Подъ его управленіемъ находились начальники іезуитскихъ провинцій, такъ называемые провинціалы, назначаемые генераломъ и столь же безусловные правители въ своихъ областяхъ. Ограниченіе власти провинціаловъ состояло въ томъ, что каждый имѣлъ право слѣдить за ихъ дѣйствіями и тайно доносить генералу.

Въ каждой провинціи находились такъ называемыя іезуитскія коллегіи. Назначеніемъ ихъ было воспитывать юношество и проповѣдывать слово божіе — главныя личины, подъ которыми іезуиты скрываютъ тайныя свои цѣли и дѣла. Коллегіи іезуитскія не были ни монастырями, ни свѣтскими училищами, а то и другое вмѣстѣ. Въ коллегіяхъ были ученики, и приходящіе, и постоянно въ нихъ жившіе. Изъ тѣхъ и другихъ, т. е.

изъ болѣе даровитыхъ и благонадежныхъ, образовывался главный составъ іезуитовъ провинціи.

Самую низшую степень іезуитства составляли такъ называемые новиціи. Это были ученики, изъявившіе намѣреніе быть въ іезуитствѣ и готовящіеся къ этому званію. Они подобно монастырскимъ послушникамъ, готовящимся къ монашеству, должны были открывать всю душу своимъ руководителямъ и кромѣ того слѣдить другъ за другомъ и доносить обо всемъ начальству.

Послѣ надлежащаго искуса, новиціи поступали на высшую степень, въ такъ называемые схоластики. Схоластики изучали высшія богословскія науки или занимались преподаваніемъ наукъ въ училищахъ. Чтобы они не привязывались къ одной какой-либо наукѣ и не сосредоточивали на ней своихъ силъ, имъ постоянно мѣняли предметы занятій.

Далѣе слѣдовали коадъюторы, которые были двухъ родовъ: или схоластики, которымъ поручались болѣе важныя занятія, проповѣдничество, преподаваніе высшихъ предметовъ, или люди, поступавшіе въ іезуитскій орденъ безъ ученаго приготовленія и занимавшіеся исполненіемъ разнаго рода порученій. Послѣдними коадъюторами бывали самые необразованные и тупоумные люди, но отличавшіеся усердіемъ къ дѣлу и слѣпымъ повиновеніемъ. Тупоуміе, при этихъ послѣднихъ качествахъ, считалось у іезуитовъ особеннымъ достоинствомъ. Такимъ лицамъ они нерѣдко давали самыя секретныя порученія.

Высшую степень въ іезуитскомъ орденѣ составляли такъ называемые профессы. Они занимали всѣ важнѣй-

шія должности и исполняли самыя секретныя дѣла. На эту степень возводили очень не многихъ, съ соблюденіемъ большой осторожности и таинственности.

Всѣ степени въ іезуитскомъ орденѣ были покрыты таинственностью; никто не зналъ навѣрное, кто какую занимаетъ степень; всѣ боялись другъ друга, слѣдили и доносили другъ на друга. Неожиданное обстоятельство вдругъ открывало, что считавшійся на низшей степени получалъ напримѣръ должность ректора коллегіи или какое либо важное назначеніе внѣ коллегіи, придворнаго проповѣдника или т. п. Эта таинственность, безъ сомнѣнія, была важнѣйшею приманкой въ іезуитство и главнѣйшею поддержкой энергіи въ каждомъ іезуитѣ.

Мы уже говорили, что главными, такъ сказать на показъ, занятіями іезуитовъ было воспитаніе юношества и проповѣдь. Къ этимъ занятіямъ, какъ очевидно, принаровлено было и сейчасъ разсказанное нами устройство іезуитскаго ордена. Но само собою разумѣется, что ни проповѣдь, ни обученіе не были цѣлями іезуитства. Это были не болѣе какъ средства къ тому, чтобы безусловно господствовать надъ умами во имя латинства. Достигнуть этой цѣли іезуиты старались слѣдующимъ образомъ:

Образованіе у іезуитовъ основано было на началахъ схоластики. Вся сущность образованія у нихъ заключалась въ долговременномъ занятіи молодого человѣка изученіемъ латинскаго языка и въ упражненіи его ума философскими и богословскими формулами. Воспитанникъ іезуитскихъ училищъ пріобрѣталъ бездну познаній, мало пригодныхъ или вовсе не пригодныхъ въ

жизни, изощрялъ свой умъ для споровъ о чемъ угодно. Онъ выходилъ изъ-подъ руководства іезуитовъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что прекрасно образованъ, тогда какъ на дѣлѣ не понималъ сущности самыхъ простыхъ вещей. Между тѣмъ въ теченіе долговременнаго ученія молодыхъ людей, іезуиты присматривались къ нимъ и болѣе способныхъ завлекали въ свое общество, а остальныхъ старались пріучить къ безусловному повиновенію себѣ.

Понятное дѣло, что чистыя, свѣжія натуры способны были сразу почувствовать тяжесть, неестественность іезуитскаго образованія. Іезуиты понимали эту опасность и принимали противъ нея слѣдующія мѣры: изсушая молодыя натуры многіе годы латинскими фразами, грамматическими правилами въ стихахъ, пустыми словопреніями, они давали выходъ молодой энергіи въ своеволіи и буйствѣ по отношенію ко всѣмъ, кого іезуиты не любили, и прежде всего по отношенію къ иновѣрцамъ. Словомъ, іезуиты приготовляли полезныхъ себѣ людей, но тупыхъ и буйныхъ гражданъ.

Нравственность, внушаемая іезуитами посредствомъ проповѣдей и особенно посредствомъ частныхъ сношеній, проникнута была еще болѣе дурными принципами, чѣмъ ихъ обученіе научное. Тутъ іезуиты развертывали шире свою теорію хитростей и коварствъ для цѣлей латинства. Подъ служеніемъ Богу они понимали служеніе имъ. Пожертвованія въ пользу ордена, услуги ему, съ утонченною ловкостью представлялись особенно важными добродѣтелями. Добродѣтельными слѣдовательно бывали по преимуществу люди богатые, сильные или неразборчивые въ средствахъ. Чтобы привлечь ихъ

къ себѣ и держать на своей уздѣ, іезуиты разрѣшали нерѣдко такимъ людямъ самые гнусные пороки, самыя вопіющія дѣла.

Вотъ люди, которые нахлынули въ западную Россію, сразу взяли въ свои руки образованіе и даже вскорѣ политическія дѣла этой страны. Само собою разумѣется, что при ихъ участіи разрѣшеніе русско-польскаго вопроса должно было измѣниться самымъ положительнымъ образомъ.

ЧТЕНІЕ X.

Введеніе іезуитовъ въ Польшу и Литву. Затруднительное положеніе іезуитовъ въ Вильнѣ. Средства, употребленныя ими для усиленія своей власти. Ихъ самоотверженіе. Устройство іезуитскихъ училищъ. Споры съ иновѣрцами. Паденіе протестантства. Политическое значеніе іезуитовъ при Баторіѣ. Ихъ широкій планъ насчетъ Россіи. Неудача. Вниманіе ихъ сосредоточивается на западной Россіи. Значеніе ихъ при Сигизмундѣ III. Планъ церковной уніи. Историческая подготовка въ западной Россіи къ уніи. Двѣ партіи между православными. Ревнители православія, — патроны, братства. Люди, способные на всякія сдѣлки. Борьба между этими партіями. Вліяніе на эту борьбу протестантства, восточныхъ іерарховъ и іезуитовъ. Унія 1596 г. *).

Іезуиты явились въ Польшѣ въ 1565 г. Ихъ пригласилъ сюда весьма ученый, но еще болѣе фанатич-

*) Для изученія тогдашняго состоянія литовско-польскаго государства можно читать: Польское безкоролевье по прекращеніи династіи Ягеллоновъ соч. А. Трачевскаго, изд. 1869 г. Вырожденіе Польши, соч. Ѳ. М. Уманца, изд. 1872 г. Планъ Баторія касательно Россіи и уніи лучше всего изложенъ въ сочиненіи его секретаря Гейденштейна, которое приготовляется къ изданію на русскомъ языкѣ (писано по латыни) Археографич. коммиссіей. О церковной уніи есть сочиненія: Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи, соч. Н. Бантышъ-Каменскаго, новое изданіе, сдѣланное по мысли графа Муравьева въ 1866 г. съ изд. 1805 г.; мое сочиненіе: Литовская церковная унія, т. I, изд. 1859 г; новѣйшее изложеніе этого событія въ IX т. Исторіи русской церкви

ный польскій прелатъ Гозій, архіепископъ вармійскій и кардиналъ, отдавшійся интересамъ латинства съ совершеннымъ забвеніемъ родины, и подъ конецъ своей жизни совершенно оставившій Польшу. Но въ Польшѣ іезуитамъ сначала трудно было утвердиться. Польскіе епископы были на дѣлѣ болѣе свѣтскими, чѣмъ духовными людьми. Они тогда сильно любили свободомысліе и очень мало заботились о нуждахъ своей церкви. Беззаботность ихъ поддерживалась еще тѣмъ, что собственно въ Польшѣ главная масса и безъ ихъ хлопотъ оставалась вѣрною папѣ. Іезуитамъ здѣсь мало было дѣла и много опасности обнаружить дѣйствительныя свои намѣренія.

Совсѣмъ другое положеніе ожидало ихъ въ литовскомъ княжествѣ. Латинство въ этой странѣ, какъ мы знаемъ, расшатывалось въ конецъ. Оставшіяся латинскія власти литовскія были въ большомъ страхѣ и не-

митрополита Макарія, изданномъ въ 1879 г. Современныя описанія Брестскаго собора 1596 г: Издано самое талантливое и богатое фактами сочиненіе—Апокрисисъ Христофора Филалета, конца XVI ст. Есть теперь два изданія этого сочиненія: въ переводѣ на современный русскій языкъ и съ приложеніями и примѣчаніями изд. Кіевской академіи въ 1870 г., и въ подлинномъ—западно-русскомъ и польскомъ текстѣ (издано послѣ Брестскаго собора на обоихъ этихъ языкахъ) изд. Археографич. коммиссіи 1882 г. въ 7 томѣ Русской историч. библіотеки. Объ этомъ замѣчательномъ западнорусскомъ сочиненіи есть изслѣдованіе Н. А. Скабаллановича—Объ апокрисисѣ Христофора Филалета, изд. 1873 г. Есть и обозрѣніе всей религіозной полемики по вопросу объ уніи—въ недавно изданномъ (1883 г.) сочиненіи В. З. Завитневича: Палинодія Захаріи Копыстенскаго. О православныхъ церковныхъ братствахъ: соч. свящ. І. Флерова, изд. 1857 г. и Чтенія о церковныхъ западно-русскихъ братствахъ—мое сочиненіе, изд. 1862 г.

доумѣніи, что̀ дѣлать, что̀ предпринять? Главнымъ представителемъ литовскаго латинства былъ виленскій епископъ Валеріанъ Протасевичъ, человѣкъ усердный къ вѣрѣ, но недалекій. Виленская капитула нѣсколько разъ напоминала ему позаботиться о спасеніи латинства, принять дѣйствительныя мѣры противъ ереси. Гозій посовѣтовалъ Протасевичу призвать въ Вильну іезуитовъ. Протасевичъ немедленно воспользовался этимъ совѣтомъ. Нѣсколько іезуитовъ приглашены были поселиться въ Вильнѣ.

Литовскіе протестанты хорошо уже тогда знали іезуитовъ. Одна вѣсть о предполагаемомъ поселеніи ихъ въ Вильнѣ взволновала нелатинское народонаселеніе города. Протестанты-аристократы задумали выставить противъ іезуитовъ войско и не допустить ихъ до Вильны. Протасевичъ узналъ объ этомъ, собралъ вѣрныхъ латинянъ, составилъ тоже войско и подъ прикрытіемъ его ввелъ въ городъ опытныхъ борцовъ латинства и поселилъ ихъ при костелѣ св. Іоанна, гдѣ они немедленно занялись устройствомъ училища. Это было въ 1569 г., въ годъ люблинскаго слитія литовскаго княжества съ Польшей.

Не завидное было положеніе іезуитовъ въ Вильнѣ въ первые годы. Протестанты сторожили ихъ на каждомъ шагу. Даже латинская виленская капитула дѣлала имъ непріятности. Въ слѣдующемъ году распространилось въ Литвѣ страшное моровое повѣтріе, во время котораго, казалось, невозможно было и думать о пропагандѣ латинства. Но на дѣлѣ изъ этого мора іезуиты извлекли такую пользу, какой конечно не предполагалъ ни одинъ иновѣрецъ въ Литвѣ. Они нѣсколькихъ изъ среды себя, какъ бы на разводъ іезуитства въ будущемъ, отправили

въ безопасное мѣсто, а остальные рѣшились принести себя въ жертву во имя латинства. Изъ Вильны бѣжали всѣ, кто могъ. Латинское духовенство не отставало отъ другихъ. Некому было ухаживать за больными; некому было хоронить умершихъ. Оставшіеся іезуиты взялись за то и за другое, ухаживали за больными, хоронили умершихъ съ полнымъ самоотверженіемъ. Трое изъ нихъ и сдѣлались жертвою морового повѣтрія. Когда зараза прекратилась и уцѣлѣвшіе отъ нея стали возвращаться назадъ, а вмѣстѣ съ ними и сбереженные іезуиты, то, само собою разумѣется, всѣ съ благоговѣніемъ смотрѣли на новыхъ латинскихъ подвижниковъ. Это и нужно было іезуитамъ. Съ удвоенною энергіей занялись они теперь устройствомъ своего училища, въ которое тѣмъ охотнѣе родители стали отдавать дѣтей, что іезуиты не требовали платы за ученіе, а ограничивались добровольною благодарностію. Новая школа быстро стала пріобрѣтать извѣстность. И молодежь, и родители находили въ ней небывалыя, привлекательныя особенности. По праздникамъ іезуиты устраивали въ своей школѣ религіозныя театральныя представленія и, что особенно поражало народъ и далеко расходилось по окрестностямъ, учреждали уличныя театральныя, религіозныя процессіи, въ которыхъ ученики изображали пророковъ, апостоловъ, ангеловъ въ соотвѣтственныхъ костюмахъ, восхищавшихъ и актеровъ, и зрителей. Предметомъ всѣхъ этихъ представленій была истина латинства и нечестіе ереси. Иновѣрцамъ при этихъ представленіяхъ чаще и чаще давались чувствовать оскорбленія, но іезуиты готовили имъ новые удары. Они объявляли диспуты и

приглашали на нихъ иновѣрцевъ. Такъ какъ многіе протестанты отличались высокою ученостію, то нѣкоторые изъ нихъ сначала принимали этотъ вызовъ, вступали съ іезуитами въ преніе и поражали ихъ своими доводами. Но на дѣлѣ выигрывали іезуиты. Они не вступали въ преніе безъ того, чтобы не устроить заблаговременно побѣды себѣ и пораженія иновѣрцамъ. Друзья іезуитовъ, ихъ школьники дѣлали всяческія непріятности иновѣрцамъ, сопровождали ихъ рѣчи насмѣшками и нерѣдко заканчивали споръ кулачнымъ боемъ. Иновѣрцы перестали являться на диспуты. Тогда іезуиты замѣнили ихъ своими оппонентами, которые конечно всегда были поражаемы тѣми, кого іезуиты назначали для защиты латинства. Ересь признавалась неправою, и еретики опять чувствовали это на площадяхъ и улицахъ при встрѣчѣ съ толпою іезуитскихъ школьниковъ и ихъ друзей. Сильное одушевленіе латиняне получали, кромѣ диспутовъ и процессій, еще отъ іезуитскихъ проповѣдей, направленныхъ къ той же цѣли, т. е. къ возбужденію въ народѣ фанатизма и страсти защищать вѣру кулаками. На этомъ поприщѣ пріобрѣли особенно громкую извѣстность Скарга и Варшевицкій, — іезуитскіе прозелиты изъ польскаго народа. Первый даже названъ польскимъ Златоустомъ и до такой степени забылъ въ іезуитствѣ принципы польской жизни, что проповѣдывалъ необходимость самой безусловной власти въ управленіи. Проповѣдывалъ еще этотъ, извращенный іезуитами, даровитый славянинъ, что и вѣра и наука могутъ преуспѣвать только на латинскомъ или на греческомъ языкѣ, а что на русскомъ языкѣ никогда не будетъ ни наукъ, ни академій?!

Это была, такъ сказать, демократическая сторона дѣятельности іезуитовъ. Аристократическая была болѣе утонченною и незамѣтною. Іезуиты съ особенною заботливостію привлекали къ себѣ знатную молодежь, втирались въ аристократическіе дома въ качествѣ учителей, духовниковъ, и пріобрѣтали латинству аристократическія души, а себѣ разнаго рода приношенія, пожертвованія, увеличивавшія ихъ матеріальное положеніе. Эта часть іезуитской дѣятельности покрыта тайной, мало извѣстна. Видна она собственно въ результатахъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ введенія іезуитовъ въ Вильну протестантство быстро начало падать. Въ латинство стали возвращаться люди, бывшіе сильными поборниками протестантства и имѣвшіе по своему положенію большое значеніе. Такъ обращены были іезуитами въ латинство: сыновья Радивилла Чернаго, и одинъ изъ нихъ, Георгій поступилъ даже въ монашество; далѣе обращены: Левъ Сапѣга, Иванъ Ходкевичъ, Иванъ Чарторыйскій, Самуилъ Сангушко, Янушъ Заславскій; изъ православія: Янушъ Острожскій, Анна Острожская, жена Ивана Ходкевича, и другіе.

Всѣ эти побѣды іезуиты одержали общественнымъ, по тогдашнему, путемъ, безъ содѣйствія правительственнаго, котораго они никакъ не могли добиться при Сигизмундѣ-Августѣ, а также и въ короткое время правленія его преемника Генриха Валуа, хотя Генрихъ попалъ на польскій престолъ при содѣйствіи іезуитовъ.

Политическое значеніе въ литовско-польскомъ государствѣ іезуиты пріобрѣли при слѣдующемъ королѣ, Стефанѣ Баторіѣ, который былъ совершенно равнодушенъ къ вѣрѣ, до такой степени, что при своемъ избраніи

успокоивалъ поляковъ, подозрѣвавшихъ его въ ереси, тѣмъ, что онъ готовъ быть такой вѣры, какая имъ угодна, но онъ поддерживалъ іезуитовъ по политическимъ видамъ. Баторій сразу понялъ, что польское государство состоитъ изъ разнородныхъ, не легко примиримыхъ элементовъ. Найти объединяющее для него средство стало для Баторія очень важною задачею, особенно потому, что онъ былъ человѣкъ съ широкими планами. Ему трудно было удовольствоваться обыкновеннымъ положеніемъ, погрузиться въ одни обыденныя дѣла. Широкая задача намѣтилась въ его жизни еще когда онъ былъ седьмиградскимъ княземъ,—это борьба съ турками. Борьбою этою занятъ былъ тогда и папа. Ее легче всего и можно было начать во имя латинства. Іезуиты оказывались самымъ пригоднымъ орудіемъ къ возбужденію латинскихъ силъ и объединенію ихъ для борьбы съ турками. Поэтому Баторій сразу обнаружилъ расположеніе къ іезуитамъ, обласкалъ ихъ, содѣйствовалъ имъ въ распространеніи ихъ училищъ, даже возвелъ ихъ виленское училище на степень академіи, не смотря на упорное сопротивленіе литовскихъ государственныхъ людей. Но еще съ большею заботливостію направлялъ Баторій іезуитовъ на востокъ своихъ владѣній, въ западную Россію. Извѣстно, что онъ велъ войну съ Іоанномъ IV и успѣшно отнималъ у него области. Въ минуты блистательныхъ успѣховъ, планы Баторія расширялись очень далеко. Онъ думалъ завоевать все московское государсто, и тогда полъ-Европы двинуть противъ турокъ. Чтобы упрочить за собою завоевываемыя области и сдѣлать ихъ пригодными для такой цѣли, Баторій полагалъ, что лучше всего утвердить въ нихъ іезуитовъ.

Съ этою мыслію, онъ какъ только отнималъ отъ Россіи область, такъ тотчасъ же вводилъ въ нее іезуитовъ. Колонизація эта дѣлалась конечно съ явнымъ нарушеніемъ правъ православной церкви. Такъ, отнявъ завоеванный Іоанномъ IV Полоцкъ, Баторій отдалъ іезуитамъ большую часть полоцкихъ церквей съ ихъ пожалованіями, не смотря па то, что все полоцкое дворянство возставало противъ этой неправды и доказывало, что церковныя пожалованія сдѣланы его предками въ пользу православія, въ которомъ и оно (тогдашнее дворянство полоцкой области) хочетъ оставаться. Даже іезуиты стали увлекаться широкими планами Баторія. Изъ Рима былъ присланъ одинъ изъ опытнѣйшихъ іезуитовъ Антоній Поссевинъ, который, въ качествѣ папскаго легата, находился при Баторіѣ для совѣтовъ и вошелъ въ большую съ нимъ дружбу.

Іоаннъ IV находился въ крайнемъ затрудненіи, которое еще болѣе увеличивалъ неистовымъ своимъ тиранствомъ внутри государства. Но и въ этомъ политическомъ и нравственномъ паденіи онъ сохранялъ еще способность, по крайней мѣрѣ, въ области хитростей, спорить съ Баторіемъ и дѣйствительно переспорилъ его, и самихъ іезуитовъ. Онъ пригласилъ папу быть посредникомъ между нимъ и Баторіемъ, обѣщалъ воевать турокъ вмѣстѣ съ папой и подавалъ надежду устроить соединеніе церквей. Папа и іезуиты, увлеклись и полагали, что планъ Іоанна надежнѣе и полезнѣе для латинства, чѣмъ планъ Баторія. Поссевинъ, хотя и коварно, сталъ хлопотать о прекращеніи войны, о заключеніи мира, въ чемъ дѣйствительно и успѣлъ. Но когда дошло дѣло до совѣщаній съ Іоанномъ о соединеніи церквей, то оказалось,

что Іоаннъ обманулъ папу. Онъ довольствовался миромъ съ Баторіемъ, а о соединеніи церквей и не думалъ. Іезуиты, ознакомившись поближе съ русскими дѣлами во время переговоровъ о мирѣ, убѣдились, что дѣйствительно унія въ московскомъ государствѣ дѣло не легкое, но за то тѣмъ бо̀льшее вниманіе обратили они теперь на западную Россію. Въ этой странѣ они находили возможнымъ водворить унію и она, по ихъ соображеніямъ, способна была повести со временемъ къ подчиненію папѣ и всей русской церкви. Эти соображенія высказалъ тотъ же іезуитъ Антоній Поссевинъ въ письмѣ къ папѣ.

Баторій раздѣлялъ новые іезуитскіе планы на счетъ западной Россіи; но къ концу своей жизни, онъ значительно былъ разочарованъ въ іезуитахъ. Ему стало ясно, что они не укрѣпляютъ государственнаго единства, а только плодятъ смуты. Извѣстно, что послѣ заключенія мира съ Іоанномъ, Баторій сильно сдерживалъ ихъ пропаганду по поводу новаго календаря, которымъ они воспользовались, чтобы возмутить спокойствіе православныхъ жителей западной Россіи. Планъ уніи іезуиты осуществили уже при преемникѣ Баторія, Сигизмундѣ III, шведскомъ королевичѣ, который былъ ими выращенъ, воспитанъ и возведенъ на польскій престолъ.

Церковная унія въ литовско-польскомъ государствѣ, какъ и политическая люблинская унія, давно подготовлялась. Въ этомъ государствѣ встрѣтились и долго жили вмѣстѣ двѣ выработавшіяся и рѣзко различныя цивилизаціи — православная и латинская, имѣвшія каждая большое число послѣдователей. Неизбѣжнымъ послѣд-

ствіемъ этой встрѣчи должна была быть борьба между ними и рядомъ съ борьбою — сильная сдѣлка между различными началами. Образовалась незамѣтно, постепенно партія ревнителей православной вѣры, способная все принести въ жертву дорогимъ убѣжденіямъ, и рядомъ съ нею—партія людей, утомившихся религіозною борьбою, способныхъ, ради житейскихъ выгодъ, на всякія сдѣлки съ латинствомъ.

Первая роль выпала на долю лучшихъ представителей духовенства и лучшихъ людей изъ высшаго сословія, а затѣмъ средняго сословія и наконецъ простого народа, когда его прямо затронули. Такъ какъ правительственная власть въ литовско-польскомъ государствѣ была латинская, и православіе не могло надежно опереться на ея содѣйствіе, то заботы о православной церкви естественно сосредоточивались въ православномъ западно-русскомъ обществѣ. Сильные люди православные взяли въ свои руки интересы церкви и благоустрояли ихъ, чему много способствовали тѣ широкія права, которыми они пользовались. Они обезпечивали матеріальное благосостояніе церквей, доставляли удобства къ свободному исповѣданію вѣры, защищали церковь отъ насилій. Эти покровители православной церкви въ западной Россіи получили особое названіе, назывались патронами. Въ городахъ патронство сосредоточивалось не въ однѣхъ рукахъ, а въ рукахъ цѣлыхъ группъ. Магдебургское управленіе городовъ и существованіе въ нихъ ремесленныхъ цеховъ давали возможность организоваться общественной заботливости о церкви, и она организовалась въ такъ называемыхъ церковныхъ братствахъ. Далѣе, къ городамъ примыкали села, и если была возможность,

то поселяне приписывались къ городскимъ братствамъ, или сами устрояли ихъ у себя. Наконецъ всякій, гдѣ бы онъ ни былъ, могъ оказывать усердіе къ церкви, гдѣ желалъ, и вписываться въ то или въ другое братство.

Такимъ образомъ, явилась цѣлая организація ревнителей вѣры, которые соединялись одни съ другими общею вѣрою и общимъ усердіемъ и какъ частныя лица, и какъ цѣлыя общины, и дѣйствовали заодно.

Братская организація была самою благодѣтельною для церкви, поэтому къ ней примыкали всѣ лучшіе люди въ западной Россіи. Бѣлое духовенство, которое въ православіи всегда и вездѣ стоитъ въ уровень съ обществомъ и съ нимъ двигается, также примкнуло къ братствамъ. Внѣ братствъ стояли высшіе члены его и, странно сказать, внѣ братствъ оказалось большинство высшей іерархіи. Послѣднее странное явленіе, впрочемъ, произвели обстоятельства, не имѣвшія большею частію ничего общаго съ церковными канонами. Высшая іерархія въ западной Россіи исторически подвергалась порчѣ. Такъ какъ назначеніе членовъ ея значительно зависѣло отъ иновѣрнаго—польскаго правительства, то понятно, что истинно достойные люди рѣдко могли проникать въ нее, а назначались большею частію люди, безполезные или даже вредные для церкви. Чѣмъ больше развивался въ Польшѣ фанатизмъ противъ православія, тѣмъ чаще злые люди попадали въ высшую западнорусскую іерархію, какъ болѣе способные уронить и подорвать православіе. Съ другой стороны, архіерейство въ западной Россіи было своего рода магнатство. Архіереи владѣли имѣніями, иногда замками, имѣли много

людей. Много было у нихъ заботъ, и много удобствъ. Церковными дѣлами имъ не легко было заниматься, а жить пріятно—было очень легко и удобно. Многіе изъ нихъ поэтому жестоко портились и дозволяли себѣ позорную жизнь. Протестантство въ свою очередь тоже производило на нихъ дурное вліяніе. Протестантская проповѣдь о бракѣ духовенства побудила нѣкоторыхъ изъ архіереевъ завести себѣ законныхъ и незаконныхъ женъ. Скандалы въ данномъ случаѣ доходили до крайности. Злые люди часто съ намѣреніемъ увеличивали ихъ. Такъ, напримѣръ, луцкій епископъ Терлецкій призванъ былъ въ судъ по обвиненію въ изнасилованіи дѣвицы и долженъ былъ защищаться противъ самыхъ щекотливыхъ подробностей. Впрочемъ, и безъ злыхъ людей пороки высшей западно-русской іерархіи не могли не дѣлать смутъ. Чѣмъ больше развивались братства, чѣмъ больше вырабатывался идеалъ религіознаго служенія и сознавалась необходимость нравственнаго совершенства, тѣмъ невыносимѣе становилось безобразіе высшей іерархіи. Протестантство подѣйствовало и въ этомъ случаѣ на православныхъ, только въ обратномъ отношеніи въ сравненіи съ тѣмъ, какъ оно дѣйствовало на епископовъ, т. е. оно дѣйствовало тутъ въ хорошемъ смыслѣ. Православные поняли хорошую сторону стремленій протестантовъ къ образованію; подобно имъ учились, изучались источники вѣры, переводили творенія отцовъ, издавали книги. Этою дѣятельностію, какъ извѣстно, особенно прославился князь Конст. Конст. Острожскій, у котораго въ Острогѣ было цѣлое ученое общество. Оно издало не мало книгъ въ защиту православной вѣры, издало не мало богослужебныхъ книгъ, и—особенно важ-

ное дѣло этого ученаго общества и его покровителя князя Острожскаго—это изданіе въ 1581 г. славянской библіи. Многіе подражали этой благотворительной дѣятельности и нерѣдко съ такимъ усеріемъ, которое поражало современниковъ. Напримѣръ: родственникъ князя Курбскаго, князь Оболенскій, не смотря на то, что былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, рѣшился оставить семью, поѣхалъ за границу, изучалъ богословскія науки и возвратился на родину съ богатыми свѣдѣніями, какъ корабль, наполненный драгоцѣнными товарами, по свидѣтельству современниковъ.

При такомъ направленіи западно-русскаго православнаго общества, всѣ важнѣйшіе интересы церкви больше и больше сосредоточивались въ кругу свѣтскихъ людей и бѣлаго духовенства. Высшая, монашеская іерархія находилась въ уединенномъ и очень незавидномъ положеніи. Борьба между этими двумя силами неизбѣжно должна была возникнуть. Въ осьмидесятыхъ годахъ XVI столѣтія въ ней приняли невольное участіе восточные патріархи. Восточные патріархи въ тѣ времена подвергались большимъ поборамъ со стороны турокъ, часто страдали и очень нуждались въ деньгахъ. Для удовлетворенія этихъ нуждъ они предпринимали путешествіе въ Россію. Благочестивое настроеніе западной Россіи и ея церковныя нужды побуждали ихъ заѣзжать и въ эту страну. Такъ, въ небольшой промежутокъ времени сюда пріѣзжали два патріарха—въ 1586 г. антіохійскій патріархъ Іоакимъ, 1589 г. константинопольскій Іеремія II, имѣвшій высшую власть надъ западно-русскою церковью. Имъ предстояло разобрать дѣла этой церкви и стать на ту или другую сторону,—на сторону патроновъ и

братствъ, или на сторону высшей іерархіи. Церковные каноны и польза побудили ихъ стать на первую сторону, какъ на такую, у которой была правота дѣла. Высшая іерархія подверглась сильнымъ обличеніямъ. Первый членъ ея, митрополитъ Онисифоръ долженъ былъ оставить каѳедру. На мѣсто его возведенъ былъ минскій архимандритъ Михаилъ, преданный повидимому патронамъ и братствамъ, хотя передъ посвященіемъ онъ уже возбуждалъ сомнѣнія въ патріархѣ Іереміи. Важнѣйшія братства утверждены патріаршею властію и имъ дано право даже наблюдать за высшею іерархіей и подвергать ее суду на соборахъ. Очевидное дѣло, что благочестивая ревность западно-русскихъ міряпъ зашла далеко. Западно-русскіе іерархи, каковы бы они ни были, не могли не прійти въ негодованіе отъ такихъ новыхъ порядковъ. Братства между тѣмъ ревностно взялись за свои дѣла, благоустрояли церкви, издавали книги, заводили училища, посылали на соборы своихъ членовъ, обличали злоупотребленія и пороки высшей іерархіи и сообщали обо всемъ константинопольскому патріарху. Положеніе западно-русскихъ іерарховъ, особенно дурныхъ, а такими были почти всѣ они, стало невыносимымъ.

Іезуиты не могли не воспользоваться такими благопріятными для нихъ обстоятельствами. Они вошли въ сношенія съ однимъ изъ западно-русскихъ архіереевъ, луцкимъ епископомъ Кирилломъ Терлецкимъ, больше другихъ подвергшимся непріятностямъ отъ константинопольскаго патріарха и болѣе другихъ энергичнымъ. Подъ предлогомъ болѣзни, Терлецкій часто ѣздилъ въ Польшу и послѣдствіемъ этихъ поѣздокъ былъ планъ уніи, къ которому въ 1592 году уже пристало нѣсколько епи-

скоповъ. Въ 1593 году возведенъ на брестскую епископію новый дѣятель уніи, сенаторъ Поцѣй, нѣсколько разъ мѣнявшій вѣру и въ добавокъ очень разорившійся, человѣкъ очень крупнаго ума и сильной воли. Онъ немедленно сталъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Терлецкимъ. Общими усиліями они, не безъ обмана, склонили на свою сторону остальныхъ епископовъ, притянули почти насильно слабохарактернаго митрополита Михаила, составили грамоту на унію, и Терлецкій и Поцѣй повезли ее въ Римъ къ папѣ.

Большею частью всѣ эти дѣла дѣлались тайно. Православные узнавали только результаты, которые не легко было уничтожить. Всеобщее раздраженіе, желаніе низвергнуть всѣхъ недостойныхъ епископовъ были отвѣтомъ со стороны западно-русскихъ православныхъ на унію, предпринимаемую высшею іерархіею. Князь Острожскій предполагалъ собрать войско на случай насильнаго введенія уніи. Во многихъ городахъ западной Россіи готово было вспыхнуть возстаніе. Епископы, задумавшіе унію, были въ отчаніи; двое изъ нихъ: Гедеонъ львовскій и Михаилъ перемышльскій поняли обманъ, отпали отъ уніи и возвратились на сторону православныхъ. Митрополитъ Михаилъ сильно колебался между той и другой стороной. Смутилось и польское правительство, оказывавшее ревностное содѣйствіе епископамъ, и съ большимъ страхомъ согласилось на духовный соборъ въ 1596 г. для окончательнаго рѣшенія вопроса объ уніи. Вопросъ этотъ разрѣшился однако безъ всякаго кровопролитія. Православные, не смотря на свою многочисленность, не захотѣли употребить насиліе. Они остались вѣрны тѣмъ высокимъ принципамъ нравственнымъ,

которые управляли ими во всѣхъ ихъ дѣлахъ на пользу церкви. А латиняне, прибывшіе на соборъ въ качествѣ депутатовъ отъ латинства и правительства, и ихъ братья уніаты епископы, съ нѣсколькими изъ низшей іерархіи, тоже остались вѣрны своимъ принципамъ, — посредствомъ обмана, тайно, безъ всякихъ совѣщаній съ православными, приняли унію и объявили ее поконченною. Этимъ же путемъ они слѣдовали и тогда, когда взялись распространять унію, прибавляя къ обману и интригамъ самыя разнообразныя насилія.

Религіозная пропаганда, которой люблинская унія открыла широкія ворота, имѣла громадное значеніе въ исторіи западной Россіи. Всѣ виды польскаго вліянія въ этой странѣ, начиная съ самаго перваго соединенія Литвы съ Польшей, касались собственно верхнихъ слоевъ литовскаго княжества, проходя мимо народа. Народъ поэтому мало заявлялъ себя во все время союза съ Польшей, отъ Ягайлы до люблинской уніи. Люблинская унія открыла въ западную Россію доступъ польскимъ людямъ. Народъ западной Россіи сильно ощутилъ ихъ присутствіе. Польское вліяніе проникало теперь не въ отвлеченныхъ формахъ, и не черезъ дворянство мѣстное, а переносилось живыми и чисто польскими людьми, которые давали его чувствовать во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Впрочемъ, при польскихъ воззрѣніяхъ на хлопа, и теперь сохранялось еще большое разстояніе между паномъ и хлопомъ, дававшее возможность хлопу уберегать въ своей жизни многое неприкосновеннымъ. Латинская пропаганда и особенно церковная унія заняли собою и это разстояніе. Ксендзы не совѣстились заглядывать въ жизнь и въ душу хлопа.

Они принялись разрушать весь историческій строй его быта. Теперь западно-русскій хлопъ явно видѣлъ и ощущалъ всею душой соединеніе его родины съ Польшей. Ему нельзя было оставаться безучастнымъ къ этому событію. Онъ долженъ былъ выступить необходимо на сцену исторической дѣятельности, потому что приносились въ жертву Польшѣ не только его гражданскіе, но и религіозные интересы, а все, что было у него на верху, въ образованномъ сословіи, все это шло къ измѣнѣ историческому, родному быту и къ усвоенію польскаго и латинскаго быта. Потому-то послѣ люблинской уніи, особенно когда развилась религіозная латинская пропаганда, мы видимъ, что народъ западно-русскій выше и выше приподнимаетъ голову, ищетъ выраженія для своихъ силъ и стремленій. Исторія западной Россіи получаетъ съ тѣхъ поръ по преимуществу народное направленіе. При этомъ направленіи она неизбѣжно должна была исполниться разнаго рода насилій, какъ это всегда бываетъ, когда вступаетъ въ борьбу народъ, оставленный своими естественными руководителями изъ образованнаго сословія. Западно-русская исторія послѣ люблинской уніи обогатилась насиліями еще отъ того, что, благодаря іезуитской теоріи, сигналъ къ насиліямъ данъ былъ сверху, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше становился обыкновеннымъ въ обществѣ и возвѣщалъ народу новыя страданія. Ужасы казацкихъ смутъ — на половину народные, западно-русскіе, на половину польскіе, іезуитскіе. Привели они, какъ извѣстно, къ несчастнымъ послѣдствіямъ какъ для Польши, такъ и для западно-русскаго народа. Погибло польское государство, но потерпѣлъ и западно-русскій народъ. Онъ потерялъ

все родное, верхнее сословіе, остался въ уединенномъ, безпомощномъ положеніи. Бѣдственный этотъ результатъ вырабатывался, впрочемъ, медленно, постепенно. Долгое еще время одинъ верхній слой за другимъ выдвигалъ послѣднія свои силы на защиту родного, и одинъ за другимъ погибалъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше вызывая на поприще исторической дѣятельности первобытныя, народныя силы. Исторіей этихъ напряженій верхнихъ западно-русскихъ силъ и постепеннаго выхода силъ народныхъ мы и будемъ заниматься на слѣдующихъ чтеніяхъ.

ЧТЕНІЕ XI.

Попытки къ защитѣ западно-русской самобытности со стороны западно-русской аристократіи. Соединеніе православныхъ и протестантовъ для общей борьбы съ іезуитствомъ. Неудачи. Характеристика западно-русскаго дворянства въ началѣ XVII столѣтія въ сочиненіи Ѳринос. Усилія западно-русскаго мѣщанства къ защитѣ своей самобытности. Бѣдственное положеніе мѣщанства. Изображеніе этого бѣдствія въ прошеніи жителей западной Россіи, по поводу гоненій, къ польскому сенату, 1623 г. Дѣло народное переходитъ въ руки народа. Западно-русское козачество. Его исторія. Борьба козачества съ азіатскимъ міромъ. Значеніе днѣпровскаго козачества для западно-русскаго народа. Вліяніе на него польскаго правительства. Организація козачества. Порча началъ днѣпровскаго козачества *).

Въ заключеніи прошедшаго чтенія высказана была нами слѣдующая мысль: съ подрывомъ протестантства и православія въ западной Россіи начинается исторія простого народа. Высшее западно-русское сословіе падало, ополячилось, народное дѣло переходило въ руки народа.

*) О церковныхъ дѣлахъ послѣ брестскаго собора говорится въ моемъ сочиненіи: Литовская церковная унія, т. второй, изд. 1862 г. и во второй половинѣ десятаго тома исторіи русской церкви митрополита Макарія, изд. 1881 г. О козачествѣ—сочиненіе Н. И. Костомарова, изд. исправленное и дополненное, 1870 г.,—Богданъ Хмѣльницкій, три тома. Въ первой главѣ перваго тома этого сочиненія есть краткая исторія возникновенія козачества.

14

Само собою разумѣется, въ исторіи нельзя обозначить рубежа, гдѣ кончилось одно направленіе и началось другое. Оба направленія нѣкоторое время существовали совмѣстно,—одно доживало свою жизнь, другое начинало. Объ этомъ-то періодѣ времени въ западно-русской жизни мы и будемъ говорить въ настоящій разъ,—будемъ показывать, какъ высшія сословія западно-русскія истощали послѣднія свои силы въ борьбѣ съ латинствомъ и полонизмомъ, и какъ поднимались на смѣну имъ чисто-народныя силы, во главѣ которыхъ стало западно-русское козачество.

Чтобы лучше понять намъ этотъ поворотъ въ исторической западно-русской жизни, мы должны возвратиться нѣсколько назадъ, и снова посмотрѣть на общее положеніе западной Россіи во второй половинѣ XVI столѣтія.

Люблинская унія, какъ мы уже говорили, открыла настежъ двери западной Россіи передъ Польшей. Поляки нахлынули въ нее, какъ хмара, по выраженію приведенной нами малороссійской пѣсни. Всѣ особенности западной Россіи и Польши встрѣтились теперь прямо, столкнулись. Борьба между ними непремѣнно должна была возникнуть. Въ тѣ времена религіознаго оживленія, столкновеніе всѣхъ особенностей между западной Россіей и Польшей вылилось, какъ бы воплотилось въ религіозномъ столкновеніи, въ религіозной борьбѣ. Православные западной Россіи выражали народныя ея стремленія. Поляки подъ знаменемъ латинства стремились къ полонизаціи страны. Поэтому-то іезуитство было въ то время самымъ логичнымъ явленіемъ или послѣдствіемъ люблинской уніи, и въ его борьбѣ съ протестантами и пра-

вославными даже невольно для іезуитовъ достигались цѣли Польши. Неудивительно затѣмъ, что при такой обстановкѣ іезуиты, въ самомъ скоромъ времени, достигли невѣроятнаго могущества и нанесли западнорусскимъ началамъ жизни самое жестокое пораженіе.

Мы видѣли, что уже при Баторіѣ іезуиты стали въ западной Россіи на твердую ногу. Но все еще они тогда пріобрѣтали болѣе общественное, чѣмъ государственное значеніе. Послѣ же Баторія имъ представилась возможность достигать своихъ цѣлей не только общественными, но и чисто-государственными, правительственными путями. Послѣ Баторія вступилъ на литовско-польскій престолъ (1587 г.) Сигизмундъ III, потомокъ по женской линіи рода Ягайлы, шведскій королевичъ, о которомъ мы уже упоминали. Іезуиты, можно сказать, выкачали въ люлькѣ, вынянчили этого Сигизмунда. Поэтому, какъ только онъ вступилъ на престолъ, то немедленно іезуиты окружили его со всѣхъ сторонъ. Они были его духовниками, проповѣдниками, секретарями. За этими явными іезуитами, мало по малу стали подходить къ престолу и окружать его іезуиты тайные,—міряне и вообще ревностные латиняне, т. е. друзья іезуитовъ. Они начали занимать придворныя, государственныя должности, оттѣсняя болѣе и болѣе иновѣрцевъ, такъ называемыхъ диссидентовъ, т. е. протестантовъ и православныхъ. Въ сенатѣ образовалось большинство и потомъ рѣшительное преобладаніе латинянъ. Направленіе умовъ на сеймахъ двигалось чаще и чаще по указаніямъ іезуитовъ.

Вотъ, съ какими врагами и при какихъ обстоятельствахъ пришлось защищать самобытныя особенности западной Россіи—православнымъ и протестантамъ выс-

шаго сословія, подъ знаменемъ вѣры. Общая опасность естественно сближала и соединяла тѣхъ и другихъ, — православныхъ и протестантовъ. Такъ еще въ 1570 г. протестанты составляли въ Вильнѣ и Сандомирѣ съѣзды между собою для примиренія разныхъ своихъ сектъ и на это дѣло приглашали православныхъ, отъ которыхъ дѣйствительно были депутаты. Примиреніе, какъ естественно, не могло выработаться. Слишкомъ различны были принципы желавшихъ мириться и слишкомъ воспламенены были ихъ страсти. Іезуиты обратили въ насмѣшку все это шумное дѣло диссидентовъ, распуская черезъ печать, что по вопросамъ о вѣрѣ тамъ могла быть только драка, что собственно мирныя бесѣды между пасторами происходили о томъ, по чемъ овесъ, какъ дороги яйца и т. под.

Болѣе успѣха обѣщала другая попытка диссидентовъ противъ латинства въ 1572 году. Тогда умеръ Сигизмундъ Августъ. Избирали новаго короля. Диссиденты составили такъ называемую конфедерацію и потребовали, чтобы признаны были въ государствѣ ихъ права, чтобы изъ-за вѣры никто не былъ устраняемъ отъ правъ и выгодъ въ литовско-польскомъ государствѣ. Постановленіе этой конфедераціи было принято поляками изъ опасенія смутъ; присягали исполнять его и Генрихъ и Баторій и даже Сигизмундъ III, но уже въ первые годы послѣ этой конфедераціи латиняне насмѣхались надъ ней, объявляли ее недѣйствительной, противной ихъ совѣсти. Со стороны поляковъ-латинянъ это было совершенно послѣдовательно. И папа, и латинское духовенство Польши всегда отвергали постановленія этой конфедераціи и протестовали противъ нея, потому что ла-

тинская церковь, вопреки увѣреніямъ многихъ поляковъ, никогда не признавала и теперь не признаетъ свободы совѣсти. Диссидентамъ приходилось принимать новыя мѣры. На брестскомъ соборѣ 1596 г., по дѣлу уніи, протестанты старались дѣйствовать вмѣстѣ съ православными, собрались на этотъ соборъ во множествѣ, предложили православнымъ одинъ обширный протестантскій домъ для совѣщаній и участвовали въ этихъ совѣщаніяхъ съ православными мірянами особо отъ православнаго духовенства, составлявшаго духовный соборъ. Но и отъ этой мѣры не было пользы, а напротивъ вышелъ вредъ. Измѣнившіе православію епископы заключили съ латинянами унію, не обращая вниманія на православный соборъ, и стали еще укорять православныхъ за то, что они, не желая соединиться съ латинянами, которыхъ вѣра не многимъ отличается отъ ихъ вѣры, соединяются съ еретиками-лютеранами, кальвинистами. Мало того, передъ соборомъ разнеслись слухи, что православные съ протестантами собираютъ военную силу. Польское правительство, какъ мы уже упоминали, сильно встревожилось, не дозволило составить народный соборъ по дѣлу уніи, дозволило пріѣзжать на соборъ только духовнымъ, такъ что появленіе на немъ мірянъ-православныхъ и протестантовъ дѣлалось противозаконнымъ и всѣ ихъ дѣйствія и требованія по этому поводу могли быть не уважены, какъ дѣйствительно и сдѣлало польское правительство. Іезуиты между тѣмъ съ новыми союзниками-уніатами налегли съ новою силою на протестантовъ и православныхъ. Тѣмъ и другимъ необходимо было собирать вновь свои силы и придумывать

еще новыя мѣры къ защитѣ. Они придумали, повидимому, самую рѣшительную мѣру.

Въ 1599 г. протестанты и православные составили съѣздъ въ Вильнѣ. Сотни тѣхъ и другихъ собрались на этотъ съѣздъ. Члены съѣзда открыто высказались, что не могутъ дольше терпѣть вопіющихъ нарушеній своихъ правъ и спокойствія, и открыто же заявили, что будутъ бороться съ латинянами на жизнь, на смерть. Борьбу они обдумали такимъ образомъ: каждый сильный православный или протестантъ долженъ на всѣхъ путяхъ жизни защищать всякаго страждущаго-православнаго или протестанта, по первому требованію или извѣстію. Для бо̀льшаго успѣха и удобства въ этомъ дѣлѣ, виленскій съѣздъ выбралъ такъ называемыхъ провизоровъ или блюстителей, къ которымъ могли обращаться всѣ гонимые и которые въ своемъ кругу принимали всѣхъ ихъ подъ свою защиту.

Но члены виленскаго съѣзда пошли дальше, чѣмъ слѣдовало. Они задумали еще примирить, соединить православіе и протестантство. Составлены были проекты этого дѣла. Пошли недоумѣнія, раздоры. Православная іерархія отказалась отъ всякаго участія въ подобномъ дѣлѣ. Не подписались и многіе протестанты. Латиняне и уніаты подняли новый шумъ; посыпались новыя обвиненія на православныхъ въ единомысліи съ еретиками. Виленскій съѣздъ не принесъ добра.

Послѣдняя попытка высшаго западно-русскаго общества къ защитѣ своей родины отъ латинскаго господства была слѣдующая. Іезуитское преобладаніе въ государствѣ давно не нравилось многимъ и въ самой Польшѣ, и еще въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія

король долженъ былъ открыто защищаться на сеймахъ и принимать мѣры противъ возстанія. Въ 1607 году такое возстаніе поднялъ Зебжидовскій. Имъ руководили побужденія, которыя не могли быть общими. Зебжидовскій былъ преданъ австрійской династіи и хотѣлъ ее видѣть на польскомъ престолѣ; но цѣлей этихъ онъ не выставлялъ, а возставалъ противъ Сигизмунда, какъ противъ нарушителя правъ народныхъ. Поэтому предпріятіе его сначала встрѣтило большое сочувствіе. Шестьдесятъ тысячъ шляхты подписались на конфедерацію Зебжидовскаго; Сигизмундъ объявленъ низложеннымъ съ престола и провозглашено междуцарствіе. Друзья однако помогли Сигизмунду выпутаться изъ бѣды. Съ небольшимъ войскомъ онъ поразилъ конфедератовъ, разстроенныхъ уже и до того разоблаченіемъ плановъ Зебжидовскаго.

Въ числѣ этихъ конфедератовъ было много шляхты и магнатовъ западной Россіи. Для нихъ особенно было чувствительно пораженіе. Пропадало ихъ вѣковое дѣло,—дѣло народное, и неудивительно, что пропадало. Православные западно-русскіе, соединяясь съ протестантами, уже ослабляли этимъ свое русское, православное значеніе. Теперь же они соединялись еще съ поляками. Интересъ родной, интересъ народа сглаживался, исчезалъ,—выступалъ болѣе и болѣе интересъ шляхетства. Сливалось шляхетство западно-русское съ шляхетствомъ польскимъ и находило себѣ смерть, воображая, что поддерживаетъ жизнь. Эту смерть превосходно изображаетъ авторъ знаменитаго сочиненія „Ѳриносъ“ (1610) Мелетій Смотрицкій. Онъ оплакиваетъ отъ лица православной церкви погибель въ латинствѣ лучшихъ родовъ западно-рус-

скихъ; но въ этомъ религіозномъ плачѣ ясно слышится плачъ родины о погибели этихъ людей въ полонизмѣ. Вотъ замѣчательное мѣсто этого плача:

„Гдѣ теперь тотъ неоцѣненный камень, который я носила вмѣстѣ съ другими бриллiантами на моей головѣ, въ вѣнцѣ, какъ солнце среди звѣздъ,—гдѣ теперь домъ князей Острожскихъ, который превосходилъ всѣхъ яркимъ блескомъ своей древней (православной) вѣры? Гдѣ и другіе также неоцѣненные камни моего вѣнца, славные роды русскихъ князей, мои сапфиры и алмазы: князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Сангушки, Чарторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчицкіе, Коширскіе, Массальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузыны и другіе безъ числа? Гдѣ вмѣстѣ съ ними и другіе роды, — древніе, именитые, сильные роды славнаго по всему міру силою и могуществомъ народа русскаго: Ходкевичи, Глѣбовичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Воины, Воловичи, Зеновичи, Пацы, Халецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Бокѣи, Мышковскіе, Гурки, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Челненскіе, Калиновскіе, Кирдеи, Заборовскіе, Мелешки, Боговитыны, Павловичи, Сосновскіе, Скумины, Поцѣи и другіе?.. Вы, злые люди, (своею измѣною) обнажили меня отъ этой дорогой моей ризы и теперь насмѣхаетесь надъ немощнымъ моимъ тѣломъ, изъ котораго однако вы всѣ вышли. Но помните: проклятъ всякъ, открывающій наготу своей матери! Прокляты будете и вы всѣ, насмѣхающіеся надъ моей наготой, радующіеся ей. Настанетъ время, что всѣ вы будете стыдиться своихъ дѣйствій“.

Когда пала западно-русская аристократія, народное западно-русское дѣло перешло подъ защиту средняго сословія,—городского, мѣщанскаго и еще больше, чѣмъ у аристократіи, сосредоточилось въ вопросѣ о вѣрѣ. Замѣчательно, что необходимость этой передачи заботъ о церкви раньше всѣхъ понялъ и серьезно ей содѣйствовалъ первѣйшій изъ западно-русскихъ вельможъ и первѣйшій защитникъ православія князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, этотъ всѣми признаваемый столбъ западно-русскаго православія, но можно также сказать,—послѣдній западно-русскій дубъ, кругомъ котораго падали другіе русскіе дубы и у котораго даже самого, какъ мы видѣли, быстро увядали и засыхали въ полонизмѣ и латинствѣ его собственныя молодыя вѣтви, — родныя дѣти.

Намъ уже извѣстно положеніе западно-русскихъ городовъ. Русскіе люди въ нихъ были сильны прежде всего своей численностію, затѣмъ своимъ магдебургскимъ устройствомъ, дававшимъ имъ возможность сгруппировать свои силы и дѣйствовать за одно. Но еще болѣе были сильны западно-русскіе мѣщане своимъ непосредственнымъ отношеніемъ къ защищаемому дѣлу. Какъ люди простые, они всецѣло отдавались защитѣ своей вѣры. Ихъ не легко было сдвинуть съ этого пути. Притомъ, будучи близкими къ народу по своей жизни, по своему образу мыслей и чувствъ, они постоянно оживлялись и обновлялись чисто народными началами, стремленіями. Подлѣ ихъ городскихъ братствъ формировались вездѣ и примыкали къ нимъ братства сельскія. Наконецъ, мѣщане находили очень важную опору въ остаткахъ высшаго своего сословія, неизмѣнившихъ сво-

ему народу. Нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ, не смотря ни на какія затрудненія, исполняли постановленія виленскаго съѣзда, были дѣйствительными попечителями надъ западно-русскимъ народомъ, страдавшимъ отъ полонизма и латинства, дѣйствительно защищали его въ разнообразныхъ случаяхъ жизни, между которыми особенную важность имѣлъ слѣдующій. Какъ люди благороднаго (шляхетскаго) сословія, они имѣли право быть депутатами на сеймахъ. Благодаря участію этихъ людей, бѣдствія и нужды народа часто заявляемы были на сеймахъ, къ крайнему изумленію и негодованію польской латинской шляхты, не хотѣвшей знать правъ ни мѣщанства, ни хлопства. Борьба теперь между латинскою Польшей и православною западною Русью естественно должна была сдѣлаться упорнѣе, жесточе. Укажемъ на нѣсколько фактовъ, характеризующихъ эту борьбу.

Скромными своими усиліями, малыми въ отдѣльности, но великими въ цѣлости, мѣщане-братчики, на многочисленныхъ пунктахъ западной Россіи, замѣнили своими трудами прежніе труды своей аристократіи на пользу своего народа. Ихъ училища, ихъ изданія книгъ, ихъ сношенія между собой служили неодолимою поддержкою народнаго оживленія, народнаго западно-русскаго духа. Важнѣйшимъ средоточіемъ всей этой дѣятельности была Вильна. Здѣсь въ троицкомъ монастырѣ, гдѣ теперь семинарія, былъ центръ виленскаго братства. На него-то латиняне и уніаты направили съ особенною ревностію свои удары. Въ 1608 г. они рѣшились уничтожить этотъ центръ, взяли троицкій монастырь на унію. Весь городъ встревожился по этому поводу. Наполнилась

народомъ монастырская ограда. Православные не позволили себѣ оскорбить чиновника, передававшаго монастырь уніатамъ; но объ этомъ дѣлѣ сейчасъ же заговорили ихъ вѣрные покровители на сеймѣ и подготовили судъ надъ уніатами. Обрадованные такимъ оборотомъ дѣла, виленскіе православные открыто праздновали успѣхъ православія, совершали процессіи, собирались торжественно изгнать изъ своего братскаго центра ненавистнаго имъ уніатскаго архимандрита Рутскаго. Но торжество это было не продолжительно. Съ большими военными силами прибылъ въ Вильну (1609 г.) самъ король Сигизмундъ, направлявшійся тогда въ Россію, чтобы завоевать ее. Православные обвинены были въ мятежѣ, въ оскорбленіи величества, многіе изъ нихъ подверглись суду. Большая часть церквей обращена въ унію. Православные мѣщане задавлены были жестоко. Не лучше было положеніе и протестантскихъ мѣщанъ. Рѣшительное пораженіе нанесено имъ при слѣдующемъ обстоятельствѣ. Кто-то выстрѣлилъ въ одинъ латинскій костелъ. Разошлась молва, что это сдѣлалъ протестантъ. Іезуиты, вмѣстѣ съ своими школьниками, двинулись на протестантскую кирху, разрушили ее, разсыпались по городу, оскорбляя и поражая всякаго иновѣрца. Еще хуже было положеніе мѣщанъ какъ православныхъ, такъ и протестантовъ въ провинціальныхъ городахъ. Ихъ исключали изъ цеховъ, запрещали заниматься торговлей, даже жить въ городѣ. Гдѣ было русское братское училище, тамъ рѣдко когда ученики возвращались изъ училища домой съ неповрежденными лицами. На нихъ нападали и били іезуитскіе школьники, которые не давали житья и никакому иновѣрцу, такъ

что иновѣрцы даже объѣзжали обыкновенно на далекое разстояніе іезуитскія школы. Смутныя времена въ Россіи, постоянные переходы поляковъ черезъ западную Россію по пути въ Москву, давали огромную силу всему польскому и латинскому и страшно давили все русское, православное. Вездѣ стало изнемогать и падать и западно-русское мѣщанство, и тѣмъ тяжелѣе и безотраднѣе было положеніе его и всѣхъ православныхъ, что съ самаго начала уніи было только два православныхъ архіерея— оба въ галицкой области, а съ 1606 г. одинъ, наконецъ съ 1613 г. ни одного. Вотъ описаніе положенія русскихъ людей изъ прошенія къ польскому сейму въ 1623 г. отъ имени всѣхъ русскихъ западной Россіи: „Въ Бѣлоруссіи, въ Оршѣ и Могилевѣ владыка полоцкій (Іосафатъ Кунцевичъ) запечаталъ церкви и уже пять лѣтъ держитъ ихъ такъ. Въ Полоцкѣ и Витебскѣ мы не можемъ имѣть для богослуженія ни церкви, ни дома. Мѣщане тамошніе въ воскресные и праздничные дни, чтобы не оставаться безъ богослуженія, выходятъ за городъ въ поле и совершаютъ его, да и то безъ священника, потому что не дозволено имѣть священника ни въ городѣ, ни вблизи города. Бѣдный народъ, не желая оставить вѣры, въ которой родился, и предаться другой, возитъ дѣтей для крещенія дальше, чѣмъ за десять миль (около ста верстъ), при чемъ многія дѣти умираютъ безъ крещенія отъ дальности и неудобности пути. Точно также далеко должны ѣздить вступающіе въ бракъ. Много уже есть такихъ, что во всю жизнь не могли сподобиться ни исповѣди, ни причастія и отходятъ на тотъ свѣтъ безъ христіанскаго напутствія. Но что всего хуже, что составляетъ варварство и звѣрство выше вѣроятія, въ томъ

же бѣлорусскомъ Полоцкѣ, тотъ же отступникъ владыка полоцкій (Кунцевичъ), чтобы досадить тамошнимъ мѣщанамъ, приказалъ вырыть недавно похороненныя подлѣ церкви христіанскія тѣла умершихъ и бросить на съѣденіе собакамъ, какъ какую падаль. О нечестіе! О невыносимая неволя! И подобныя беззаконія и притѣсненія, подобную неволю, хуже турецкой неволи, терпимъ по всѣмъ воеводствамъ и повѣтамъ мы, народъ русскій, не сдѣлавшій ничего дурного ни противъ его величества, ни противъ отечества. Двадцать восемь уже лѣтъ терпимъ мы эти гоненія. Двадцать восемь лѣтъ, каждый сеймъ говоримъ объ нихъ, плачемъ, умоляемъ о милосердіи, справедливости и не можемъ получить ихъ... Ничто не причиняетъ такъ скоро ослабленія и паденія государствъ, говорилъ король Баторій, какъ насиліе, преслѣдованіе вѣры. Дай Богъ, чтобы далеко было отъ насъ исполненіе этого королевскаго провѣденія"! Ниже мы увидимъ, что это предсказаніе было высказано тогда же польскому правительству уже какъ прямая угроза и что оно начало исполняться при содѣйствіи малороссійскихъ казаковъ, которые болѣе и болѣе выступали, какъ выразители народныхъ силъ и народныхъ стремленій западной Россіи.

Считаемъ необходимымъ изложить въ краткомъ видѣ исторію образованія козачества, прежде чѣмъ станемъ излагать его дѣла на защиту родины отъ польской и латинской гибели.

Козачество развивалось не въ одной западной Россіи. Козачество формировалось и въ восточной Россіи на Дону, на Уралѣ, въ Сибири. У южныхъ славянъ мы также видимъ общины, совершенно похожія на наше

козачество. Такъ, вся Черногорія справедливо можетъ быть названа козачествомъ. Еще недавно въ Сербіи и Болгаріи, на границахъ съ Турціей, тоже бывали козацкія группы, извѣстныя подъ именемъ ускоковъ. Эти одинаковыя явленія въ разныхъ мѣстахъ даютъ возможность опредѣлить общія причины, вызывавшія козачество, и главныя его начала. Козачество вездѣ являлось для защиты родины и для борьбы съ азіатскимъ міромъ крайними мѣрами, когда обыкновенныя, государственныя средства оказывались недостаточными. Тѣ же самыя обстоятельства вызвали и приднѣпровское козачество. Вся нынѣшняя южная Россія была безлюдною, необозримою пустыней, которая еще дальше подвинулась на сѣверъ со времени татарскаго нашествія. Азіатскіе варвары по временамъ проходили ее до сѣверныхъ краевъ и опустошали ихъ, уводили народъ. Противъ нихъ нужна была постоянная защита, постоянное охраненіе пограничныхъ жителей. Можно думать, что такая защита формировалась еще во времена Даніила галицкаго; но особенно сильно стала она образовываться въ XV столѣтіи. Въ концѣ XIV в. татарскій міръ, какъ мы уже упоминали, сталъ распадаться на части. Одна часть его подвинулась на юго-западъ отъ Волги и упрочила свое средоточіе въ Крыму, т. е. она придвинулась къ западной Россіи и стала чаще и чаще безпокоить ее. Въ это-то особенно время стало образовываться приднѣпровское козачество. Сильное въ малороссійскомъ племени общинное устройство давало возможность легко и скоро составлять самобытныя, независимыя военныя общины, которыя выступали противъ непріятеля. Этому помогала также малочисленность въ Малороссіи людей

высшаго сословія, для котораго жизнь была здѣсь очень неудобна. Не многіе, жившіе здѣсь дворянскіе роды, поневолѣ сближались съ народомъ, проникались его стремленіями, и становились во главѣ козацкихъ отрядовъ въ качествѣ ихъ гетмановъ. Такими гетманами одновременно бывали въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи: Вишневецкіе, Корецкіе, Конецпольскіе, Рожинскіе. Въ XVI столѣтіи, когда крымское царство очень усилилось, всѣ козацкія группы стали сливаться и народныя начала получили рѣшительный перевѣсъ. Гетманы чаще и чаще являлись по избранію народа и власть ихъ больше и больше обнимала все козачество. Тогда козачество само, независимо предпринимало военныя дѣла. Снаряжались экспедиціи, которыя громили Крымъ, заходили на азіатскіе берега Турціи, осмѣливались появляться даже въ окрестностяхъ Константинополя. Смѣлая борьба козачества съ азіатскимъ міромъ отвѣчала вполнѣ народнымъ требованіямъ западной Россіи, но она чаще и чаще противорѣчила государственнымъ интересамъ Польши. Днѣпровскіе козаки считались подданными польскаго государства. Ихъ дѣла въ Крыму и въ Турціи не разъ грозили накликать на Польшу татарско - турецкую войну. Польское правительство должно было принимать мѣры къ обузданію воинственности козаковъ, требовать, чтобы они безъ его вѣдома не предпринимали военныхъ экспедицій въ Крымъ и въ Турцію. Стѣсненія эти сильно парализировали козачество. Они содѣйствовали тому, что козачество мало по малу стало терять изъ виду главную историческую свою задачу—борьбу съ азіатскимъ міромъ, и готовилось превратиться въ ремесленныхъ борцовъ для всякаго

дѣла. Впрочемъ, важнѣйшая деморализація козачества шла собственно съ другой стороны. Козачество было непримиримо съ польскою теоріей шляхетства и хлопства, и раньше или позже должно было обратить на себя вниманіе поляковъ и вызвать съ ихъ стороны всѣ средства къ его подавленію.

Козачество не было хлопствомъ. Козаки постоянно сражались рядомъ съ польскимъ шляхетнымъ войскомъ и часто превосходили его своими подвигами. Но козачество не было и не могло быть признано шляхетствомъ. Козачество постоянно наполнялось изъ простого западно-русскаго народа, который тѣмъ болѣе возвышалъ въ своихъ понятіяхъ козачество и тѣмъ болѣе стремился къ нему, чѣмъ болѣе касалась его польская теорія хлопства. Польша очутилась въ необходимости — какъ нибудь опредѣлить положеніе козачества, поставить его въ границы, приладить къ своей теоріи шляхетства и хлопства. Поляки еще при Баторіѣ поняли явную опасность для Польши отъ козачества и постарались наложить на него польскую организацію, которая, подъ благовиднымъ предлогомъ поражала козачество въ самыхъ коренныхъ его началахъ. Они стали давать козакамъ право избирать гетмановъ, но утверждать ихъ долженъ былъ король. Затѣмъ, они назначали козакамъ опредѣленное жалованье, но для этого число козаковъ должно быть приведено въ извѣстность и должно быть въ опредѣленномъ числѣ (6 т.). Это значило, что козаками будутъ управлять лица, болѣе или менѣе отвѣчающія требованіямъ правительства, и главное, что затрудняется доступъ въ козачество хлопству. Козачество отрывалось отъ народа и какъ бы приближалось

къ шляхетству. Козаки сначала не поняли послѣдствій этой ловкой, но пагубной мѣры. Ближайшимъ послѣдствіемъ ея была новая деморализація козачества. Составлялись особыя, независимыя группы козаковъ, и дѣйствовали каждая по своему. Начала, цѣли козачества спутывались больше и больше.

ЧТЕНІЕ XII.

Организація козачества въ 1590 г. Ея послѣдствія въ связи съ церковною уніей. Вопросъ козацкій отсрочивается волненіями шляхты въ Польшѣ и самозванческими смутами въ Россіи. Крайняя порча началъ козачества во время этихъ смутъ. Пробужденіе народнаго сознанія въ козакахъ. Конашевичъ Сагайдачный. Поворотъ въ политическихъ стремленіяхъ козаковъ. Хотинская битва. Бѣдствія западно-русскаго народа. Кунцевичъ—выразитель латино-польскаго фанатизма; его смерть. Народный призывъ козаковъ. Гоненіе православныхъ. Лишеніе козаковъ всѣхъ правъ. Ихъ волненія и пораженія. Смерть Сигизмунда III. Расположенность Владислава IV къ козакамъ. Противодѣйствія поляковъ и новыя мѣры противъ козаковъ въ 1635 г. Новые бунты. Мѣры сейма 1637 г. Крайне бѣдственное положеніе Малороссіи. Появленіе Хмѣльницкаго *).

Первымъ послѣдствіемъ спутанности козацкихъ началъ, о которыхъ мы говорили въ прошедшій разъ,

*) О козакахъ за это время: акты и объясненіе ихъ изданы въ 1 т. 3-й части Архива юго-западной Россіи, издаваемаго кіевск. коммиссіей, напеч. 1863 г. О Конашевичѣ Сагайдачномъ, см. во 2 томѣ моего изслѣдованія объ уніи. Я тамъ излагаю дѣло на основаніи тогдашнихъ полемическихъ сочиненій, въ особенности на основаніи драгоцѣннаго сочиненія — Weryficatia niewinnosci (1621 г.). О возстановленіи правъ православной церкви въ 1632—3 г. см. недавно вышедшее (1883 г.) богатое по разработкѣ предмета сочиненіе С. Т. Голубева—Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники.

было то, что они чаще и чаще стали превращаться просто въ кулачныхъ борцовъ, ремесленниковъ борьбы и нападать безъ разбору на своихъ и на чужихъ. Документы XVI столѣтія наполнены жалобами на ихъ безпрерывныя разбойничьи нападенія, грабежи и убійства. Польское правительство рѣшилось принять новыя мѣры противъ этого зла, но приняло такія мѣры, которыя не могли не увеличить его. Въ 1590 г. оно постановило: поставить козаковъ въ зависимость отъ польскаго главнокомандующаго, короннаго гетмана, безъ воли котораго они не должны ничего предпринимать; исключить въ хлопство всѣхъ не реестровыхъ козаковъ, но и реестровыхъ обложить данью въ пользу пановъ.

Это значило уничтожить историческую задачу козаковъ,—борьбу съ азіатцами, порвать ихъ связь съ народомъ и, что составляло самую тяжелую новость, взять ихъ изъ непосредственной власти короля, утверждавшаго прежде свободно избраннаго гетмана, и подчинить ихъ, въ лицѣ польскаго гетмана, польской шляхтѣ.

Эти тяжелыя и необдуманныя мѣры повели къ слѣдующимъ послѣдствіямъ. Не желавшіе выйти изъ козачества и многіе изъ реестровыхъ козаковъ нашли себѣ такой выходъ изъ тяжелаго положенія, который расширялся по мѣрѣ новыхъ стѣсненій и поставилъ вскорѣ Польшу на край гибели.

Давно уже (въ томъ же однако XVI ст.) изъ украинскаго козачества стала выдѣляться особая группа и утвердилась на Днѣпрѣ, за порогами его, въ такъ называемой Сѣчи. Тутъ образовалась особая община людей, посвящавшихъ себя добровольно исключительной борьбѣ съ азіатскимъ міромъ, или порвавшихъ всѣ связи

съ польскимъ государствомъ и искавшихъ себѣ здѣсь спасенія. Они образовали новую отрасль украинскаго козачества, такъ называемую запорожскую Сѣчь. Сюда-то устремились всѣ козаки, которые не могли вынести новаго порядка, установленнаго въ 1590 г., и особенно всѣ нежелавшіе быть хлопами. Они свободно, независимо избирали гетмановъ, составляли отряды для нападенія на татаръ, турокъ, а также и для нападенія на поляковъ. Въ девяностыхъ годахъ XVI столѣтія давали полякамъ знать о Сѣчи вожди: Косинскій, Лобода, Наливайко, которые выступили теперь еще съ новымъ знаменемъ, не только съ знаменемъ гражданской русской независимости, но и съ знаменемъ независимости религіозной противъ нововозникшей теперь уніи. Поляки встревожились и стали жестоко расправляться съ новыми козацкими силами. Вопросъ козацкій готовился приблизиться къ разрѣшенію, но его отсрочили постороннія обстоятельства, отвлекшія вниманіе поляковъ въ другія стороны.

Въ девяностыхъ же годахъ XVI столѣтія начались извѣстныя уже намъ волненія шляхты противъ Сигизмунда III, волненія, которыя продолжались и въ началѣ XVII столѣтія. Затѣмъ начались въ Россіи самозванческія смуты, которыя, какъ извѣстно, заняли поляковъ еще больше. Поляки теперь мало обращали вниманія на своеволія козаковъ, напротивъ готовы были терпѣть ихъ, только бы козаки шли вмѣстѣ съ ними въ Россію.

Многіе козаки имѣли безтактность увлечься общимъ потокомъ и обнаружить крайнее извращеніе своихъ историческихъ задачъ. Они вмѣстѣ съ поляками пошли въ восточную Россію, вмѣстѣ съ ними разрушали ея госу-

дарственность и вмѣстѣ съ ними терзали русскій народъ. Къ чести однако западно-русскаго народа, явились въ этой странѣ люди, которые показали истинное пониманіе дѣлъ, именно, пониманіе того, что въ восточной и западной Россіи народъ одинъ, что этимъ половинамъ одного и того же народа не слѣдуетъ враждовать, а нужно думать объ общемъ ихъ врагѣ—Польшѣ, полякахъ. Такое народное пониманіе дѣлъ вышло изъ лучшаго тогда по чистотѣ силъ пункта братской дѣятельности, изъ Вильны. Когда Сигизмундъ III шелъ къ Смоленску въ 1609 году, подвергая на пути православныхъ преслѣдованію за противодѣйствіе уніи, то виленскіе мѣщане-братчики послали въ Смоленскъ предостереженіе, чтобы русскіе знали, чего ожидать отъ польскаго короля, который хочетъ властвовать и въ восточной Россіи; а когда Сигизмундъ подошелъ къ Смоленску и требовалъ сдачи, то поляки увидѣли на стѣнахъ крѣпости и нѣкоторыхъ мѣщанъ западно-русскихъ. Подъ вліяніемъ этихъ-то извѣстій и этихъ людей, жители Смоленска объявили полякамъ, что скорѣе сами зарѣжутъ своихъ женъ и дѣтей и всѣ погибнутъ, чѣмъ сдадутся полякамъ. Мало по малу и козаки стали проникаться тѣми же свѣтлыми взглядами, которые высказаны лучшими западнорусскими людьми. Опустошая Россію вмѣстѣ съ поляками, терзая вмѣстѣ съ ними русскихъ, козаки невольно приходили къ сознанію, что опустошаютъ и терзаютъ родное. Народное единство сказывалось невольно и заговаривало о себѣ среди самыхъ страшныхъ неистовствъ. Но козаки вмѣстѣ съ тѣмъ приходили и къ другому убѣжденію, которое должно было кореннымъ образомъ измѣнить ихъ политическое направленіе. Они

видѣли, что родное русское, православное страдаетъ и на востокѣ и на западѣ Россіи отъ одного и того же врага: латинской Польши, отъ поляковъ-латинянъ.

Оба эти убѣжденія ясно сказались и рѣшительно измѣнили политику козаковъ, какъ только московское государство начало оправляться отъ самозванческихъ смутъ. Двигателемъ этого новаго направленія козаковъ былъ замѣчательный человѣкъ своего времени, до сихъ поръ не оцѣненный въ исторіи Малороссіи, Конашевичъ Сагайдачный, свободно избранный козацкій гетманъ, управлявшій обѣими частями козачества: украинскою и запорожскою, и имѣвшій такое значеніе, что поляки не осмѣливались не признавать его гетманства.

Когда въ 1618—19 г. Владиславъ, сынъ Сигизмунда, послѣ неудачнаго похода въ Россію принужденъ былъ заключить съ нею міръ, то козаки, бывшіе тоже въ этомъ походѣ, заключили особую мировую или, лучше сказать, дружбу съ русскими восточной Россіи. Мало того, они торжественно сознались въ своемъ грѣхѣ, что воевали противъ русскихъ, и приняли разрѣшеніе отъ этого грѣха отъ бывшаго тогда въ Россіи іерусалимскаго патріарха Ѳеофана. Подъ вліяніемъ этого новаго направленія и подъ руководствомъ Конашевича Сагайдачнаго, козаки стали ближе и ближе становиться къ чисто-народнымъ интересамъ западной Россіи, яснѣе и яснѣе опредѣлять свои отношенія къ Польшѣ. При ихъ содѣйствіи и подъ ихъ охраною въ 1620 году, возстановлена въ западнорусской церкви тѣмъ же патріархомъ Ѳеофаномъ высшая іерархія, безъ которой народъ изнемогалъ въ борьбѣ за вѣру и которая сильно подняла его не только религіозный, но и народный духъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ политикѣ

козацкой произошелъ слѣдующій переворотъ. Уяснивъ себѣ, что Россія имъ родная страна, а Польша врагъ, они рѣшительно измѣнили свои старыя историческія отношенія къ азіатскому міру, къ татарамъ и туркамъ. Тѣ и другіе представлялись имъ теперь друзьями въ сравненіи съ Польшею. По свидѣтельству польскихъ писателей, козаки вступали теперь въ дружескія отношенія къ тѣмъ и другимъ на погибель Польши. Явился союзникъ козакамъ и на противоположной сторонѣ по отношенію къ Крыму и Турціи, шведскій король Густавъ Адольфъ, съ которымъ враждовалъ польскій король Сигизмундъ III, и какъ съ соперникомъ по дѣламъ шведскаго государства, и какъ съ главою протестантовъ. Козаки имѣли дружескія сношенія и съ этимъ врагомъ Польши. Противъ Польши теперь легко могъ образоваться союзъ Швеціи, Россіи и Турціи (Россія тогда тоже готовилась завоевать Польшу), и въ этомъ союзѣ западно-русскіе козаки могли занять первую роль, отъ которой зависѣло бы быть или не быть Польшѣ... Этотъ страшный кризисъ приблизился къ Польшѣ въ 1621 г. и разрѣшеніе его дѣйствительно зависѣло отъ козаковъ.

Противъ Польши выступилъ одинъ изъ указанныхъ враговъ, самый страшный и сильный тогда, турецкій султанъ Османъ II, при которомъ Турція имѣла огромное могущество. Польша собрала свои силы, но главная ея надежда въ этой борьбѣ была на западнорусскій народъ, на козаковъ. Русскіе западной Россіи очень хорошо понимали, что судьба Польши теперь въ ихъ рукахъ и рѣшились прямо высказать ей это, какъ бы въ послѣдній разъ вразумляя ее добрымъ словомъ.

Когда въ 1620 г. на сеймѣ обсуждалась предстоявшая война съ турками, то посолъ волынской земли Лаврентій Древинскій говорилъ между прочимъ: „Въ таковомъ нашемъ противу главнаго врага святаго креста предпріятіи смѣло могу сказать, что ваше королевское величество едва-ли не большую часть ратниковъ потребуете отъ народа греко-россійскаго исповѣданія, — того народа, который, если еще не удовлетворенъ пребудетъ въ своихъ нуждахъ и прошеніяхъ, то какъ можетъ въ защиту вашей державы преградою грудь свою представить? Какъ можетъ усиліе свое употребить къ доставленію вѣчнаго мира, внутренняго въ домѣ своемъ покоя не имѣя? Съ какою искренностію, мужествомъ, ревностію начнетъ угашать своею кровію горящія стѣны своего отечества, внутренняго пламени пылающихъ домашнихъ стѣнъ угашаемаго не видя? Ктожъ, о Боже живый! явственно сего не видитъ, сколь великія притѣсненія и несносныя огорченія сей древній россійскій народъ въ разсужденіи благочестія своего претерпѣваетъ?... И такъ, заключаетъ Древинскій, милосердія ради Божія, именемъ всея братіи нашея всенижайше прошу ваше королевское величество сжалиться въ обидѣ не нашей, но Божіей... Въ противномъ случаѣ (что да отвратитъ Богъ), если совершенное успокоеніе на сеймѣ и уврачеваніе толь тяжкихъ язвъ не послѣдуетъ, то принужденныхъ себя увидимъ съ пророкомъ возопить: суди ми Боже, и разсуди прю мою!“ Сагайдачный, какъ бы въ подтвержденіе словъ Древинскаго, съ своей стороны, объявилъ полякамъ, что козаки не иначе примутъ участіе въ турецкой войнѣ, какъ если польское правительство признаетъ новопоставленную православную іерархію и оста-

новитъ гоненія западно-русскаго народа. Король далъ на это согласіе, по всему видно, устное. Козаки стали рядомъ съ поляками. Польша при содѣйствіи ихъ одержала знаменитую побѣду надъ турками въ 1621 году подъ Хотиномъ, такъ называемую хотинскую побѣду.

Поляки жестоко отплатили за эту помощь. Они вспомнили теперь всю опасность, какою грозили имъ козаки, и обратили всѣ свои силы на то, чтобы сдавить ихъ. Начали они дѣло, впрочемъ, не прямо съ козаковъ, а вообще съ русскаго народа. Посыпались на него съ ихъ стороны укоры въ измѣнѣ отечеству, въ готовности предаться туркамъ. Укоры и преслѣдованія обрушились больше всего на главный тогда центръ православія, на виленское братство. Православныхъ преслѣдовали въ судахъ, на улицѣ, въ домахъ; запрещали имѣть съ ними какія-бы то ни было сношенія, даже говорить съ ними; въ братскій монастырь св. Духа—новое средоточіе виленскаго братства послѣ отнятія у него троицкаго монастыря—бросали камни изъ пращей и головешки. Было это въ самую страстную седьмицу. Преслѣдованія эти были до крайности жестоки и невыносимы. „Вы, какъ огонь пожирающій, накинулись на насъ, говорили потомъ православные латинянамъ; вы повернули намъ всю душу и переполнили ее горечью. Мы думали, что наступаетъ послѣдній день міра и страшный судъ“.

Особенно виднымъ и неутомимымъ представителемъ латино-польскаго фанатизма былъ въ то время полоцкій уніатскій епископъ Іосафатъ Кунцевичъ, неистовствовавшій въ Бѣлоруссіи. Жестокости его вывели изъ терпѣнія русскихъ и они его убили въ Витебскѣ въ 1623 г.

На разбирательствѣ этого злодѣянія обнаружилось одно явленіе, которое быстро потомъ развилось и потрясло всѣ основы польскаго государства. Жители Витебска, замышляя убить Кунцевича, вошли въ тайныя сношенія съ козаками и условились, чтобы, какъ только будетъ убитъ Кунцевичъ, козаки подняли возстаніе и вступили въ Бѣлоруссію. Въ бѣлорусской странѣ, бѣдной населеніемъ, разбросаннымъ на огромномъ пространствѣ, заговоръ этотъ не удался. Козаки не успѣли двинуться, правосудіе поразило виновныхъ въ убійствѣ. Но мысль о призывѣ козаковъ къ защитѣ народнаго дѣла упала на жизненную почву, и тѣмъ быстрѣе созрѣвала, что это дѣло выпало изъ рукъ аристократіи и подвергалось теперь той же участи въ изнеможенныхъ, дрожащихъ рукахъ мѣщанства.

Событіе витебское, въ которомъ были замѣшаны и козаки, повело къ очень важнымъ послѣдствіямъ. Латиняне-поляки и папа призывали всѣхъ къ преслѣдованію русскихъ. Польское правительство нашло теперь удобный случай употребить рѣшительныя мѣры противъ козаковъ. Оно лишило ихъ всѣхъ правъ и снова подчинило управленію коронннаго гетмана. Козаки стали сильно волноваться. Запорожская Сѣчь выставляла, одного за другимъ, вождей, какъ напримѣръ, Тараса, Павлюка, которые сокрушали польскую власть на Украйнѣ и жестоко расправлялись съ панами, жидами и ксендзами. Польша посылала противъ войско. Завязывалась упорная борьба. Успѣхъ чаще всего бывалъ на сторонѣ поляковъ, тогда еще очень воинственныхъ. Но Польша не могла окончательно расправиться съ козаками. Ее отвлекала шведская война въ 1626—9 г. Борьба воз-

обновилась съ большею рѣшительностію въ 1631—2 г., между тѣмъ же Павлюкомъ и гетманомъ Конецпольскимъ. Но опять неожиданное событіе отсрочило ее. Въ 1632 г. умеръ Сигизмундъ III, старый іезуитъ-грѣховодникъ, 45 лѣтъ томившій русскій народъ западной Россіи. Поляки занялись избраніемъ новаго короля, козаки лелѣяли надежды на лучшее будущее. Избранъ былъ на польскій престолъ сынъ Сигизмунда, Владиславъ, подъ именемъ IV-го.

Владиславъ имѣлъ много времени и случаевъ присмотрѣться къ началамъ правленія отца и оцѣнить ихъ. Онъ видѣлъ непомѣрное господство крайней латинской, іезуитской партіи и получилъ къ ней сильное нерасположеніе, тѣмъ болѣе, что она вносила въ литовско-польское государство иноземное вліяніе, разрушавшее всѣ древнія основы жизни, польской и западно-русской. Владиславъ задумалъ ослабить латинскую, іезуитскую партію и опереться на туземныя силы польскія и западно-русскія. Но въ Польшѣ онъ увидѣлъ на этомъ пути самыя грустныя и неодолимыя препятствія. Вмѣстѣ съ латинскимъ, іезуитскимъ господствомъ, въ Польшѣ развилось необычайное своеволіе, разнузданность шляхты, которая съ поразительною ненасытностію благами свободы и еще съ болѣе поразительнымъ неразуміемъ старалась, какъ можно болѣе, ограничить власть и средства короля. Для молодого, даровитаго и воинственнаго Владислава такое положеніе было невыносимо. Онъ задумалъ усилить свою власть. Твердую опору для подобнаго дѣла онъ видѣлъ въ западно-русскомъ народѣ. Историческія обстоятельства поставили его въ необходимость узнать ближе русскій

народъ. До его слуха съ самой ранней юности доходили вопли этого народа, страдавшаго отъ неистовыхъ преслѣдованій за вѣру и народность. Онъ былъ избранъ на московскій престолъ и лишился его, благодаря тому же фанатическому отношенію Польши къ русскому народу. Онъ не могъ не вникнуть въ положеніе, въ свойства этого народа, понять, что русскій народъ имѣетъ на своей сторонѣ правоту дѣла, и что̀ особенно было важно для Владислава, что этотъ народъ, не смотря на всѣ разрушительныя вліянія Польши, твердо хранитъ въ себѣ начала монархизма, слѣдовательно можетъ служить для Владислава самою надежною опорою въ его борьбѣ съ шляхтою за права власти. Представители западно-русскаго народа—козаки выступили тутъ передъ Владиславомъ сами собою на первый планъ. Козаки знакомы были съ образомъ мыслей Владислава. Еще на избирательный сеймъ они послали своихъ депутатовъ и потребовали не только возстановленія своихъ правъ, но—неслыханное до тѣхъ поръ требованіе, требовали, чтобы ихъ допустили къ избранію короля т. е. желали стать рядомъ съ польскою шляхтою. Владиславъ, не сомнѣвавшійся въ своемъ избраніи, смѣло поддерживалъ желанія русскихъ, ласкалъ козаковъ. Для православныхъ вообще по дѣламъ вѣры онъ дѣйствительно и сдѣлалъ много—добился значительныхъ льготъ. Признано законнымъ существованіе кіевской православной митрополіи, на каѳедру которой тогда же возведенъ былъ знаменитый Петръ Могила, основатель кіевской академіи; дано право быть еще четыремъ православнымъ епархіямъ: львовской, перемышльской, луцкой и на мѣсто полоцкой учреждена епархія могилев-

ская; возвращены также православнымъ нѣкоторые монастыри и приходскія церкви, и всѣмъ гражданамъ государства вмѣнено въ обязанность жить въ мірѣ и изъ-за различія по вѣрѣ не нарушать правъ другъ друга; дозволенъ даже свободный переходъ какъ изъ православія въ унію, такъ и изъ уніи въ православіе. Не смотря на протесты противъ этихъ правъ со стороны уніатскаго, латинскаго духовенства и папы, король утвердилъ ихъ. Но для козаковъ Владиславъ не могъ сдѣлать ничего. Поляки поняли еще яснѣе, чѣмъ прежде, опасность отъ козачества и накинулись на него съ большимъ еще озлобленіемъ. Депутаты козацкіе устранены были отъ избранія короля, и на счетъ ихъ правъ даны самыя сомнительныя обѣщанія. Дѣйствительный взглядъ поляковъ и дѣйствительныя ихъ намѣренія по отношенію къ козакамъ обнаружились на ближайшемъ сеймѣ въ 1635 г. Постановлено вновь и какъ можно строже подчинить козаковъ гетману коронному. Но такъ какъ это значило усилить запорожскую Сѣчь и вызвать на себя оттуда новую силу, то рѣшились употребить новую мѣру противъ этого несокрушимаго гнѣзда козаковъ. Постановили построить подлѣ Сѣчи (немного выше) крѣпость Кодакъ. Крѣпость эта должна была нанести смертельный ударъ запорожскому козачеству и всему западнорусскому дѣлу. Она запирала козаковъ въ Сѣчи, удерживала ихъ экспедиціи къ сторонѣ Польши, въ Крымъ, въ Турцію, словомъ, держала Сѣчь въ осадномъ положеніи во всякое время. Само собою разумѣется, козаки смотрѣли на эту крѣпость съ самыми враждебными чувствами и немедленно же стали бунтоваться и громить ее. Но теперь было неблагопріятное время для козаковъ. Польша, спо-

койная отъ внѣшнихъ враговъ и оживленная избраніемъ новаго короля, могла двинуть противъ нихъ большія и бодрыя силы. Силы эти дѣйствительно двинулись, козаки жестоко поражены были гетманомъ Потоцкимъ въ самой Сѣчи. Успѣхъ этотъ вызвалъ новую и еще болѣе тяжелую мѣру противъ козаковъ. По опредѣленію сейма 1637 г., они подчинены новой власти—сеймовымъ коммиссарамъ. Мѣра эта имѣла слѣдующій смыслъ. Когда козаки сами избирали себѣ гетмана, они зависѣли прямо отъ короля, а Польши какъ бы не знали. Подчиненіе ихъ коронному (польскому) гетману означало ослабленіе надъ ними королевской власти и усиленіе польской шляхетской, отъ которой значительно зависѣлъ гетманъ коронный. Теперь же, подчиняя козаковъ уже не гетману, а сеймовымъ коммиссарамъ, польская шляхта рѣшительно забирала козаковъ въ свои руки.

Взрывы отчаянныхъ возстаній, особенно подъ начальствомъ независимо избраннаго гетмана Остраницы, были отвѣтомъ козаковъ на эти новыя распоряженія. Но сила польская и теперь брала верхъ. Особенно сильный ударъ нанесъ теперь козакамъ свой человѣкъ, предавшійся полякамъ, князь Іеремія Вишневецкій, о которомъ народное преданіе потомъ гласило, что ему за это нѣтъ мѣста на томъ свѣтѣ. Вишневецкій жестоко разорилъ самое гнѣздо козачества,—Сѣчь запорожскую. Послѣ этого, передъ поляками была открыта и становилась безопасною вся Малороссія. Цѣлыя толпы пановъ и ксендзовъ устремились сюда и забирали все, что принадлежало даже реестровымъ козакамъ. Этимъ путемъ явились огромнѣйшія имѣнія Вишневецкихъ, Потоцкихъ, Конецпольскихъ, Калиновскихъ. Вмѣстѣ съ лишеніемъ

земли, всѣ козаки обращались въ хлопство и подвергались неистовому угнетенію. Поляки руководствовались явно мыслію истребить совершенно козачество. Они задумали даже задержать увеличеніе малороссійскаго населенія. Съ этою цѣлью они наложили особую плату за браки и особую поголовную плату за каждаго новорожденнаго мужескаго пола. Наконецъ, безразсуднѣйшее глумленіе: чтобы извлекать выгоды изъ всего и во всемъ давать чувствовать народу свое фанатическое господство надъ нимъ, они отдавали въ аренду жидамъ православныя церкви.

Подъ тяжестью всѣхъ этихъ мѣръ, казалось, истощились всѣ лучшія силы западной Россіи, вся ея надежда на козачество. Но поляки ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Малороссійская земля и малороссійскія матери были болѣе плодородны, чѣмъ думали поляки. Незамѣтно, какъ бы случайно, всталъ одинъ человѣкъ малороссійскій, который вдругъ поднялъ погибавшее народное дѣло западной Россіи и всколебалъ самыя основы польскаго государства. Это былъ Богданъ Хмѣльницкій, сотникъ и потомъ писарь козацкій. Хмѣльницкій принадлежалъ къ реестровымъ козакамъ и владѣлъ имѣніемъ Суботово. Шляхтичъ Чаплинскій, слѣдуя примѣру другихъ пановъ, отнялъ у Хмѣльницкаго Суботово, мало того—похитилъ его жену и потомъ публично высѣкъ его малолѣтняго сына. Хмѣльницкій въ 1647 г. поѣхалъ въ Варшаву и на сеймѣ жаловался на Чаплинскаго. Поляки смѣялись надъ жалобою Хмѣльницкаго на похищеніе жены, и утѣщали тѣмъ, что много есть красавицъ на свѣтѣ, Хмѣльницкій можетъ выбрать другую жену; что же касается до имѣнія, то и въ этомъ случаѣ объявили, что

удовлетворенія не можетъ быть. Хмѣльницкій отправился съ жалобой къ королю, съ которымъ давно уже былъ знакомъ лично. Владиславъ принялъ живое участіе въ положеніи Хмѣльницкаго, но долженъ былъ объявить, что самъ ничего не въ состояніи сдѣлать; при этомъ онъ прибавилъ то, что говорилъ еще при избраніи своемъ козацкимъ депутатамъ, что они имѣютъ сабли, имъ остается самимъ добиться своихъ правъ. Эту мысль король даже высказалъ письменно, писалъ въ этомъ смыслѣ къ козацкому полковнику Барабашу. Хмѣльницкій поѣхалъ назадъ и по пути дѣлился съ своими родичами своимъ горемъ и совѣтомъ короля. Мысли Хмѣльницкаго быстро облетали области и поднимали духъ народа. Поляки обратили вниманіе на пропаганду Хмѣльницкаго, поймали его и доставили къ гетману Потоцкому. Народный вождь очутился на краю гибели. Но недаромъ онъ былъ выдвигаемъ тяжелою жизнію. Не даромъ былъ знакомъ съ іезуитскимъ образованіемъ. Онъ разыгралъ передъ Потоцкимъ такую невинность, такъ искренно проливалъ слезы, что гетманъ повѣрилъ его невинности и даровалъ ему жизнь. Хмѣльницкій полетѣлъ въ Сѣчь, открылъ свою душу остаткамъ вольнаго козачества, призвалъ къ спасенію родины; но такъ какъ силы козацкія были слабы, то Хмѣльницкій понесся въ Крымъ, чтобы призвать на помощь историческихъ враговъ западной Россіи, татаръ. Призывъ Хмѣльницкаго между тѣмъ облеталъ западную Россію; въ Сѣчь стремились отовсюду козаки; Малороссія подымалась на смертельную борьбу съ Польшей.

ЧТЕНІЕ XIII.

Первая борьба Хмѣльницкаго съ поляками и колебанія его послѣ блистательныхъ побѣдъ надъ ними. Движеніе Хмѣльницкаго внутрь Польши послѣ смерти Владислава и его широкіе планы. Движеніе поляковъ противъ Хмѣльницкаго послѣ избранія новаго короля. Дѣло Зборовское и его послѣдствія. Сдѣлки Хмѣльницкаго съ поляками. Гайдамаки и Іеремія Вишневецкій. Невозможность выполнить зборовскій трактатъ. Новая борьба Хмѣльницкаго съ поляками. Неудачи козаковъ. Бѣлоцерковскій миръ и его тягости. Критическія минуты западно-русскаго дѣла. Разрѣшеніе его по указанію народа. Переселенія народа на восточную сторону Днѣпра въ предѣлы московскаго государства. Западная Россія признаетъ власть Алексѣя Михайловича. Война Алексѣя Михайловича съ Польшей изъ-за Россіи западной. Швеція воюетъ Польшу. Бѣдственное положеніе Польши. Обстоятельства, избавившія ее отъ погибели и причины неудачъ Алексѣя Михайловича. Перемиріе съ Польшей, смерть Хмѣльницкаго *).

Мы оставили Хмѣльницкаго въ прошедшій разъ въ такомъ положеніи: спасшись бѣгствомъ отъ поляковъ, онъ бѣжалъ въ Сѣчь и, послѣ переговоровъ съ вѣрными

*) Указанное сочиненіе Н. И. Костомарова—Богданъ Хмѣльницкій; Начало историч. дѣятельности Богдана Хмѣльницкаго соч. Г. Карпова, изд. 1873. Кіевская Археогр. Коммисія издала недавно (1878 г.) важнѣйшія лѣтописи того времени подъ заглавіемъ: Лѣтопись самовидца по новооткрытымъ спискамъ съ приложеніемъ трехъ малороссійскихъ хроникъ... О войнѣ Алек-

друзьями, удалился въ Крымъ просить татарской помощи въ предстоящей борьбѣ съ Польшей. Крымскій ханъ Исламъ-Гирей не легко могъ повѣрить дружбѣ и надеждамъ Хмѣльницкаго и рѣшиться на рискованную войну съ Польшей. Поэтому онъ холодно принялъ Хмѣльницкаго и отказался самъ — лично принять участіе въ его борьбѣ съ Польшей; но согласился дать ему помощь какъ бы частнымъ образомъ, дозволилъ двинуться перекопскому хану Тугай-Бею, который былъ почти независимымъ отъ крымскаго хана. Послѣдній, въ случаѣ неудачи, могъ отклонить отъ себя отвѣтственность за его дѣйствія. Перекопскій ханъ сталъ собирать и двигать къ Днѣпру свои войска, а Хмѣльницкій поспѣшилъ въ Сѣчь. Въ жгучей рѣчи къ козакамъ онъ выставилъ необходимость борьбы съ Польшей на защиту родины и необходимость воспользоваться татарскою помощью, которая уже готова. Козаки съ радостію приняли призывъ Хмѣльницкаго, избрали его своимъ вождемъ-гетманомъ и подъ его начальствомъ пошли противъ польскихъ войскъ, собиравшихся въ Украйнѣ. Татары шли за ними. Въ двухъ знаменитыхъ битвахъ, при Желтыхъ Водахъ и подъ Корсунью, козаки одержали надъ поляками блистательныя побѣды. Польскіе отряды уничтожены. Оба гетмана—(главный) Потоцкій и польный (помощникъ) Калиновскій, множество польской знати и простой шляхты взяты были въ плѣнъ, отданы татарамъ и отведены въ Крымъ.

Немедленно по всей Украйнѣ стали свергать иго

сѣя Михайловича съ Польшей кромѣ указаннаго сочиненія Н. И. Костомарова можно читать въ X. т. исторіи Россіи С. М. Соловьева, главы III и IV.

польское и отдавались во власть Хмѣльницкаго. Необыкновенный, быстрый успѣхъ видимо озадачилъ Хмѣльницкаго. Онъ шумно торжествовалъ свои побѣды; но долгое время, вопреки неоспоримой его находчивости не предпринималъ никакихъ дальнѣйшихъ дѣйствій, которыя бы упрочили его успѣхъ. Нерѣшительность Хмѣльницкаго была неизбѣжна. У него не доставало программы дальше. Личную месть онъ удовлетворилъ удовлетворилъ и народную месть, — наказалъ и посрамилъ пановъ, но что же дальше? Борьбу онъ началъ по совѣту короля, которому не думалъ измѣнять. На этомъ обрывались планы Хмѣльницкаго. Дальше не предвидѣлось самостоятельныхъ дѣйствій. Нужно было ожидать распоряженій короля или возможности вступить съ нимъ въ прямыя сношенія.

Неожиданное обстоятельство вывело Хмѣльницкаго изъ этого затрудненія и уничтожило его нерѣшительность. Владиславъ умеръ (1648 г.). Поляки занялись избраніемъ новаго короля. Руки у Хмѣльницкаго развязались. Онъ двинулся къ предѣламъ Польши, вступилъ въ Галицію, проникъ въ люблинскую область, покоряя себѣ города, крѣпости или получая съ нихъ окупъ. Явно онъ высказывалъ мысль, что приближается къ мѣсту избранія короля и хочетъ поддержать избраніе Яна Казиміра, младшаго сына Сигизмундова, къ которому козаки болѣе были расположены, чѣмъ къ старшему Карлу, поддерживаемому значительною, чистопольскою партіею; но на дѣлѣ у Хмѣльницкаго были другія мысли. У него теперь созрѣвалъ планъ о широкой независимости западной Россіи. Онъ уже сносился съ посторонними государствами — Молдавіей, Россіей,

Швеціей, не говоримъ о Крымѣ, сносился, какъ повелитель страны. Дѣйствительно власть его захватывала въ предѣлахъ Польши все пространство русскаго племени. Тутъ все ему принадлежало, если не на дѣлѣ, то въ преданности народа. Хмѣльницкій сознавалъ свое могущество, а льстецы еще болѣе его увеличивали въ его глазахъ титулами господина Малороссіи, князя Украйны и т. п. Въ порывѣ гнѣва Хмѣльницкій грозилъ полякамъ, что загонитъ ихъ за Вислу, да еще и тамъ измѣнитъ ихъ политическій бытъ, возстановитъ дѣйствительную власть короля. Словомъ, Хмѣльницкій объявлялъ разрывъ западной Россіи съ Польшей и грозилъ погибелью самой шляхетской Польшѣ, иначе говоря, онъ объявилъ тогдашней Польшѣ борьбу на жизнь-на смерть и вызывалъ на эту борьбу.

Поляки должны были принять этотъ вызовъ и приготовляться къ нему. Они поторопились избрать новаго короля (избрали Яна Казиміра), собрали войска и двинулись противъ Хмѣльницкаго. Съ войскомъ шелъ и новый король.

Хмѣльницкій былъ въ это время въ Галиціи у Збаража, гдѣ, вмѣстѣ съ татарами, бывшими уже подъ предводительствомъ самого хана, стѣснилъ до послѣдней крайности отрядъ польскаго войска, а затѣмъ напалъ у Зборова на пришедшее вмѣстѣ съ королемъ новое польское войско и сталъ со всѣхъ сторонъ наносить ему пораженіе. Гибель поляковъ и плѣнъ короля казались неминуемыми. Но въ то самое время, когда оставолось нанести послѣдній ударъ, Хмѣльницкій остановилъ сраженіе и, явившись къ королю, засвидѣтельствовалъ ему свое вѣрно подданничество и готовность окончить распрю мир-

нымъ договоромъ. Заключенъ былъ договоръ въ Зборовѣ, по которому козаковъ должно было быть сорокъ тысячъ. Эти сорокъ тысячъ козаковъ получали всѣ прежнія права и, кромѣ того, право представительства, которое распространено и на православную западно-русскую іерархію, причемъ постановлено унію уничтожить, т. е. русскій народъ и русская вѣра западной Россіи получали полноправность въ польскомъ государствѣ, становились рядомъ съ польскимъ народомъ и латинской вѣрою. Но всякому очевидно, что тутъ, во-первыхъ, сдѣлано отступленіе отъ широкой задачи о полной независимости всей западной Россіи, о чемъ недавно еще такъ ясно говорилъ Хмѣльницкій; во-вторыхъ, вся полноправность, какая давалась западной Россіи зборовскимъ договоромъ, ограничивалась сорока тысячами козаковъ. Словомъ, ни по пространству западной Россіи, ни по числу русскихъ людей не обезпечивалась даже полноправность этой страны, привязываемой снова зборовскимъ трактатомъ къ Польшѣ.

Что побудило Хмѣльницкаго сдѣлать такой неожиданный, невѣроятный шагъ назадъ? Отчасти ненадежность татарской дружбы, но главнымъ и рѣшительнымъ образомъ та страшная широта русско-польской задачи, которую больше и больше раздвигалъ западно-русскій народъ одновременно съ тѣмъ, какъ Хмѣльницкій велъ правильную войну съ Польшей.

Въ то время, какъ Хмѣльницкій собиралъ, устроялъ свои войска и водилъ ихъ въ битвы съ польскими войсками, на пространствѣ западной Россіи шла своя, особая, большею частью независимая война русскаго народа съ поляками. Одни хлопы шли къ Хмѣльницкому,

другіе устрояли свои отряды и подъ предводительствомъ буйныхъ головъ разбивали въ пухъ и прахъ все польское на русской землѣ. Степныя мѣста Подоліи, лѣсистыя и болотистыя мѣста Волыни и всей почти Бѣлоруссіи очень благопріятствовали такимъ партизанскимъ шайкамъ. Ихъ намножилось безъ числа и не было закоулка, куда бы они не проникали и не истребляли шляхты, ксендзовъ и жидовъ. Элементы для хлопской войны поднимались въ самой Польшѣ и грозили разрушить гнѣздо шляхетства. Польскіе отряды выбивались изъ силъ въ борьбѣ съ гайдамаками. Болѣе успѣшно воевалъ съ ними Іеремія Вишневецкій, заклятый врагъ козачества и хлопства. Онъ какъ бы выработанъ былъ исторіей для этой борьбы. Вишневецкій съ высокимъ образованіемъ и прямотой характера соединялъ въ себѣ ненасытное звѣрство. Онъ цѣлыми тысячами истреблялъ русскій народъ, выдумывалъ затѣйливыя муки, самъ присутствовалъ при нихъ и говорилъ: „мучьте ихъ такъ, чтобы они чувствовали, что умираютъ“. Но и жестокія мѣры Вишневецкаго ничего не могли сдѣлать. На мѣсто одной истребленной шайки являлась новая; послѣ истребленія одного города или деревни, другой городъ, другая деревня напрашивались на истребленіе, или истребляли поляковъ. Рвались всѣ связи, соединявшія Русь съ Польшей. Все польское въ западной Россіи, что насаждалось вѣками и повидимому достигало полнаго развитія, превращалось въ груды труповъ и развалинъ.

Эти ужасныя явленія должны бы были быть въ высшей степени поучительны для поляковъ. Но ихъ не вразумлялъ горькій опытъ повсемѣстнаго разрушенія ихъ силы въ западной Россіи. По зборовскому договору они

получили право возвратиться почти во всѣ свои старыя мѣста и жить по прежнему, т. е. обратить въ хлопство всѣхъ тѣхъ русскихъ, которые вышли изъ хлопства, кромѣ сорока тысячъ козачества. Но такъ какъ всѣ теперь бросили хлопство и большая часть изъ нихъ дѣлали полякамъ страшное зло, то пришлось возстановлять старый порядокъ силою. Паны принялись за это усердно, и когда не доставало у нихъ своей силы, приглашали Хмѣльницкаго употребить его власть. Народъ, понятно, пришелъ въ страшное неистовство противъ пановъ и сталъ негодовать на Хмѣльницкаго. Народъ не шелъ въ хлопство и не выходилъ изъ козачества. Никакія хитрости пановъ, дававшихъ льготы, и самого Хмѣльницкаго, произвольно увеличивавшаго число козаковъ, не помогали. Трактатъ зборовскій нарушался со стороны русскихъ; нарушался и со стороны поляковъ, не допустившихъ православную іерархію къ представительству. Настояла необходимость разрѣшить широкую задачу русско-польскаго вопроса.

Хмѣльницкій увидѣлъ необходимость идти за народомъ, сталъ собирать войска, обратился снова къ татарамъ, и когда они отказывались, добился у Турціи приказанія имъ идти съ козаками на войну противъ Польши, и началъ эту войну. Но счастіе отвернулось отъ козаковъ. Подъ Берестечкомъ они понесли страшное пораженіе. Татары измѣнили, увлекли съ собою даже Хмѣльницкаго. Пропало, казалось, все, что до сихъ поръ было добыто. Хмѣльницкій возвратился отъ татаръ, но ничего уже не могъ поправить. Пришлось снова идти на сдѣлку съ поляками. Заключили новый трактатъ подъ Бѣлою Церковью, еще болѣе невыгодный, чѣмъ зборов-

скій. Объ уничтоженіи уніи и представительствѣ православія не было теперь и помину; полноправность русская ограничена еще больше,—только двадцатью тысячами козаковъ. Поляки и Хмѣльницкій взялись выполнять и этотъ трактатъ, — принуждали, тиранили народъ, но опять неудачно. Народное дѣло западно-русское было теперь въ самомъ трудномъ положеніи. Оказалось, что его думали устроить на удовлетвореніи незначительнаго меньшинства. Признанное (реестровое) козачество дѣлалось какъ бы шляхетствомъ въ западнорусскомъ народѣ. Народъ приходилъ въ отчаяніе, обнаруживалъ попытки возстать и противъ пановъ, и противъ Хмѣльницкаго; но силъ у него теперь было мало и для одной борьбы съ Польшей.

Въ этомъ отчаянномъ положеніи, изъ котораго, казалось, нельзя было выйти, народъ придумалъ слѣдующій выходъ. Онъ въ разныхъ мѣстахъ сталъ укладывать свои пожитки на возы, запиралъ избы или предавалъ ихъ пламени и двинулся къ востоку за Днѣпръ, въ предѣлы московскаго государства, испрашивая здѣсь—въ нынѣшней курской, полтавской, восточной части екатеринославской, въ харьковской губерніяхъ, мѣста для поселеній. Движеніе это поднялось не только въ ближайшихъ, приднѣпровскихъ странахъ, но по всей Малороссіи, даже въ западной ея части, въ Волыни, еще сильнѣе, потому что здѣсь особенно тяжела была жизнь отъ множества поляковъ и отъ близости настоящей Польши. Паны принимали сильныя мѣры противъ выселеній, нагоняли обозы, разбивали ихъ и остатки возвращали назадъ, но не могли удержать народа отъ переселенія. Возвращенные снова уходили, сходились съ новыми обозами, и не-

рѣдко жестокимъ боемъ прокладывали себѣ дорогу къ родной восточной Россіи. Этому-то направленію, этому голосу народа, объявлявшаго, что спасеніе для него— въ восточной Россіи, послѣдовалъ и Хмѣльницкій...

Онъ усилилъ сношенія съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, начатыя давно. Сперва шелъ вопросъ о переселеніи въ русскія области всего малороссійскаго народа, а затѣмъ, какъ естественно было ожидать, вопросъ о присоединеніи западной Россіи къ московскому государству. Въ 1654 году 8 января составилась въ Переяславлѣ (южномъ—полтавской губерніи) всенародная рада и послѣдовало въ присутствіи московскихъ пословъ торжественное присоединеніе къ московскому государству малой Россіи.

Естественнымъ послѣдствіемъ этого народнаго акта была война Алексѣя Михайловича съ Польшей. Необходимо было защитить новоприсоединенную страну отъ поляковъ, очистить ее отъ нихъ, словомъ, упрочить за Россіей. Въ восточной и въ западной Россіи хорошо понимали великое значеніе этого дѣла. Война изъ-за Малороссіи сразу приняла характеръ войны за всю западную Россію. Самъ Алексѣй Михайловичъ выступилъ въ походъ, что̀ у московскихъ государей случалось очень рѣдко. Русскія силы направились въ западную Россію двумя сторонами. Главныя силы, подъ главнымъ начальствомъ Алексѣя Михайловича и подъ ближайшимъ Трубецкого, съ малымъ только числомъ козаковъ, двинулись въ Бѣлоруссію. Небольшой русскій отрядъ подъ начальствомъ Бутурлина пошелъ въ Малороссію съ Хмѣльницкимъ. Такое распредѣленіе силъ вполнѣ отвѣчало мѣстнымъ средствамъ западной Россіи. Блистательные успѣхи быстро сопровождали походъ Алексѣя Михайло-

вича въ обѣихъ арміяхъ. Въ Бѣлоруссіи города сдавались одинъ за другимъ. Русская сила обхватывала всю эту страну и достигала послѣднихъ западныхъ границъ бѣлорусскаго племени, въ Вильнѣ, Гроднѣ и за Нѣманомъ. Съ другой стороны, Хмѣльницкій также успѣшно двигался къ Польшѣ на юго-западѣ, проникъ въ люблинскую область и тоже дошелъ до границъ малороссійскаго племени... Словомъ, вся западная Россія свергала съ себя иго польское и возстановляла древнее государственное свое единеніе съ восточной Россіей.

Польша была тогда въ самомъ безпомощномъ положеніи. Въ ней поднималось съ новою силою народное волненіе,—волненіе хлоповъ противъ шляхты и грозило разрушить самую основу польской исторической жизни. Кромѣ того, Хмѣльницкій вошелъ въ сношенія съ Швеціей и побудилъ шведскаго короля Карла (X) Густава начать войну съ Польшей. Шведы черезъ Лифляндію, Литву и Пруссію проникли въ великую Польшу и завоевали ее; оттуда проникли въ малую Польшу, взяли Краковъ, словомъ, завоевали всю Польшу. Польская шляхта, пораженная успѣхомъ шведовъ, стала приставать къ нимъ. Король оставленъ безъ помощи и бѣжалъ въ Силезію. Приближалось, повидимому, неминуемо, полное разрѣшеніе русско-польскаго вопроса, — распаденіе польскаго государства на русскую и польскую часть даже съ порабощеніемъ польской части иноземной власти. Однако этотъ приговоръ надъ Польшей, столь ясно обозначенный тогдашними событіями, не былъ произнесенъ въ ту пору: онъ былъ отсроченъ на долгое еще время. Теперь отсрочили его слѣдующія обстоятельства:

Когда Алексѣй Михайловичъ завоевалъ Вильну, то внесъ въ свой титулъ названіе—литовскій. Поляки воспользовались этимъ увлеченіемъ и развили его дальше. Они стали внушать Алексѣю Михайловичу, что онъ можетъ быть государемъ всей Польши, будетъ избранъ поляками послѣ Казиміра. Этимъ самымъ уже указывалось, что русскіе должны дурно смотрѣть на шведовъ, которые отнимаютъ будущія владѣнія Алексѣя Михайловича. Этотъ новый планъ немедленно былъ подхваченъ историческою злою совѣтницей славянъ—Австріей. Она явилась въ качествѣ посредницы между Россіей и Польшей и окончательно вовлекла Алексѣя Михайловича въ войну съ Швеціей. Силы русскія стали раздробляться, ослабѣвать. Пошли неудачи, одна за другой. Народъ западной Россіи естественно смотрѣлъ дурно на такой оборотъ дѣлъ, сталъ охладѣвать къ велико-руссамъ; начались недоразумѣнія, ссоры, поводы къ чему представлялись на каждомъ шагу. Въ тѣ старыя времена война была несравненно бѣдственнѣе для населенія, чѣмъ теперь. Тогда отъ нея часто одинаково страдали какъ тѣ, которыхъ воевали, такъ и тѣ, которыхъ защищали. Одно передвиженіе войска по странѣ равносильно бывало иногда неурожаю или моровому повѣтрію. Впрочемъ, нужно сказать, что тогда же сильно была развита и привычка къ подобнымъ бѣдствіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что народъ западной Россіи понималъ неизбѣжность подобныхъ неудобствъ и не изъ-за нихъ охладѣвалъ къ своимъ восточно-русскимъ братьямъ. Важнѣе были тѣ столкновенія, которыя были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ долговременнаго историческаго разъединенія восточной и западной Россіи. Теперь

сдвигались и сталкивались всѣ особенности, выработанныя отдѣльною жизнію восточной и западной Россіи. Лучшій русскій человѣкъ того времени, московскій бояринъ Ординъ-Нащокинъ ясно понималъ это затрудненіе и приглашалъ своихъ соотечественниковъ поступать осторожно въ западной Россіи, относиться гуманно къ западно-русскому населенію, снискивать его любовь. Но этотъ замѣчательный голосъ раздавался тогда, какъ въ пустынѣ. Русскіе бояре, чиновники того времени, шли какъ бы намѣренно на перекоръ Ордину-Нащокину и грубо разрушали расположеніе къ себѣ западной Россіи своемъ корыстолюбіемъ, сластолюбіемъ и невыносимымъ деспотизмомъ. Самъ Ординъ-Нащокинъ невзлюбилъ козаковъ и относился къ нимъ враждебно вопреки собственной заявленной программѣ. Все это производило самыя пагубныя послѣдствія. Польская шляхта стала поднимать голову и смущать народъ своими интригами. Въ Бѣлоруссіи шляхта была особенно сильна и народъ особенно слабъ. Отъ того здѣсь чаще всего повторялись неудачи русскихъ. Города одинъ за другимъ возвращались подъ власть Польши. Граница русскихъ завоеваній дальше и дальше отодвигалась на востокъ къ Днѣпру. Въ 1656 году Алексѣй Михайловичъ, смущенный неудачами, согласился на перемиріе съ Польшей, которое еще больше охладило западно-русскій народъ. Неудовольствія, ропотъ стали распространяться и въ Малороссіи. Хмѣльницкій, котораго одно имя все еще сдерживало развитіе печальныхъ народныхъ антипатій, не долго прожилъ послѣ этихъ неудачъ, и не дожилъ до новыхъ ужасныхъ потрясеній, которыхъ сценой сдѣлалась опять Малороссія. Онъ умеръ въ 1657 г.

ЧТЕНІЕ XIV.

Смуты въ Малороссіи во второй половинѣ XVII и въ первой XVIII столѣтія. Историческія партіи въ Малороссіи. Партія козацкая, проникнутая шляхетско-польскими началами. Представитель ея Выговскій. Гадячскій договоръ въ 1658 г. Противодѣйствіе Выговскому. Приверженцы соединенія Малороссіи съ московскимъ государствомъ. Усиленіе въ Малороссіи московскаго вліянія. Разладъ между малороссійскими и московскими людьми. Смуты. Андрусовскій договоръ. Турецкая козацкая партія. Представитель ея Дорошенко. Война Турціи съ Польшей. Уступки Польши. Бѣдствія Малороссіи. Паденіе турецкой козацкой партіи и усиленіе русской. Война Россіи съ Турціей. Вѣчный миръ Россіи съ Польшей. Безплодность его для Малороссіи. Паденіе козачества. Время Петра и Карла XII. Турецко-польская партія въ козачествѣ. Мазепа. Палій. Рѣшительное паденіе козачества. Историческая обстановка Малороссіи въ XVIII столѣтіи. Крымъ и Турція ослаблены и отрѣзаны Россіей отъ Польши. Безнадежное положеніе Малороссіи и всей западной Россіи около половины XVIII ст. *).

Мы говорили въ прошедшій разъ, что западнорусскія дѣла къ 1656 г. приняли очень дурной обо-

*) О состояніи Малороссіи послѣ смерти Хмѣльницкаго можно читать: въ 11 т. Исторіи Соловьева гл. I, II и III и въ 12 т. главы I — IV. О полтавской битвѣ тамъ же т. 15, глава IV. О Паліѣ очень подробно и обстоятельно говорится въ предисловіи ко 2 т. 6 части Архива юго-западной Россіи, изд. 1868 г.; въ сочиненіи Н. И. Костомарова—Мазепа, изд. 1883 г. гл. VII, въ концѣ IX, въ концѣ XIV.

ротъ, — большая часть завоеванныхъ Россіей областей была возвращена Польшѣ и, что еще важнѣе, между русскими восточной и западной Россіи произошелъ сильный разладъ. Бѣлоруссія, при ея неблагопріятныхъ географическихъ и общественныхъ условіяхъ жизни, не могла заявить себя энергично при этихъ новыхъ для нея обстоятельствахъ. Но другое дѣло Малороссія. Въ ней антипатіи козачества къ великоруссамъ повели, послѣ смерти Хмѣльницкаго, къ безконечнымъ и самымъ бѣдственнымъ послѣдствіямъ. Въ ней теперь быстро стало раскрываться все, что выработала исторія. Поднимались въ козачествѣ одна за другою историческія партіи и каждая, обладая большою силою, производила большое зло, пока не изжилось само козачество.

Прежде всего выступила на сцену партія, проникнутая шляхетскими принципами польской жизни. Начало ей положено было въ козачествѣ въ очень давнее время. Мы уже упоминали, что въ козачество поступали и польскіе шляхтичи, неуживавшіеся почему либо въ польскомъ государствѣ. Польское управленіе, такъ часто тяготѣвшее надъ козаками, самозванческія и польскія смуты увеличивали число поляковъ между козаками и помогали послѣднимъ пріобрѣтать значеніе. Ополяченію козаковъ особенно много содѣйствовало слѣдующее обстоятельство: чѣмъ больше козаки выступали на поприще политической дѣятельности, тѣмъ больше чувствовали необходимость въ образованіи. Притомъ и поляки постоянно давали имъ чувствовать недостатокъ образованія, цивилизаціи, указывая на него, какъ на главное препятствіе къ уравненію козаковъ съ шляхтою. Козаки поэтому очень часто искали средствъ къ образованію и

нерѣдко получали его у поляковъ, учились въ тогдашнихъ іезуитскихъ школахъ. Съ тридцатыхъ годовъ XVII столѣтія козачеству открылась возможность получать образованіе у себя дома, въ Малороссіи, и у своихъ — у православныхъ. Въ это время въ Кіевѣ, какъ мы уже знаемъ, основалась академія митрополита Петра Могилы, основалась по примѣру и по началамъ польскихъ, іезуитскихъ школъ. Козаки сначала были противъ этой школы, но потомъ они защищали ее, поддерживали. Нѣтъ сомнѣнія, что школа эта въ долговременной своей исторической жизни совершила много славныхъ, вѣковѣчныхъ дѣлъ и образовала великій сонмъ просвѣщенныхъ, глубоко преданныхъ странѣ людей. Довольно указать, что въ ней учились такіе люди, какъ св. Димитрій ростовскій, Георгій Конисскій. Но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что латино-польскіе пріемы ученія, принятые въ ней, производили не мало зла и многихъ отрывали отъ народа и его стремленій.

Признаки этой оторванности, вырабатываемой и школою Петра Могилы, и другими указанными сейчасъ обстоятельствами, мы замѣчали еще при Хмѣльницкомъ, въ его трактатахъ съ Польшей — зборовскомъ и особенно бѣлоцерковскомъ, основанныхъ на предоставленіи исключительныхъ правъ только меньшинству западно-русскаго населенія. Послѣ Хмѣльницкаго теорія эта получила дальнѣйшее развитіе и на долгое время замутила дѣла, западно-русскія. Двигателемъ шляхетско-польской теоріи въ козачествѣ былъ Выговскій, генеральный писарь при Хмѣльницкомъ, а послѣ его смерти сперва попечитель новаго гетмана, молодаго сына Хмѣльницкаго — Юрія, а потомъ происками добившійся самъ

гетманства. Выговскій занялъ самое двуличное положеніе. Онъ постоянно увѣрялъ московское правительство въ своей вѣрности, и въ то же время сносился съ польскимъ правительствомъ. Такое положеніе онъ занялъ, впрочемъ, по необходимости. Народъ простой и низшее козачество преданы были Москвѣ и опасно было сразу затронуть ихъ народныя симпатіи къ Россіи. Польскія симпатіи жили въ высшемъ козачествѣ и отчасти въ малороссійскомъ мѣщанствѣ. Само-собою очевидно, что планъ Выговскаго — оторваться отъ Россіи и отдаться Польшѣ, находилъ больше ручательствъ въ успѣхѣ на западной сторонѣ Днѣпра, болѣе ополяченной и ошляхетченной, чѣмъ на восточной, которая заселялась самыми горячими и чисто-народными ревнителями малороссійскихъ интересовъ. Слѣдовательно, Выговскій естественно долженъ былъ опасаться, что при первомъ движеніи его въ сторону Польши, восточная сторона Днѣпра возстанетъ противъ него и можетъ подорвать его успѣхъ даже на западной сторонѣ, потому что одна мысль о раздѣленіи Малороссіи на двѣ части способна была охладить самыхъ горячихъ поборниковъ союза съ Польшей. Единство Малороссіи, за которую такъ много уже было пролито крови, было слишкомъ дорого каждому малороссу, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ.

Изъ всѣхъ этихъ затрудненій Выговскій думалъ выйти слѣдующимъ образомъ: онъ старался выставлять постоянно вопросъ о малороссійской самостоятельности и о нарушеніи ея Москвою. Это былъ вопросъ самый щекотливый. Онъ не могъ быть разрѣшенъ безъ затрудненій, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Малороссія, защищавшая отъ Польши на жизнь-

на смерть свои вѣковыя права, присоединялась къ московскому, самодержавному государству съ сохраненіемъ этихъ правъ *). Еще на переяславской радѣ (1654 г.) возникла у козаковъ очень естественная мысль о гарантіи этихъ правъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и послѣдовалъ совершенно естественный со стороны московскихъ пословъ отказъ гарантировать ихъ клятвою. Московскіе бояре согласились дать отъ имени своего государя только обѣщаніе, что права козаковъ не будутъ нарушены. Нельзя въ этомъ случаѣ не отдать полной справедливости политическому такту тогдашняго, московскаго правительства. Политическая система, создавшая и державшая тогда русское царство, не могла подчинить себя ограниченію и подрывать свой принципъ, ради козачества,—этой случайной, временной, нестройной нормы быта, ради выгодъ меньшинства народонаселенія, стремившагося замѣнить собою, какъ шляхта въ Польшѣ, весь остальной народъ. Но если такъ, то борьба была неминуема; сила вещей, логика жизни должны были взять свое; права козацкія раньше или позже должны были уступить мѣсто общему строю московскаго, самодержавнаго государства, обѣщаніе, сохранять эти права по необходимости должно было раньше или позже нарушиться. Выговскій и воспользовался этимъ печальнымъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ логики жизни. Онъ показывалъ себя защитникомъ малороссійской самобытности и въ то же время самъ настроялъ московское правительство нарушать ее. Такъ онъ просилъ прислать

*) Права эти заключались въ свободномъ избраніи гетмана, въ управленіи Малороссіей посредствомъ своихъ же, малороссійскихъ законовъ и чиновъ.

коммиссаровъ для провѣрки козацкихъ реестровъ, просилъ размѣстить бояръ царскихъ въ малороссійскихъ городахъ. Козацкая старшина, особенно на западной сторонѣ Днѣпра, приходила въ бо̀льшое и бо̀льшее раздраженіе противъ Москвы. Но на восточной сторонѣ Днѣпра Выговскій, не смотря на всѣ свои хитрости имѣлъ непримиримыхъ враговъ, особенно въ лицѣ полтавскаго полковника Пушкаря, который то и дѣло доносилъ на него въ Москву и собиралъ войско для борьбы съ нимъ. Выговскій вступилъ въ эту борьбу, давая видъ, что наказываетъ просто непокорнаго полковника. Для этого дѣла онъ приглашалъ и московское правительство; но такъ какъ оно не рѣшалось помогать, то Выговскій извлекъ изъ этого новую себѣ выгоду. Онъ вступилъ въ сдѣлку съ перекопскимъ ханомъ и при его содѣйствіи разбилъ и погубилъ Пушкаря. Впрочемъ, это былъ такой шагъ, послѣ котораго Выговскому трудно было скрывать долгое время настоящія свои намѣренія. Въ сентябрѣ 1658 г. онъ собралъ раду въ Гадячѣ и заключилъ договоръ съ Польшею. Договоръ этотъ обрисовывалъ, какъ нельзя лучше, стремленія шляхетской партіи козачества. По условіямъ этого договора Малороссія соединялась съ Польшей на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ:

1. Малороссія составитъ русское княжество по образцу литовскаго княжества и будетъ состоять изъ воеводствъ кіевскаго, черниговскаго и брацлавскаго.

2. Княжество русское будетъ находиться подъ управленіемъ гетмана, при которомъ будетъ весь польскій составъ государственныхъ чиновъ, будетъ также особое войско.

3. Гетманъ получаетъ право представлять на каждый сеймъ кандидатовъ на шляхетское званіе.

Коротко сказать, по этому договору Малороссія превращалась въ шляхетскую республику по образцу Польши.

Выговскій поддержалъ силу этого трактата польскимъ и крымскимъ войскомъ, съ которымъ онъ нанесъ жестокое пораженіе русскимъ подъ Конотопомъ и собирался изгнать ихъ изъ всей Малороссіи. Но онъ горько ошибся въ своихъ надеждахъ на прочность новаго союза съ Польшей. Едва народъ узналъ сущность гадячскаго договора, какъ вездѣ поднялось возстаніе противъ Выговскаго. Онъ долженъ былъ отказаться отъ гетманства и спасать свою жизнь бѣгствомъ.

Народъ малороссійскій еще яснѣе, чѣмъ прежде, понялъ необходимость единенія съ Россіей. Къ несчастію, во главѣ его становились тогда люди, мало способные проникнуться истинными его интересами. Гетманство стало предметомъ личныхъ интересовъ и интригъ, въ которыя втянутъ былъ, между прочимъ, и слабодушный сынъ Хмѣльницкаго, Юрій, склонявшійся то на сторону русскихъ, то на сторону поляковъ и турокъ. Смуты слѣдовали одна за другою. Едва къ 1663 г. Малороссія хоть нѣсколько успокоилась. Въ это время сдѣланъ былъ гетманомъ Брюховецкій, человѣкъ, по крайней мѣрѣ, безукоризненный въ политическихъ отношеніяхъ къ Россіи.

Мы уже замѣчали, что силою логики жизни московскіе порядки необходимо должны были входить въ Малороссію на мѣсто особыхъ ея правъ. Мало по малу въ странѣ этой размѣщались русскія войска, воеводы и низшіе чиновники. Народъ, страдавшій жестоко среди

смутъ, самъ желалъ присутствія у себя великоруссовъ и требовалъ, чтобы имъ передавались дѣла по управленію. Великоруссы, къ сожалѣнію, и здѣсь, какъ въ Бѣлоруссіи, позволяли себѣ много злоупотребленій, чѣмъ и пользовались люди партіи Выговскаго. Брюховецкій, охотно допускавшій великорусскіе порядки въ Малороссіи, могъ много сдѣлать своимъ посредничествомъ между великоруссами и малоруссами, но онъ, вмѣсто того, самъ пошелъ по слѣдамъ недостойныхъ великоруссовъ и жестоко грабилъ страну, гдѣ только могъ. При этихъ злоупотребленіяхъ власти народъ не могъ занять устойчиваго положенія. Между тѣмъ надъ нимъ стряслась новая бѣда.

Трудное положеніе Россіи среди смутъ изъ-за Малороссіи заставило ее искать отдохновенія. Въ 1667 году она заключила съ Польшей въ Андрусовѣ миръ (собственно перемиріе на тридцать лѣтъ), по которому границей между обоими государствами въ области Малороссіи назначенъ Днѣпръ. На западной сторонѣ его только Кіевъ оставался за Россіей, и то временно. Малороссія такимъ образомъ насильственно разрывалась на двѣ части, противъ чего, какъ мы уже знаемъ, всегда возмущался народъ. Андрусовскій миръ вызвалъ негодованіе. Малороссійскій народъ приходилъ къ убѣжденію, что Россія за одно съ Польшей, что во имя этого союза приносятся въ жертву самые дорогіе его интересы, стоившіе столько крови. Это больше всего чувствовала русская партія въ Малороссіи, желавшая присоединенія къ Россіи всѣхъ русскихъ областей Польши. Андрусовскій миръ парализировалъ ее самымъ жестокимъ образомъ. Не многимъ лучше

было положеніе и польской партіи въ козачествѣ. Андрусовскій миръ отрывалъ отъ нея восточную сторону Днѣпра и заставлялъ сосредоточиться только на западной, т. е. заставлялъ съузить планы и привязывалъ ее къ Польшѣ помимо воли.

Но при народномъ раздраженіи, партіи этой не легко было утверждать свое господство и здѣсь. Необходима была для этого посторонняя помощь—помощь польская. Но Польша не могла подать ей никакой помощи. Она сама теперь находилась въ крайнемъ разслабленіи и поглощена была своими внутренними дѣлами. Въ 1668 году король ея Янъ Казиміръ, доведенный до отчаянія неустройствами своего государства, сложилъ съ себя королевскій вѣнецъ. Словомъ, обѣ козацкія партіи, русская и польская, одинаково теперь были парализованы; той и другой некуда было идти дальше. Ихъ отчаяннымъ положеніемъ воспользовалась новая историческая партія въ козачествѣ—партія татарско-турецкая.

Элементы для этой партіи начали складываться также давно, какъ и для партіи польской. Воюя постоянно съ татарами и турками, часто попадая къ нимъ и забирая ихъ самихъ въ плѣнъ, козаки противъ воли подготовляли въ себѣ сближеніе съ татарами и турками. Этому особенно много способствовали: допущеніе въ козачество всякаго, кто ни приходилъ, чѣмъ нерѣдко пользовались и татары, и турки; запрещеніе козакамъ со стороны польскаго правительства воевать эти страны, наконецъ польскія неистовства въ Малороссіи, которыя побудили козаковъ искать дружбы у татаръ и турокъ для борьбы съ Польшей. Турецко-татарская пар-

тія, выработавшаяся этимъ путемъ въ козачествѣ, не могла имѣть надлежащей силы, пока въ Малороссіи сильны были партіи—русская и польская, и пока была надежда устроить малороссійскія дѣла посредствомъ Россіи или Польши. Но когда обѣ эти партіи ослабѣли, когда народомъ овладѣло отчаяніе, тогда открылось поле и для турецко-татарской козацкой партіи. Она теперь имѣла возможность оставить въ сторонѣ народные и религіозные интересы страны, за которые такъ ратовала партія русская и преслѣдовать еще съ большею свободою, чѣмъ партія польская, идею о самобытности Малороссіи. Турція и Крымъ давали надежду обезпечить эту самобытность больше, чѣмъ Россія и Польша. Это былъ послѣдній шагъ въ злополучной теоріи о независимости Малороссіи. Новыя смуты и бѣдствія народа должны были добить эту теорію вмѣстѣ со всѣми фальшивыми силами днѣпровскаго козачества.

Представителемъ турецко-татарской партіи былъ войсковой есаулъ Петръ Дорошенко. Дорошенко воспользовался раздраженіемъ татаръ и турокъ противъ Польши за андрусовскій миръ съ Россіей, и поднялъ ихъ противъ Польши, обѣщая Турціи подданство Малороссіи. Въ 1672 году султанъ Магометъ IV съ многочисленнымъ войскомъ вступилъ въ Малороссію. Новый король польскій, Михаилъ Вишневецкій, не могъ предпринять дѣйствительныхъ мѣръ противъ этой бѣды. Турки побѣдоносно подвигались черезъ Малороссію ближе и ближе къ Польшѣ. Поредъ ними палъ Каменецъ, путь въ Галицію былъ открытъ. Вишневецкій принужденъ былъ заключить миръ въ Буждановѣ. По условіямъ

этого мира, къ Турціи отходила южная часть западной Малороссіи до Бѣлой Церкви. Кромѣ того, Вишневецкій обязался платить Турціи дань. Польша была страшно унижена. Сеймъ не согласился признать это униженіе. Знаменитый польскій полководецъ того времени, славный въ послѣдствіи побѣдитель турокъ подъ Вѣною, гетманъ Янъ Собѣсскій собралъ новыя силы и вступилъ въ борьбу, которую неутомимо продолжалъ и тогда, когда избранъ былъ на польскій престолъ (1675) послѣ смерти Вишневецкаго; но и онъ не могъ одолѣть турецкой силы. Въ 1676 году Собѣсскій принужденъ былъ заключить подъ Львовомъ (въ Журавинѣ) новый миръ, по которому хотя сложена съ Польши дань и граница турецкая отодвинута на югъ, но турки удержались въ Малороссіи.

Дорошенко повидимому достигъ успѣшно своей цѣли. На словахъ турки давали Малороссіи полную независимость. Но не такъ было на дѣлѣ. Утверждаясь въ ней, они нарушали самыя священныя ея права,—превращали церкви въ мечети, попирали ногами православную святыню, забирали народъ цѣлыми сотнями и тысячами и обращали въ магометанство. Народъ приходилъ въ отчаяніе и проклиналъ Дорошенку. Малороссія теперь имѣла полную возможность оцѣнить идею малороссійской независимости и то, подъ чьей властью ей лучше быть. Народныя симпатіи къ Россіи ожили съ новою силою. Теперь опять, какъ во время неудачъ Хмѣльницкаго, народъ Украйны устремился на восточную сторону Днѣпра, въ предѣлы московскаго государства. Съ 1674 по 1678 г. западная часть Малороссіи страшно отъ этого обезлюдѣла. Самъ Дорошенко увидѣлъ необ-

ходимость идти по этому направленію, и умолялъ русское правительство даровать ему прощеніе и принять подъ свою власть несчастную часть Малороссіи, подпавшую подъ власть Турціи.

Этимъ путемъ неизбѣжно завязывалась борьба Россіи съ Турціей. Россія могла держать себя отъ нея въ сторонѣ, пока ея помощи просила Польша, но трудно было отказать въ ней малороссійскому народу. Дорошенко помилованъ. Русскія войска двинулись противъ турокъ. Немедленно большая часть западной половины Малороссіи, не занятая турками, поддалась Россіи. Турецкое правительство выдвинуло впередъ Юрія Хмѣльницкаго, бывшаго у него въ рукахъ, объявило его малороссійскимъ княземъ и послало собирать войска, а за нимъ пошла (1677 г.) турецкая армія. Малороссія плохо слушала воззваній Юрія Хмѣльницкаго, но ей и великой Россіи пришлось много употребить силъ и пролить крови въ борьбѣ съ турками. Кончилась эта борьба безъ выгодъ для Россіи и съ вредомъ для Малороссіи. Въ 1681 году Россія заключила съ Турціей бахчисарайскій миръ, по которому рѣка Днѣпръ назначена границей между Россіей и Турціей, т. е. андрусовская граница между Россіей и Польшей продолжена дальше на югъ Малороссіи. Западная Малороссія осталась частью подъ властью Польши, частью подъ властью Турціи, т. е. вся малороссійская страна со включеніемъ восточной русской раздѣлена была теперь на три части. Въ 1686 году сдѣлана была попытка уменьшить такое жестокое раздробленіе Малороссіи. Польша заключила съ Россіей вѣчный миръ (подтвердила андрусовскій) съ окончательной уступкой Кіева и съ условіемъ воевать Турцію

вмѣстѣ съ нею. Но и эта попытка была также неудачна, какъ и прежняя. Новая турецкая война кончилась ничѣмъ; Малороссія оставалась разорванною на три части какъ бы въ соотвѣтствіе тремъ своимъ историческимъ партіямъ—русской, польской и турецкой. Но надъ всѣми этими партіями и ихъ дѣлами возносился единый—русскій, православный духъ малороссійскаго народа, равно стремивмившійся, какъ къ тому, чтобы Малороссія была едина, такъ и къ тому, чтобы въ этомъ единствѣ она осталась русскою и православною. Этотъ-то русскій, православный духъ малороссійскаго племени обладалъ даже и теперь строительною историческою силою и обнаружилъ ее въ такихъ поразительныхъ явленіяхъ, надъ которыми глубоко можетъ задуматься всякій мыслитель и принести дань глубокаго уваженія историческимъ способностямъ русскаго народа къ доблести.

Когда простой народъ Украйны и въ трудныя времена Хмѣльницкаго, и въ еще болѣе трудныя времена при Дорошенкѣ толпами переселялся въ восточную Россію и увлекалъ за собою козацкую интеллигенцію, послѣдняя переносила туда и свои шляхетскія наклонности, которыя нашли себѣ здѣсь новое подкрѣпленіе въ русскомъ крѣпостномъ состояніи и въ русской прочно сложившейся чиновничьей средѣ, и широко раскрылись и въ злоупотребленіяхъ властію надъ народомъ, и въ политическихъ измѣнахъ, какъ измѣна Выговскаго и особенно крупная и грозившая бѣдой всей Россіи измѣна Мазепы передъ самой полтавской битвой Петра I съ Карломъ XII. Въ эти-то, именно, послѣднія времена, на западной сторонѣ Днѣпра, въ этой запустошенной и обезлюдѣвшей Украйнѣ, вдругъ началось совершенно

новое строеніе и народной жизни и самого козачества. Простой народъ, какъ бы понявшій на восточной сторонѣ Днѣпра еще болѣе блага народной жизни, бѣжитъ назадъ отъ своихъ шляхетскихъ руководителей въ безлюдную Украйну, осуществляетъ лучшія русскія задачи козачества и еще больше цѣнитъ благо своего единенія съ восточной Россіей.

Это новое великое дѣло, озарившее новымъ свѣтомъ сокровища малороссійскаго народнаго духа, строилъ извѣстный богатырь, прославленный благодарною народною памятью Палій—Гурко, человѣкъ образованный и въ тоже время неизмѣнно преданный своему простому народу и всей Россіи. Онъ утвердился въ бѣлоцерковской области, и пребывалъ главнымъ образомъ въ Хвастовѣ.

Случайное обстоятельство благопріятствовало быстрому востановленію русской жизни въ этой запустошенной правобережной Украйнѣ. Знаменитый побѣдитель турокъ подъ Вѣной (1683 г.), Янъ Собѣсскій шелъ на эту войну главнымъ образомъ для того, чтобы обезпечить будущее, приличное существованіе своему потомству,—добыть какое либо княжество своему сыну Якову. Ему не удалось это въ Австріи; не удалось тамъ даже его замышленіе перейти для этой цѣли на сторону венгерцевъ, накликавшихъ на Австрію турокъ. Онъ обратилъ свои взоры на русскую землю и задумалъ или осуществить не разъ возникавшую мечту козаковъ — создать кіевское княжество, или при содѣйствіи восточной и западной Россіи добыть хотя молдаванское княжество. Въ этихъ, между прочимъ, видахъ Собѣсскій въ 1684 г. далъ право возстановлять козачество на западной сторонѣ Днѣпра.

Но замыслы Собѣсскаго быстро разрушали всѣ главнѣйшіе вожди новаго козачества въ Украйнѣ, утверждавшіеся тамъ гораздо ранѣе разрѣшенія Собѣсскаго. Всѣ они становились на сторону народа и противъ польскихъ пановъ. Но никто изъ нихъ не осуществлялъ этихъ задачъ съ такимъ постоянствомъ, успѣхомъ и такъ долго (около тридцати лѣтъ), какъ Палій. Своимъ неизмѣннымъ и чистымъ служеніемъ благу народа онъ такъ возвышался надъ всѣми, что не только свои преклонялись передъ нимъ, но преклонялись и дружили съ нимъ даже лучшіе польскіе паны, и онъ производилъ такое сильное впечатлѣніе на нихъ, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ у Любомірскихъ и Потоцкихъ, заботливость о благѣ простыхъ людей перешла даже въ потомство. Но эта близость Палія къ лучшимъ панамъ не значила, что онъ подается въ сторону Польши. Въ тоже самое время Палій былъ неумолимымъ врагомъ Польши и ревностнымъ поборникомъ единенія Украйны съ Россіей. Шляхта, ксендзы боялись его имени, а русское правительство не имѣло покоя отъ его постоянныхъ, настойчивыхъ просьбъ взять подъ свою власть Украйну. Это послѣднее его постоянство и настойчивость имѣли трагическія послѣдствія.

Настало время Петра I. Извѣстно, что оно было временемъ страшнаго напряженіи силъ Россіи для высшихъ, государственныхъ цѣлей великаго человѣка, при чемъ неразъ повергаемы были въ прахъ не только областныя стремленія, хотя бы то самыя чистыя, но и вѣковыя начала и стремленія всей Россіи. Не разъ при этомъ омрачалось величіе генія Петра передъ всей Россіей; омрачалось оно и пе-

редъ малымъ, повидимому, служеніемъ родинѣ Палія. Палій получалъ отъ Петра вразумленія не раздражать Польши, оставатьси подъ ея властію, а въ 1704 г., по навѣтамъ таившаго измѣну Мазепы, Палій былъ арестованъ и сосланъ въ отдаленную Сибирь—Енисейскъ. Но правда Палія раскрылась передъ полтавской битвой. Невинный страдалецъ былъ возвращенъ, обласканъ Петромъ, и не даромъ. Возсозданная Паліемъ Украйна не пристала къ измѣнѣ Мазепы, и славный вождь ея Палій имѣлъ великую радость видѣть своихъ вѣрныхъ украинцевъ на поляхъ Полтавы, поощрять ихъ и затѣмъ видѣть общерусскую славу полтавской побѣды. Наконецъ онъ возвратился въ свою Бѣлоцерковщину, жилъ, съ прежнимъ значеніемъ, до своей смерти въ 1710 г. и имѣлъ счастіе не дожить до новаго позора своего и своей страны, которая по приговору же Петра въ 1717 г. должна была поддаться власти Польши изъ-за высшихъ цѣлей, въ кругъ которыхъ входила дружба Петра съ Польшей,—дружба, составляющая несомнѣнную ошибку великаго человѣка.

Эта ошибка великаго человѣка коренилась въ немъ глубоко и обнимала не мало другихъ подобныхъ явленій. Отдавшись иноземцамъ и заразившись отъ нихъ страстью къ искусственному пересозданію Россіи, Петръ также несправедливо и жестоко поступилъ съ стрѣльцами, изъ которыхъ имѣлъ полную возможность создать хорошую, внутреннюю стражу. Онъ также не захотѣлъ привлечь къ себѣ готовое, громадное и даровое войско—уральскихъ, донскихъ козаковъ. Подъ эту же немилость подпали и днѣпровскіе козаки, особенно ихъ старшина, послѣ измѣны Мазепы, и Петръ сталъ болѣе и болѣе замѣнять эту

старшину своими чиновниками и помѣщиками, а въ 1722 г. и совсѣмъ лишилъ козачество самостоятельнаго, гетманскаго управленія, на мѣсто котораго поставлена была малороссійская коллегія. Изъ за тѣхъ же причинъ Петръ отклонилъ свое вниманіе и отъ совершенно безвиннаго передъ нимъ украинскаго козачества и ихъ страны. Не говоримъ уже о Бѣлоруссіи, которая со времени андрусовскаго договора пребывала въ народной летаргіи и только неистовства поляковъ и шведовъ вызывали въ ней болѣзненныя судороги. Такимъ образомъ, разрѣшеніе русско-польскаго вопроса, само собою дававшееся въ Украйнѣ и легкое въ Бѣлоруссіи, отстранено было Петромъ и отсрочилось почти на столѣтіе.

Но великій русскій человѣкъ не могъ не оставить и въ западной Россіи слѣдовъ своей геніальности, прикасаясь до народныхъ ея интересовъ даже небрежно и безъ надлежащаго пониманія. Онъ оставилъ своимъ преемникамъ примѣръ распоряжаться Польшей, какъ своей областію и, что гораздо важнѣе, благодаря вліянію многочисленныхъ духовныхъ малороссовъ и бѣлоруссовъ, имѣвшихъ при немъ большое значеніе внутри Россіи, далъ еще болѣе обязательный примѣръ своимъ преемникамъ стоять всегда за православіе въ западной Россіи. Извѣстно, что онъ даже собственноручно казнилъ нѣкоторыхъ фанатическихъ поборниковъ Кунцевича въ Полоцкѣ; бѣгали отъ него съ великимъ страхомъ уніатскіе духовные и въ Украйнѣ, а одинъ изъ нихъ, луцкій епископъ Діонисій Жабокритскій, предавшійся уніатамъ, былъ схваченъ и сосланъ.

Но покамѣсть эти примѣры Петра возъимѣли въ послѣдствіи надлежащую силу, дѣйствовалъ и гораздо

раньше и сильнѣе примѣръ его пренебрежительнаго отношенія къ народнымъ дѣламъ западной Россіи. Разъ показанный примѣръ предпочтенія чужихъ людей своему родному народу вліялъ сильнѣе и отражался въ неуловимыхъ и совсѣмъ непредусмотрѣнныхъ дѣлахъ. Польша даже не разъ пользовалась и при Петрѣ и послѣ него чисто народными трудами Россіи, — именно ея борьбой съ Турціей. Такъ Польша при всѣхъ доблестяхъ Собѣсскаго не могла выжить турокъ изъ западной Россіи; а когда Петръ взялъ Азовъ и готовился нанести Турціи болѣе тяжелый ударъ, то турки охотно заключили съ Польшей новый миръ (1699 г.) и вышли изъ Подоліи. Но мало того. Вскорѣ послѣ Петра, именно, при Аннѣ Іоанновнѣ, Россія загородила собой Польшу отъ самаго надоѣдливаго сосѣда ея, отъ Крыма. Въ 1739 г. послѣ упорной и тяжелой войны Россія заключила съ Турціей бѣлградскій миръ, по которому Турція уступала Россіи, между прочимъ, все степное, пустынное тогда пространство въ южной Украйнѣ между Днѣпромъ и Днѣстромъ, хотя и безъ права заселять его. Тягость сосѣдства съ Крымомъ и черезъ него съ Турціей пала на одну Россію, а Польша съ тѣхъ поръ постоянно находилась съ турками въ дружбѣ, т. е. въ готовности при всякомъ случаѣ увеличить Россіи эту тягость. Перемѣна эта имѣла самыя пагубныя послѣдствія для всей западной Россіи, а въ особенности для Украйны. Польша, не боясь уже Крыма, загороженнаго отъ нея Россіей, и занимая также болѣе выгодное положеніе и по отношенію къ Турціи, могла налечь смѣло на западно-русскій народъ и въ Бѣлоруссіи, и тѣмъ болѣе въ Украйнѣ. Положеніе этого народа сдѣлалось невыносимо

тяжелымъ. Восточное днѣпровское козачество было отъ него оторвано. Западно-днѣпровское или украинское послѣ 1717 г. быстро истреблено. Народъ остался безъ всякой родной верхней силы и попалъ всецѣло въ руки пановъ, ксендзовъ, жидовъ, имѣвшихъ теперь возможность спокойно заняться его мученіемъ. Въ слѣдующемъ чтеніи мы увидимъ, какъ спасалъ себя отъ гибели этотъ несчастный народъ и какъ падали его враги-мучители.

ЧТЕНІЕ XV.

Общій характеръ исторіи паденія русско-польскаго государства, ея двойственность. Исторія шляхетско-польская, дипломатическая. Исторія народная, западно-русская. Состояніе Польши при Августѣ III. Положеніе западно-русскаго народа въ Бѣлоруссіи и Малороссіи. Шляхетская и латинская пропаганда. Оживленіе западно-русскаго народа со вступленіемъ на престолъ Елисаветы Петровны и особенно при Екатеринѣ II. Георгій Конисскій, Гервасій переяславскій и Мельхиседекъ Яворскій. Гайдамацкое возстаніе и его неудачи. Станиславъ Понятовскій. Вмѣшательство Пруссіи и Россіи въ дѣла Польши. Вопросъ о диссидентахъ. Барская конфедерація. Первый раздѣлъ Польши. Спокойныя времена Польши, стремленіе къ улучшеніямъ, объединеніе партій. Новыя реформы польскаго правленія. Конституція 3 мая. Ея противорѣчіе интересамъ народа и дипломатіи того времени. Народныя страданія. Вмѣшательство Россіи и Пруссіи. Второй раздѣлъ Польши. Возстаніе ея подъ предводительствомъ Костюшки. Третій раздѣлъ. Общее замѣчаніе о гибели Польши *).

Исторія послѣднихъ временъ русско-польскаго государства состоитъ изъ двухъ, совершенно отдѣльныхъ и непримиримыхъ исторій. Во-первыхъ, исторія верхняго

---

*) О послѣднихъ временахъ польскаго государства: Исторія паденія Польши С. М. Соловьева изд. 1863 г. Послѣдніе годы рѣчи посполитой польской, соч. Н. И. Костомарова, изд. 1870 г. Гродненскій сеймъ соч. Д. И. Иловайскаго, изд. 1870 г. Мое сочиненіе: Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ (т. е. до 1800 г.) изд. 1873 г. Исторія Замойскаго

слоя этого государства, исторія шляхетско-польская, тѣсно связанная своими элементами съ исторіей западной Европы и еще тѣснѣе съ дипломатіей всѣхъ сосѣднихъ государствъ. Эта шляхетско-польская исторія послѣднихъ временъ русско-польскаго государства давно уже разработывается и много разработана, особенно во французскихъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ большею частію и знакомилось съ нею наше образованное общество; поэтому неудивительно, что оно часто проникалось сожалѣніемъ и сочувствіемъ къ Польшѣ безъ малѣйшаго вниманія къ страданіямъ западно-русскаго народа отъ той же Польши,—неудивительно потому, что всѣ почти французскія сочиненія о паденіи Польши — это іереміада, іереміада самая фальшивая, хотя и очень увлекательная.

Другая исторія русско-польскаго государства послѣднихъ временъ—это исторія народная, западно-русская *). На эту исторію писатели или вовсе не обращали никакого вниманія, или видѣли въ ней лишь интригу русскаго правительства. Для насъ она имѣетъ особенное значеніе и мы увидимъ въ ней самое логическое развитіе прежней западно-русской исторіи.

Между этими двумя исторіями паденія русско-польскаго государства, исторіею польско-шляхетской и западно-русской, народной, есть очень и очень немногіе

собора, соч. Гавр. Хрусцевича, изд. 1880. Аппелляція къ папѣ Львy XIII отца Іоанна Наумовича, переводъ съ латинскаго, изд. 1883 г.

*) Не говоримъ польская народная, потому что ея нѣтъ. Польскій народъ съ гробовымъ молчаніемъ присутствовалъ при паденіи Польши.

пункты общіе, и то не пункты сдѣлки между западно-русскимъ народомъ и шляхетскою Польшей, какъ мы видѣли напримѣръ при Хмѣльницкомъ или еще болѣе при Выговскомъ и Мазепѣ, а пункты борьбы, самой рѣшительной и неутомимой, при которой обѣ стороны уже совершенно расходились. Шляхетская Польша шла на западъ, западно-русскій народъ къ Россіи. Мы будемъ излагать, какъ и прежде, ту и другую исторію, но главное наше вниманіе будемъ обращать на послѣднюю.

Припомнимъ себѣ общее положеніе русско-польскаго государства въ XVIII столѣтіи. Польша окружена была со всѣхъ сторонъ сильными государствами: Россіей, Турціей, Австріей и Пруссіей. Обнаруживать ей теперь стремленіе къ широкимъ идеямъ было очень трудно. Недавніе и важнѣйшіе ея счеты съ Турціей были прерваны, какъ мы уже говорили, въ 1739 г. бѣлградскимъ миромъ Россіи съ Турціей, по которому Польша оказалась совершенно отдѣленною отъ Крыма и на половину отъ Турціи русскою полосою земли. Съ другой стороны, отъ шумной, политической дѣятельности Польшу неодолимо отклоняло внутреннее ея разслабленіе. Послѣ козацкой, русской и шведской войны при Янѣ Казимірѣ, послѣ турецкой при Собѣсскомъ, послѣ шведской же войны при Карлѣ XII, Польша пришла въ страшное изнеможеніе. Необходимъ былъ отдыхъ, необходима была не громкая, но спокойная жизнь. Исторія какъ будто нарочно присудила Польшѣ для такой жизни и государя. Въ 1733 году вступилъ на польскій престолъ и управлялъ имъ 30 лѣтъ второй уже изъ Саксоніи (первый при Петрѣ, тоже Августъ) король, Августъ III, извѣстный необыкновенными силами физическими, необыкновеннымъ раз-

гуломъ, но совершенно неспособный къ важнымъ, великимъ дѣламъ государственнымъ. Поляки очень были довольны такимъ государемъ и усердно подражали ему въ роскошной, веселой жизни. По словамъ Лелевеля, о Польшѣ тогда говорили, что она существуетъ неладомъ, но что ей въ этомъ положеніи хорошо и безопасно. Польшу того времени сравнивали съ постоялымъ дворомъ, въ который можно пріѣхать, пошумѣть и ѣхать дальше. Но не всѣмъ однако было удобно и безопасно среди этого неладу и шуму. Сеймы срывались одинъ за другимъ, т. е. не принимались никакія мѣры къ улучшеніямъ, и что особенно было важно, не наказывались важнѣйшія шляхетскія преступленія. Можно поэтому представить себѣ, какое своеволіе, какое безчиніе распространялось по всему польскому королевству. Своеволіе сдѣлалось даже какимъ-то геройствомъ. Оригинальнымъ типомъ такого геройства былъ въ то время литовскій магнатъ Карлъ Радивиллъ, извѣстный подъ названіемъ—panie-kochanku (обычная его поговорка). Онъ производилъ разные фокусы надъ всѣми, кто подвертывался ему подъ руку. Вздумаетъ ударить шляхтича за обѣдомъ ложкою по лбу, шляхтичъ получаетъ ударъ и отправляется на свое мѣсто. Или вздумаетъ вмѣсто лошадей запречь въ экипажъ медвѣдей и ѣдетъ въ костелъ, куда много съѣзжалось и другихъ пановъ. Лошади панскія бѣсятся, ломаютъ экипажи. Радивиллъ вознаграждаетъ убытки одною большой монетой, которую нарочно для этого вычеканиваетъ. Паны станутъ дѣлить и перессорятся. Или вздумаетъ Радивиллъ сдѣлать подарокъ сосѣду, приказываетъ навалить на возъ жидовъ, притиснуть ихъ жердію, свезти къ пріятелю и

вывалить на дворѣ. Радивиллъ, впрочемъ, при всемъ своемъ необузданномъ своеволіи имѣлъ доброе сердце и не дѣлалъ сознательно зло, неисправимое. Но многіе собратья его, идущіе по той же дорогѣ, доходили до невѣроятныхъ крайностей. Многимъ изъ нихъ, напримѣръ, ничего не стоило попробовать ружье и убить жида. Люди вообще слабые, беззащитные страдали тогда отъ пановъ на каждомъ шагу. Но особенно тяжелъ и невыносимъ былъ панскій деспотизмъ западно-русскому, православному народу. Русскіе православные были спеціальнымъ предметомъ ихъ изобрѣтательной жестокости. Увидитъ польскій панъ православнаго священника и прикажетъ обжечь ему бороду, избить и посадить въ чуланъ или яму, а то вздумается ему отрѣзать православному палецъ, руку, и отрѣжетъ съ полнымъ спокойствіемъ.

Само собою разумѣется, что такимъ фанатическимъ настроеніемъ польскихъ пановъ старались, какъ можно больше, воспользоваться латинскіе и уніатскіе ксендзы. Они считали это время самымъ лучшимъ временемъ для пропаганды и занимались ею такъ усердно, какъ никогда. Никогда не бывало у нихъ столько миссій, какъ въ эти времена, въ XVIII столѣтіи. Миссіи устроялись слѣдующимъ образомъ. Составлялась экспедиція ксендзовъ, отправлялась въ назначенное мѣсто и начинала дѣло пропаганды, т. е. проповѣдывала, исповѣдывала, обращала народъ въ латинство или унію. Мѣстныя власти усердно оказывали ей свое содѣйствіе и принуждали народъ идти слушать проповѣдь, исповѣдываться, обращаться въ латинство или унію. Нѣкоторые заключались въ темницу, нерѣдко подвергались невѣроятнымъ истязаніямъ.

Такъ, Георгій Конисскій въ своей жалобѣ королю, поданной 1765 г. преемнику Августа, Станиславу Понятовскому, разсказываетъ, что одну православную женщину, жену русскаго изъ Россіи, посадили въ темницу съ дитятей, избивъ передъ тѣмъ мужа, такъ что онъ вскорѣ умеръ. Умерло въ темницѣ и дитя. Несчастную женщину убѣждали оставить православіе, приказавъ сторожу держать ея руку надъ зажженной лучиной. Эту операцію производили иногда сами ксендзы. Не хочется вѣрить всѣмъ этимъ дѣламъ, но объ нихъ говорятъ подлинные документы и люди, извѣстные безукоризненною честностію. Никакое государство не могло существовать съ такими порядками вещей. Но Польша всетаки продолжала существовать, пока разсказанныя нами дѣла совершались главнымъ образомъ въ Бѣлоруссіи. Какъ ни страдалъ здѣсь народъ отъ польскихъ неистовствъ, но не могъ ничего сдѣлать. Его разбросанность, при множествѣ пановъ, рѣшительно не дозволяла ему противопоставить свою силу. Другое дѣло когда польскія неистовства стали разыгрываться въ Малороссіи.

Малороссія, или собственно южная ея окраина, послѣ 1739 г. заняла новое положеніе. До тѣхъ поръ это была большею частію пустыня, очень неудобная и опасная для поселенія, потому что примыкала къ Крыму и Турціи и первая подвергалась ихъ нападеніямъ. Послѣ бѣлградскаго мира она заслонена была отъ этой опасности Россіей и оказалась весьма удобною страною. Польскіе паны устремились туда для новыхъ поселеній, селились на новыхъ мѣстахъ, древнихъ земляхъ вольнаго козачества, и скликали со всѣхъ сторонъ людей

для колонизаціи, привлекая ихъ приманкой разныхъ вольностей, которыя потомъ отнимали. Само собою разумѣется, что за панами устремились и ксендзы латинскіе и особенно уніатскіе. Вся Малороссія была тогда запружена ими. По спискамъ уніатскихъ церквей видно, что въ это время (съ 30 г. XVIII ст.) ихъ настроено въ Малороссіи столько, какъ не строилось никогда въ другія времена. Религіозная пропаганда здѣсь однако встрѣчала сильныя преграды. Малороссія почти не знала до тѣхъ поръ латинства и даже уніи. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ утверждалась унія, уніатство было только по имени, а на дѣлѣ оставался весь православный строй религіозной жизни,—православное устройство церквей, православное богослуженіе, православная одежда священниковъ. Искаженіе въ уніи православія латинскими и польскими нововведеніями происходило до того времени собственно въ бѣлорусской странѣ,—сокращалась и измѣнялась церковная служба, измѣнялись церковное устройство, священническое облаченіе и одежда, и все это дѣлалось вопреки всѣмъ условіямъ соединенія западно-русской церкви съ римскою, по чистому произволу полячившейся уніатской іерархіи. Въ 1720 году эта ополячившаяся іерархія задумала узаконить эти отступленія въ уніи отъ православнаго строя и на состоявшемся тогда соборѣ въ Замостьѣ узаконила ихъ. Даже самъ папа смутился отъ такой латино-польской ревности уніатской іерархіи, долго не утверждалъ постановленій замойскаго собора и когда утвердилъ, то сдѣлалъ оговорку, что эти постановленія не должны нарушать постановленій касательно всецѣлаго соблюденія въ уніи обрядовъ восточной церкви. Однако уніатская іерархія, предавшаяся

латинству и Польшѣ, рѣшилась вездѣ вводить свои искаженія восточныхъ обрядовъ, передѣлывала по нимъ церковныя книги и рѣшилась распространить эти искаженія вмѣстѣ съ уніей и на Украйну. Чтобы поколебать здѣсь православіе, уніатскія власти принимали особенныя мѣры. Онѣ заводили консисторіи, семинаріи, низшія училища, устрояли миссіи, выбирали для пропаганды самыхъ даровитыхъ и усердныхъ духовныхъ. Но успѣху было все-таки мало. Грубый и окаменѣлый въ схизмѣ народъ, какъ выражались эти проповѣдники, не хотѣлъ знать проповѣдническихъ трудовъ. Оказалось необходимымъ обратиться къ обычному, мірскому содѣйствію пановъ. Въ сѣверо-западной части Малороссіи уніатамъ удавалось получать такое содѣйствіе; но на югѣ, на Украйнѣ, они встрѣтили большое препятствіе. Польскіе паны, поселившіеся здѣсь, особенно Потоцкіе, Любомірскіе, и по старымъ преданіямъ отъ временъ Палія, и по экономическимъ разсчетамъ, находили неудобнымъ тревожить и разгонять народъ уніатскою пропагандою. Особенно тяжелъ былъ уніатамъ Ксаверій Любомірскій, напитавшійся вольнодумными идеями и смотрѣвшій на вѣру съ промышленной точки зрѣнія. Уніатскія власти подходили къ нему съ разныхъ сторонъ, чтобы пробудить въ немъ религіозную ревность. Есть цѣлая переписка ихъ объ этомъ дѣлѣ, о томъ, какъ они совѣщались, какъ придумывали разныя средства образумить Любомірскаго. Долгое время имъ все не удавалось, но наконецъ представился удобный случай. У Любомірскаго умерла жена. Уніаты увидѣли, что теперь самое удобное время добиться у Любомірскаго содѣйствія. Онъ огорченъ, религіозное чувство въ

немъ ожило. Они рѣшились повести дѣло такъ: Любомірскій долгое время и въ разныхъ мѣстахъ совершалъ панихиды по своей женѣ; уніаты каждый разъ, безъ приглашенія, посылали отъ себя на эти торжества цѣлыя группы монаховъ, которые усердно молились и плакали объ умершей женѣ Любомірскаго. Это естественно обратило вниманіе растроганнаго пана.

Тогда одинъ опытный уніатъ подступилъ къ Любомірскому ближе и убѣдилъ его оказать содѣйствіе уніи. Уніатская пропаганда энергично огласилась и въ Украйнѣ. Православныя церкви стали превращать въ уніатскія, православныхъ священниковъ изгонять вонъ. Народъ встревожился и здѣсь, какъ въ Бѣлоруссіи. Но откуда и здѣсь могли взяться силы для защиты народнаго дѣла? Мы знаемъ, что предшествовавшія смуты снесли съ лица земли, смели все верхнее козачество, заразившееся или польскими началами или турецкими. Снесены были и козацкія группы временъ Палія, преданныя народу. Остатки ихъ сохранились только въ польскихъ городахъ и панскихъ помѣстьяхъ, т. е. подъ польскою властію и польскимъ управленіемъ. Оставался, конечно, простой народъ, но, казалось, безъ всякихъ средствъ найти себѣ объединеніе, руководителей. Объединеніе однако произошло; нашлись и руководители.

Начало этого новаго оживленія западной Россіи тѣсно связано съ именемъ русской государыни Елисаветы Петровны, а необычайное развитіе его съ именемъ другой русской государыни Екатерины II. Русское, православное направленіе жизни, обнаружившееся въ Россіи съ самаго начала царствованія Елисаветы Петровны, сейчасъ же стало отражаться во всей западной Россіи и

возбуждало оживленныя надежды на лучшее будущее,—а случайно вызванное въ Елисаветѣ (Разумовскимъ) вниманіе къ малороссамъ произвело точно завоеваніе западной Россіи, особенно Украйны. Русскій народъ польскаго государства признавалъ Елисавету Петровну своей государыней и священники его — граждане того же польскаго государства—смѣло поминали ее въ своихъ церквахъ. Въ 1755 году, при избраніи ректора кіевской академіи Георгія Конисскаго на могилевскую епископскую каѳедру обнаружилось, что и Бѣлоруссія, и восточная и западная Малороссія составляютъ единое цѣлое. Избраніе это было всенародное. Далѣе, когда въ 1762 году Екатерина II, при вступленіи на престолъ, объявила въ манифестѣ, что выступаетъ на защиту православія и русской народности отъ иноземныхъ посягательствъ, то этотъ манифестъ произвелъ въ западной Россіи впечатлѣніе, сильно смутившее тамошнія уніатскія власти, а Георгій Конисскій привѣтствовалъ Екатерину II на коронаціи, какъ государыню не только отъ своего имени, но и отъ имени Бѣлоруссіи. И для всѣхъ тогда было осязательно, что русская государыня распоряжается Польшей. Она посадила на польскій престолъ не знатнаго и не важнаго, но угоднаго ей человѣка—Станислава Понятовскаго.

Три главныхъ руководителя западно-русскаго народа взялись теперь обдумывать и приводить въ исполненіе средства спасти этотъ народъ отъ невыносимыхъ тягостей польскаго ига. Это сейчасъ упомянутый избранникъ этого народа бѣлорусскій епископъ, Георгій Конисскій, затѣмъ переяславскій епископъ Гервасій, которому ввѣрены были всѣ православные Украйны и который

занялъ положеніе истиннаго патріарха для народа этой страны, и наконецъ—игуменъ мотренинскаго монастыря (около Чигирина, у Днѣпра) Мельхиседекъ Яворскій, — самоотверженный сотрудникъ этихъ руководителей и ближайшій двигатель умовъ во всей Украйнѣ.

Народное русское оживленіе и рядъ крупныхъ событій, обратившихъ на себя всеобщее вниманіе, обнаружились одновременно и въ Бѣлоруссіи, и въ Украйнѣ, съ 1765 г. и чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе становились. Въ этомъ году изъ той и другой страны послѣдовали заявленія русской, православной силы, озадачившія и польское правительство, и польское общество. Георгій Конисскій сказалъ въ Варшавѣ королю знаменитую рѣчь о страданіяхъ русскаго народа въ Польшѣ, сдѣлавшуюся извѣстной и въ западной Европѣ, и затѣмъ подкрѣпилъ ее столь же сильнымъ по богатству фактовъ меморіаломъ объ обидахъ, тамъ же поданнымъ королю. Въ то же время Мельхиседекъ приносилъ въ Петербургѣ жалобу на столь же тяжкія обиды православнымъ въ Украйнѣ. Жалоба передана въ Варшаву въ дополненіе къ жалобамъ Георгія Конисскаго, которому и поручено вѣдать все дѣло всей православной западной Россіи. Какъ цѣнили въ западной Россіи этого общаго западно-русскаго ходатая, это можно достаточно видѣть изъ слѣдующихъ выраженій къ нему чувствъ благодарности. „Помнимъ ваши апостольскіе труды“, писалъ ему Гервасій. Тотъ же Гервасій, извѣщая кіевскаго митрополита о дѣлахъ Георгія въ Варшавѣ, между прочимъ, выражалъ: „изъ Варшавы отъ апостольскаго трудника, преосвященнаго Георгія... письмо привезено“.

Этими словами Гервасій вѣрно выражаетъ не толь-

ко свои личныя чувства къ Георгію Кониcскому, но и воодушевленіе своей паствы. Въ томъ же 1765 году, лѣтомъ, Гервасій, тогда уже глубокій старецъ, предпринялъ самое обычное въ наши времена дѣло — посѣщеніе своей паствы на западной сторонѣ Днѣпра; но это простое дѣло было тогда великимъ, историческимъ дѣломъ. Онъ двинулся въ чужое государство и въ такую часть своей паствы, которая около полустолѣтія не видала у себя архіерея. Поднялось сильное движеніе православнаго украинскаго народа къ берегамъ Днѣпра, у которыхъ (по западной сторонѣ его) Гервасій объѣжалъ монастыри, и увлекло его на значительное разстояніе на западъ, внутрь страны. Громадныя толпы народа, даже отряды панскихъ козаковъ сопровождали Гервасія. Ему на пути устрояли тріумфальныя ворота и выходили навстрѣчу съ хоругвями. Это было торжественное, побѣдоносное шествіе смиреннаго, любвеобильнаго представителя самой неодолимой силы западно-русскаго народа, и передъ ней все преклонялось.

Въ смущеніи закопошились высшія уніатскія власти и засѣли за трудную работу опроверженія фактовъ меморіала Георгія и другихъ жалобъ православныхъ. Въ еще большемъ смущеніи собрались въ Телепинѣ на совѣщаніе двигатели уніи въ Украйнѣ, и едва спасли свою жизнь отъ народной ярости. Положеніе ихъ стало еще труднѣе въ слѣдующемъ 1766 г., когда изъ Варшавы въ Украйну пришло извѣстіе, что Мельхиседекъ, находившійся уже въ Варшавѣ, добился утвержденія королемъ правъ и вольностей православныхъ. Во всей Украйнѣ унія отъ этихъ извѣстій таяла, какъ воскъ.

Народъ съ особеннымъ усердіемъ сталъ очищать отъ нея свои церкви къ пасхѣ этого года, чтобы совершить этотъ великій праздникъ вездѣ по православному. И въ Бѣлоруссіи и особенно въ Украйнѣ на помощь уніатамъ пришли поляки, и начали неистовыя преслѣдованія православныхъ подъ предлогомъ усмиренія бунтовъ. Въ Украйну вступило польское войско и при содѣйствіи его присланный нарочно въ Украйну великій фанатикъ, уніатскій оффиціалъ Мокрыцкій сталъ возстановлять унію,—нападалъ на дома священниковъ, конфисковалъ и истреблялъ ихъ имущество, а самихъ забиралъ въ свою резиденцію въ Корсунь, тиранилъ и затѣмъ упорныхъ препровождалъ на новыя муки въ средоточіе уніатскаго управленія въ Украйнѣ, въ Радомысль.

Польскія войска, бывшія подъ начальствомъ Воронича, не ограничились этимъ содѣйствіемъ уніатскимъ властямъ. Они рѣшились произвесть подавляющее и уже прямое дѣйствіе на самое православное населеніе и избрали для этого прежде всего самую выдающуюся мѣстность по энергіи православнаго населенія, именно, Черкасы. Здѣсь, послѣ отказа принять унію, поляки стали бить людей, раздирали рты, выворачивали ноги и руки. Затѣмъ распущено было извѣстіе, что все населеніе будетъ уведено въ недалеко отстоявшій польскій лагерь. Мужчины и женщины въ ужасѣ разбѣгались по лѣсамъ и лугамъ, оставляя на произволъ судьбы имущество и даже дѣтей. Въ другой, тоже сильной своею приверженностію къ православію мѣстности — въ Жаботинѣ, поляки погубили необыкновеннаго дѣятеля, прославленнаго и въ народной памяти, сотника Харька, друга и охранителя отъ опасностей Мельхиседека. Его Воронччъ

потребовалъ въ польскій лагерь и безъ суда приказалъ отрубить голову, а вскорѣ передъ праздникомъ преображенія господня вступило въ Жаботинъ польское войско и заявило, что вырѣжетъ народонаселеніе. Для большей еще убѣдительности польскіе воины стали приготовлять оружіе, оттачивать сабли, ножи, и жаботинцы получили приказъ утромъ въ день преображенія собраться во дворѣ начальника польскаго войска—Воронича. Народъ приготовился къ смерти и, явившись къ Вороничу, заявилъ, что готовъ умереть за православную вѣру. Польскій вождь пришелъ въ неистовство; но не рѣшился на ужасное дѣло — истребленіе всего населенія Жаботина. Онъ пригрозилъ жаботинцамъ привести на нихъ больше войска и прогналъ со двора. Еще тяжелѣе пришлось жителямъ самой ненавистной уніатамъ мѣстности — мѣстечка Телепина, гдѣ народъ недавно разогналъ собраніе представителей украинской уніи, въ чемъ и Харько хотѣлъ принять участіе, но опоздалъ. Мокрыцкій издалъ декретъ, которымъ всѣ жители Телепина, и старые и малые, осуждались на смерть. Сомнѣніе народа, чтобы можно было совершить такое невѣроятное дѣло, сильно разрушалось тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Телепинъ дѣйствительно вступило пятьсотъ солдатъ, которые заявили, что присланы для казни народа. Телепинцы въ ужасѣ послали къ польскому вождю мольбу о помилованіи и подарки, и покорились Мокрыцкому, который и принялъ ихъ обратно въ унію и прочиталъ надъ ними разрѣшительную молитву. Но уніаты и поляки не ограничивались такимъ легкимъ завоеваніемъ украинцевъ для уніи, а рѣшились для большаго утвержденія ихъ въ ней совершить торжественно въ томъ

же 1766 г. (слѣд. во второй половинѣ XVIII в.) казнь, которая своею лютостію живо напоминаетъ не только времена инквизиціи, но и времена языческихъ императоровъ, Нерона, Діоклетіана. Жители мѣстечка Мгліева или Мглѣева, у которыхъ священникъ не соглашался бросить уніи, рѣшились лишить его возможности совершать службу и требы по уніатски. Они вынесли изъ церкви церковныя вещи и спрятали въ нарочно для этого сдѣланный сундукъ. Но къ дарохранительницѣ съ запасными дарами никто не считалъ себя въ правѣ прикоснуться. На приходскомъ совѣщаніи по этому поводу рѣшено было избрать самаго благочестиваго и чистой жизни прихожанина, и поручить ему взять съ престола и спрятать дарохранительницу. Выборъ палъ на старика Данилу Кушнера. Данило повиновался, положилъ предъ престоломъ три земныхъ поклона, обернулъ свои руки церковною завѣсой, благоговѣйно взялъ дарохранительницу и поставилъ въ сундукъ. Уніаты пожаловались военнымъ властямъ, заявивъ, что Данило не допустилъ уніатскаго священника до совершенія обѣдни, разбросалъ священныя вещи, пролилъ чашу и спряталъ ее, т. е. обвинили его въ кощунствѣ и святотатствѣ. Польскія власти воспользовались этимъ обвиненіемъ, чтобы навести ужасъ на народъ, и, когда Данило отказался принять унію, осудили его на ужасную смерть. Для болѣе внушительнаго зрѣлища они согнали народъ изъ разныхъ селъ къ своему лагерю подъ Ольшаной, и здѣсь обвили у Данилы руки паклей, облили смолой и зажгли. Страдалецъ отъ великой боли возопилъ къ Богу: „Господи, Боже мой! что сіе подалъ ми еси: но воля твоя святая да будетъ на мнѣ! Пріими духъ мой!“ По-

томъ, посмотрѣвъ на народъ, сказалъ: „православные христіане! не вѣруйте вы уніатамъ! Они прокляты и вѣра ихъ проклята“! Поляки смутились и хотѣли было прекратить казнь и отпустить страдальца. Но уніатскій протопопъ Гдышицкій настоялъ, чтобы Данилѣ была отсѣчена голова, которая затѣмъ была водружена на столбъ, а тѣло его предано сожженію.

Но уніаты и поляки сильно ошиблись въ разсчетѣ, когда ожидали подавляющаго дѣйствія отъ этой казни. Спустя нѣкоторое время, православные тайно унесли голову мученика за Днѣпръ и направились къ Переяславлю. Народъ со всѣхъ сторонъ устремился туда же. Въ Переяславлѣ 24 октября 1766 г. произошло небывалое торжество. Епископъ Гервасій въ облаченіи и съ хоругвями, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства и народа, вышелъ на встрѣчу мученику, внесъ его голову въ каѳедральную церковь и здѣсь похоронилъ ее за лѣвымъ клиросомъ.

Понятно, какія чувства къ полякамъ и въ частности къ уніатамъ вызывало это торжество въ собравшемся народѣ, и тѣмъ сильнѣе было это чувство, что у всѣхъ тогда же было опасеніе за другого и самаго виднаго въ Украйнѣ человѣка—Мельхиседека, давно уже схваченнаго поляками. Его давно подстерегали поляки и уніаты, когда онъ къ веснѣ того же 1766 года возвратился изъ Варшавы съ королевскими грамотами о правахъ и вольностяхъ православнаго западно-русскаго народа. Въ одну изъ поѣздокъ его за Днѣпръ къ Гервасію, въ началѣ іюля, они его схватили и заточили. Сначала никто изъ православныхъ не зналъ, гдѣ онъ находится; затѣмъ узнали, что его заточили въ дерман-

скій монастырь на Волыни и хотятъ живого задѣлать (замуровать) въ стѣнѣ; наконецъ, пришло оттуда отъ него собственноручно написанное извѣстіе: „бѣдно стражду, смертно боленъ, въ желѣзахъ жестокихъ“. Заточеніе Мельхиседека сопровождалось новыми бѣдствіями для жителей Украйны. Иноки стали разбѣгаться изъ приднѣпровскихъ монастырей, гдѣ народъ только и находилъ тогда убѣжище и возможность удовлетворять своимъ религіознымъ потребностямъ.

Но мы знаемъ, что на торжественномъ прославленіи мученика Данилы были собраны въ большомъ числѣ силы и восточной, и западной Малороссіи. Объединеніе это естественно вызывало заботу общими силами помочь украинской бѣдѣ. Дѣйствительно, тогда уже происходили сношенія украинцевъ съ запорожскою Сѣчью и оттуда выдвигались защитники Украйны. Происходили сношенія даже съ донскими козаками. Обозначались грозныя для поляковъ силы.

Этотъ опасный и для всѣхъ вредный взрывъ народныхъ страстей былъ на нѣкоторое время отсроченъ трудами Гервасія и Мельхиседека. Гервасій приказалъ всѣмъ инокамъ оставаться ня своихъ мѣстахъ въ западнондѣпровскихъ монастыряхъ и исполнять свои обязанности. Онъ призывалъ всѣхъ къ терпѣнію и указывалъ даже на славу въ исторіи. „Чада возлюбленніи, православніи, писалъ онъ въ одномъ посланіи, вѣруйте, истинно бо есть, что и нынѣ и вы вашими святыми и благочестивыми и ревностными поступленіи и таковыми о вѣрѣ неисповѣдимыми терпѣніями и страданіями предъ всѣмъ христіанскимъ міромъ славу есте стяжали и исторію, вѣками нестеряемую“. Наконецъ, онъ всѣхъ обнадежи-

валъ скорымъ заступничествомъ Россіи, такъ какъ образъ дѣйствій поляковъ нарушаетъ, говорилъ онъ, всѣ договоры Россіи съ Польшей.

Въ самое трудное для Гервасія время, т. е. вскорѣ послѣ погребенія въ Переяславлѣ головы Данилы, неожиданно явился на восточной сторонѣ Днѣпра Мельхиседекъ. Русское правительство вступилось за него. Изъ Варшавы налегли на уніатовъ, и тѣ, не желая себя позорить, дали Мельхиседеку возможность бѣжать. Его высвободили изъ заточенія какіе-то русскіе купцы и доставили за Днѣпръ. Изъ заточенія своего Мельхиседекъ вынесъ также убѣжденіе и распространялъ его, что дѣла поляковъ и уніатовъ не могутъ не вызвать заступничества Россіи. Дѣйствительно, событія вскорѣ оправдали справедливость такого убѣжденія.

Давно уже Россія дѣлала въ этомъ смыслѣ представленія въ Варшавѣ, и такъ какъ въ Польшѣ страдали не одни православные, но и протестанты, то къ Россіи примыкали западно-европейскія протестантскія государства, даже Англія, а тѣмъ болѣе ближайшая сосѣдка Польши и весьма неравнодушная къ польской землѣ Пруссія. Въ 1766 г. польскій сеймъ отвергъ иностранныя ходатайства; но когда въ 1767 г. стали составляться конфедераціи: протестантская—торунская и православная—слуцкая, на помощь которой стали подходить русскія войска, то уніаты разбѣжались изъ Радомысля, и многіе православные узники, томившіеся тамъ, получили свободу.

Тогда же пришелъ указъ изъ св. синода объявить православнымъ, что русская государыня старается за-

щитить ихъ. По всей западной Россіи опять стали составляться прошенія о возвращеніи въ православіе.

Обѣ конфедераціи, православная и протестантская, слились въ одну—радомскую, къ которой вынужденъ былъ пристать король, и въ 1768 г. заключенъ былъ трактатъ, по которому православные и протестанты въ Польшѣ получали свободу совѣсти, хотя и неполную (отступленіе отъ господствующей вѣры въ Польшѣ подвергало изгнанію изъ отечества), но все-таки обезпечивающую спокойствіе тѣхъ, кто не принадлежалъ къ латинской вѣрѣ.

Но не долго православные жили надеждами на лучшее будущее. Даже противъ такой свободы совѣсти возстали многіе поляки и составили такъ называемую барскую конфедерацію, названную такъ по мѣстности, въ которой она сосредоточивалась, т. е. по городу Баръ, въ южной Украйнѣ, на границѣ той пустынной полосы, которая отдѣляла Турцію отъ Россіи и Польши.

Конфедерація эта, между прочимъ, отвергала всякую свободу совѣсти, и потому въ Украйнѣ подъ ея вліяніемъ сейчасъ же возобновились гоненія на православныхъ. На бѣду еще барская конфедерація стала стягивать къ себѣ войска изъ Украйны, и въ томъ числѣ пожелала стянуть къ себѣ украинскихъ козаковъ. Народъ ясно видѣлъ, что злѣйшіе его враги отнимаютъ у него послѣднюю силу и мало того, что направятъ ее на дѣло, враждебное ему, но при этомъ будутъ совершенно безнаказанно тиранить народъ. Уніаты, снова нахлынувшіе съ своею пропагандой, вполнѣ это подтверждали. Между тѣмъ, народъ зналъ, что противъ барскихъ конфедератовъ подвигаются русскія войска, и вполнѣ сознавалъ, что его обязанность дѣйствовать за-

одно не съ барскими конфедератами, а съ подступающими русскими войсками. Въ это-то время какіе-то злые люди пустили въ народъ подложный манифестъ Екатерины II, приглашавшій истреблять пановъ, ксендзовъ и жидовъ. Народъ страшно заволновался. Явились вожди, между прочимъ, Гонта — видный и даже образованный человѣкъ изъ мѣстныхъ козаковъ, и запорожецъ Желѣзнякъ. Составившіеся отряды стали совершать страшныя дѣла,—истребляли до тла все польское, ксендзовское, жидовское. Особенно жестоко истреблено польское и жидовское населеніе въ городѣ Умани, отъ чего и самое возстаніе получило названіе уманской рѣзни. Возстаніе это разросталось съ необыкновенною быстротой и подходило къ Волыни и Бѣлоруссіи. Возстаніе грозило самому существованію Польши, какъ польско-русскаго государства, и раздѣлъ этого государства сразу на польскую и русскую страну опять ясно обозначился.

Изъ исторіи даже новѣйшихъ временъ извѣстно, что иныя государства не только пользовались подобными смутами у сосѣдей, но даже возбуждали ихъ для своихъ цѣлей. Такъ, между прочимъ, таже Польша не только пользовалась нашими самозванческими смутами и пробовала завоевывать Россію, но несомнѣнно и возбуждала ихъ съ самаго начала.

Русское государство временъ Екатерины II, не смотря даже на то, что Польшу тогда расшатывалъ русскій же, православный народъ, составлявшій изъ древности достояніе Россіи и теперь жестоко страдавшій отъ Польши, не сочло позволительнымъ пользоваться для своихъ цѣлей такими бѣдствіями Польши. Оно напро-

тивъ само возстало противъ уманскихъ гайдамаковъ. Екатерина II объявила, что манифестъ, пущенный въ народъ отъ ея имени, подложный манифестъ, и приказала своимъ войскамъ усмирить гайдамацкое украинское возстаніе. Гайдамаки были усмирены; подавлена была даже запорожская Сѣчь, причемъ эти прославленные ужасные люди показали именно русскую доблесть. Когда у нихъ передъ приходомъ русскаго войска поднялись толки, что нужно биться и съ русскими, то большинство рѣшило, что нельзя воевать противъ русской царицы.

Къ величайшему прискорбію, все это дѣло подавленія народнаго возстанія въ Украйнѣ вели русскіе люди, или непонимавшіе западно-русскихъ народныхъ дѣлъ, или даже преданные полякамъ. Русскій посолъ въ Варшавѣ, наводившій неразъ ужасъ на польскихъ крикуновъ о вольности и заставлявшій польскіе сеймы дѣлать, что ему было угодно, князь Репнинъ, въ дѣйствительности былъ другомъ поляковъ, не бунтовавшихъ противъ Россіи, и былъ всегда весьма недружелюбенъ къ русскимъ западной Россіи. Онъ показывалъ явное невниманіе не только къ Мельхиседеку, но даже къ Георгію Конисскому. Еще болѣе былъ расположенъ къ полякамъ усмиритель гайдамаковъ генералъ Кречетниковъ, а другой генералъ Ширковъ былъ даже несомнѣнно жалкимъ орудіемъ поляковъ черезъ жену свою—польку.

Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ въ усмиреніи гайдамаковъ сдѣлано было много вопіющихъ ошибокъ и несправедливостей. Такъ усмиренные раздѣлены были на двѣ группы, и русскіе подданные препровождены для наказанія на восточную сторону Днѣпра, что было

совершенно естественно, а другіе—подданные польскаго государства переданы польскимъ властямъ. Новыми ужасами поражена была украинская земля. Висѣлицы съ болтающимися на нихъ трупами казненныхъ обозначали главнѣйшіе пути сообщенія въ этой странѣ на огромное пространство. Съ главныхъ виновниковъ возстанія, какъ съ Гонты, поляки сдирали кожу, другимъ обрубали руки, ноги, залечивали и пускали въ народъ для надлежащаго внушенія. Пострадали отъ польскихъ навѣтовъ и главные представители Украйны—Гервасій и Мельхиседекъ. Оба они удалены были съ своихъ мѣстъ и устранены отъ всякаго дальнѣйшаго вліянія на дѣла Украйны. Остался нетронутымъ только одинъ представитель западно-русскаго народа, іерархъ Бѣлоруссіи, Георгій Конисскій. Мало того, польскіе паны, не участвовавшіе въ барской конфедераціи, старались обратить русскія войска въ средство для возстановленія своей разшатанной помѣщичьей власти надъ русскими крестьянами своей страны и неразъ достигали этого.

Такимъ образомъ, Екатерина II не только устранилась, подобно Петру I, отъ разрѣшенія русско-польскаго вопроса по указаніямъ западно-русскаго народа, и помогла Польшѣ покорить себѣ этотъ народъ, но поступала еще гораздо суровѣе, чѣмъ Петръ I. Но по примѣру же Петра I Екатерина не нашла возможнымъ отступиться отъ защиты важнѣйшей стороны жизни этого народа,—православія. Она увидѣла ясно, что истинные смутотворцы въ Украйнѣ—уніатское духовенство. Поэтому еще до перваго раздѣла Польши, именно въ 1771 г., по жалобѣ православныхъ украинцевъ, многочисленные изъ уніатскихъ властей забраны были въ Украйнѣ русскими

отрядами и засажены въ Бердичевѣ, въ крѣпость. Это событіе понято было въ Украйнѣ и даже на Волыни такъ, что теперь конецъ и уніи и польской власти. Православные духовные взялись ревностно за возстановленіе православія, и силами народа, и при содѣйствіи русскихъ отрядовъ. Нѣкоторые изъ русскихъ военныхъ начальниковъ усердно помогали въ этомъ туземнымъ православнымъ. Особенно ревностно дѣйствовалъ князь Петръ Голицынъ. Въ Украйнѣ и значительной части Волыни, казалось, вполнѣ и окончательно возстановлялась русская православная жизнь и русское управленіе. Такимъ образомъ, народъ опять наводилъ русское правительство на рѣшеніе и его гражданской участи. Ходили слухи, что такъ и будетъ. Въ тоже время и политическія событія вынудили Екатерину взяться за гражданское разрѣшеніе русско-польскаго вопроса.

Усмиреніе барской конфедераціи втянуло Россію въ турецкую войну, которую и подготовили поляки въ союзѣ съ французами, и не мало затрудняли Россію во время самой войны. Екатерина подалась на давнія и настойчивыя предложенія Пруссіи раздѣлить польское государство, и произвела въ 1772 г. этотъ раздѣлъ, такъ называемый первый раздѣлъ Польши. Но раздѣлъ этотъ произведенъ такъ, что Россіи досталась самая неплодородная часть русской Польши, восточная Бѣлоруссія, а самая богатая по землѣ и энергіи народа Украйна, къ изумленію и прискорбію русскаго населенія ея, осталась подъ властію Польши, и, что̀ еще болѣе странно, къ этому раздѣлу привязалась держава, не положившая никакихъ трудовъ для усмиренія буйной Польши, именно, Австрія, получившая даромъ, къ великой обидѣ русскаго

народа, Галицію, не выдававшуюся ни польской, ни даже русской смутой, хотя несомнѣнно тяготѣвшей и къ Украйнѣ, и къ Россіи вообще.

Русскіе жители Украйны и части Волыни задумали было поправить рѣшеніе союзныхъ державъ, произведшихъ первый раздѣлъ Польши. Въ 1773 году они составили актъ великой исторической важности, къ сожалѣнію, остававшійся въ нашей наукѣ неизвѣстнымъ до послѣдняго времени. Это — полномочіе избраннымъ депутатамъ въ Петербургъ отъ имени жителей воеводствъ: кіевскаго, брацлавскаго, подольскаго и Волыни, т. е. отъ всей западной Малороссіи, просить Екатерину II, чтобы потребовала у Польши отмѣны стѣснительныхъ ограниченій въ трактатѣ 1768 г. правъ свободы совѣсти, т. е. права переходить въ православіе; „буде же польскій главный судъ не позволитъ на желаніе ихъ учинить удовольствіе, то они (малороссы) своимъ вѣрющимъ листомъ даютъ депутатамъ право поддать ихъ самодержавію россійскому подъ вѣчное защищеніе и подданство“. Но это была напрасная или, лучше сказать, преждевременная по тогдашнимъ соображеніямъ попытка. Въ Кіевѣ, куда депутаты прежде всего обратились съ своимъ актомъ, русскія власти потребовали выбросить послѣднее условіе, и депутаты отправились въ Петербургъ только съ просьбой о защитѣ ихъ правъ на спокойствіе совѣсти.

Послѣ перваго раздѣла наступилъ какъ бы отдыхъ для Польши отъ долговременныхъ смутъ и тревогъ. Время этого отдыха продолжалось десять лѣтъ и ознаменовано въ исторіи послѣдняго времени Польши нѣкоторыми полезными дѣлами. Польша тогда испытала

на себѣ силу сосѣдей и убѣдилась, что нужно жить скромнѣе. Съ другой стороны, освобожденная отъ значительной части лишнихъ, совершенно не польскихъ областей, она тѣмъ удобнѣе могла заняться своими внутренними дѣлами. Наконецъ, такому повороту много способствовало и то, что польскія партіи, убѣдившись въ своей несостоятельности, сдвигались въ одну и окружали охотнѣе своего злополучнаго короля, Станислава Понятовскаго. Въ самый годъ раздѣла Польша уничтожила у себя по рѣшенію папы іезуитскій орденъ. Громадныя имѣнія его и капиталы теперь обращались на устройство училищъ подъ управленіемъ училищной комиссіи, во главѣ которой стояли очень умные люди, какъ Конарскій, Чацкій, Коллонтай. Тизенгаузенъ занимался приведеніемъ въ лучшее состояніе промышленности, сельскаго хозяйства. Король поощрялъ науки. При немъ писалъ польскую исторію Нарушевичъ, щедро поощренный и русской императрицей Екатериной II. Поговаривали тогда даже объ обезпеченіи положенія хлоповъ. Но польская жизнь не такъ сложилась, чтобы поляки могли выработать дѣйствительное народное благо. Его не было и въ то, видимо счастливое время. Всѣми улучшеніями пользовалось только шляхетство, поднявшее бурю при одномъ слухѣ о предположеніяхъ облегчить крѣпостное состояніе. Поэтому хлопство и теперь также страдало, какъ и прежде, особенно хлопство русское. Поляки живо помнили гайдамацкія дѣла, а русскій народъ, оставленный подъ властію Польши, въ свою очередь, видѣлъ, что часть его уже достигла цѣлей гайдаматчины и находится подъ властью Россіи.

Какъ только уніатскіе священники были выпущены

изъ Бердичева (1773 г.) и русскія войска стали выходить изъ русско-польскихъ областей, такъ сейчасъ же налегло на эти области старое иго—унія со всѣми жестокостями стараго времени. Православные священники подвергались опять изгнанію, церкви обращались въ уніатскія и замѣщались уніатскими священниками, которые старались сугубо отомстить за недавнія свои невзгоды и иногда даже превосходили польскихъ мстителей за уманскую рѣзню. Такъ въ 1776 г. въ томъ самомъ городѣ Умани, гдѣ происходила эта рѣзня, цѣлая группа уніатскихъ духовныхъ замучила варварскимъ образомъ уманскаго протопопа, Кирилла Зельницкаго. Проповѣдники христіанской истины и любви выламывали этому протоіерею суставы, плясали на немъ, изломали грудь и выдавили внутренности. Вновь напуганный и давно уже измученный народъ по старому бросился на восточную сторону Днѣпра, жаловался, и искалъ въ тамошнихъ церквахъ христіанскаго утѣшенія. Но поляки устроили строжайшую стражу у Днѣпра и преграждали сношенія. Въ особенности они затрудняли присылку оттуда священниковъ въ приходы, занятые уніатами. Тогда народъ сталъ посылать своихъ кандидатовъ для рукоположенія въ Молдавію. Намножилось въ Украйнѣ безприходныхъ священниковъ, часто далеко не высокихъ качествъ по образованію, но, какъ сталь, твердыхъ въ православіи и народности. Они прятались по хуторамъ и мельницамъ; но производили такое сильное дѣйствіе на народъ, что образованнѣйшіе и хитрѣйшіе уніаты сознавались въ своемъ безсиліи побороть этихъ безприходныхъ священниковъ.

Слухи въ Молдавіи о затрудненіяхъ въ Украйнѣ до-

бывать православныхъ священниковъ вызвали оттуда на помощь украинцамъ бывшаго призрендскаго митрополита (въ старой Сербіи) Евсевія, великаго искателя приключеній и смутотворца, но въ тоже время весьма образованнаго человѣка и великаго ненавистника уніатовъ. Евсевій въ 1778 г. прибылъ изъ Молдавіи въ Украйну, утвердился въ Немировѣ, открылъ здѣсь въ родѣ епархіальнаго управленія и въ сопровожденіи вооруженной стражи изъ сербовъ, валаховъ, въ немаломъ числѣ населявшихъ Немировъ, объѣзжалъ свою, самозванно открытую епархію, и жестоко расправлялся съ уніатами. Много хлопотъ онъ надѣлалъ и польскому, и русскому правительству, и только въ 1781 г. его выжили изъ предѣловъ польскаго государства.

Эта новая и совершенно неожиданная смута, безъ сомнѣнія, имѣла не мало вліянія на то, что Екатерина рѣшилась ускорить давнее уже предположеніе устроить новую православную епархію въ русскихъ областяхъ, оставшихся подъ властію Польши. Православнымъ епископомъ для этой епархіи былъ назначенъ въ 1785 г. слуцкій архимандритъ, Викторъ Садковскій. Но и эта мѣра не установила спокойствія, не смотря на крайнее миролюбіе русскаго правительства, не смотря даже на податливость передъ поляками новоназначеннаго епископа, который съ разрѣшенія Екатерины принялъ польское подданство и всѣми мѣрами старался жить дружно съ поляками и даже уніатами.

Назначеніе православнаго епископа для русскихъ православныхъ подданныхъ въ польскомъ государствѣ составляетъ любопытную страницу въ исторіи польскихъ понятій о свободѣ совѣсти. Оно произвело взрывъ не-

годованій и воплей. Въ перепискѣ того времени доказывалось, что это противно и опасно для католической церкви латинскаго и уніатскаго обряда и не должно быть терпимо. И не какіе либо невѣжественные фанатики высказывали такія мнѣнія, а образованнѣйшіе люди польскаго общества, окружавшіе короля, и въ числѣ ихъ, самые, повидимому, гуманные уніаты—уніатскій митрополитъ, Смогоржевскій и его ближайшій повѣренный при польскомъ дворѣ, королевскій секретарь, а затѣмъ луцкій уніатскій епископъ, Левинскій.

У уніатовъ, впрочемъ, негодованіе противъ назначенія въ Польшу православнаго епископа имѣло особый характеръ. Они боялись, что величественность православнаго архіерейскаго облаченія и службы будетъ подавлять ихъ—уніатовъ, и такое сознаніе, что они, исказивъ въ уніи православные обряды, уничижили и ее и себя, было такъ сильно, что даже такой чистокровный по воспитанію и жизни полякъ, какъ Смогоржевскій, сталъ изучать православныя особенности устройства храмовъ, а Левинскій, когда его сдѣлали викарнымъ архіереемъ, сталъ просить дозволенія служить въ саккосѣ. Въ числѣ тогдашнихъ уніатовъ западной Россіи оказался еще болѣе сильный и, по всему видно, искренній реформаторъ уніи. Это священникъ Туркевичъ, задумавшій широкій планъ возстановленія въ уніи всѣхъ православныхъ обрядовъ съ цѣлью сближенія съ православными и возстановленія между тѣми и другими христіанскаго мира. Но планы Туркевича не нашли себѣ поддержки въ Малороссіи, гдѣ онъ ихъ развивалъ, и понятно почему. Не могла установить мира даже преобразовавшаяся унія тамъ, гдѣ ее отвергали въ самой сущности и желали

прямо православія. Преобразованіе уніи въ смыслѣ сближенія съ православіемъ могло имѣть смыслъ и жизнь тамъ, гдѣ искаженіе уніи сливало ее почти всецѣло съ латинствомъ и грозило ей съ этой стороны гибелью. Такъ это было въ бѣлорусской странѣ и это дѣло тогда же, какъ увидимъ, поднималъ новый и первый въ Россіи уніатскій епископъ, Лисовскій. Въ Малороссіи планы примиренія уніи съ православіемъ надѣлали лишь бѣды и православнымъ и уніатамъ.

Поляки никакъ не могли себѣ представить, чтобы православный архіерей, хотя и принявшій польское подданство, не былъ преданъ Россіи и не дѣйствовалъ въ Польшѣ въ русскихъ интересахъ. Они окружали его цѣпью зорко слѣдившихъ за каждымъ его шагомъ наблюдателей, къ чему призваны были, между прочимъ, всѣ монахи уніатскаго базиліанскаго ордена. Эти наблюдатели обратили особенное вниманіе на то, что Викторъ пишетъ донесенія въ св. синодъ, и еще болѣе на то, что онъ поминаетъ русскую императрицу и празднуетъ русскіе торжественные дни, и даже такія событія, какъ русскія побѣды въ новой турецкой войнѣ (1787 г.). Все это имъ казалось очень подозрительнымъ. Подозрѣніе еще болѣе усиливалось тѣмъ, что тогда, по случаю военныхъ дѣйствій, въ русскихъ областяхъ тогдашней Польши было опять много военныхъ людей и торговцевъ изъ Россіи, которые въ столкновеніяхъ съ поляками не затруднялись грозить имъ новою расправой съ Польшей русской императрицы. Полякамъ представилось, что готовится новый бунтъ народа, а объѣздъ Викторомъ въ 1788 г. своей епархіи представлялся имъ

рѣшительнымъ съ его стороны шагомъ къ вызову этого бунта.

Польское правительство, находившееся подъ сильнымъ вліяніемъ начавшагося уже тогда, такъ называемаго четырехлѣтняго сейма, постановило принять рѣшительныя мѣры противъ воображаемаго бунта и столь же воображаемыхъ руководителей его. Сеймовые маршалы издали прежде всего универсалъ, предписывавшій всѣмъ выходцамъ изъ Россіи, — торговцамъ и монахамъ удалиться изъ предѣловъ Польши въ теченіе двухъ недѣль подъ страхомъ подвергнуться заключенію въ крѣпости, а всѣ мѣстные духовные должны принести присягу на вѣрность польскому королю и рѣчи посполитой и впредь не поминать на богослуженіи царскихъ особъ иноземныхъ. Въ тоже время данъ былъ приказъ арестовать Виктора. Онъ и былъ арестованъ съ нѣкоторыми членами его слуцкой консисторіи, но въ началѣ же ареста отъ Виктора и его консисторіи потребовали издать духовенству указы, согласно вышеупомянутымъ требованіямъ. Это было исполнено, и Викторъ затѣмъ препровожденъ въ Варшаву для слѣдствія и суда, гдѣ и просидѣлъ въ тяжкомъ заключеніи до 1792 г.

Приводить въ исполненіе указы Виктора и его консисторіи взялись сами поляки, и стали приводить къ новой присягѣ не только духовенство, но и народъ. При этомъ многіе изъ нихъ развернули поразительныя свои способности вызывать бунты и, во всякомъ случаѣ, тиранить невинныхъ людей. Такъ, въ Бѣлоруссіи особенно отличился польскій поручикъ Мировскій. Онъ изобрѣлъ свою присягу, требовавшую вѣрности не только польскому королю и польскому государству, но и мѣст-

ному пану и его преемникамъ, и призывавшую всѣ бѣдствія и казни на присягавшаго и его домъ, если онъ преступитъ эту присягу. Но кромѣ того Мировскій и другіе исполнители сеймоваго распоряженія касательно присяги предлагали присягавшимъ подписывать какіе-то, неизвѣстные имъ пункты. Отказъ вызывалъ казни, для чего заблаговременно приготовлялись розги, палки, а Мировскій возилъ съ собою даже палача и объявлялъ, что имѣетъ надъ всѣми право жизни и смерти.

Подобный образъ дѣйствій особенно былъ опасенъ въ Малороссіи. Народъ тамъ съ трудомъ привлекали къ присягѣ; но съ подписями на какіе-то пункты дѣло было еще труднѣе. Народъ думалъ, что ему предлагаютъ подписываться на унію. Все русское населеніе Польши приведено было этой присягой въ страшное броженіе, которое распространилось даже на уніатское населеніе волынской области. По крайней мѣрѣ, чины польскаго правительства были въ этомъ увѣрены, производили разслѣдованіе, арестовывали и угрожали страшными муками многимъ уніатскимъ священникамъ.

Цѣлая коммиссія работала надъ разборомъ данныхъ о бунтѣ русскаго народа, написала и издала цѣлое сочиненіе объ этомъ, и представила сейму, который разобралъ его, призналъ, что зло захвачено во-время и 2 апрѣля 1790 г. маршалы сейма универсалами пригласили гражданъ польскаго государства возблагодарить Бога за избавленіе отъ угрожавшаго бунта. Вслѣдъ за тѣмъ польскій сеймъ преложилъ гнѣвъ на милость, призвалъ представителей православія на совѣщаніе объ устройствѣ ихъ самостоятельнаго церковнаго управленія, составленъ былъ проектъ, затѣмъ созвана въ 1791 г.

пинская конгрегація, которая подъ руководствомъ польскихъ комиссаровъ рѣшила установить для православныхъ Польши національную церковь съ зависимостію отъ константинопольскаго патріарха, съ архіепископомъ, тремя епископами и многосложною низшею организаціей, напоминавшей и протестантскія общины, и уніатскія конгрегаціи, и польскіе сеймики, сеймы. Но этой національной, сложно организованной церкви строго запрещалось самое существенное въ ея жизни—общеніе съ единовѣрною, русскою церковью. Это послѣднее запрещеніе, противорѣчившее самымъ основнымъ началамъ православія вообще, и было главнымъ вызовомъ ко всей этой сложной работѣ по устройству русской церкви въ Польшѣ. Наконецъ, среди болѣе крайнихъ ревнителей о возстановленіи силъ Польши, стала бродить мысль объ облегченіи хлопа. Но это подняло цѣлую бурю среди пановъ. Изъ среды пановъ, изъ полоцкаго, напримѣръ, воеводства посламъ на сеймъ даже дана была инструкція, чтобы они всѣми силами старались не допускать этой перемѣны, потому что хлопство необходимо для шляхетства, шляхетство погибнетъ при малѣйшей волѣ хлопства.

Событія показали, что и среди вышеупомянутыхъ ревнителей широкой польской свободы крестьянская воля представлялась лишь какъ средство повредить Россіи. Они видѣли и иные изъ нихъ прямо высказывали, что Россія владѣетъ умами и чувствами русскаго народа въ Польшѣ. Поэтому они думали, что если дать свободу русскому хлопу въ Польшѣ, то можно не только оторвать его отъ Россіи, но идти съ нимъ воевать самую

Россію и разрушать ее. Очевидно, они думали повторить пугачевскую исторію.

Вотъ, подлинная исторія Польши того времени внизу, въ русскомъ народѣ этого государства. Изъ нея можно видѣть, каковы были задатки благъ жизни для этого народа и какіе въ ней были настойчивые для Россіи вызовы взяться опять за дѣла Польши и рѣшить ихъ по указаніямъ этой исторіи внизу, въ самомъ народѣ.

Но кромѣ этой ясной и указывающей безповоротное рѣшеніе русско-польскаго вопроса, была еще другая, польская исторія наверху, въ шляхетской средѣ, которая и тогда ослѣпляла у многихъ глаза для наблюденія и уразумѣнія дѣйствительнаго хода дѣлъ, и до сихъ поръ ослѣпляетъ.

Тогда происходилъ четырехлѣтній, чрезвычайный сеймъ, завершившійся майской конституціей 1791 г. и затѣмъ вторымъ раздѣломъ Польши.

Польша, значительно объединенная въ своихъ партіяхъ, значительно ожившая въ своемъ шляхетствѣ, естественно пожелала завершить зданіе своихъ улучшеній, и рѣшилась выработать новую политическую жизнь. Въ 1788 году составился для этой цѣли сеймъ, который превращенъ въ безсмѣнный, и четыре года работалъ надъ новою своею конституціей, которую наконецъ выработалъ и принялъ въ 1791 г. 3 мая. По этой конституціи Польша дѣлалась монархическою страной съ усиленной властью короля и его правительства и съ болѣе правильнымъ парламентарнымъ устройствомъ, т. е. допущено рѣшеніе дѣлъ по большинству голосовъ а не по единогласному согласію, которое давало возможность самому негодному и даже подкупленному шлях-

тичу закричать: nie pozwalam! (не дозволяю), и весь сеймъ разстраивался.

Поляки превозносятъ свою майскую конституцію. Конечно, она имѣетъ достоинства, особенно въ сравненіи съ прежними порядками въ польской государственной жизни. Но считать ее образцомъ совершенства могутъ только одни польскіе шляхтичи. Въ ней сразу бросаются въ глаза два капитальныхъ недостатка.

Въ ней нѣтъ свободы совѣсти. Латинство въ ней признается также фанатически господствующимъ, какъ и въ старыя времена. Иновѣрцамъ дается только частная, личная свобода въ предѣлахъ вѣротерпимости, очевидно, по подражанію вѣротерпимости въ Россіи, но гораздо уже ея, т. е. безъ равноправности въ государственной средѣ.

Затѣмъ, въ ней нѣтъ свободы хлопству. Допущено только облегченіе, напримѣръ, въ томъ, что хлопа нельзя было убить безнаказанно, какъ въ старыя времена. Но извѣстно, что это постановленіе сдѣлано было еще на радомскомъ сеймѣ и сдѣлано по настоянію представителя Россіи, князя Репнина.

Мы знаемъ, въ какія бѣдствія повергли многочисленные, сеймовые сочинители конституціи русскаго хлопа и всѣхъ русскихъ польскаго государства передъ обнародованіемъ этой конституціи и съ какимъ законнымъ правомъ русская императрица должна была теперь возстать противъ Польши, не смотря ни на какія ея конституціи, и освободить отъ нея русскій народъ западной Россіи, который Польша теперь не только отрѣзывала отъ Россіи, даже въ дѣлахъ вѣры, но и собиралась поднять его противъ нея.

Русское правительство вполнѣ тогда сознавало и это свое право и его обязательность. Никогда прежде Екатерина II не дѣйствовала по отношенію къ Польшѣ съ такою рѣшительностію и въ такомъ русскомъ, народномъ направленіи, какъ теперь. Она быстро заняла русскія области Польши для окончательнаго присоединенія ихъ къ Россіи. Когда послѣдовалъ въ 1793 г. такъ называемый второй раздѣлъ Польши, то Екатерина велѣла отчеканить медаль съ изображеніемъ карты отнятыхъ областей и съ надписью кругомъ ея: „отторженное возвратихъ".

Эта надпись была справедлива въ томъ смыслѣ, что въ отнятыхъ теперь у Польши областяхъ не было ни одной мѣстности, не принадлежавшей когда либо Россіи, и что въ этихъ областяхъ, какъ увидимъ, жизнь возстановлялась съ такою быстротой и силой, что не могло возникать никакого сомнѣнія въ прочности сліянія съ остальною Россіей этихъ, нѣкогда отторгнутыхъ и теперь возвращаемыхъ областей.

Но эта надпись не вѣрна въ томъ смыслѣ, что второй раздѣлъ не возвращалъ Россіи всѣхъ русскихъ областей Польши. По второму раздѣлу къ Россіи отошли только часть Бѣлоруссіи по Динабургъ, Минскъ, и Пинскъ, и часть западной Малороссіи отъ Пинска до Каменецъ подольскаго почти по прямой линіи. Остальная часть Бѣлоруссіи до Нѣмана и дальше, и Волынь до Галиціи и холмской области остались за Польшей. Не говоримъ уже о сейчасъ упомянутой Галиціи, а также части холмской области остававшихся отъ перваго раздѣла за Австріей еще.

Неестественность второго раздѣла Польши еще больше

увеличена была самими поляками и дипломатіей того времени и увеличена до того, что совсѣмъ закрыла собой живое, историческое дѣло, — разрѣшеніе русско-польскаго вопроса.

Послѣ обнародованія майской конституціи многіе поляки, поборники старыхъ польскихъ порядковъ, стали жаловаться сосѣднимъ правительствамъ на незаконность преобразованій, произведенныхъ въ Польшѣ четырехлѣтнимъ сеймомъ, и призывали ихъ возстановить этотъ старый порядокъ съ историческимъ польскимъ правомъ кричать: nie pozwalam! Къ честнымъ поборникамъ польской старины сейчасъ же присоединились поляки продажные, для которыхъ деньги замѣняли и всю нравственность, и все, что есть дорогого въ родинѣ. Дипломатія, т. е. собственно прусская, тѣмъ болѣе обрадовалась этимъ жалобамъ, что еще въ 1768 году ей удалось навязать Польшѣ тягостное и беззаконное обязательство—не измѣнять своего внутренняго управленія. Это давало предлогъ и Пруссіи и Австріи поживиться теперь на счетъ Польши.

Такимъ образомъ, все дѣло второго раздѣла Польши, перенесенное въ область шляхетства, переставало быть исключительно русскимъ дѣломъ, какимъ ему слѣдовало быть, обращалось въ общее дѣло сосѣдей, и раздѣлу подвергалась уже и чисто польская земля, съ польскимъ народомъ на историческую гибель въ чужомъ, германскомъ мірѣ.

Понятно, что разсматриваемый съ этой шляхетской и дипломатической точки зрѣнія второй раздѣлъ Польши представлялся дѣломъ измѣны дурныхъ поляковъ и еще больше дѣломъ дипломатическихъ интригъ и неправдъ.

Поляки послѣ этого раздѣла пришли въ крайнее ожесточеніе и стали въ положеніе людей, которые, постоянно теряя, сами вызываются на дальнѣйшія потери и отчаянно защищаютъ послѣднюю мелочь.

Въ 1794 году они собрали оставшіяся у нихъ силы, увлекли и своего короля Станислава, и возстали противъ Россіи и Пруссіи. Извѣстный Костюшко сталъ во главѣ возставшихъ и даже кликалъ кличъ, но напрасный, къ польскому, простому народу. Союзники опять подавили поляковъ, причемъ особенно много сдѣлалъ нашъ знаменитый Суворовъ.

Польша подверглась въ 1795 г. третьему раздѣлу, и на этотъ разъ раздѣлена уже вся. Россія получила западную часть Бѣлоруссіи и восточную Литвы до Нѣмана и Вильны по Бугъ. Пруссія прибавила себѣ занѣманскую Литву, большую часть сѣверной половины Польши съ Варшавой, и съумѣла ворваться даже въ предѣлы бѣлорусскаго племени—Подлѣсье и врѣзалась даже далѣе на юго-востокъ, въ нынѣшній бѣлостокскій уѣздъ гродненской губерніи. Австрія пріобрѣла югъ Польши—краковскую область, радомскую губернію и тоже еще болѣе врѣзалась въ русскую землю—холмскую область.

Польша кончила свое старое существованіе. Самое имя ея было уничтожено. Надъ ней совершился историческій приговоръ, давно заявленный исторіей и давно требовавшій раздѣленія ея, какъ польско-русскаго государства, на двѣ части: русскую и польскую. Это былъ неминуемый приговоръ. Но къ этому приговору, который могъ бы и не касаться политической жизни чисто польской части Польши, Пруссія прибавила свою, давнюю страсть живиться западно-славянскими землями, а

примѣру Пруссіи послѣдовала и Австрія, которая, какъ извѣстно, вся сложена изъ различныхъ кусочковъ и для которой все равно, какіе получаются кусочки чужой земли, лишь бы получались.

Погибло польское государство, но не погибъ польскій народъ, хотя и безмолвно присутствовавшій при погибели своего отечества. Въ слѣдующій разъ мы увидимъ, какъ вырабатывалась снова польская государственность и вырабатывалась ли она изъ польскаго народа и на польской ли землѣ?

ЧТЕНІЕ XVI.

Положеніе русскихъ областей, отошедшихъ отъ Польши послѣ раздѣловъ этого государства. Оживленіе русскихъ силъ въ народѣ. Система управленія при императрицѣ Екатеринѣ. Русская колонизація. Положеніе областей чисто польскихъ подъ властію Австріи и Пруссіи. Рѣшительная невозможность развиваться въ нихъ мысли о возстановленіи польской государственности. Мысль эта развивается на русской почвѣ. Перемѣны въ управленіи западной Россіи при императорѣ Павлѣ. Адамъ Чарторыйскій. Его дружба съ императоромъ Александромъ I. Новыя перемѣны въ управленіи западной Россіи. Научное преобразованіе въ воспитаніи юношества въ западной Россіи. Польскія политическія надежды на императора Александра I-го. Надежды на Наполеона. Герцогство варшавское. Польское царство. Волненія поляковъ, закончившіяся возстаніемъ 1831 г. Народная исторія западной Россіи того времени. Положеніе уніатовъ послѣ Екатерины. Бѣдствія ихъ отъ латинянъ. Партія уніатская, старающаяся защищать унію отъ латинства и сблизить съ православіемъ. Митрополитъ Ираклій Лисовскій; епископъ Красовскій. Неудачи ихъ. Дѣятельность Іосифа Сѣмашки. Дѣло возсоединенія уніатовъ. Заключеніе *).

Въ заключеніе нашего историческаго очерка западной Россіи, разскажемъ, какъ возникла и стала осуществляться мысль о возстановленіи польской государст-

*) Іезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II и до нашего времени, два тома, соч. священника М. Морошкина, изд. 1867 и 1870 г. Исторія царствованія императора Александра I, соч. генер. Богдановича, т. III, гл. XXII и XXXVII, т. IV, гл.

венности послѣ раздѣловъ Польши. Мы увидимъ, что эта мысль развилась на русской почвѣ, въ западной Россіи, почему этотъ вопросъ и касается близко этой страны. Въ настоящемъ нашемъ разсказѣ, какъ и въ предъидущемъ, мы опять увидимъ двѣ исторіи,—шляхетско-польскую, которая разработана въ безчисленныхъ сочиненіяхъ, и народную, западно-русскую, скрывающуюся до сихъ поръ въ архивной пыли.

Раздѣлы Польши были для нея страшнымъ, потрясающимъ ударомъ. Погибла государственность, построенная вѣками, но, что̀ было еще хуже, быстро стало погибать вмѣстѣ съ государственностію и то, что давало ей жизнь,—быстро стали погибать полонизмъ и латинство этого государства. Особенно легко и быстро эта погибель происходила въ областяхъ, присоединенныхъ къ русской имперіи,—въ западной Россіи, гдѣ народное и религіозное единство дало русскому правительству твердую опору для дѣйствій. Слѣдующіе факты подтверждаютъ нашу мысль.

Едва послѣдовалъ первый раздѣлъ Польши, т. е. едва присоединена была къ Россіи сѣверо-восточная часть Бѣ-

---

XXXIX, т. V, гл. LIV, особенно гл. LVI (устройство царства польскаго), LXIV, LXV и LXVI (записка Карамзина о западной Россіи), и т. VI, гл. LXXII. Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 г. три тома, соч. Ф. Смита, переведено съ нѣмецкаго Квитницкимъ, изд. 1863—4 г. Іосифъ, митрополитъ литовскій и возсоединеніе уніатовъ съ православною церковью въ 1839 году, соч. графа Д. А. Толстого, изд. 1869 г.; О почившемъ митрополитѣ литовскомъ Іосифѣ — мое сочиненіе, изд. 1869 г. Издаются Академіей Наукъ записки митрополита Іосифа Сѣмашки. Судьбы уніи въ русской холмской епархіи, Н. Попова, изд. 1874 г.

лоруссіи, какъ унія въ этой странѣ стала исчезать безъ всякихъ усилій со стороны русскаго правительства и безъ всякой заботы о сохраненіи ея со стороны уніатовъ. Она безъ всякаго сомнѣнія и совершенно исчезла бы, если бы гибель ея не была задержана самымъ неожиданнымъ образомъ со стороны Екатерины. Присоединяя къ Россіи по первому раздѣлу часть польскаго государства, Екатерина издала свой знаменитый указъ о вѣротерпимости, по которому всѣ спокойно должны были оставаться въ своей вѣрѣ. Этотъ прославленный всѣми указъ повелъ къ вопіющей неправдѣ въ Бѣлоруссіи. Онъ насильственно задержалъ въ уніи десятки тысячъ народа, съ великимъ нетерпѣніемъ дожидавшагося раздѣла Польши, чтобы бросить унію, а теперь онъ долженъ былъ оставаться въ ней. Восемь лѣтъ Георгій Конисскій умолялъ отворить двери въ православіе этимъ узникамъ уніи, обращавшимся къ нему съ просьбой цѣлыми приходами, и только въ 1780 г. двери эти были отворены. Въ тоже время Екатерина II сдѣлала другую ошибку, еще труднѣе поправимую. Чтобы надежнѣе привлечь къ Россіи поляковъ Бѣлоруссіи и отвлечь ихъ отъ польскаго фанатическаго духовенства, Екатерина не уничтожила въ этой странѣ іезуитовъ, а напротивъ ввѣрила имъ воспитаніе бѣлорусскаго юношества, а остальную латинскую іерархію Бѣлоруссіи старалась направить на путь самостоятельной, независимой жизни подъ руководствомъ извѣстнаго, гуманнаго латинскаго митрополита, Сестренцевича. Іезуиты—эти всемірные развратители вѣрующихъ латинскаго закона — страшно развратили бѣлорусскую интеллигенцію, приготовили фанатиковъ и латинства и полонизма, а гу-

манный Сестренцевичъ сталъ загонять въ латинство уніатовъ. Сдавленные со всѣхъ сторонъ уніаты сами стали защищать себя. Между ними обнаружилось явное стремленіе къ очищенію уніи отъ латинскихъ особенностей и къ сближенію ея съ православіемъ. Управлявшій этою группою уніатовъ Ираклій Лисовскій, сперва архимандритъ, потомъ епископъ и наконецъ митрополитъ уніатскій, съ которымъ еще познакомимся ближе, возбуждалъ въ латинянахъ и друживших съ ними уніатахъ остальной части западной Россіи — жестокую ненависть. Они выдумывали противъ него самыя утонченныя интриги. Такъ напр. они переписывались между собою, какъ бы помѣшать Лисовскому получить епископскій санъ, и придумали выставить слѣдующее препятствіе. Зная, что Лисовскій не имѣетъ шляхетства, они думали убѣдить русское правительство, что нешляхтичъ не можетъ быть епископомъ по древнимъ обычаямъ уніатской церкви и что поэтому русское правительство не должно допускать Лисовскаго къ епископскому сану.

Направленіе дѣлъ въ восточной Бѣлоруссіи, подвластной уже Россіи, производило сильное вліяніе на народъ остальныхъ областей западной Россіи, бывшихъ еще подъ властію Польши. Народъ въ этихъ областяхъ, особенно въ Малороссіи, рвался тоже изъ уніи въ православіе. Русское правительство, старавшееся, очевидно, не раздражать поляковъ, сильно сдерживало этотъ порывъ народа, обставляло присоединеніе разными формальностями, которыя такъ пугали православную іерархію, что, напримѣръ, минскій епископъ Викторъ, присоединившій однажды четырехъ уніатовъ по необходимости,

со страхомъ писалъ въ Петербургъ, чтобы его за это не осудили. Но народъ не хотѣлъ знать дипломатическихъ разсчетовъ и требовалъ присоединенія къ православію. Сохранилось много прошеній, поданныхъ народомъ въ этомъ смыслѣ. Въ прошеніяхъ этихъ такъ подробно разсказываются время и способъ насильнаго обращенія народа въ унію и его неизмѣнное желаніе бросить ее, что сомнѣваться въ вѣрности ихъ невозможно. Въ этихъ прошеніяхъ нерѣдко высказываются очень замѣчательныя вещи. Въ нѣкоторыхъ говорится: „когда же и для насъ взойдетъ солнце, когда же и мы будемъ присоединены къ единовѣрной Россіи, избавимся отъ ига польскаго“.

Когда же наконецъ, это желаніе народа сбылось, послѣдовалъ второй и третій раздѣлы, то во многихъ мѣстахъ унія исчезла мгновенно. Цѣлые десятки тысячъ народа присоединялись вдругъ. Не успѣвали присылать православныхъ священниковъ. Въ теченіе полутора года, въ 1794 и въ началѣ 1795 года, присоединилось къ православію больше трехъ милліоновъ уніатовъ безъ волненій, безъ пролитія крови. Это безпримѣрное явленіе въ исторіи! Тутъ безсильны всѣ возраженія. Такъ мгновенно не совершаются крупные факты путемъ насилій, приказовъ. Мы этимъ, конечно, не отвергаемъ мелкихъ злоупотребленій и насилій. Они происходили, но почти исключительно только въ концѣ этого періода крупнаго возсоединенія уніатовъ, именно въ 1795 году. Въ это время число желавшихъ присоединиться приходило къ концу, оставались болѣе утвердившіеся въ уніи; а между тѣмъ назначены были новыя духовныя православныя власти, которыя естественно желали взяться за дѣло усердно.

Впрочемъ, такъ какъ русское правленіе тогда еще не было вездѣ организовано и духовнымъ властямъ не могло быть оказываемо твердое содѣйствіе, то злоупотребленія ихъ по дѣлу о возсоединеніи уніатовъ принимали очень оригинальный характеръ, живо напоминавшій дѣла западной Россіи во времена польскаго государства. Вотъ, какъ обыкновенно происходили насильственныя возсоединенія: православные узнавали, напримѣръ, что въ такомъ-то приходѣ есть желающіе принять православіе. Составлялась экспедиція изъ священниковъ, причетниковъ, отправлялась туда и приступала безъ дальнихъ околичностей къ освященію уніатской церкви. Если желавщихъ православія было большинство въ этомъ приходѣ или они были сгруппированы подлѣ церкви, то православіе возстановлялось; но если было наоборотъ, то уніаты прогоняли экспедицію и оставались въ уніи. До какой простоты иногда доходило дѣло, можно судить потому, что въ одномъ мѣстѣ православные священники, уже приступившіе къ освященію уніатской церкви, принуждены были спасаться бѣгствомъ и переплывать черезъ рѣку. Эту сцену устроили имъ польскіе паны, но суда не было никакого и церковь осталась уніатскою.

Унія оставалась только въ западной части западной Россіи, въ областяхъ, болѣе ополяченныхъ и олатиненныхъ. Вся же Малороссія и восточная часть Бѣлоруссіи какъ будто не знала уніи. Народная русская сила воскресла здѣсь вдругъ, сбросила съ себя съ поразительною легкостью не только государственное, но и духовное польское иго.

Одновременно съ оживленіемъ народа быстро подвига-

лось оживленіе западной Россіи и въ другихъ сферахъ. Императрица Екатерина II уничтожила здѣсь литовскій статутъ, заключавшій въ себѣ, правда, не мало древнихъ русскихъ началъ, но заключавшій также очень много и латино-германскихъ началъ. Вмѣсто статута введено было русское право. Назначались русскіе чиновники и, мѣра особенно важная, были раздаваемы русскимъ людямъ королевскія и конфискованныя имѣнія. Такимъ образомъ, одновременно съ русскимъ управленіемъ, полагалось прочное начало образованію русской общественной силы. Нѣтъ сомнѣнія, что весь этотъ порядокъ вещей быстро повелъ бы къ тому, что полонизмъ въ западной Россіи исчезъ бы безслѣдно, и это тогда тѣмъ легче могло совершиться, что многіе тогдашніе западно-русскіе поляки были поляками только по имени и по шляхетскимъ притязаніямъ, а на дѣлѣ были русскими, даже большею частію не знали польскаго языка.

Само собою очевидно, что при такомъ направленіи дѣлъ невозможно было полякамъ западной Россіи думать о возстановленіи польской государственности. Такой мысли предстояло развиваться развѣ на чисто-польской землѣ, среди польскаго народа. Но эта земля и этотъ народъ тогда раздѣлены были между двумя государствами, Австріей и Пруссіей, которыя за недостаткомъ народной опоры въ польскихъ своихъ владѣніяхъ, тѣмъ съ бо̀льшими усиліями старались прочно организовать въ нихъ свое управленіе. Они двинули противъ польскаго элемента силу искусной своей государственности и своей высокой цивилизаціи. Польшѣ подъ ихъ властію было несравненно тяжелѣе, чѣмъ подъ

властію Россіи, и еще труднѣе воскрешать здѣсь свою государственность. Стали они воскрешать ее не на своей чисто-польской землѣ, подъ властію нѣмцевъ, а у своихъ сострадательныхъ братьевъ—русскихъ славянъ, на русской землѣ.

Ошибки Екатерины II въ дѣлахъ западной Россіи сохраняли долго свою силу, а умная сторона ея управленія просуществовала недолго. Она быстро начала измѣняться со вступленіемъ на русскій престолъ Павла Петровича. Самыя благородныя и самыя гибельныя для западной Россіи побужденія заставили измѣнить умную систему управленія Екатерины. Поляки возбудили въ императорѣ Павлѣ сильное сожалѣніе къ ихъ печальной участи. Онъ сталъ освобождать изъ изгнанія въ Сибири многихъ изъ нихъ и возвращалъ имъ конфискованныя имѣнія, изъ которыхъ выводилъ русскихъ людей, вознаграждая ихъ имѣніями внутри имперіи. Такимъ образомъ, Россія дважды окупала благородное сострадание къ полякамъ. Затѣмъ, императоръ Павелъ возстановилъ въ западной Россіи литовскій статутъ, что̀ безспорно радовало въ областяхъ, недавно его оставившихъ, но въ восточной Бѣлоруссіи введеніе статута приводило въ отчаяніе,—такъ тамъ отвыкли отъ него.

Удаленіе изъ западной Россіи болѣе вліятельныхъ русскихъ людей и возстановленіе польскихъ порядковъ жизни, естественно, само собою, вело къ тому, чтобы эта страна очутилась снова подъ польскимъ вліяніемъ и въ польскихъ рукахъ. Два обстоятельства сразу упрочивали то и другое еще при императорѣ Павлѣ. Поляки при немъ введены въ русское дворянство и рус-

ское чиновничество *). Передъ ними открылась вся широта правъ русскаго дворянства и стремленій русскаго чиновничества. Ихъ власть въ западной Россіи на дѣлѣ стала гораздо сильнѣе, крѣпче, чѣмъ во времена польскаго государства. Въ этомъ не трудно убѣдиться, если вспомнить, что тогда было въ Россіи крѣпостное право, которое должно было лечь новою тягостію на западную Россію. Польское хлопство—неоспоримо худшее состояніе, чѣмъ крѣпостная зависимость въ Россіи; но при слабости польскаго государства, особенно при его разложеніи, хлопство въ западной Россіи часто было очень страшно панамъ. Отъ него они часто не могли спокойно спать и потому принуждены были иногда противъ воли давать ему льготы. Россія съ своей государственной организаціей, полной силы и способной всегда возстановить порядокъ, избавляла польскихъ пановъ отъ этого страха. Они могли спокойно давить хлопа, лишеннаго всякой возможности и надежды обуздать пана.

Въ довершеніе всѣхъ бѣдствій западной Россіи, къ императору Павлу нашла доступъ и латинская іерархія. Въ тѣ времена, въ девяностыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, французская революція была въ разгарѣ. Престолы сосѣднихъ государствъ шатались и всѣмъ было ясно, что подкапываетъ ихъ сила, носящая знамя невѣрія. Вопросъ о дружномъ соединеніи всѣхъ вѣрующихъ, безъ различія вѣроисповѣданій, былъ тогда самымъ естественнымъ и животрепещущимъ. Императоръ Павелъ избранъ былъ гросмейстеромъ мальтій-

*) При Екатеринѣ они въ этомъ отношеніи занимали довольно стѣсненное положеніе, высшія должности имъ не давались.

скаго ордена. Латиняне были имъ обласканы. Іезуиты забрались во дворецъ. Православная пропаганда по дѣлу объ уніатахъ пріостановлена. Латинскія епископіи, нѣсколько стѣсненныя при Екатеринѣ *), получили старыя льготы, уніатскія епископіи и митрополія возстановлены. Словомъ, западная Россія едва сдѣлала рѣшительный шагъ къ восточной Россіи, какъ столь же рѣшительно должна была отступить назадъ къ Польшѣ. Въ ближайшемъ однако будущемъ ее ожидало тогда положеніе, которое представляетъ намъ еще болѣе свѣтлый образецъ благородства и еще болѣе мрачное зло для западной Россіи.

Еще при императрицѣ Екатеринѣ пріѣхало въ Петербургъ изъ-за границы одно польское семейство. Побудила его къ этому угроза конфисковать его обширныя имѣнія, если оно останется за границей. Это было семейство Чарторыйскихъ. Молодой Чарторыйскій Адамъ поступилъ на русскую службу, вращался при русскомъ дворѣ и сблизился съ тогдашнимъ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, будущимъ русскимъ императоромъ. Между ними завязалась тѣсная дружба. Деревья Таврическаго сада чаще всего были свидѣтелями задушевныхъ бесѣдъ молодыхъ друзей. Главный предметъ этихъ бесѣдъ извѣстенъ; онъ переданъ самимъ Чарторыйскимъ и его жизнеописателями. Ополячившійся западно-русскій князь, Чарторыйскій изливалъ свое горе по поводу бѣдствій поляковъ и Польши. Будущій русскій императоръ съ благородствомъ и теп-

*) Нѣкоторыя латинскія епископскія каѳедры при Екатеринѣ были переведены изъ старыхъ центровъ дѣятельности на новыя мѣста.

лотою, которыми такъ полна была его душа, сожалѣлъ объ этихъ бѣдствіяхъ и высказывалъ желаніе облегчить ихъ. Повидимому, искренность и сочувствіе соединяли крѣпко обоихъ друзей. Эти свойства дѣйствительно были и высказывались во всей полнотѣ и блескѣ со стороны Александра Павловича, но въ душѣ поляка Чарторыйскаго основала свое гнѣздо самая ядовитая змѣя. Онъ, конечно, не могъ быть совершенно равнодушнымъ, особенно въ молодости, къ такому человѣку, какъ императоръ Александръ Павловичъ; но и въ молодости, а тѣмъ болѣе потомъ, Чарторыйскій съумѣлъ соединять привязанность къ русскому императору съ непримиримою ненавистью къ Россіи. Съ такою дружбою, вмѣщавшею непримиримые принципы и недостойною всякаго честнаго человѣка, Чарторыйскій находилъ возможнымъ выдвигаться на государственной русской службѣ, быть даже въ положеніи русскаго министра иностранныхъ дѣлъ.

Вліяніе Чарторыйскаго быстро повело къ расширенію польскихъ правъ въ западной Россіи и круга дѣйствій польской силы. Польское управленіе возстановлено въ западной Россіи во всей почти старой полнотѣ. Дозволено полное возстановленіе статута литовскаго съ сеймиками для выбора судей и разныхъ чиновниковъ. Русское управленіе въ странѣ подкапывалось этимъ путемъ въ самомъ корнѣ. Всѣ важнѣйшія отрасли управленія перешли въ руки поляковъ. Поляки оказались вездѣ на верху надъ русскимъ народомъ.

Понятное дѣло, что одна эта перемѣна дѣлъ возбудила роскошныя надежды поляковъ, а дружба Чарторыйскаго съ императоромъ Александромъ и положитель-

ныя увѣренія его друзей, что Польша будетъ возстановлена, закрѣпляли ихъ самымъ прочнымъ образомъ. Оставалось только, въ полной увѣренности и спокойствіи, готовить средства для будущей Польши. Чарторыйскій занялся этимъ приготовленіемъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и развернулъ его на всемъ пространствѣ западной Россіи. Онъ занялся приготовленіемъ для будущей Польши молодого поколѣнія въ этой странѣ.

Въ 1803 году возстановлена была виленская іезуитская академія подъ именемъ университета. Іезуитская сущность—подавленіе въ странѣ всего русскаго, православнаго — осталась въ новомъ университетѣ неприкосновенною, только обставлена была современными научными усовершенствованіями и воплощена больше прежняго въ полонизаціи. Польская національная наука выступила въ виленскомъ университетѣ въ такомъ величіи, въ какомъ никогда не являлась во времена польскаго государства. Тутъ собраны были лучшія дарованія, тутъ было все разнообразіе высшаго заведенія, совмѣщена была даже латинская и уніатская академія подъ именемъ главной семинаріи,—и все вѣнчалось видимою свободою и гуманностію. Чарторыйскій сдѣланъ кураторомъ этого обманчиво-величественнаго заведенія.

На другомъ пунктѣ западной Россіи, въ Малоросіи, именно, въ Кременцѣ, подлѣ древней православной обители почаевской, давно уже, впрочемъ, захваченной уніатами и бывшей тогда въ ихъ рукахъ, устроилась главная колонія виленскаго университета — кремнецкій лицей подъ управленіемъ Чацкаго, главнаго совѣтника Чарторыйскаго или, лучше сказать, руководителя его. Такимъ образомъ, всѣ лучшія силы западной Россіи,

искавшія широкаго развитія путемъ образованія, попадали въ одно изъ этихъ двухъ роскошныхъ гнѣздъ полонизма и выростали въ нихъ поляками, мечтавшими о возстановленіи Польши.

Чарторыйскій однако не ограничивался лучшими молодыми силами западной Россіи. Его система образованія была гораздо шире; она захватывала все, что только въ западной Россіи стремилось къ какому бы то ни было образованію. Виленскому университету подчинены были всѣ училища западной Россіи. По старымъ польскимъ понятіямъ образованіе юношества, особенно среднее и низшее, должно было находиться въ рукахъ духовенства. Въ западной Россіи, какъ мы знаемъ, были опытные спеціалисты въ этомъ дѣлѣ—іезуиты. Но іезуиты не нравились Чарторыйскому. Ихъ теорія была слишкомъ широка, могла возвышаться даже надъ интересами Польши, чего особенно нужно было бояться въ то время, когда іезуиты пользовались теплымъ пріютомъ въ Россіи. Пропаганду въ Россіи и слѣдовательно благоволеніе къ Россіи они могли, покрайней мѣрѣ, на время поставить выше чисто-польскихъ стремленій Чарторыйскаго. Чарторыйскій отвернулся отъ іезуитовъ и оперся на другой воспитательный органъ латинства — орденъ піаровъ, которые тоже давно уже занимались въ бывшемъ польскомъ государствѣ образованіемъ, въ подрывъ іезуитамъ, и послѣ изгнанія іезуитовъ вездѣ замѣнили ихъ. Не имѣя такихъ всемірныхъ цѣлей, какъ іезуиты, піары больше примыкали къ національнымъ интересамъ Польши и очень нравились полякамъ особенно потому, что въ своей системѣ образованія охотно допускали научныя усовершенствованія, которыхъ не

терпѣли іезуиты. Чарторыйскій ввѣрилъ піарамъ среднее образованіе, сталъ устроять для нихъ заведенія въ родѣ гимназій по всему пространству западной Россіи.

Наконецъ, послѣдняя, самая гибельная мѣра Чарторыйскаго была слѣдующая. Основною мыслію его было сліяніе въ западной Россіи всего русскаго съ польскимъ. Этой цѣли больше всего могли содѣйствовать училища піаровъ, но они не такъ удобно могли захватывать русскую массу людей. Какъ монахи латинскіе, они значительно были чужды русскимъ. На русскихъ гораздо удобнѣе и полнѣе могли дѣйствовать монахи уніатской церкви,—базиліане. Этотъ орденъ, вмѣстѣ съ чисто-іезуитскими и польскими началами, сохранялъ, хотя и въ искаженномъ видѣ, восточные, русскіе обряды. Народъ русскій легче могъ отдаваться имъ, не замѣчая дѣйствительнаго ихъ направленія. Чарторыйскій понялъ это громадное значеніе базиліанскаго ордена и позаботился объ умноженіи и устройствѣ его училищъ. Такія училища были во всѣхъ важнѣйшихъ базиліанскихъ монастыряхъ.

Такимъ образомъ, въ рукахъ партіи Чарторыйскаго было сосредоточено высшее образованіе западно-русскаго юношества и многочисленныя среднія учебныя заведенія, піарскія и базиліанскія. Всѣ эти заведенія поставлены были въ очень хорошее положеніе по средствамъ. Русское правительство не жалѣло денегъ. Чарторыйскій, кромѣ того, по указанію Чацкаго, нашелъ мѣстныя богатыя средства. Онъ привелъ въ извѣстность, какія когда либо сдѣланы были разными лицами пожалованія въ пользу образованія, зачисленныя на имѣнія жертвователей, и потребовалъ, чтобы всѣ подобныя суммы были

выплачиваемы. Для понужденія неисправныхъ плательщиковъ употреблялась русская сила.

Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ Чарторыйскаго, польскій духъ въ западной Россіи сталъ оживать и крѣпнуть во всѣхъ сферахъ общества, проникая быстро въ самые непочатые слои сохранявшейся до тѣхъ поръ русской жизни. Убѣжденіе въ возстановленіи Польши не допускало уже никакого сомнѣнія. Всѣ увѣрены были, что императоръ Александръ осуществитъ эту мысль въ самомъ скоромъ времени. Когда императоръ въ 1805 году отправлялся въ Австрію для борьбы съ Наполеономъ и проѣзжалъ австрійскую Польшу, то поляки съ неописаннымъ восторгомъ встрѣчали его, какъ воскресителя ихъ націи. Впрочемъ, и тогда уже чувства ихъ начали двоиться. Тѣ же надежды возбуждалъ въ нихъ и Наполеонъ I. Надежды эти сбылись, по согласію обоихъ императоровъ, въ 1807 году. При заключеніи тильзитскаго мира возстановлено было изъ частей прусской и австрійской Польши варшавское герцогство. Въ 1809 году по вѣнскому миру оно было увеличено на счетъ Австріи краковскою областью. Хотя Наполеонъ далеко не выполнилъ желаній поляковъ, но обаяніе его на нихъ стало брать рѣшительный верхъ надъ обаяніемъ, какое имѣлъ прежде императоръ Александръ. Такой перемѣнѣ не слѣдуетъ удивляться. Народныя чувства благодарности очень рѣдко бываютъ добродѣтелью; они обыкновенно неразрывно связаны съ выгодой. Но поляки въ своей неблагодарности къ русскому императору зашли слишкомъ далеко. Въ 1812 году они съ рвеніемъ кинулись въ борьбу Наполеона съ Россіей и вездѣ давали себя знать русскимъ своими жестокостями.

Въ Москвѣ народъ особенно не навидѣлъ и боялся тѣхъ французовъ, которые понимали по-русски и говорили по-русски. Это были поляки. Походъ Наполеона на Россію, какъ извѣстно, кончился неудачно. Въ томъ же году самъ онъ и остатки его громадной арміи побѣжали назадъ. За ними пошли русскія войска и заняли всю Польшу. Они пылали народною ненавистію къ неблагодарной странѣ и готовы были превратить ее въ пустыню. Но Польшу спасъ отъ этого бѣдствія тотъ же императоръ Александръ. Его не измѣнила польская неблагодарность. Онъ остался для поляковъ тѣмъ же благодѣтелемъ. Въ 1815 году, на вѣнскомъ конгрессѣ, онъ преодолѣлъ всѣ препятствія и возстановилъ герцогство варшавское, подъ именемъ царства польскаго, съ присоединеніемъ его къ Россіи. Въ томъ же году новому царству дана была конституція. Великій князь Константинъ Павловичъ поставленъ во главѣ его по военному управленію. На вѣнскомъ конгрессѣ обѣщано было расширеніе царства. Всѣ поляки понимали это обѣщаніе такъ, что къ царству будетъ присоединена западная Россія. Самъ императоръ Александръ какъ бы утверждалъ въ этой мысли поляковъ, и подчинилъ Константину Павловичу прилегающія къ Польшѣ западныя губерніи, впрочемъ, въ военномъ, а не въ гражданскомъ отношеніи.

Новое польское государство начало самостоятельную, конституціонную жизнь. Но, какъ извѣстно, жизнь эта съ каждымъ годомъ развивала въ полякахъ бо̀льшую и бо̀льшую ненависть къ Россіи. Партія недовольныхъ росла по часамъ, образовалось неодолимое противодѣйствіе Россіи, быстро развивались тайныя общества. Въ 1821 году пришлось распустить сеймъ, пришлось за-

няться потомъ разслѣдованіемъ тайныхъ обществъ. Въ 1825 г. сеймъ былъ снова открытъ, но необходимо было сдѣлать его уже не гласнымъ. Со вступленіемъ на престолъ императора Николая, дѣла не улучшились. На поляковъ не подѣйствовали: ни торжественная коронація императора въ Варшавѣ польскимъ королевскимъ вѣнцомъ въ 1829 году, ни обѣщаніе соблюдать всѣ права Польши. Въ концѣ слѣдующаго 1830 г. вспыхнуло польское возстаніе.

Быстрое оживленіе, блескъ и шумъ польской партіи въ западной Россіи этого новѣйшаго времени, т. е. со временъ императора Павла, совершенно заслонили собою народную западно-русскую исторію. Она какъ будто кончилась въ это время для потомства, но на дѣлѣ было иначе. Народная, западно-русская исторія въ это время развивалась своимъ старымъ путемъ и развивалась несравненно больше и живѣе, чѣмъ думаемъ мы—недавніе потомки людей того времени, забывшіе изучать дѣла западно-русскія подъ слоемъ польскимъ. Развивалась эта исторія, какъ и въ старыя времена, въ формѣ религіозной,—въ уніатскомъ вопросѣ.

Положеніе уніатской церкви, съ конца царствованія императрицы Екатерины II, было слѣдующее. Для управленія латинянами русской имперіи устроена въ Петербургѣ римско-католическая коллегія. Этой коллегіи подчинена была и уніатская церковь. Такого важнаго шага, чтобы уніатская церковь управлялась латинской іерархіей, никогда не могла достигнуть Польша. Понятно, что положеніе западно-русскихъ уніатовъ, при такомъ управленіи, должно было сдѣлаться очень бѣдственнымъ при первой ослабѣ, попущенной латинской іерар-

хіи. Ослаба эта, какъ мы говорили, сдѣлана при императорѣ Павлѣ. Тогда же она и отразилась на уніатахъ. Императоръ Павелъ, какъ человѣкъ прямой и рѣшительный, не могъ понять такого двуличнаго и неопредѣленнаго вѣроисповѣданія, какъ уніатское, и отзывался объ уніатахъ, что это — ни рыба, ни мясо, т. е., что нужно быть или православнымъ, или латиняниномъ, а не уніатомъ. Эта фраза какъ нельзя болѣе оттѣнила тогда историческое развитіе уніи. Она въ тѣ времена явно направлялась къ православію. Поляки естественно желали повернуть ее къ латинству. При Екатеринѣ унія пошла по первому пути. Теперь поляки повернули ее на второй, пустили въ ходъ объясненіе, что само русское правительство желаетъ, чтобы уніаты дѣлались латинянами и, не дожидаясь ихъ согласія, силою обращали въ латинство цѣлые уніатскіе приходы. Уніаты возопили. Во главѣ ихъ, какъ мы знаемъ, стоялъ Ираклій Лисовскій, человѣкъ неспособный поддаться внушеніямъ латинянъ. Онъ сталъ особенно ревностно дѣйствовать въ слѣдующее царствованіе, при императорѣ Александрѣ I. Въ 1803—5 гг. Лисовскій подавалъ прошенія съ жалобой на угнетеніе уніатовъ со стороны латинянъ. Тогда же онъ добился разрѣшенія пріѣхать въ Петербургъ и открылъ въ скоромъ времени поразительныя вещи, именно, что латиняне успѣли насильно обратить въ латинство двадцать тысячъ уніатскаго народа. Лисовскій умолялъ избавить уніатовъ отъ латинской опеки и подчинить ихъ управленію святѣйшаго синода. Въ 1811 г., приближаясь къ смерти, Лисовскій сдѣлалъ завѣщаніе, въ которомъ умолялъ русское правительство спасти унію отъ латинской погибели, по

крайней мѣрѣ, ввѣрить управленіе ею послѣ его смерти такому человѣку, который бы любилъ въ уніи восточные обряды и охранялъ ихъ отъ латинскихъ искаженій. Онъ указывалъ въ этомъ случаѣ на полоцкаго епископа Красовскаго. Господство Чарторыйскаго, а потомъ военныя времена, съ 1812 г. дѣлали невозможнымъ серьезное изученіе уніатскаго вопроса и надлежащее вниманіе къ нему. Уніатское управленіе осталось при римско-католической коллегіи. Образованъ былъ только въ коллегіи особый уніатскій департаментъ, въ которомъ засѣдали одни уніаты. Но эти члены уніатскаго управленія не могли имѣть силы. Они должны были представлять свои дѣла въ общее собраніе коллегіи, гдѣ латинское большинство членовъ уничтожало всѣ уніатскія распоряженія, направленныя противъ латинянъ. Красовскій не только не былъ сдѣланъ митрополитомъ, но преданъ суду и изгибъ въ Луцкѣ, куда былъ перемѣщенъ послѣ суда.

Но голосъ Лисовскаго и Красовскаго не замеръ. За ними стояла значительная уніатская партія, жаждавшая избавленія отъ позорнаго латинскаго и польскаго рабства. Это было лучшее бѣлое духовенство уніатской церкви. Лисовскій и Красовскій ратовали вверху; бѣлое уніатское духовенство ратовало внизу, гдѣ оно находило себѣ враговъ, еще болѣе опасныхъ, чѣмъ латиняне, въ монахахъ уніатскихъ—базиліанахъ. Въ одной изъ отдаленнѣйшихъ тогда уніатской епархіи, брестской, по счастливому случаю, управленіе было въ рукахъ бѣлаго духовенства. Монахи базиліане, поработившіе себѣ почти все пространство западной Россіи, гдѣ только были уніаты, смотрѣли очень враждебно на такое управленіе брестской епископіи и хотѣли

уничтожить его. Члены брестской капитулы въ 1819 г. подали тогдашнему уніатскому митрополиту Булгаку объясненіе, въ которомъ изложили съ необыкновеннымъ знаніемъ дѣла всю исторію бѣдствій бѣлаго уніатскаго духовенства отъ монаховъ базиліанъ. Это новое заявленіе правъ на жизнь также пропало, какъ и прежнія, но пропало только для ближайшаго времени. Оба протеста: протестъ Лисовскаго и протестъ противъ рабства лучшей части уніатской церкви, руководителей народа, бѣлаго духовенства, отъ монаховъ базиліанъ послужили основными принципами для дѣятельности новаго лица, выступившаго на борьбу противъ этихъ золъ,—для дѣятельности знаменитаго, приснопамятнаго митрополита литовскаго, Іосифа Сѣмашки.

Начало дѣятельности Іосифа Сѣмашки, по вопросу о возсоединеніи уніатовъ, относится къ 1827 году. Въ это время Іосифъ Сѣмашко засѣдалъ въ римско-католической коллегіи во 2 (уніатскомъ) департаментѣ ея, въ качествѣ депутата отъ уніатовъ, какъ каноникъ луцкой епископіи. Несправедливости латинянъ по отношенію къ уніатамъ привели его въ негодованіе и въ сильное раздумье надъ несчастною судьбой уніатской церкви. То и другое луцкій каноникъ высказалъ тогдашнему директору департамента исповѣданій Карташевскому и, по совѣту его, изложилъ въ видѣ докладной записки. Записка была представлена государю Николаю Павловичу и обратила на себя надлежащее вниманіе; но не легко было сдѣлать изъ нея практическое приложеніе, потому что многіе тогдашніе русскіе сановники еще находились подъ вліяніемъ направленія Чарторыйскаго и считали неумѣстнымъ помогать русскому народу западной

Россіи вопреки интересамъ польской и латинской партіи въ этой странѣ. Подобной щекотливости не имѣлъ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, Д. Н. (впослѣдствіи графъ) Блудовъ, — другъ лучшихъ тогдашнихъ русскихъ писателей и русскихъ людей, Карамзина, Жуковскаго и другихъ. Онъ принялъ на себя дѣло уніатское и съ тѣхъ поръ до 1836 г. постоянно работалъ вмѣстѣ съ Іосифомъ Сѣмашкой. Въ 1827 — 30 году приняты были слѣдующія мѣры:

Уніатская церковь отдѣлена была отъ латинской учрежденіемъ уніатской коллегіи, запрещеніемъ смѣшенія въ служеніи и совершеніи обрядовъ духовенства той и другой церкви, уничтоженіемъ панскаго ктиторства надъ уніатскими церквами.

Ослаблено значеніе базиліанскаго ордена закрытіемъ большей части базиліанскихъ монастырей.

Положено начало образованію новаго уніатскаго поколѣнія въ новомъ духѣ основаніемъ 1826 г., жировицкой уніатской семинаріи.

Всѣ эти мѣры, какъ естественно было ожидать, вызвали самыя усиленныя интриги со стороны польской и латинской партій. Черезъ Варшаву пущено было въ самыя высшія правительственныя сферы анонимное письмо, въ которомъ стремленіе уніатовъ къ православію представлялось недостойной интригой бѣлаго духовенства противъ монаховъ базиліанъ, а базиліане выставлены, какъ неутомимые двигатели истины и просвѣщенія, и сравнены съ іезуитами латинской церкви. Послѣдняя фраза погубила все дѣло. Русское правительство теперь ясно поняло, что̀ такое базиліане. Въ отчаяніи базиліане рѣшились на невѣроятную мѣру: они

предложили святѣйшему синоду взять ихъ орденъ въ свое управленіе, только бы его не подчиняли бѣлому уніатскому духовенству, т. е. епархіальному управленію. Поляки между тѣмъ подстерегали ревнителей православныхъ обрядовъ между уніатскими священниками и нерѣдко расправлялись съ ними самымъ безцеремоннымъ образомъ. Сохранилось нѣсколько дѣлъ объ истязаніи священниковъ и крестьянъ за приверженность къ православнымъ обрядамъ. Уніатское духовенство однако не унывало. Оно встрѣчало съ сочувствіемъ преобразованія въ уніатской церкви. Ослабленіе власти латинянъ, паденіе ненавистныхъ базиліанъ, надежда улучшить свой, страшно жалкій бытъ матеріальными средствами базиліанскаго ордена — все это были такія перемѣны, которыя не могли не возбуждать радости въ душѣ тѣхъ бѣдныхъ, задавленныхъ уніатскихъ священниковъ, которые стояли ближе къ народу и къ своей древней русской вѣрѣ.

Польское возстаніе 1831 года рѣзко измѣнило это естественное, постепенное православное развитіе уніи... Польская смута показала правительству, какъ нельзя яснѣе, всю опасность латинскаго направленія въ уніи и всю благотворность для Россіи возсоединенія уніатовъ. Возсоединеніе такимъ образомъ получило въ высшей степени политическое значеніе. Правительство не могло не желать ускоренія уніатскаго дѣла и не удвоить своего содѣйствія ему. Въ этомъ убѣжденіи правительство было утверждено и православными архіереями, бывшими тогда въ нѣсколькихъ пунктахъ западной Россіи: въ Могилевѣ, Полоцкѣ, Минскѣ, Житомірѣ. Всѣ они слѣдовали старымъ обычаямъ и восточной и западной Рос-

сіи прямо обращать въ православіе, и занимались этимъ дѣломъ съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ. О готовившемся другомъ, постепенномъ возсоединеніи уніатовъ они долгое время не знали и естественно находили много страннаго въ томъ оживленіи уніатской церкви, какое возбуждалъ въ ней Іосифъ Сѣмашко, пріобрѣтавшій вездѣ бо̀льшую и бо̀льшую силу. Все это создало множество совершенно напрасныхъ недоразумѣній и даже враждебныхъ чувствъ. Уніатское духовенство оскорблялось всякимъ случаемъ прямого обращенія народа въ православіе. Дѣятели возсоединенія поставлены были въ непріятную необходимость или вести борьбу съ православными властями ко вреду собственнаго дѣла, или уступать имъ къ соблазну между уніатами. Польская латинская партія воспользовалась этимъ разладомъ и удвоила свои усилія, чтобы въ дѣлѣ возсоединенія вымѣстить свои неудачи въ возстаніи 1831 г. Она стала заботливо распространять мнѣніе, въ сущности совершенно вѣрное, но изуродованное и сильно смущавшее многихъ уніатовъ, что дѣятели уніатскіе, очищавшіе унію отъ латинства, тоже дѣлаютъ, что и православныя власти, что всѣхъ ожидаетъ то же самое, говорили они, насиліе совѣсти, причемъ постоянно выставляли на видъ, какъ грѣшно нарушать присягу папѣ, данную при рукоположеніи въ священническій санъ. Оставшіеся базиліане и особенно безмѣстные, вдовые уніатскіе священники, которыхъ было очень много при болѣе богатыхъ уніатскихъ церквахъ и при костелахъ въ должности викаріевъ, разсыпались по всей западной Россіи съ проповѣдью противъ возсоединенія. Паны и ксендзы давали имъ убѣжище, пересылали одни къ другимъ. Не гово-

римъ уже объ агентахъ чисто латинской вѣры и чисто польской крови.

Само собою разумѣется, что при такомъ порядкѣ вещей дѣятелямъ возсоединенія было необыкновенно трудно развивать между уніатами общественную, православную силу. Злоупотребленія и интриги становились имъ поперекъ на каждомъ шагу. Число людей, преданныхъ дѣлу возсоединенія въ уніи древневосточнаго строя, противъ котораго не могла заговорить совѣсть ни одного честнаго уніата, уменьшалось самымъ искусственнымъ образомъ. Дѣятели возсоединенія пришли къ убѣжденію, что почва у нихъ выхватывается изъ-подъ ногъ наибеззаконнѣйшимъ способомъ, но въ то же время столь искуснымъ, что святое, вѣковое дѣло западно-русской жизни можетъ погибнуть. Подъ вліяніемъ этихъ опасеній, которыхъ силу можетъ понять только тотъ, кто хорошо знаетъ польскую крамолу того времени, они согласились на ускореніе дѣла о возсоединеніи уніатовъ, согласились дать ему безповоротное направленіе. Въ этихъ видахъ въ 1834 году составленъ соборъ уніатскихъ властей въ Петербургѣ, и на немъ рѣшено ввести въ уніатскую церковь немедленно православное устройство и употребленіе православныхъ книгъ московскаго изданія.

Эта мѣра, при всей своей соборной санкціи, требовала самой благоразумной осторожности. Къ сожалѣнію, этой осторожности не имѣли многіе низшіе исполнители уніатскіе и еще меньше имѣли ее чиновники, которымъ поручено содѣйствовать уніатскимъ благочиннымъ. Польская латинская партія воспользовалась и этимъ обстоятельствомъ. Подъ ея руководствомъ, олати-

нившіеся уніатскіе священники стали возмущать своихъ собратій священниковъ, народъ, и разными искусственными мѣрами составлять протесты. Такихъ, особенно шумныхъ протестовъ было два: одинъ въ Новгородкѣ въ 1834 г., большинство членовъ котораго не знало, что̀ подписываетъ, и другой въ Церковнѣ въ 1838 г., гдѣ въ числѣ подписей нашлись имена людей, невладѣвшихъ рукой. Быстрый разборъ дѣла на мѣстѣ и наказаніе виновныхъ въ подстрекательствѣ немедленно разрушали эти интриги. Но гораздо труднѣе было улаживать тѣ дѣла, въ которыя замѣшивали народъ. Народъ этотъ, какъ извѣстно, былъ тогда въ крѣпостномъ состояніи у польскихъ пановъ. Въ силу этого права паны сѣкли народъ за всякое сочувствіе къ православію и силою посылали его препятствовать переустройству уніатскихъ церквей по православному. Всѣмъ было ясно, что народъ настрояютъ и увлекаютъ въ это дѣло паны; но не всегда можно было доказать это, потому что паны грозили адской крѣпостной мукой тѣмъ крестьянамъ, которые бы ихъ открыли. Практическіе русскіе чиновники разрѣшали эти затрудненія такъ, что и сами иногда наказывали крестьянъ, и крестьяне получали возможность убѣждать своихъ пановъ, что принимаютъ православіе невольно. Мы не можемъ здѣсь вдаваться въ подробности, которыми полны многочисленныя, прочитанныя нами дѣла: но мы увѣряемъ читателей, что никакая исторія не представляетъ собою такого адскаго, чудовищнаго сплетенія интригъ, какъ простѣйшая исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ, и что этой простоты, а равно и адскихъ интригъ невозможно понять, опуская изъ виду польскій іезуитизмъ и крѣпостное право, бывшіе тогда

въ такой силѣ въ западной Россіи. Дѣятелямъ возсоединенія, среди всѣхъ этихъ обстоятельствъ, приходилось испытывать много мукъ и много нужно было имъ имѣть энергіи, чтобы десять разъ не пасть духомъ подъ тяжестію самыхъ искусственныхъ и въ то же время самыхъ тяжелыхъ ударовъ. Они однако не пали духомъ. Во главѣ ихъ стоялъ Іосифъ Симашко, о которомъ извѣстный своею страстію къ острымъ словамъ, Вигель говорилъ, что это—человѣкъ, созданный разрушать или созидать царства, и о которомъ мы, на основаніи и довольно близкаго личнаго знакомства, и еще болѣе, на основаніи многолѣтняго изученія его дѣлъ по архивнымъ документамъ, скажемъ, что это былъ западно-русскій ясновидящій, разрѣшавшій труднѣйшіе вопросы и дѣла съ тою простотою и легкостію, какія, кромѣ дарованій и даже прежде дарованій, даются въ самой плоти и крови родной землей и родными историческими преданіями. Дѣло возсоединенія, хотя съ трудомъ, но пошло къ концу. Оно совершилось, какъ извѣстно, 25 марта 1839 г.

Значительная часть тогдашняго русскаго общества не поняла русскаго, народнаго значенія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ. Только въ послѣднюю польскую смуту всѣмъ стало ясно, что это было великое дѣло, не только церковное, но и государственное и что та и другая сторона его крѣпко стоятъ на основахъ народныхъ и живыхъ историческихъ преданіяхъ.

При всякомъ внѣшнемъ сближеніи западной Россіи съ восточной сказывалось и закрѣплялось чѣмъ либо особеннымъ и внутреннее ихъ сближеніе и объединеніе. Такъ было въ старыя времена при Іоаннѣ III и во вре-

мена Хмѣльницкаго. Такъ было при Екатеринѣ II и Николаѣ I. То же естественно случилось и во времена послѣдней польской смуты 1863 г., этого величайшаго изъ польскихъ безумій, по сознанію самихъ поляковъ, и тѣмъ яснѣе сказалось теперь единеніе восточной и западной Россіи, что въ той и другой уже совершилось тогда великое русское дѣло—освобожденіе крестьянъ, и уже не одни образованные люди могли принимать участіе, заявлять и словомъ и дѣломъ единеніе обѣихъ половинъ Россіи, а всѣ русскіе люди той и другой. Единеніе это и сказалось въ такихъ дѣлахъ, которыя навсегда останутся величественными памятниками цѣльной русской силы. Въ эту послѣднюю смуту совершены въ западной Россіи слѣдующія, главнѣйшія дѣла:

Прочно устроено крестьянское, поземельное дѣло. Особенную важность въ этомъ отношеніи имѣютъ: обязательный выкупъ крестьянской земли и заботы правительства о земельномъ устройствѣ обезземенныхъ крестьянъ, такъ называемыхъ батраковъ.

Воздвигнуты изъ развалинъ и вновь построены многочисленные православные храмы и хорошо обезпечено православное духовенство.

По всей странѣ устроены многочисленныя народныя училища и обезпечено правильное, русское веденіе въ нихъ ученія учрежденіемъ нѣсколькихъ учительскихъ семинарій, въ которыхъ будущіе учителя берутся главнымъобразомъ изъ самого же простого народа.

Приняты мѣры и къ тому, чтобы выдающіеся, даровитые русскіе люди въ западной Россіи могли легче получать среднее и высшее образованіе и вообще легче и правильнѣе развиваться путемъ образованія, путемъ

науки. Учреждены въ этихъ видахъ стипендіи въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и употреблены большія денежныя средства для развитія въ западной Россіи книжнаго дѣла и ученыхъ работъ. Была даже мысль объ открытіи въ Вильнѣ духовной академіи, въ которой бы совмѣщались главнѣйшія знанія, нужныя и для духовныхъ, и для свѣтскихъ людей.

Возстановлено во всей административной, учебной и общественной средѣ господство русскаго языка.

Для прочнаго развитія всѣхъ этихъ дѣлъ и вообще для правильнаго теченія русской жизни въ этой странѣ устроено дѣйствительно русское управленіе изъ русскихъ людей и положено начало образованію русскаго землевладѣльческаго, образованнаго класса указомъ 10 декабря 1865 года, которымъ даны особенныя льготы русскимъ людямъ по пріобрѣтенію земли въ западной Россіи и положенъ предѣлъ дальнѣйшему увеличенію въ этой странѣ польскаго землевладѣнія.

Имя бывшаго въ труднѣйшія изъ этихъ временъ, начальника сѣверо-западнаго края, графа Михаила Николаевича Муравьева, какъ главнѣйшаго двигателя почти всѣхъ этихъ дѣлъ, будетъ, безъ сомнѣнія, всегда памятно и чтимо въ средѣ истинно-русскихъ людей. Будетъ, безъ сомнѣнія, тоже памятно и почитаемо имя и ближайшаго его преемника Константина Петровича Кауфмана, внесшаго и въ эти дѣла, и въ новыя, имъ самимъ двинутыя (указъ 10 декабря и другія дѣла, ниже изложенныя), необыкновенное нравственное оживленіе и сердечную близость къ народу. Будетъ вспоминаться съ уваженіемъ и имя кіевскаго генералъ-губернатора генерала Безака, дѣйствовавшаго также въ рус-

скомъ духѣ и въ единогласіи съ вышеуказанными лицами.

Рядомъ со всею этою сильною, правительственною дѣятельностію развивалась въ единствѣ съ нею богатая, никогда въ новыя времена невиданная, общественная дѣятельность русскихъ людей и восточной и западной Россіи для блага народа этой послѣдней страны.

Упрочена, какъ постоянное учрежденіе, и стала работать виленская археографическая коммиссія.

Открытъ сѣверо-западный отдѣлъ географическаго общества.

Устроена по научнымъ началамъ виленская публичная библіотека и начато ученое описаніе древнѣйшихъ русскихъ сокровищъ ея.

Начато и быстро пошло развиваться драгоцѣнное по богатству матеріаловъ изданіе „Виленскаго Археографическаго сборника“.

Сдѣланы были даже необыкновенной важности научныя открытія,—найдено такъ называемое Туровское евангеліе, относимое многими къ XI в., и лѣтопись Авраамки, въ которой есть и западно-русская лѣтопись.

Начато упомянутое нами важное изданіе литографій и описаній вещественныхъ и рукописныхъ древнихъ памятниковъ западной Россіи.

Всѣ эти труды сосредоточивались и одушевлялись въ виленскомъ учебномъ округѣ, сначала при бывшемъ попечителѣ этого округа, князѣ П. А. Ширинскомъ-Шихматовѣ (до 1864 г.), а потомъ (1864—8 г.г.) при Иванѣ Петровичѣ Корниловѣ. Продолжались эти дѣла и особенно разработывался вопросъ о виленской академіи и велось живописное изданіе памятниковъ, при

преемникѣ И. П. Корнилова, Помпеѣ Николаевичѣ Батюшковѣ (1868—9 гг.), и до того времени занимавшемся дѣлами западной Россіи, именно, веденіемъ дѣла о постройкѣ и украшеніи храмовъ во всей западной Россіи и изданіемъ вѣроисповѣднаго атласа этой страны.

Многочисленныя заявленія и богатыя пожертвованія изъ восточной Россіи сопровождали тогда всякое доброе дѣло въ западной половинѣ ея, а въ этой послѣдней съ поразительною быстротою оживали и начинали дѣйствовать мѣстныя общественныя силы, въ особенности, оживали и начинали дѣйствовать остатки старыхъ братствъ, и въ нихъ, какъ и въ другихъ дѣлахъ, становились рядомъ, и восточно-русскіе, и западно-русскіе люди для посильнаго труда во имя человѣколюбія, православной вѣры и русской народности.

Во всей странѣ было такое сильное русское сознаніе, что поднялись сужденія, составлялись и даже и по частямъ осуществлялись предположенія ввести русскій языкъ въ латинское богослуженіе для русскихъ латинскаго закона и о замѣнѣ весьма неудобной латинской азбуки болѣе пригодною русской азбукой въ книжкахъ для литвиновъ западной Россіи. Даже въ средѣ жидовъ возникла и стала заявлять себя группа людей, искренно старавшихся освободить массу простыхъ, бѣдныхъ жидовъ отъ талмуда и кагала и роднить ихъ съ Россіей.

Само собою разумѣется, что такое сильное русское направленіе дѣлъ и развитіе русскаго сознанія не могло не повести, какъ всегда бывало и прежде, къ возстановленію православія въ народѣ латинскаго закона. Уніи уже не было тогда въ западной Россіи; но много было

такихъ людей изъ народа, которые попали въ латинство посредствомъ насилія при крѣпостномъ состояніи и посредствомъ разныхъ хитростей, и помнили еще свою жизнь въ русской вѣрѣ или жизнь въ ней своихъ отцевъ. Они возвращались въ православіе, а за ними пошли и многіе изъ давнихъ латинянъ, смущенные позорнымъ участіемъ въ мятежѣ многихъ изъ мѣстной латинской іерархіи и почувствовавшіе потребность быть единой вѣры съ величайшимъ своимъ благодѣтелемъ Царемъ-Освободителемъ и со всею Русью.

Русское сознаніе, вызванное и оживленное въ западной Россіи такими крупными, историческими явленіями, проникло и заговорило на дальнихъ западныхъ окраинахъ русскихъ поселеній, — въ холмской области, среди малороссовъ и бѣлоруссовъ этой страны, по недоразумѣнію оставшейся въ составѣ привислянскихъ губерній. Лучшіе мѣстны русскіе холмской области поняли, что они вовсе не поляки и что имъ необходимо спасать ихъ русскую вѣру отъ послѣдняго разложенія и превращенія въ латинство. Русскіе государственные люди необыкновенныхъ дарованій и необыкновеннаго русскаго развитія, — Н. А. Милютинъ и князь Черкасскій, управлявшіе тогда дѣлами Польши, сразу поняли и поддержали это направленіе. На помощь имъ пришли многіе ратоборцы за Русь изъ Галиціи,— этой вѣрнѣйшей русской станицы на русскомъ юго-западѣ. Холмская унія быстро стала возстановлять въ себѣ остатки православія, и въ 1875 г. послѣдовало возсоединеніе съ православною церковью послѣднихъ уніатовъ въ предѣлахъ русскаго государства,—холмскихъ уніатовъ.

Человѣческое непостоянство и человѣческія страсти часто и много путали, искажали, извращали всѣ указанныя нами дѣла и направленія, и создавали много страданій неповиннымъ людямъ, иногда даже превращали ихъ въ друзей поляковъ и во враговъ Россіи. Раздѣлялись и враждовали часто между собою и русскіе люди разныхъ мѣстъ и направленій. Но надъ всѣми этими проявленіями человѣческаго непостоянства и человѣческихъ страстей стоитъ и возносится выше и выше историческая правда западной Россіи, а она заключается въ томъ, что это—страна русская въ самыхъ корняхъ своихъ, и корняхъ здоровыхъ, которые не могутъ не давать росту и красоты и своимъ старымъ стволамъ, и своимъ молодымъ вѣтвямъ. Теперь уже на пространствѣ всей западной Россіи стоятъ милліоны людей, которымъ понятны и отзываются въ сердцахъ и радости и скорби всей Россіи, а это такая основа русской исторической жизни, при которой русскимъ и литовскимъ людямъ этой страны можно добро смотрѣть на всякія превратности въ жизни человѣческихъ обществъ.

ПОЯСНЕНІЯ

КЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТѢ.

На всѣхъ этнографическихъ картахъ Россіи, какія мы знаемъ, заслоняется дѣйствительная громадность русскаго народа и его твердо сплоченное единство.

Мы русскіе съ поразительною тщательностію показываемъ на нашихъ этнографическихъ картахъ даже самыя малыя инородческія группы, въ дѣйствительной жизни не имѣющія народнаго значенія и охваченныя со всѣхъ сторонъ русскимъ населеніемъ. Это, безспорно, большая честь нашей научной добросовѣстности; но ненадобно при этомъ забывать, что эти инородческія группы внутри Россіи въ значительной степени искусственно пестрятъ русское этнографическое пространство и нерѣдко наводятъ на неправильныя мысли. Еще болѣе пестрятъ и даже прямо ведутъ къ совершенно ложнымъ заключеніямъ инородческія этнографическія группы по окраинамъ Россіи. Тутъ прежде всего техническія трудности часто заставляютъ покрывать одною краскою такія народности, которыя въ дѣйствительности не имѣютъ ни живаго общенія между собою, ни даже сознанія о своемъ родствѣ, какъ напримѣръ: ыряне и эсты, пермяки и корѣлы, а между тѣмъ глазъ

привыкаетъ къ единству краски этихъ народовъ и вызываетъ ложныя сужденія, особенно у учащихся. Этимъ, между прочимъ, путемъ непомѣрно польщены и вызваны на мечтательные выводы бѣдные природой и этнографической силой и до послѣднихъ временъ скромные,— наши финляндцы. Но, что еще важнѣе, во всѣхъ инородческихъ группахъ внутри Россіи и даже во всѣхъ важнѣйшихъ окраинахъ находятся русскіе люди, которые на картѣ всегда исчезаютъ, если не составляютъ цѣльной, выдѣлившейся группы.

На нашей картѣ мы старались избѣгнуть, насколько могли, всѣхъ такихъ неправильностей. Для нашихъ цѣлей мы постарались показать прежде всего русскій народъ въ его коренномъ единствѣ, поэтому все пространство его покрыто одною (розовою) краскою, что, впрочемъ, уже дѣлается и на другихъ картахъ. Малороссы и бѣлоруссы у насъ отличены отъ великороссовъ только штриховкою, которая своими особенностями показываетъ и различіе между бѣлоруссами и малоруссами. Но мы должны заявить, что только наши опасенія усложнить и замедлить изданіе карты заставили насъ употребить такую густую штриховку (готовую) для отличія малороссовъ и бѣлоруссовъ отъ великороссовъ. Правильнѣе было бы сдѣлать эту штриховку рѣже для малороссовъ и еще рѣже для бѣлоруссовъ.

Инородческія мѣстности кромѣ литовской, польской и отчасти жидовской, разсматриваемыхъ въ нашемъ сочиненіи и потому показанныхъ на картѣ *), мы оставили

---

*) Литовскія мѣстности означены оранжевою краскою; польскія — желтою; жидовскія — черными крапинками, которыхъ однако не нужно смѣшивать съ знаками болотъ.

пустыми, и вездѣ, гдѣ эти пустыя мѣста находятся внутри русскаго этнографическаго пространства или примыкаютъ къ плотной русской массѣ, мы покрыли эти пустыя мѣста штриховкою краски русскаго племени, не исключая балтійскихъ губерній и даже части Финляндіи. Подобная штриховка должна бы простираться и на Литву и на Польшу; но этому помѣшали опять наши опасенія усложнить и замедлить изданіе карты.

Историческія наблюденія привели насъ къ убѣжденію, что гдѣ между инородцами постоянно находятся русскія люди, хотя бы то и мѣняющіеся, какъ военные, чиновные и торговые русскіе люди, тамъ уже идетъ русская этнографическая работа, выражающаяся иногда въ самыхъ мелкихъ, но упорно живучихъ вещахъ. Только сѣверъ Россіи, большею частью пустынный, затѣмъ прикаспійскія, — киргизскія, калмыцкія и ногайскія степи, и наконецъ кавказское многонародіе мы оставили непокрытыми русскою этнографическою штриховкою.

Смѣемъ надѣяться, что на нашей картѣ русское этнографическое цѣлое и его, такъ сказать, рабочіе этнографическіе пути нѣсколько яснѣе, чѣмъ на другихъ картахъ.

Мы очень жалѣемъ, что не могли приложить этнографической карты всей Россіи, — и европейской и азіатской. Эта карта еще нагляднѣе могла бы показать и громадность русскаго народа и его поразительную способность заходить въ своей колонизаціи страшно далеко и не погибать. Карту эту, впрочемъ, можно видѣть въ новыхъ изданіяхъ учебнаго атласа г. Ильина, и мы совѣтовали бы всѣмъ русскимъ учителямъ исторіи и географіи показывать и объяснять

ученикамъ эту карту; а показывать и объяснять есть что, и можно даже глубоко задуматься. Мы здѣсь позволимъ себѣ войти въ нѣкоторыя новыя объясненія, нужныя, впрочемъ, и для цѣлей настоящаго труда.

Извѣстенъ Статистическій атласъ Россіи, изданный тоже г. Ильинымъ, (мы его указывали въ нашемъ изданіи). Тамъ есть въ числѣ другихъ три карты, научная и учебная, цѣнность которыхъ у насъ, кажется, не понята до сихъ поръ, а цѣнность эта очень велика и мы полагаемъ, что этимъ картамъ слѣдовало бы быть во всѣхъ учебныхъ атласахъ рядомъ съ этнографическою картою Россіи.

Извѣстно даже изъ самыхъ краткихъ учебниковъ по русской исторіи, что русскій народъ въ своей исторической жизни все двигался на сѣверо-востокъ. Этому движенію давали и теперь даютъ многочисленныя объясненія. Рѣчь ведется и о пониженіи цивилизаціи при этомъ движеніи, и о нашемъ призваніи цивилизовать Азію, и объ азіатствѣ насъ русскихъ, и т. далѣе и т. далѣе.

Въ Статистическомъ атласѣ г. Ильина есть карта, которая объясняетъ это дѣло и просто, и наглядно, и неотразимо, и совсѣмъ иначе. Это карта лѣсовъ и безлѣсья. При первомъ взглядѣ на эту карту съ запасомъ хотя бы то самыхъ элементарныхъ историческихъ познаній становится яснымъ, что граница лѣсовъ и безлѣсья, которая въ старину, понятно, была гораздо ниже, южнѣе, тоже идетъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку и совпадаетъ съ историческимъ движеніемъ русскаго народа по этому направленію. Отсюда прямое, неопровержимое заключеніе, что такъ могъ двигаться народъ,

съ древнѣйшихъ временъ осѣдлый, земледѣльческій или вообще, какъ говорятъ, культурный, который не могъ жить ни въ глухихъ лѣсахъ безъ пахатной земли, ни въ открытыхъ степяхъ безъ лѣсу. Отсюда далѣе и частныя поясненія, почему Новгородъ сперва тянулъ къ хлѣбному Кіеву, и затѣмъ къ сдѣлавшемуся тоже хлѣбнымъ Суздалю и наконецъ къ Москвѣ.

Но это еще слабое объясненіе культурности русскаго народа. Другая карта въ томъ же Статистическомъ атласѣ г. Ильина показываетъ это гораздо яснѣе и убѣдительнѣе. Это карта Россіи почвенная. На этой картѣ можно видѣть, между прочимъ, наши громадные черноземные бассейны, — днѣпровскій и приволжскій, — сливающіеся въ одинъ громадный бассейнъ, сѣверныя границы котораго подходятъ къ южнымъ границамъ лѣсовъ и тоже направляется отъ юго-запада къ сѣверовостоку. Очевидное дѣло, что русскій народъ, пробираясь по южнымъ окраинамъ лѣсной полосы, овладѣвалъ понемногу дальше и дальше прилегающими къ ней сѣверо-восточными окраинами чернозема, т. е. обнаруживалъ въ своемъ движеніи то же культурное свойство.

Наконецъ, въ атласѣ г. Ильина есть третья карта, которая съ поражающею ясностію показываетъ, что эта именно историческая цѣль или задача русскаго народа была дѣйствительно и достигнута въ настоящее время. На картѣ населенности, находящейся въ томъ же атласѣ, видно, что оба черноземные бассейны дѣйствительно заняты русскимъ народомъ и наполнены самымъ густымъ, сплошнымъ населеніемъ его.

Это же самое обстоятельство объясняетъ намъ и направленіе самой сильной русской колонизаціи въ Азіи.

Извѣстно, что за Ураломъ черноземная полоса спускается на югъ и идетъ на большое пространство у южной границы Сибири. При взглядѣ на этнографическую карту Сибири, сейчасъ можно видѣть, что по этимъ именно мѣстамъ расположилось непрерывное и самое густое русское населеніе *).

При такихъ, несомнѣнныхъ явленіяхъ этнографической жизни русскаго народа, освѣщаются совсѣмъ инымъ свѣтомъ и вопросъ о культурности русскаго народа, и многія историческія направленія и дѣла.

Не лишено интереса и наблюденіе, уже прямо относящееся къ нашему предмету, именно наблюденіе надъ распространеніемъ малороссійскаго племени. Даже на нашей картѣ столь малаго размѣра можно видѣть, какъ сильно подвинулось по черноземной полосѣ малороссійское племя. Оно пробралось уже въ волжскій черноземный бассейнъ,

*) Если бы понадобилось наше мнѣніе по дѣлу о русскихъ картахъ и атласахъ, особенно обращающихся въ учебной средѣ, то мы бы посовѣтовали русскимъ учителямъ съ великою осторожностію обращаться къ иностраннымъ изданіямъ этихъ картъ и атласовъ, а почаще вѣдаться съ русскими картографами и дѣлать имъ указанія, запросы. Никакія техническія совершенства иноземныхъ изданій этого рода, которыя, впрочемъ, теперь уже не составляютъ новинки для русскихъ картографовъ, не могутъ окупить той путаницы въ русскихъ молодыхъ головахъ, какую нерѣдко производятъ ложныя мысли, вольно или невольно проводимыя въ этихъ изданіяхъ. Даже нѣкоторые наши русскіе инородцы—картографы, повидимому, совсѣмъ обрусѣвшіе, дѣлаютъ иногда и пускаютъ въ ходъ дикія вещи. Слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, мы имѣли случай показывать въ Географическомъ Обществѣ, сколько странностей, очевидно, пристрастныхъ, надѣлалъ въ своемъ атласѣ западной Россіи г. Эркертъ. Щадимъ другія имена.

выдвигаетъ далѣе и далѣе на сѣверо-востокъ свои колоніи и извѣстно, что эти колоніи раскидываются и за Уралъ, въ южную Сибирь.

Мы не станемъ вдаваться въ гаданія, что будетъ черезъ два, три столѣтія, но обратимъ вниманіе на одно, дѣйствительное, несомнѣнное явленіе. Извѣстно, что въ историческомъ движеніи на востокъ малороссійскаго племени въ среднія и новыя времена спутниками его всегда были жиды и что малороссы очень не любили этого спутничества и отбивались отъ него. Это одно можетъ многое объяснить и въ современныхъ, печальныхъ отношеніяхъ между малороссами и жидами. Считаетъ не излишнимъ высказать еще одно историческое наблюденіе. Чѣмъ больше малороссы разселяются на востокъ, тѣмъ безнадежнѣе будутъ оказываться польскія мечтанія касательно будущей Польши отъ моря до моря, — безнадежнѣе потому, что малороссы всегда очень дорожили единствомъ малороссійской земли, и на малороссійскую бѣду на самомъ крайнемъ русскомъ западѣ способны откликнуться и кинуться, даже прежде другихъ русскихъ, самые отдаленные, сѣверо-восточные малороссы.

Въ Бѣлоруссіи можно усматривать совсѣмъ иныя, противоположныя явленія. Не бѣлорусское племя распространяется на востокъ, а съ востока вливается въ него болѣе и болѣе великорусскій элементъ. Великорусское вліяніе, если можно такъ выразиться, обозначилось въ Бѣлоруссіи даже въ такомъ неожиданномъ явленіи, что здѣсь нашелъ себѣ распространеніе расколъ, и есть уже около десяти тысячъ бѣлоруссовъ старообрядцевъ, чего старообрядцы никогда не могли достигнуть въ старыя

времена и не могутъ до сихъ поръ добиться въ западной Малороссіи или Украйнѣ.

Этнографическое движеніе въ Бѣлоруссію великорусскаго элемента, въ другихъ областяхъ жизни, можетъ быть весьма полезнымъ для этой страны, если, конечно, всегда и вездѣ будетъ объединяться съ мѣстнымъ элементомъ. Къ сожалѣнію, послѣднее не всегда бываетъ, и это тѣмъ печальнѣе, что на встрѣчу великорусскому движенію идетъ другая, совсѣмъ чужая кололизація,— нѣмецкая, которая направляется и въ Малороссію, и уже въ обѣихъ странахъ сопровождается тоже совершенно новымъ и крайне вреднымъ явленіемъ, — такъ называемымъ штундизмомъ, возможнымъ только при сильной розни русскихъ элементовъ жизни. Поэтому всѣ русскіе люди, и великоруссы, и малороссы, и бѣлоруссы, дорожащіе силою и цѣльностію своей русской народности, должны бы за одно, со всѣмъ усердіемъ, конечно, нравственнымъ, тушить эту новую, народную свою бѣду, послѣдствія которой могутъ быть для всѣхъ весьма печальными.

отъ Пулкова
ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА
РУССКАГО НАРОДА
ВЪ
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ
И
АВСТРІИ
СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ ПЛЕМЕННЫХЪ ЕГО ПОДРАЗДѢЛЕНІЙ НА ВЕЛИКОРОССОВЪ, МАЛОРОССОВЪ И БѢЛОРУССОВЪ, А ТАКЖЕ СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ МѢСТОЖИТЕЛЬСТВА ЛИТОВСКАГО НАРОДА ВЪ РОССІИ И ПРУССІИ И ПОЛЬСКАГО НАРОДА ВЪ РОССІИ, ПРУССІИ И АВСТРІИ
Бѣлое Море
ЭСТЫ
ЛИТОВЦЫ
ЧЕРЕМИСЫ
ТАТАРЫ
ЧУВАШИ
ВОТЯКИ
МОСКВА
КИРГИЗЫ
КАЛМЫКИ
НОГАЙЦЫ
ГАЛИЦКІЕ РУССКІЕ
Черное Море
Азовское Море
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
Картогр. зав. А. Ильина

